

Литературно-художественный альманах

ББК 84(2Рос = Рус)6 – 44

М 50

18+

Подписано к печати 30.04.2018.
Формат бумаги 60x84 /8.
Печать оперативная. Усл. печ. л. 16,5.
Тираж 300 экз.
Издательство «Акцент»
644043, г. Омск, ул. Лермонтова, 8.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР А.В. Козырев

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
А.Ю. Сергеева

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Н.В. Елизарова
И.И. Хохлов
А.Г. Свириденко
Д.П. Соснов
И.Н. Сенин

КОРРЕКТОР А.Ю. Сергеева

© **Менестрель: литературно-художественный альманах, № 9, 2018**

© **Козырев Андрей, главный редактор, 2018**

СОДЕРЖАНИЕ

поэзия и проза

Антон Школьников.....4	Сергей Прокопьев.....51
Зима и печь	Лучше водки хуже нет
<i>Стихотворения</i>	<i>Рассказ</i>
Виктор Куллэ.....5	Анастасия Сергеева.....56
Эхо молчания	Лёгкие строки
<i>Стихотворения</i>	<i>Стихотворения</i>
Геннадий Прашкевич.....6	Фёдор Ошевнев.....57
Азбука вины	Впервые на посту
<i>Из сожжённой книги</i>	У каждого своё
Виктор Коврижных.....34	<i>Рассказы</i>
Предзимье	Ингвар Донсков.....67
<i>Стихотворения</i>	Оборона рая
Дмитрий Мурзин.....35	<i>Стихотворения</i>
Скоро сказочка скажется	Игорь Сенин.....68
<i>Стихотворения</i>	Живёт в душе романс
Светлана Казакова-Саблина.....36	<i>Стихотворения</i>
Что на роду написано	
<i>Рассказ</i>	
Станислав Минаков.....43	
Сквозь муку несоединенья	
<i>Стихотворения</i>	
Яна-Мария Курмангалина.....44	
Межсезонье	
<i>Стихотворения</i>	
Андрей Коровин.....45	
Литпроцесс	
<i>Стихотворения</i>	
Лев Григорян.....46	
Атлант из научного института	
<i>Рассказ</i>	
Сергей Носов.....48	
Однажды ночью	
<i>Стихотворения</i>	
Василина Орлова.....49	
Самобормочущая машинка	
<i>Стихотворения</i>	
Ефим Гаммер.....50	
Освобождение	
<i>Поэма</i>	

поэтическая дуэль

«Это какая улица?» (Осип Манделъштам – Дмитрий Румянцев).....69
«Наш Арго!» (Андрей Белый – Иван Денисенко).....69
«Холодный гранит» (Иннокентий Анненский – Дмитрий Мельников).....70
«Гнев» (Сергей Есенин – Бабка Лидка).....70

антология анонимной поэзии

ОПА (Общество поэтов-анонимов).....71
Иван Таран.....74
Вольные мысли
<i>Сложносокращённая рецензия</i>
Дмитрий Соснов.....76
Живое о живом
<i>Рецензия-экспромт</i>

«Год гранёного стакана»

(тематическая антология)

Антон Школьников.....	78
Дмитрий Соснов	78
Владимир Цыганков.....	78
Игорь Федоровский.....	78
Иван Таран.....	78
Екатерина Новикова.....	78

«Раздвигая пространство»

(антология одного стихотворения)

Марина Безденежных.....	79
Татьяна Кошкина.....	79
Екатерина Артман.....	79
Владимир Цыганков.....	79
Валентина Тяттэ.....	79
Ирина Горелова.....	79

критика и публицистика

Константин Кедров-Челищев.....	80

Проект Велимира

Из литературного дневника

Вячеслав Корнев.....	84

Ложь реальности и правда фантазии

(Марк Захаров)

Статья

Ирина Фещенко-Скворцова.....	92

Фальшивый гетероним Фернандо Пессоа

Статья

Анастасия Сергеева.....	100

Безымянная ли частота?

Рецензия на книгу Ивана Денисенко «Безымянная частота»

юбилей

Михаил Копелиович.....	104

Борис Чичибабин в контексте нашего времени

Эссе

Борис Чичибабин.....	106

Между печалью и ничем

Стихотворения

драматургия

Владимир Лидский.....	109

Чёрненькие

Мелодрама в двух действиях

Ярослава Пулинович.....	124

Саламандры

Пьеса в двух действиях

художественный перевод

Константинас Кавафис.....	148

Услышав о любви

Стихотворения

(перевод с новогреческого Владимира Некляева)

Хроника культурной жизни Омска.

Ноябрь 2017 – май 2018 гг.....	149

Сведения об авторах.....	160

ЗИМА И ПЕЧЬ

Стихотворения

Ящик

Ящик почтовый помер, в ящике снег не тает.
«Правды» намокший номер
ветер уж год листает...

Письма не ходят в ящик...
Вдруг прострелило мыслью:
Ящик – ненастоящий, он пожирает письма!

Может, он съел десятки,
может быть, даже тысячи!
Вмиг, поражён догадкой,
к ящику с ломом выскочил.

Ящик с прогнившим рылом
щерился нагло прорезью,
Чтоб неповадно было –
ломом ему в коррозию!

Матом до поздней ночи я поучал утробу:
Ящик быть должен почтой,
ты опустел до гроба!

Ящик шипел и дулся,
трескался, но не плакал.
Вдруг зачихал, прогнулся
и плюнул конвертом на пол!..

Прорвав на конверте марку,
болью торчала колкой
Строчка от ручки маркой:
«Прости, что молчала долго»...

...Значит, в нелепой шутке
не был виновен ящик,
Но от побоев жутких
ящик скончался спящим.

Улица непогодит,
дышит на ящик дымом...
Письма в него не ходят,
письма проходят мимо.

* * *

Знаешь, нет ничего, что могло бы тебе мешать,
Кроме моей равнодушной лени.
Плавится грунт, когда в небо взмывает шаттл.
Тают снега, когда в стены уходят тени.

Нет ничего, что могло бы мешать нам петь
До глубоких седин от самых от школьных парт...

Жизнь – только слово,
есть лишь любовь и смерть.
Для остального придумали Мастер Кард.

Зима и Печь

*Зачем мы строим большие печи?
Не лучше ли утеплять дома?
Петр Мамонов*

В лапе еловой, несжатым хлебе,
В листве гнилой,
И на земле – зима, и на небе,
И под землёй...

В стогах, сугробах, собачьем лае,
Кошачьих снах –
Зима. Не добрая и не злая,
Как есть. Зима.

Нет-нет, да снег отряхнёшь чекушкой
С сутулых плеч:
Зима – весь мир. Человек – избушка.
В избушке – печь.

Подёрнет ухом у печки кошка
На ставен трель –
С мороза кто-то глядит в окошко:
«Пусти, согрей...»

Зима. В сердцах, на висках-опушках –
Везде права...
«Согрею, что ж... Заходи в избушку.
Неси дрова».

Ветха избушка, но пахнет сеном,
Дрова трещат.
И, как-никак, через дыры в стенах
Уходит чад...

...С устатку кто, может, кто с охоты,
А кто – с утех...
Но если в душу стучится кто-то –
Пускайте всех.

Нагопчут – пусть! Надымят прилично,
И негде лечь...
Не стены греют.
И не наличник.
Топите печь.

ЭХО МОЛЧАНИЯ

Стихотворения

* * *

«Если в этой пустыне нет путника, кроме меня...»

Геннадий Жуков

Говорил одному другой:
всё, что ты сочинял вдогон
тем, кто лучше нас и честней, —
недостойно этих теней.

Отвечал другому один:
я давно по жизни акын.
Выпускать стихотворный пар —
это функция, а не дар.

Так и ехали по степи,
успевая всё примечать.
И гадали, как поступить:
песнь запеть или промолчать.

Если отклика нет — зачем
возражать безмолвью небес?
Эхо от молчанья звончей,
чем от легковесных словес.

Но когда придёт тишина —
распадётся мир по слогам.
Снова станет природа слышна:
насекомые, птичий гам,

посвист суслика, шорох змеи,
блеяние заблудшей овцы...
Все они на земле свои,
только мы одни — пришлецы.

Мы превысили свой лимит
и утратили благодать.
Чтобы стать обратно людьми
и хоть как-нибудь оправдать

то, что мы коптим небосвод, —
нужно эхом вторить тому,
что над мёртвым зеркалом вод
прозвучало, рассеяв тьму.

Позабыть про пах и живот —
и тогда душа оживёт.

* * *

Гене Жукову

Стихотворец впадает в угрюмство
и — когда ему Лета по грудь —
он сбегает в условный Урюпинск,
как подлодка ложится на грунт,

и тихонечко пьёт. Перед этим,
по возможности, жизнь разорив.
Пункт конечный, куда мы приедем,
если честно, промыт изнутри

хирургическим синим мерцаньем.
В высшем смысле — порядок вещей
обнажён, как в музычке Моцарта:
смысла нет. И — не будет. Вообще.

Череповец

«Любовь — это поезд Свердловск–
Ленинград и назад...»

А.Б.

Заводы, дым,
портвейна молоко.
Быть молодым
опасно, но легко.

Вот здесь бы мне
от поезда отстать.
Спустиась к Шексне,
ушедших сосчитать.

Да молодой кураж
с годами горек.
Череповец. СашБаш.
Ну, здравствуй, Йорик!

* * *

О, сколько их удрало в эту бездну —
пахать не за рубли.
Но я отсюда точно не исчезну.
Мне жаль родной земли.

Борцам с режимом, умникам, эстетам —
судить нас свысока.
Но я уже не внемлю их советам:
в них — внятный вкусовка.

Изгнанники в простреленной шинели,
творцы бессмертных строк
Россию в сердце увезти сумели.
А вы в себе — совок.

Так полюбили наступать на грабли,
косить под дурачка,
не утрудившись выдавить ни капли
совка.

Похабны перед совестью прогибы.
Неловко от острог.
Послушайте, когда страна погибнет —
язык
умрёт.

Тогда неважно: бунтари, рабы ли,
поэты иль вралу.
Одно в остатке: Родину любили,
но — не спа-сли.

АЗБУКА ВИНЫ

(из сгоревшей книги)

Почему – из сгоревшей.

Два года назад книга под таким названием должна была выйти в Луганске в издательстве «Шико». До этого там вышли – книга моих повестей «Нет плохих вестей из «Сиккима», и весёлое сочинение А. Етоева и В. Ларионова (оба – Санкт-Петербург) «Книга о Прашкевиче». На Украине меня охотно печатали – и на русском, и в переводах на украинский. Так бы и жить. Но пришла война. Типография, в которой находился тираж «Азбуки вины» (я вычитал и корректуру, и верстку) была уничтожена пожаром, возникшим после очередного украинского обстрела. А затем и ранее изданные мои книги были запрещены на Украине.

Но я человек опытный и терпеливый.

Многое видел, многое испытал.

Надеюсь, переживу и это.

Новосибирск, 2017.

А

АВТОГРАФ

В году семьдесят девятом (понятно, прошлого века) в Западно-Сибирском книжном издательстве решили переиздать роман «Поднятая целина» М.А. Шолохова. Юлий Моисеевич Мостков – редактор, страстный коллекционер писательских автографов, отправил автору письмо: «Уважаемый Михаил Александрович! Согласны ли Вы на переиздание Вашего романа?». Прекрасно знал, что автографом классика теперь обеспечен. Приготовился ждать терпеливо, но буквально через пару недель пришёл ответ. Юлий Моисеевич вскрыл конверт и застыл изумлённо: в тексте его собственного письма красным карандашом было подчёркнуто слово – согласен.

АСТАФЬЕВ

В писательской поездке на теплоходе по Оби в сентябре 1972 года отяжелевший, смахивая с невидящего глаза (память войны)

слезинку, Виктор Петрович часами вёл за столом свои потрясающие монологи.

...вот все кричат, прямо в крик идут: «Ох, ах, берегите природу!» А почему-то никто не кричит: «Караул! Караул! Вон какие выросли дети в наших малосортных квартирах!». А это ведь наши дети губят природу. Подросли и губят. Я не тогда почувствовал ужас, когда увидел на берегу осетров сдохших, а тогда почувствовал этот ужас, когда увидел дохлых ершей. Ерши обычно всё переживают, но, если уж и они сдохли, – дрянь дело. К тому же наши советские браконьеры – они ведь везде проникают, и такие они талантливые, что могут уничтожать вообще всё живое, даже не касаясь его. Вот стали мы активно кедр оберегать, не стали его валить, а просто вырубали всё вокруг. Кедр сам и попадал...

...в Колпашево, все видели, на селекционной станции выращивают картошку. Просто картошку. Надо памятник поставить тем людям, которые привезли к нам в Россию картошку, потому что сейчас она – главная наша опора. Вот пишу сейчас «Оду русскому огороду» и сам картошку выращиваю, потому что рос не в городе, а в деревне на Енисее. Отец после бани выпивал, и всегда ему хотелось много шума наделать. Врывался в дом с большим шумом, ладно мать успевала вынести посуду. Так и жили. А нынче какая жара, цвет сыплется с картошки. Хорошо хоть, что это такая культура, что от цвета своего никак не зависит...

...на фронте героизм и трусость неразделимы. Сегодня навалишь в штаны, а завтра, что называется, подвиг совершишь. На Днепре дожди шли, окопы оплыли, кухни не подходят, жрать всё время хотелось. Дохлую рыбу выбросит взрывом, мы её выбирали из груды трупов. А тут ещё вторые сутки визжит на нейтральной полосе поросёнок, совсем достал. Вот ведь нашёл место дурак – пастись между двух армий. Ночью наши минёры проделали проход в колючке, бросили

на спичках, и один солдатик пополз за добычей. Скоро нашёл пустой домик, крышу с него снесло, упавшим бревном придавило дурного поросёнка. Солдатик автомат положил у ног, в лунном свете кишки поросёныча выбирает. И вдруг чужой сапог на автомате. «Гут, гут, Иван!». Что тут сделаешь? Выбирает солдатик кишки, даже перестрелка затихла, две армии прислушиваются, чья возьмёт? «Гут, гут, Иван!». Поросёнок небольшой, но не бесконечный, – выбрал, наконец, солдатик все кишки. Немцы мясо забрали, и автомат его забрали. А что такое потеря оружия на фронте? Трибунал! Правда, немцы в тот раз порядочными оказались, пожалели солдатика, не генерал же приполз на нейтралку за поросёнком. А может, сами – из бывших спартаковцев. Вынули диск и солдатiku автомат вернули...

...пишу роман. «Болят наши раны». Это восемь дней на днепровском плацдарме. Там меня контузило. Ходил по трупам, все мы там по трупам ходили. Я лет десять потом равнодушен был к покойникам, только позже немножечко отошёл. Прятались по оврагам, а однажды я, дурак, по гребню побежал, решил не мочить ног. Да и не верил, что немецкие самолёты или миномётчики охотятся за одиночками. Когда справа и слева рвануло – ещё не верил, но когда впереди, то понял – вилка. Рванулся, и всё! Вспышка. Привет. Видите, весь кривой. Повезло: наши ребята случайно развернули стереотрубу – нет ли там чего поживиться, и меня увидели меня. Вынесли. Не могли не вынести. Я до того троих вынес – татарина и двух русских. До сих они пор приезжают в гости и на встречи зовут. Но я не хожу на такие встречи. Ветераны наши, пусть и небольшой, но всегда хотят войны, а я счастлив тем, что остался жив...

Впервые Виктор Петрович Астафьев официально поехал за границу именно в Германию – в ГДР по приглашению Евангелической академии. До этого и мыслей таких не было. И сейчас попытался отказаться. «Я контужен на днепровском плацдарме, зачем же поеду к немцам? У меня вон ключица выбита, и глаз не видит. Я спущусь там у них в ресторанчик шнапсу выпить, а за столиком – немец. Может, и у него глаз косит, ключица выбита, как у меня. Да ещё, не дай Бог, на Днепре».

Но Виктора Петровича уговорили, а руководителем писательской группы назначили популярного тогда советского писателя Василия

АрдаMATского. («Сатурн почти не виден» и прочее). Как только поезд пересёк государственную границу и миновал серые подворья Бялой Подляски, популярный писатель превратился в классика. «Витька, за водкой!». В итоге в Берлине АрдаMATского и Астафьева поселили в разных отелях. С горя Виктор Петрович спустился в бар, заказал там стаканчик шнапса, сделал глоток, поднял глаза и замер. Перед ним сидел немец. Один глаз косил, ключица выбита, может, и на Днепре. И немец глянул на Астафьева – как в случайное зеркало. И видно было, что отражение ему не понравилось. Чтобы отвлечься, потянулся вилкой к последней оставшейся в его тарелке горошине, подцепил и понёс ко рту. Только поторопился он, замасленная горошина сорвалась с вилки. Немец снова её подцепил, понёс ко рту и во второй раз её не удержал. Это почему-то успокоило Виктора Петровича. Вот били мы вас, и будем бить, несколько даже заносчиво подумал он, имея в виду не столько даже немцев, сколько некоторых классиков русской советской литературы. А немец понёс горошину ко рту, и снова её уронил.

И так несколько раз, чем сильно улучшил настроение Виктора Петровича.

Он выпил ещё один стаканчик отвратительного шнапса, и окончательно утвердился в той хорошей мысли, что вот били мы вас и бить будем! А немец между тем собрался, осторожно глотнул из своей рюмки и, настороженно косясь на Астафьева, взял в левую руку нож, аккуратно прижал им к вилке злосчастную горошину и съел.

Вот тут Виктор Петрович и уронил горестно голову на руки.

«Когда-нибудь они нас победят».

...первый секретарь – (Обкома, – Г.П.) – в Вологде дал мне квартиру. Писателю, сказал, нужна большая квартира. Свою, заметьте, мне отдал. Ну, а себе, чего ж, новую построил. Которую мне отдал, громадная – страсть. Жена Марья у меня маленькая, как увидела необозримую кухню, захохла. А я заперся в кабинете и работаю. Хорошо, наконец, удобно. А потом стал чувствовать, что вот что-то не так. И понял. Это, понял, неправильно, что я с Марьей в такой большой квартире живу, а никто ко мне не идёт. Наверное, боятся обкомовской квартиры. Пришлось обзванивать всех: «Ну, почему не идёте? Раньше-то шли в любое время!» Один брожу по хоромам. «Марья, – кричу. – Где ты?» – Она откуда-то отвечает: «Тут-ка!».

Пришлось переехать...

Б

БУДУЩЕЕ

Буданов Владимир Иванович.

Геохимик. Член-корреспондент

Таджикской Академии наук.

Впервые записавшись в городскую библиотеку (второй класс), получил от библиотекарши на выбор сразу две настоящие взрослые книжки. Одна – «Выливание сусликов», другая – «Путешествие натуралиста вокруг света на корабле Бигль». Вторая была толще, и в ней было много непонятных слов, поэтому будущий геохимик выбрал её. Получилось, что счастливо и навсегда выбрал своё будущее. Правда, потом почти до двадцати лет считал сусликов жидкими.

ВИКТОР КОЛУПАЕВ (фантаст)

«Я не знаю, каким образом Вселенная может выйти из сингулярного состояния. Скорее всего, эта проблема не просто физическая. Но предположим, что скорость фундаментального воздействия начинает уменьшаться и Вселенная выходит из сингулярного состояния. Это происходит не в шуме и грохоте Большого взрыва, а в тихом Сиянии и Славе».

В

КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВ

Осенью 1968 года я работал в поле на мысе Марии (Северный Сахалин).

Охотское море, обрывистые пустынные берега. Долгие дни, долгие маршруты. Тихая речка, в устье которой океан лениво валял по песку алые поплавки, расписанные хищными иероглифами, заросли черники. Время тянулось медленно, тем приятнее было думать о возвращении. Вот, думал я, с первыми затяжными дождями вернусь, а в Южно-Сахалинске как раз выйдет моя первая книга – книга стихов! И я буду дарить её своим друзьям, девушкам, коллегам, всем будет счастье.

Понятно, что, вернувшись с полевых работ, я отправился в издательство.

К моему удивлению, настроение там царило совсем не праздничное, а Толя Кириченко, редактор, и без того невесёлый человек, сказал, мрачно оглядываясь на закрытую дверь кабинета: «Понимаешь (мать твою), – он не умел говорить без таких вот вводных слов, – эта твоя книжка (мать твою) давно уже готова, осталось только (мать твою) подписать её в свет, но у цензора (мать твою) возникли какие-то вопросы». Он посмотрел на

меня серыми немигающими глазами и добавил: «Ты бы сам (мать твою) поговорил с цензором».

Конечно, Толя сказал это, не подумав.

До работы в книжном издательстве он лет десять ходил по морю на рыбацком сейнере – замом по политработе, свято верил в полиморсос, вот и запамятовал, наверное, что в СССР никакой цензуры не существовало, и цензоров не существовало. Просто работали во благо соблюдения важных государственных тайн некие молчаливые сотрудники Лито – невидимки, общаться с которыми имели право исключительно редакторы, но ни в коем случае не авторы. Что мне до того? Я был молод, верил в свою звезду и легко отыскал в Южно-Сахалинске нужное здание. Поднялся на нужный этаж, вошёл в нужный кабинет. Женщина за столом сидела – молодая, привлекательная, умные, всё понимающие глаза. А главное, как выяснилось, ей чрезвычайно – очень и очень – нравились мои стихи. Она так и сказала: «Давно не читала ничего такого свежего».

Словечко – *свежего* – несколько резнуло слух, но я обрадовался сказанному, даже удивился: как это наш Толя (мать твою) Кириченко не сумел договориться с такой умной, с такой понимающей женщиной?

«Но есть, есть некоторые мелочи, – пояснила Лилия Александровна, так звали мою визави. Она щурилась, улыбалась чуть-чуть виновато, будто втайне немного всё же стыдилась за меня, как бы подмигивала мне потаённо. – Вот тут, взгляните. В общем-то, чепуха, мелочь, дребность, как говорят болгары. Вы ведь знаете болгарский язык? – Непонятно было, гордится она моими знаниями или их осуждает. – Интересная получилась книжка, такие интересные стихи с таким историческим уклоном. Вы, наверное, зачитываетесь Замятиным? Нет? – удивилась она, и я тоже удивился: при чём тут Замятин? – Солженицыным, наверное, зачитываетесь. – В голосе её что-то пряталось. Будто она не знала, чем в то время чтение Солженицына грозило читателям. – Как? И Солженицына не читали? Ну, ну. – Она мне совсем не верила, её глаза подозрительно поблёскивали. – Скажете ещё, что и Оруэлла не читали? Тогда понятно. Читать надо больше. А то вот вкрался в вашу книжку недостойный стишок – тоже с историческим уклоном. «Путь на Бургас». Хорошее название, но что вы тут пишете? «Где Кормчая книга? Куда нам направить стопы?» – процитировала она, как бы затаённо, понимающе, подмигнув мне. – Между нами говоря, товарищ Прашкевич, программа построения социализма нами уже выработана. – Её глаза строго сверкнули. – «Сократу дан яд, и прикован к скале Прометей». Ну, что вы, в самом деле,

зачем так сразу? Все знают, что в мировой истории всякое бывало. «Болгары бегут. Их преследует Святослав». Почему же сразу – преследует? Это в братской-то стране. «Сквозь выжженный Пловдив дружины идут на Бургас. Хватайте овец! Выжигайте поля Сухиндола!». Как такое может быть? Что у вас за странные призывы? Вы же, товарищ Прашкевич, – она, наконец, определила правильную дистанцию между нами, – пишете о нашем (советском) князе Святославе. – Разумеется, она не произнесла вслух этого определения, но оно явственно угадывалось в её тоне. – Якобы в девятьсот шестьдесят восьмом году, ровно тысячу лет назад, наш (советский) князь Святослав застиг врасплох мирные (братские) болгарские города, выжиг Сухиндол и всё такое прочее, многих болгарок изнасиловал... – голос Лилии Александровны сладко и страшно дрогнул. – А где тому доказательства? Как такое могло произойти? Разве мог наш (советский) князь вести себя подобным образом в нашей солнечной (братской) стране?».

Мне чрезвычайно понравилась открытость Лилии Александровны.

«В работах известного советского болгароведа академика Н. С. Державина...»

Но она понимала. Она без всяких слов всё понимала. Она даже договорить не дала мне. «Представьте мне труды этого академика».

Я обрадовался и на другой день принёс умной бдительной сотруднице Лито второй том «Истории Болгарии» академика Н.С. Державина. То есть, в своей жизни мне, как автору, дважды удалось побывать в кабинете советского цензора.

Вот что было напечатано на странице тринадцатой.

«В конце весны или в начале лета 968 года Святослав Игоревич во главе 60-тысячной армии спустился в лодках вниз по Дунаю и двинулся по Чёрному морю в устье Дуная. Болгария была застигнута врасплох, выставленная ею против Святослава 30-тысячная армия была разбита русским князем и заперлась в Доростоле (теперь Силистра). Центром своих болгарских владений Святослав сделал город Преславец, т.е. Малый Преслав, расположенный на правом болгарском берегу Дуная. Чтобы спастись от непрошеного гостя, болгарское правительство вступило в переговоры с Византией, одновременно предложив печенегам напасть на Русь и тем самым заставить русских с их князем очистить Болгарию. Печенеги на это согласились и осадили Киев. Это заставило Святослава поспешить в Киев, но значительную часть своей армии он всё же оставил в Преславце. Впрочем, ликвидировав в Киеве угрожавшую ему со стороны печенегов опасность, в следующем 969 году Святослав вновь направился в свою болгарскую область».

Внимательно дочитав отмеченную мною страницу, Лилия Александровна долго молчала, рассматривала меня умными всё понимающими глазами. «Откуда же эта печаль, Диотима?». Я даже встревожился. Да снимем мы с вами, Лилия Александровна, думал я, снимем мы с вами этот вредоносный стишок, посвящённый нашему (советскому) князю Святославу, и пусть книга поскорее отправляется в типографию!

«В каком году издан том академика Державина?».

«В одна тысяча девятьсот сорок седьмом».

«А какое, миленький, сейчастысячелетье на дворе?» – Лилия Александровна, несомненно, хорошо знала русскую советскую поэзию.

«От рождества Христова – второе, – ответил я, стараясь быть понятым правильно. – А если уж совсем точно, – пояснил я, – то сейчас идёт одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмой год».

Наступило молчание.

Потом Лилия Александровна вздохнула.

Потом она вздохнула и произнесла слова, которые я помню до сих пор.

«Тысячу лет тому назад и даже в одна тысяча девятьсот сорок седьмом году наш (советский) князь Святослав мог делать в солнечной (братской) стране Болгарии всё, что ему заблагорассудится. – Тут она выдержала нужную паузу. – Но в одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году мы ему этого не позволим!».

И моя первая в жизни книга ушла под нож.

И долгое время после всей этой истории привкус чего-то неясного, невыразимого жил во мне. Чужие слова высвечивались иначе, незнакомые тексты казались *не понятыми правильно*. Как же это так? Почему я читал академика Державина совсем иначе, чем Лилия Александровна? Что за странная муть всклубилась в душе, почему временами начинало казаться, что, возможно, они правы – все эти редакторы, цензоры, бдительные рецензенты, чиновники, блюдущие нашу чистоту? Боже мой, оказывается, они лучше меня знали: зачем рыбы? зачем острова в океане? зачем мораль? зачем Репин и Фальк? зачем Пушкин и Хармс? Ведь они умели так доверительно, так понимающе намекать и заговорщически подмигивать.

Потом я понял главное: спасает природа.

Вот солнце ставит над водопадом крутую яркую радугу.

Вот камнепад вычерчивает в ночной тьме блистающие огненные дорожки.

Вот океан медлительно выкатывает на влажный песок языки пузырящейся пены, а волны вдали бегут мелкие, курдюные, как овечки. Вот валяется на отмели скелет сельдяной акулы, а там, один за другим, уходят

в неведомое будущее океана и неба голубые очертания мысов. Рощицы бамбуков сменяются рошицами берёз, с тяжёлых ветвей свисают пыльные бороды лишайников. Пылают плети лиан, кровавыми сердечками украшая стволы ими же задушенных деревьев. Гигантские лопухи, запах запустения, запах палой листвы. Мелькнёт на солнце в песке древний обсидиановый наконечник. И только океан, величественный океан вновь и вновь выкатывается из марева – посмотреть на мою тоску. Природа – всегда творец. Она создаёт всё, что угодно – уродливое и смешное, грозное и прекрасное. И пока она жива, живы поэты.

«Расцветают, горят на железном морозе несытые волчи, божьи глаза».

За одну эту строку, всего за неё одну Ивану Бунину можно простить многое.

Г

ГАЗЕТА «ШАНС»
(1992-1994 гг. «Разное»)

Комната в доме барачного типа (9 кв.м.), первый этаж, без электричества, без удобств, деревня Нижние Сапоги (лев. берег Оби) – меняю на благоустроенную трёхкомнатную в любом южном штате Америки.

Две особи противоположного пола, составляющие простую сельскую семью, готовы рассмотреть деловые предложения любого зоопарка мира экспонировать их как типичный биологический вид Гомо советикус на условиях: а) обеспечение питанием по разряду высших млекопитающих; б) предоставление одного выходного дня в неделю для повышения культурного уровня; в) по истечении срока контракта – выход на волю в том районе земного шара, в котором экспонировалась указанная пара.

Одинокая женщина с древнерусским характером, потомок известного рода алтайских пчеловодов, страстно мечтает о встрече с одиноким мужчиной, гордящимся такими же чертами характера.

Недавно узнал, что моего прадеда звали Фима. Имею ли я право подать документы на выезд из страны?

Мужчина шестидесяти лет, образование среднее, уверенный коммунист. Ищу свою истинную половину, которая всё выдержит и выдюжит, не продаст и не предаст, останется верной и сильной, а в последний роковой час печально закроет другу остекленные глаза, с благодарностью целуя в холодный лоб, и, рыдая, проводит туду,

откуда не возвращаются даже самые уверенные коммунисты.

Рассматривая рубль нового выпуска, обратил внимание на то, что слово «один» там написано, как бы на деревянном торце, даже как бы годовые кольца просматриваются. Означает ли это, что наш отечественный рубль официально признан деревянным?

Продам мужа за СКВ или отдам в аренду!

Телеграфистка, сорок пять, сто двенадцать, беспорядочная тяга к спиртному. Где ты, мой кукушонок?

Лучше всего праздничный вечер запомнится вашим гостям, если вы отправите их копчёными курами, купленными в магазине «Алай», Горького, 19.

Господин президент! Софию Ротару как делить будем?

Вся страна говорит о приватизации. Я тоже за, но с жёстким контролем, а то вот отнёс сапожнику-частнику старые туфли в починку, а он мало того, что тысячу за подошвы с меня содрал, так ещё запил на радостях. Теперь пришёл в себя, говорит: ни туфель моих у него нет, ни денег. Ну, не скотина? Я на всякий случай подпалил ему будку, чтобы наперёд знал, что в приватизации главное – честь и достоинство, а остальное мы в гробу видели при всех вождях и режимах!

Всем друзьям и джентльменам, помнящим ласковую путану Алису, гостиница «Сибирь», верхние номера: срочно нужна финансовая помощь в СКВ. Срок отдачи – полгода. Вы меня знаете!

Самый ужасный пример массового уничтожения живых существ – это всемирный потоп. А известно ли сегодня точное число жертв? Существуют ли специальные мемориалы, посвящённые данному событию? Осуждался ли прогрессивной мировой общественностью зачинщик потопов?

Нашедших шестого июля сего года дипломат из крокодиловой кожи в районе автобусной остановки Ягодная, просим дипломат вернуть и внутрь не заглядывать. Лучше позвонить по указанному нами телефону, чем потом всю жизнь прятаться в Бишкеке или в какой-нибудь другой Уганде.

Мы обучаем всю страну.

Д

ПОСЛЕДНИЕ ДАРВИНИСТЫ

В ясный солнечный день зимой 1952 года на станции Тайга (Кузбасс) на ледяном катке (залитом, кстати, нами самими) некто Паюза – средний из семи братьев Портновых, обитавших на нашей улице (Телеграфной), дал, наконец, понять всем катающимся на катке, за что он вскоре сядет. Старшие братья Паюзы отправлялись в исправительные лагеря регулярно, вот и ему пришла пора. И сядет он за меня, за глупого Гену Прашкевича, ведь это я единственный на катке рассмеялся, увидев, как Паюза споткнулся на своих прикрученных к валенкам «снегурках» и упал.

Резко упал.

Такое бывает.

Но засмеялся я один.

Ещё в детстве поразила меня красивая таблица-схема, вложенная в монографию Вильяма К. Грегори «Эволюция лица от рыбы до человека» (Биомедгиз, 1934).

Пустые злые глаза, страшная разверстая пасть, ничего умилительного, чистый ужас, почти машинный стандарт, – позже я не раз встречал акулье выражение на вполне, казалось бы, обычных лицах. Лукавая хитринка в чудесных, расширенных от волнения зрачках опоссума, – позже я не раз замечал её в глазах провинциальных, себе на уме, простушек, да поможет им Бог. Близорукие глаза долгопята с острова Борнео. Знаю, хорошо знаю писателя, который до сих пор смотрит на мир такими же близорукими глазами. Наконец, взрослый нахмуренный шимпанзе, надменно оттопыривающий узкие губы. Не самый близкий, но всё же родственник тем гамадрилам, что были расстреляны грузинским солдатом, заглянувшим в смутные времена в Сухумский заповедник. Хотелось бы мне увидеть этого небритого придурка, передёргивающего затвор. Он что, в самом деле считал сухумских гамадрилов террористами?

Я на всю жизнь запомнил таблицу Вильяма К. Грегори:

– девонская ископаемая акула,

– ганоидная рыба,

– эогиринус,

– сеймурия,

– триасовый иктидопсис,

– опоссум,

– лемур,

– шимпанзе,

– обезьяночеловек с острова Ява, и, наконец,

– римский атлет, триумфально завершающий эволюцию.

И всё это – одно лицо. И всё это – наше сегодняшнее лицо.

С огромным изумлением я видел, что между обезьяночеловеком с острова Ява и

пресловутым римским атлетом совершенно замечательно вписывается в таблицу бледное, вытянутое, как зеленоватый пупырчатый огурец, лицо среднего из семи братьев Портновых – Паюзы. Я забыл сейчас его имя, хотя длинное лицо с холодными глазами, никогда не меняющими выражения, с кустистыми, совершенно взрослыми бровями, мне не раз снилось. Вовка-косой, сутулый Севка, Мишка-придурок, Колька-на-тормозах, Герка, самый сопливый из семерых, наконец, ещё более сопливый Васька – всех отчетливо помню, всю большую тараканью семью Портновых, но имя Паюзы напрочь вылетело из памяти.

Мы росли на улицах своей железнодорожной станции; улица была нашим миром. Своя улица, подчеркну я. Та, на которой тебя побить могли только *свои*. Явись сюда чужаки, меня защищал бы даже Паюза.

Он был старше меня года на два (мне стукнуло одиннадцать).

Холодные глаза, кустистые брови, злые крепкие кулачки. В кармане потрёпанного полупальто всегда лежала заточка. Где-то в Сиблаге (кажется, под Тайшетом) самый старший Портнов – создатель Вовки-косого, сутулого Севки, Кольки-на-тормозах, Мишки-придурка, Герки, самого сопливого из семерых, ещё более сопливого Васьки и, понятно, Паюзы, о котором речь, отбывал свой срок – за убийство, а может, за грабёж, это, в общем, не важно. Гораздо важнее (для меня) было другое: зимой 1952 года все на нашем катке узнали, наконец, за что теперь сядет и средний Паюза.

Лет с семи, а, может, ещё раньше – с пяти, а, может, вообще с самой первой прочитанной мною книжки я жил двойной жизнью. Были книги – свои, и те, которые я выпрашивал у приятелей, ещё книги приносил отец, ремонтировавший городскую библиотеку. Кстати, среди книг, принесённых отцом, попадались иногда поистине удивительные. И все равно, и больше подталкивала меня к странной мысли, что между книжным (прекрасным) и самым обычным (реальным) мирами есть разница.

В самом деле. Героический человек штурман Альбанов погибал, пытаясь спасти своих безнадежно потерявшихся во льдах товарищей, герои «Плутонии» обходили изнутри земной шар, они знали, что даже в таком путешествии могут положиться друг на друга, а вот наш тайгинский конюх Рябцев, погуляв с друзьями, вышел на зимний двор в одном нижнем белье и никто его до самого утра не хватился. Я сам не раз пускал слезу над приключениями какого-нибудь маленького оборвыша, но, встретив такого же оборвыша на нашей улице, без раздумий пускал в ход кулаки.

Книги книгами, жизнь жизнью. Видимо, глаза пятнадцатилетнего капитана просто обязаны лучиться мужеством и умом, а вот в

холодные глаза Паюзы, глубоко спрятанные под кустистыми бровями, лучше не заглядывать. Капитан Гаттерас может обойти весь мир, а конюх Рябцев никогда не бывал дальше Анжерки. Любой сосед мог при случае обложить соседа матом, а в книгах я читал и такое: «Для большинства млекопитающих, птиц или пресмыкающихся не могло быть особенно важно, покрыты они волосами, перьями или чешуей». Представляете? Большинству млекопитающих, птиц или пресмыкающихся, живи они на нашей улице, было бы наплевать на чешую или перья. Непонятно. И Колька-на-тормозах, и Паюза, и даже Мишка-придурак не отказались бы от тёплых волосяных покровов или чешуи на руках: наши сто раз подшитые валенки и чиненые-перечиненные «москвички» плохо нас грели. Читая о всяких млекопитающих, я содрогался от восторга, представляя себя или Кольку-на-тормозах в густых, до самых колен, волосах.

Настоящие мужики!

Евстихеевы.

Одиннадцать лет. В любой подворотне тысячи тайн.

Иногда всего один жест, одно слово определяют твою судьбу.

Катясь на своих «снегурках», Паюза споткнулся, взмахнул руками и опрокинулся на спину. Конечно, ему было больно, очень больно, но вот его глаза, я это видел, ни на секунду не изменили своего выражения. Маленький злой старичок (таким он мне показался), прекрасно знающий, что ему написано на роду.

Паюза, и вдруг упал!

Вот я и рассмеялся.

И сразу на шумном катке, оглашаемом визгом и криками, сгустилась пронзительная, бьющая по ушам тишина. Все прошлые предсказания, все неясные слухи сбылись. Раньше все только предполагали, что Паюза вот-вот сядет, а теперь пришла ясность: наконец-то Паюза сядет – за меня. Никто не произнёс ни слова, но странным образом все в одно мгновение поняли, что я обречён, а сам я будто уже почувствовал в боку смертный холод заточки.

Но Паюза не торопился.

Он медленно поднялся со льда.

Он медленно сунул руку в карман, но вовсе за ножом или заточкой, просто рука замерзла. Потом присел, отмотал ремешки коньков и молча, по-взрослому сутулясь, пошёл домой.

И я пошёл домой.

Тоже молча и тоже сутулясь.

Меня никто не преследовал, думаю, меня даже жалели. Хотя, чего уж теперь жалеть, дело ясное. Ну, не сегодня, так завтра Паюза меня всё равно убьёт. А завтра не получится – придёт послезавтра.

Ясный день, сутробы, дым над кирпичными трубами.

Дома было пусто. Солнце не по-зимнему весело играло на лакированных стойках самодельной этажерки, но меня это не радовало. На столе лежала толстая большого формата книга, видимо принесённая отцом, но даже книга меня не обрадовала. Мажорный, хорошо знакомый голос из чёрного радиорепродуктора разносился на весь дом: «И раз... И два... Начали... Не снижайте темпа...». Боже мой, каждый день один и тот же голос. «И раз... И два...». Неужели Паюза правда убьёт меня? «И раз... И два... Не снижайте темпа...».

Да что, собственно, изменилось в мире?

Сейчас включаешь телевизор, а там не лучше; там по экрану прямо с утра шарашится баба с огнём. «Ох, Лех-Леха! Мне без тебя так плёхо!». И город за окном – дымный, долгий.

Боже мой, неужели это навсегда?

Прижавшись спиной к кирпичному обогревателю печи, всё ещё чувствуя на себе холодный чужой взгляд Паюзы, я тоскливо взвесил на руке толстую, принесённую отцом книгу. «Происхождение видов». А если уж точно, то – «Происхождение видов путём естественного отбора или сохранение избранных пород в борьбе за существование». 1935 год издания. Перевод академика К.А. Тимирязева, исправления и указатели академика Н.И. Вавилова, вводная статья академика Н.И. Бухарина. (Выходные данные я, конечно, внёс в текст сейчас). Толстая, добротная книга. С такой можно отсидеться до самой весны. Не могу я теперь выходить из дома, зарежет Паюза. Уже, наверно, отслеживают меня. Вот Колька-на-тормозах постучит в окно, идём, мол, на каток, что ему ответить? Теперь так и буду отвечать: не велено мне выходить на улицу, я вот «Происхождение видов» изучаю.

Вздохнув, я раскрыл книгу.

И увидел слова: «Моему уму присуща какая-то роковая особенность, побуждающая меня всегда сначала предъявлять моё положение или изложение в неверной или неловкой фразе...».

Точно сказано! Со мной всегда так!

Я рассмеюсь сначала, а потом уже думаю.

Такая роковая у меня эволюционная особенность.

Но следующая фраза оказалась для меня ещё интереснее.

«Не во власти человека изменить существенные условия жизни; он не может изменить климат страны; он не прибавляет никаких новых элементов к почве, но он может перенести животных или растения из одного климата в другой, с одной почвы на другую; он может дать им пищу, которой они не питались в своём естественном состоянии...»

Я был поражён. Как точно сказано. Не во власти человека изменить существенные условия жизни. Действительно. Как изменишь?

Правда, можно перенести самих животных или растения из одного климата в другой и даже дать им пищу, которой они не питались «в своём естественном состоянии». Мне даже захотелось увидеть автора такой точной и совершенной формулировки, и я вернулся к первым страницам «Происхождения видов». В такой добротной книге непременно должен быть портрет автора.

Но, увидев портрет, я почувствовал настоящее отчаяние.

Паюза! Постаревший, стоптавшийся, но Паюза! Не знаю уж, где он раздобыл такую хорошую шерстяную куртку, украл, наверное. Борода. Ну, это ерунда. При желании можно вырастить не только бороду. Ну, большая залысина, но у Паюзы и сейчас уже лоб как у быка, может и темя обрить, оставил для красоты только седину над висками. Вот только с кустистыми своими мохнатыми бровями Паюза ничего делать не стал, смотрел на меня из-под них мрачно.

Потрясённый, я прочёл под портретом: *Чарльз Дарвин*.

Что ж... Почти месяц я ходил в школу дальними снежными тропками, обходил все подозрительные фигуры, старался не отдаляться от дома и школы. Я жил мучительно и трудно. Дома изучал Дарвина, на улицах скрывался от Паюзы. Ни ничто не длится вечно. Однажды до меня дошёл слух: сел Паюза! На целых три года сел! Вот оно – мгновение! Я могу выйти на волю. Не во власти человека изменить существенные условия жизни или изменить климат, но он, оказывается, и правда может перенести животных или растения (и даже человека) из одного климата в другой, с одной почвы на другую. Пока я штудировал Дарвина, Паюза попал совсем в другую историю. И вот, как сказал бы Дарвин, он получает теперь пищу, которой, конечно, не питался в своём естественном состоянии...

Так что, я вышел на волю дарвинистом.

Через много-много лет я рассказал эту историю Кристи Тернеру, знаменитому американскому антропологу, моему другу. Он всю жизнь до этого считал себя последним истинным дарвинистом на свете, но со мной теперь таких стало два.

Надеюсь, мы всё-таки не последние.

ДУРИАН

В Малайзии, в жарком влажном Куала-Лумпуре, Миша Давиденко, опытный китаист, объездивший всю юго-восточную Азию, предложил мне и драматургу Сене Злотникову попробовать плод дуриана. Я-то пробовал, время ваше пришло. Запах у дуриана дерьмовый, предупредил он нас, щуря хитрые узкие умные глаза. Ну, скажем так, трудноватый запах. Но если победить его, сделать самый первый укус, о-о-о! – вас потом за уши никто не

оттащит от этого дуриана. Даже на Северном полюсе будете мечтать о дуриане!

Сильная речь. Мы решились.

Мы купили круглый, как брюква, плод дуриана.

Мы выбрали зелёную и милую лужайку в самом центре Куала-Лумпура.

Как настоящие белые люди мы возлегли на траве, и Сеня Злотников достал из кармана изящный позолоченный ножичек, с которым объехал чуть не полсвета. Вас теперь от дуриана за уши не оттащишь, сказал Миша, любовно оглядывая голый и страшный плод. Жаль, он, Миша Давиденко, старый китаист, столько за свою жизнь этих дурианов съел, что ему полезнее выпить баночку пива. Он только на минутку отойдёт во-о-он туда, выпьет баночку пива и вернётся, чтобы, значит, оттащить нас за уши от полюбившегося нам дуриана.

И Миша отошёл. Выпить пива.

Было жарко – в тени далеко за сорок.

Мы с Сеней переглянулись. Прикрикни на нас в тот момент кто-нибудь, даже не полицейский, не было бы нужды оттащить нас за уши от дуриана, мы бы сами от него побежали. Мы даже вспомнили официальное предупреждение, помещённое на видном месте у входа в отель: «Плоды дуриана не вносить!». Одно утешение: указанное предупреждение в запретном списке отеля шло только вторым, – после наркотиков. Правда, за внос наркотиков правительство Малайзии обещало смертную казнь.

«А что обещают за дуриан?».

Злотников мрачно пожал плечами.

Судя по тому, что дуриан идёт сразу после наркотиков... Ну, может, три пожизненных... Хотя климат тут не тот... Вряд ли в таком климате удастся отсидеть хотя бы одно пожизненное...

«Режь, – решил я. – Кусанем пару раз, и тогда пусть оттаскивают за уши».

Сеня сделал легкий разрез, почти незаметную легкую царапинку, нечто почти ненаблюдаемое, как марсианский канал, и на нас явственно и мощно пахнуло трупом. Во влажной тропической жаре этот страшный запах многократно усиливался. Обливаясь потом, оглядываясь, не спешат ли на полянку малайские полицейские оттащить нас за уши, мы торопливо зарыли плод (труп) дуриана в землю. Кстати, вместе с заслуженным позолоченным ножичком, о чём Сеня в те минуты нисколько не жалел. По крайней мере, когда в отеле, несколько отдышавшись, я предложил ему ещё раз посмотреть на знакомую лужайку, Сеня покачал головой: «Лучше пожизненное».

ДУЭЛЬ РАВНЫХ
(Борис Штерн. Письмо)

«Писатель виден по тексту. Сразу.

Пусть он будет самым последним из чукчей, пусть правильно или неправильно расставляет слова, пусть его вкус и мера подводят – главное, чтобы текст был живой. С живым человеком всегда можно договориться. А если не договориться, ну, хотя бы по причине крайней отдалённости вкусов и характеров, то – разойтись, продолжая уважать друг друга. Если писатели подерутся, в этом тоже своя прелесть. Вот, скажем, Толстой и Тургенев. Жаль, что дело между ними всё-таки не дошло до дуэли; единственный, кажется, в мировой истории был бы пример, как стрелялись два больших писателя. Пришлось бы потомкам по-настоящему разбираться! А то Пушкин и Дантес, Лермонтов и Мартынов. Тут и разбираться не надо, кто прав, кто виноват. Конечно, Пушкин с Лермонтовым правы. Потому что они были *писателями*, а Дантес и Мартынов – только членами СП. Так вот».

Е

ЕФРЕМОВ

В знаменитую Очёрскую палеонтологическую экспедицию я попал в 1957 году (опять в прошлом веке) по приглашению Ивана Антоновича Ефремова – учёного и писателя. «Мы выезжаем в поле 20 мая, – писал мне Анатолий Константинович Рождественский, занимавшийся делами экспедиции, – но поскольку ты будешь сдавать экзамены (в школе), то приедешь на место основной работы уже после экзаменов. Выедешь по следующему адресу: Пермская область, станция Верещагино. От Верещагино сядешь в автобус или автомашину (попутку) и проедешь до города Очёр. Из Очёра пройдёшь пешком 8 км до села Семёново и ещё дальше по этой же дороге до животноводческой фермы колхоза. В Семёнове или на ферме спросишь, где работает экспедиция, и найдёшь нас неподалеку от фермы, выше по ручью. Мы прибудем на указанное место только в середине июня, поэтому из какого-то пункта я pošлю тебе телеграмму о твоём выезде, чтобы ты не приехал на пустое место раньше нас. Терпеливо жди».

Я терпеливо ждал.

И выехал сразу по телеграмме.

И весь указанный путь проделал самостоятельно, появившись перед Чудиновым уже прямо на раскопках. Вороша рукой свои светлые волосы, Петр Константинович удивленно сказал: «Я думал, ты пришлешь нам телеграмму из Верещагино». Я посмотрел на него непонимающе: «Вы же писали, что я должен добратсья сам». Это ему понравилось.

Иван Антонович болел, к сожалению, приехать в Очёр в тот год не смог, но его присутствие чувствовалось. Каждую неделю почта приносила письма и бандероли. Елена

Дометьевна Конжукова, жена Ефремова и сама палеонтолог, была чрезвычайно щедра и книги, присланные ей, тут же попадали в наши руки: томик только что переизданного наконец Александра Грина, роман Чэда Оливера «Ветры времени», повести Хайнлайна и Гамильтона, «Кибернетика и общество» Норберта Винера, Джеймс Конрад – «Зеркало морей». Эти книги в немалой степени отражали вкус Ивана Антоновича.

Я был счастлив. Дни мои были заполнены работой.

Два мощных бульдозера снимали тонкий пласт породы.

В паре с кем-то я шёл за ревушим трясущимся чудовищем, и как только в серой породе выявлялось оранжевое пятно, отмечавшее возможную окаменелость, бульдозер останавливали. Вся научная группа (П.К. Чудинов, Е.Д. Конжукова, А.К. Рождественский, Николай Иорданский и будущий академик Леонид Петрович Татарин) сбегалась к находке. Определялась степень повреждения костей, в отвалах разыскивался каждый фрагмент. Находка окапывалась, обшивалась досками, получившийся прочный ящик переворачивался, заливался гипсом. Все эти монолиты мы отправляли в Москву. Кстати, именно на тех раскопках найдены были останки позднепермского дейноцефала («страшноголового»), позже названного в честь Ефремова – «Ивантозавром меченосным» (*Ivantosaurusensifer*).

Самого Ефремова я увидел уже в Москве – широкоплечий, грузный, чуть картавящий. В руках клетчатый платок – жарко. Поглядывает с некоторым удивлением. В виде поощрения я живу прямо в Палеонтологическом музее. Под гигантским скелетом диплодока брошен спальный мешок, сумеречно темнеют парейазавры, за стеклянной витриной – отполированный временем череп доисторического бизона с круглым (пулевым якобы) отверстием.

«Кто на него охотился? – улыбается. – А ты перечитай «Звездные корабли».

«Почему начал писать фантастику? – он задумывается. – Видимо не устраивала система доказательств, которой оперируют учёные». Тут же объяснил: у любого учёного, плох он или хорош, накапливаются со временем какие-то собственные замыслы и наблюдения. Практического применения они почти не находят, вот и получается: с одной стороны, всяческие, иногда очень остроумные гипотезы, с другой – невозможность поддержать эти гипотезы строго научными доказательствами».

Иван Антонович разворачивал клетчатый носовой платок.

«Тогда я начал писать фантастические рассказы. Они понравились читателям».

Август. Вечер. Большая Калужская. Я счастливо крутил головой, пытаясь заглянуть в открытые окна кафе «Паланга». Оттуда несло вкусными запахами. Там, внутри, красивые взрослые люди ели, пили, там крутился огромный волшебный вентилятор под самым потолком. Самое время, вздыхал я про себя, поговорить о чём-то особенном, о всяких тайнах науки, о фантастике, но Иван Антонович к моему безмерному удивлению почему-то предпочитал другие темы. Например, ни с того, ни с сего спросил, прочёл ли я «Анну Каренину», что там случилось в этой несчастной семье?

Я кивнул: а то! В школе проходили.

А если прочёл, спросил Ефремов, то чем там всё закончилось?

Совсем уж странно, подумал я. Интереснее же рассуждать о Джозефе Конраде, о ветрах времени, зеркалах морей, при чём тут про семью Карениных?

Но я ответил честно.

Нормально там всё закончилось.

Анна Аркадьевна бросилась под паровоз, старенький Каренин занялся вопросами образования, Фру-Фру сломала хребет, и всё такое и прочее.

Иван Антонович даже остановился. И я остановился, потому что ничего не понял.

О чём это он? Это я сейчас вспоминаю об Ефремове. Герои его романов летали к другим мирам, спорили с самим Пространством-Временем, устанавливали связь с обитателями самых отдалённых созвездий, а тут – Анна Аркадьевна... флигель-адъютант... лошадь...

Кому это нужно?

О будущем надо говорить.

«Девушка взмахнула рукой, и на указательном пальце её левой руки появился синий шарик. Из него ударил серебристый луч, ставший громадной указкой. Круглое светящееся пятнышко на конце луча отскакивало то на одной, то на другой звезде потолка. И тотчас изумрудная панель показывала неподвижное изображение, данное очень широким планом. Медленно перемещался указательный луч, и так же медленно возникали видения пустынных или населённых жизнью планет. С тягостной безотрадностью горели каменные или песчаные пространства под красными, голубыми, фиолетовыми, желтыми солнцами. (Читая это, я невольно вспоминал любимую свою книжку – «Астробиологию» профессора Г.А. Тихова). Иногда лучи странного свинцово-серого светила вызывали к жизни на своих планетах плоские купола и спирали, насыщенные электричеством и плававшие, подобно медузам, в густой оранжевой атмосфере или океане. В мире красного солнца росли невообразимой высоты деревья со скользкой чёрной корой, тянущие к небу, словно в отчаянии, миллиарды кривых ветвей.

Другие планеты были сплошь залиты тёмной водой. Громадные живые острова, то ли животные, то ли растительные, плавали повсюду, колыхая в спокойной глади бесчисленные мохнатые щупальца...».

Вот оно – истинное будущее.

А Каренина? Да проходили мы этот роман.

Иван Антонович даже остановился. И по его помрачневшим глазам я вдруг почувствовал, что нашей (пока ещё не сильно долгой дружбе) может наступить неожиданный конец. Похоже, я ответил ему неправильно.

«Вернётся домой, перечитай и напиши мне».

И я вернулся. И принёс книгу из библиотеки. И перечитал.

И в процессе медленного внимательного чтения (в школе мы так никогда не читали) вдруг каким-то неясным образом стало доходить до меня, что Лев Николаевич роман свой написал, видимо, не столько ради несчастной Анны Аркадьевны, сколько ради последней восьмой части, которую я прежде даже и не читал, принимая её за что-то совсем необязательное, ненужное.

«Уже стемнело, – тревожно вчитывался я, – и на юге, куда он (Левин) смотрел, не было туч. Тучи стояли с противной стороны. Оттуда вспыхивала молния, и слышался дальний гром. Левин прислушивался к равномерно падающим с лип в саду каплям и смотрел на треугольник звёзд и на проходящий в середине его Млечный Путь с его разветвлением. При каждой вспышке молнии не только Млечный Путь, но и яркие звёзды исчезали, но, как только потухала молния, опять, будто брошенные какой-то меткой рукой, появлялись в тех же местах...»

Я вдруг физически *увидел* это вспыхивающее и потухающее небо.

И это небо необыкновенно поразило меня. Как и помещика Левина, впрочем.

«Ну, что же смущает меня? – думал Левин (а с ним теперь думал и я). – Мне лично, моему сердцу открыто несомненное знание, непостижимое разумом, а я упорно хочу разумом и словами выразить его».

Знание, непостижимое разумом.

Эти слова меня по-настоящему раздавили.

Когда Кити, жена Левина, негромко спросила: «А, ты ещё не ушёл? Ты ничем не расстроен?» – при свете очередной молнии Левин только улыбнулся. «Она понимает. Она знает, о чём я думаю». Но в ту минуту, как Левин уже совсем было решил рассказать ей о своих размышлениях, о своих важных и внезапных прозрениях, она сама заговорила. «Сделай одолжение, поди в угловую и посмотри, как Сергею Ивановичу всё устроили. Поставили ли там новый умывальник?».

И Левин вышел, не сказав что-то важное.

И снова навалилось на него то, от чего он вроде бы оттолкнулся.

«Так же буду сердиться на Ивана кучера, так же буду спорить, некстати высказывать свои мысли, – подумал он. – Так же будет стоять стена между мной и другими, даже между мною и женой моей». Вечность и непонимание. Непонимание и вечность. «Всё же жизнь моя теперь, независимо от всего, что может случиться, не только более не бессмысленна, как прежде, но имеет несомненный смысл добра, который я властен вложить в неё!».

Сложно, не просто сказано.

Тёмная вечность, тёмное непонимание.

Я вчитывался, я упорно пытался пробиваться к сути.

Я сравнивал прочитанное с тем, как я тогда сам жил. Я вспоминал, как ведут себя наши соседи и совсем незнакомые люди. И когда, наконец, написал Ивану Антоновичу о том, что же всё-таки случилось в семье Карениных, он ответил мне без задержки, и мы с ним не просто дружили долго-долго, но сама наша переписка приобрела совсем новое измерение.

Ё

Ёптышев Николай.

Скотник из деревни Мошково.

Ж

ЖИВОТНЫЕ И ПТИЦЫ ДОМАШНИЕ

Покупаем на лотке бананы. Разговорчивая продавщица выпытывает у Стёпы (внук младший): «Ну, кошка там, или собака? Или кролики? Ну, может, попугай или черепаха? Есть же у тебя какие-нибудь домашние животные?».

Стёпа (сумрачно): «Дед только».

ИМЯ ДЛЯ ГЕРОЯ

Не самое легкое дело подобрать литературному герою запоминающееся имя.

Чаще всего для этого используют списки любимых футбольных команд, там фамилии перемешаны без всякого порядка, выбирай любую.

Но Сергей Александрович Друталъ (Свердловск), прекрасный фантаст, да ещё доктор технических наук, академик и генерал-майор, сам придумывал имена для своих героев. Я видел у него бумажные листки с набросками, от которых дух захватывало. Скажем, сеньор Околетто. Что к этому добавить? Или сеньор Домингин. Такому родную дочь можно доверить. Или Ферротего. Этот, конечно,

изобретатель. А Липа Жих? Такие женщины, как Липа Жих, нравятся крепким уверенным в себе мужчинам, если, конечно, Липа Жих женщина. Ещё Мехрецьки. Ну, тут всё понятно. Мехрецьки он и есть Мехрецьки, а Глодик и Зебер – его близкие приятели. Блевицкая и Шабуню – этих я бы и в дом не пустил, нечего им делать в моём доме. Но если говорить всерьёз, среди героев Сергея Александровича больше всего привлекала меня чудесная белокурая девушка, порождённая прихотливой фантазией академика. Добрая, любящая, немножко застенчивая, отзывчивая, конечно. Так и было записано на листке: «Разбойники вели тихую нелёгкую жизнь, а с ними девушка Дефлорелла».

РЕВИЗИОНИСТ

В 60-е, когда от Китая отшатнулись многие его прежние друзья, кому-то из руководящих китайских товарищей, может, министру иностранных дел Чэнь-бодэ, а может, самому генералу Линь Бяо пришла в голову превосходная мысль – пригласить в страну какого-нибудь известного зарубежного писателя и пусть этот известный зарубежный писатель напишет честные объективные очерки о великой культурной революции и вообще о положении дел в стране.

Почему-то выбор пал на моего друга – болгарского поэта Божидара Божилова.

В Пекине известного болгарского поэта поселили в гостинице «Шанхай». В бесчисленных её номерах, предназначенных только для иностранцев, жил тогда всего один иностранец – Божидар Божилов, приглашённый министром иностранных дел Чэнь-бодой или генералом Линь Бяо для написания честных объективных очерков о великой культурной революции и вообще о положении дел в стране.

Питался Божидар в чудовищно огромном и в столь же пустом ресторане.

Бар на горизонте был почти не виден. Когда появлялся китайский официант, Божидар отправлял его к бару за рюмкой китайской водки и тот послушно уходил в долгую и, наверное, опасную экспедицию. По крайней мере, наполненную рюмку не всегда приносил именно тот же официант. Прикончив рюмку, Божидар незамедлительно отправлял официанта обратно. Это повторялось много раз, но ни одному китайскому официанту в голову не пришло принести не рюмку, а сразу всю бутылку.

Из гостиницы Божидара не выпускали, никто его не навещал, читать китайские газеты и многочисленные дацзыбао он так и не научился, хотя скоро начал воспроизводить мотив всем известной песни «Алеет восток».

А дни уходили.

Даже недели уходили.

Однажды, утомлённый одиночеством, испытываемым им в одном из самых перенаселённых городов мира, Божидар разнервничался.

«Послушайте, – сказал он маленькому переводчику, днём и ночью, как тень, следовавшему за ним. – Я приехал в Китай написать честные объективные очерки о великой китайской культурной революции и вообще о положении дел в стране, но я никого не вижу, ни с кем не встречаюсь, даже не могу выйти из гостиницы, а окна в моём номере занавешены такими хитрыми шторами, что я не могу их открыть».

«Вы говорите, как ревизионист, – ответил переводчик, часто и укоризненно кивая чёрной головой, украшенной прямым китайским пробором. – Мы создали вам все условия, вам надо лишь сесть за стол и написать честные и объективные очерки о великой китайской культурной революции и вообще о положении дел в стране. Если вы готовы, мы сегодня же предложим вам черновик ваших будущих очерков».

«Какой черновик? Я не знаю, о чём писать! – возмутился Божидар. – Мне нужны встречи с живыми людьми. Есть в Пекине живые люди? Я требую встреч со своими коллегами китайскими писателями!».

«Вы говорите, как ревизионист, – негромко и опасно повторил переводчик, всё так же часто и укоризненно кивая, – но мы пойдём вам навстречу. Завтра вы получите полный черновик ваших будущих честных и объективных очерков о великой китайской культурной революции и вообще о положении дел в стране, и завтра же вы встретитесь с молодыми революционными писателями Китая, вышедшими из народа. Вы даже можете задать им любые вопросы, но лучше задать их сейчас мне, тогда писатели смогут правильно подготовиться. Мы даже провезём вас по улицам столицы, конечно, в сопровождении специальных людей».

«Зачем мне ваше сопровождение? Разве я член ЦК или американский шпион?» – неудачно пошутил Божидар.

Переводчик не ответил.

Он часто и укоризненно кивал.

На расстоянии метра всё вокруг него покрылось корочкой льда.

Тем не менее, на другой день трое крепких молчаливых мужчин в униформе привезли Божидара в закрытой машине к огромному каменному сумрачному зданию и по бесчисленным пустым коридорам провели в такой же огромный и сумрачный кабинет. Божидар хорошо знал, что каждый четвёртый человек на земном шаре – китаец, но тут его обuiaли некоторые сомнения: ведь он жил в Китае уже три недели и практически никого, кроме переводчика, официанта и этих вот сопровождающих, не видел. К счастью в

кабинете на длинной деревянной, покрытой искусным узором скамье, метрах в трех от стола, предназначенного для Божидара и переводчика, сидели семь молодых китайцев, поразительно похожих друг на друга. Сходство усугублялось синей униформой. Над головами молодых китайцев, висел величественный портрет Великого Кормчего.

«Вот перед вами молодые революционные писатели Китая, вышедшие из народа, – с особым значением объяснил переводчик Божидару Божилову. – Тот, который сидит слева, это наш будущий Горький, рядом с ним – наш будущий Чехов, а рядом с Чеховым – будущий Маяковский, а ещё дальше – будущий Фадеев, и будущий Серафимович...».

«Почему будущий?» – перебил Божидар.

«Потому что тот, который сидит слева, работает в булочной. А тот, который сидит рядом с ним – фельдшер. А другой – рисует революционные дацзыбао. А вон тот – руководит партийной ячейкой...».

«А где писатели, которых я когда-то читал? Где великие артисты, которых я когда-то видел на сцене? Где мой давний товарищ Лу Синь? Где мой друг товарищ Лао Шэ? Где товарищ Хэ Лу-тин?».

«Вы говорите, как ревизионист, – негромко, но твёрдо произнёс переводчик. – Лучше спросите наших молодых революционных писателей, какие идеи Великого Кормчего вдохновляют их творчество?».

Божидар внимательно взгляделся в молодые, абсолютно одинаковые, никаких чувств не выражающие лица, и спрашивать ничего не стал. В тот же день упрямого иностранца, позорно не справившегося с порученным ему важным делом, посадили в старенький самолет «Фарман» и по воздуху вывезли из Китая в близлежащий советский город Хабаровск.

Испуганный нелёгким перелётом в потрёпанной доисторической машине Божидар в Софию поехал поездом, желая ещё раз убедиться в том, что между Китаем и Болгарией лежат очень даже немалые советские территории. Он надеялся, что пока он едет домой, вся эта история забудется.

Но так ему лишь казалось.

Через неделю после возвращения Божидара в Софию, к нему домой явился человек в тёмных очках и в профессиональной шляпе.

Человек этот сухо осведомился: «Другарь Божилов?».

И не ожидая ответа, предложил: «Пройдёмте!»

На секунду Божидар испугался. Ни с того, ни с сего пришло ему в голову, что другарь Тодор Живков, тогдашний генсек болгарской Коммунистической партии, большой друг

Великого Кормчего, решил выдать его, как ревизиониста, молодым революционным китайским властям.

К счастью, дело обошлось всего лишь официальной нотой.

«Товарищ Божидар Божиллов, – зачитали поэту в посольстве официальную ноту, – был приглашён в Китай для написания честных и объективных очерков о великой китайской культурной революции и вообще о положении дел в стране.

К сожалению, товарищ Божидар Божиллов не оправдал возложенных на него надежд, он повёл себя в Китае как отъявленный ревизионист.

Учитывая это, китайские власти официально заявляют:

а) если товарищ Божидар Божиллов, ревизионист, когда-нибудь пожелает получить обычную гостевую визу в Китай, – в гостевой визе товарищу Божидару Божиллову, ревизионисту, отказать;

б) если товарищ Божидар Божиллов, ревизионист, когда-нибудь пожелает получить обычную транзитную визу через Китай, – в транзитной визе товарищу Божидару Божиллову, ревизионисту, отказать;

в) если товарищ Божидар Божиллов, ревизионист, когда-нибудь попросит в Китае политическое убежище, – в последнем ему, товарищу Божидару Божиллову, ревизионисту, отказать...».

З

ЗАГАДКА

Будучи в Абакане обратил внимание на памятник Ленину.

Как обычно, кепка и пиджачок помечены голубыми, брюки пыльные, правый башмак в солевых налётах, а вот левый всегда блестит, славно начищен. Несколько дней по два-три раза в день мы проезжали мимо этого памятника. И всегда левый башмак идеально начищен. Не выдержав, я спросил сопровождающую, а в чём тут дело? Неужели некий местный патриот успевает за ночь почистить только один левый, обращённый к площади башмак вождя, а второй не успевает до приезда полиции? Сопровождающая улыбнулась. Да ладно вам, какая полиция! Ходит по утрам по городу мочная машина с механическими щётками. А щётки, как вы понимаете, могут пройти только по тому башмаку, который обращён к площади...

БОЛЬШОЙ ДЕНЬ

Мой друг, молодой узбекский (советский, конечно) писатель Хаджиакбар Шайхов начинал свою литературную деятельность в газете. В данном случае, в

ташкентском отделении «Комсомольской правды».

Сразу скажу, там было не скучно.

Весенние приходят дни в твоих глазах сиять, колхозник,

Пахать на тракторе начни, соху пора бросать, колхозник, –

читал в пыльной редакции только что народившиеся поэтические строки молодой, чисто выбритый журналист Амандурды.

Живу на свете я давно – такая не пекла жара!

Как прадедовское вино, нас изнутри сожгла жара, –

вступал в импровизированный поэзоконцерт заслуженный деятель узбекской поэзии Азиз-ака, покрытый густыми глубокими морщинами, как доисторическая черепаха.

Слушая старших коллег, Хаджиакбар обдумывал свои собственные фантастические рассказы и пьесы. Он писал в духе раннего Брэдли, но более оптимистично. Например, узбекские фотонные корабли доставляли на далёкую планету Марс семена особо ценных сортов хлопчатника. Действительно, куда их ещё доставлять, если Аральское море почти полностью высохло, и пешком можно изучать печально обнажённое, выжженное солнцем дно когда-то полноводной Аму-Дарьи?

В один из привычно палящих и знойных дней Хаджиакбара вызвали в кабинет Главного редактора.

«У тебя ответственное задание, – взволнованно сообщил Хаджиакбару Главный. – Справишься ли?».

А почему нет? Ответственное задание – это, понятно, прежде всего, гонорар выше обычного. Конечно, он, Хаджиакбар, справится. С любым заданием справится. У него молодая жена, малый ребёнок, почти никаких побочных доходов – почему же он не справится?

Тогда Главный взволнованно произнёс: «Поедешь в район».

И, понизив голос, назвал имя крупного партийно-хозяйственного деятеля (мы его тут называть не будем), от которого у Хаджиакбара испуганно защемило сердце.

«Это большая честь, – громко и взволнованно объяснил Главный. – Это акт высокого доверия. Все наши видные журналисты улетели в Москву, освещают работу Пленума ЦК КПСС, никого не осталось в газете кроме тебя, – посмотрел Главный на Хаджиакбара с неожиданным сомнением. – Конечно, остался ещё Маджид, но у него беда, он пьёт, он может не сдержаться. – Главный даже отмахнулся сразу двумя руками от некоей ужасной мысли, мелькнувшей в его сознании. – А Саид в Учкудуке – на золоте. Наше золото

всегда нужно родине. Так что пора тебе расти. Пришла пора тебе расти».

Главный сделал долгую паузу и закончил.

«Об одном только прошу. Увидишь Хозяина, не торопись, не бросайся сразу с рукопожатием, не открывай рта, жди, будь мудр, не выступай первый, трижды подумай, прежде чем сказать хотя бы слово».

И вдруг посоветовал совсем странное.

«А руку Хозяин протянет, не смутись поцеловать».

И Хаджиакбар поехал в одно из тех загадочных узбекских хозяйств, где в восьмидесятые годы прошлого века на потаённых хлопковых полях, не внесённых ни в какие плановые реестры, выращивали миллиарды никем не учтённых советских рублей. «О, Аллах, – шептал про себя Хаджиакбар, ведя старенький горбатый «запорожец» сквозь низкие тучи жёлтой узбекской пыли. – Спаси меня от бед. Подскажи мне самые верные слова».

Но Аллах молчал, жара палила неимоверно, и мохнатыми от белых хлопьев (вездесущий хлопок) казались телеграфные провода.

Зато в приёмной Хозяина было сумеречно и прохладно.

Это несколько успокоило Шайхова, он даже смахнул пот со лба.

Он даже подумал: наверное, на местного Хозяина много наговаривают. Завистников много. Если и есть у Хозяина зинданы (ох, есть, подсказывало журналистское сердце), то тайные, совсем небольшие. Ведь вон какой улыбочивый у Хозяина секретарь – важный и толстый. И у него всего три подбородка, значит, знает меру. А секретарь в свою очередь рассматривал молодого и запылённого ташкентского журналиста. Наконец, пришёл к каким-то выводам и укоризненно почмокал толстыми (в меру) губами.

«Ты счастливчик, товарищ Шайхов. Тебя, товарищ Шайхов, выбрала удача. Она повернулась к тебе лицом. Сегодня у тебя большой день. Ты представишь нашего Хозяина на страницах республиканских и московских газет».

Руку для поцелуя секретарь, к счастью, не протянул, видимо, это являлось прерогативой самого Хозяина.

«Писать о Хозяине – большая честь».

Сказав это, поднялся и подошёл к окну.

«У тебя есть машина?».

Хаджиакбар ответил утвердительно.

И, несколько робея, тоже подошёл к окну.

В широком, затенённом несколькими запылёнными джиддами дворе два крепких человека в тубетейках и стеганых полосатых халатах, обливаясь потом, глотая желтую пыль, большой тоталитарной красоты люди, дружно

сталкивали в арык старенький битый «запорожец» Шайхова.

«О, Аллах, оторви им руки!» – безмолвно взмолился Хаджиакбар.

Но Аллах и в этот раз не отозвался на зов. Пришлось с горечью признать: «Кажется, у меня нет машины». Язык не поворачивался произносить такие ужасные слова, но какой-то дальней частью сознания Хаджиакбар понимал, что появление в чудесном тенистом дворе потрёпанного старого «запорожца» каким-то необычным образом унижало Хозяина. Хаджиакбар как бы даже явственно расслышал стоны и рыдания людей, упрятанных в подземный зиндан (пусть тайный и небольшой) только за то, что они тоже чем-то не угодили Хозяину.

И правильно сделал, что согласился.

«У тебя есть машина!» – строго сказал секретарь.

И тотчас один из тех, кто спускал в арык потрёпанный шайховский «запорожец», приветливо помахал рукой глядящим из окна людям и той же рукой ласково похлопал по капоту новенькой белой «Волги».

Сразу же последовал новый вопрос: «У тебя есть квартира?».

«Совсем однокомнатная... совсем в панельном доме... – неуверенно кивнул Шайхов, представив вдруг, как в его крошечную квартирку вваливаются с ломачами в руках вот такие крепкие большой тоталитарной красоты люди. – Совсем рядом с рынком... Совсем в поселке имени Луначарского...».

«Ты всегда должен говорить нам правду, – непонятно покачал головой секретарь. – Твоя квартира находится в центре Ташкента. У тебя удобная кухня, три прохладных комнаты, кабинет».

Секретарь произносил все эти слова доброжелательно, но строго.

Потом протянул ключи в дрогнувшие пальцы журналиста. «Ты сам подумай. Как можешь ты писать о Хозяине, живя в посёлке имени Луначарского в тесной комнате прямо над шумными рядами рынка?».

И задал самый страшный вопрос: «У тебя есть жена?»

Вот на этот раз Хаджиакбар испугался уже по-настоящему.

«О, Аллах! – взмолился он про себя. – Останови этого доброго и могущественного человека!». Свою жену Хаджиакбар любил. «Если в новой квартире у меня теперь удобная кухня, три прохладных комнаты и кабинет, и я приеду в центр Ташкента в новенькой белой «Волге», пусть меня там встретит моя жена!». Неужели, с ужасом подумал он, меня встретит там *другая*, умная и строгая женщина с большим убедительным партийным стажем и с тремя, так сказать, уже готовыми, правильно воспитывающимися партийными детьми? Отмахиваясь от таких мыслей, он спросил:

«А когда я смогу поговорить с самим Хозяином?».

«Зачем ты хочешь говорить с ним?» – искренне удивился секретарь.

«У меня задание Главного редактора. Я должен срочно доставить материал о Хозяине в редакцию».

«Ох, уж эта молодёжь, – укоризненно покачал головой секретарь. – Зачем торопиться? Время идёт. Оно само идёт. Надо только правильно думать. У тебя сегодня большой день. Ты растёшь, ты начинаешь вникать в суть текущего времени. Ты стоишь в начале многих важных вопросов. Ты начинаешь постигать правду. Она проста, сам видишь. Вот новая машина. Вот удобная квартира в хорошем столичном районе. Там в тенистом дворике бьёт прозрачный фонтан, играет медленная музыка. Езжай домой, товарищ Шайхов. Тебе выписан достойный гонорар, твоя статья о Хозяине уже в наборе. Над нею трудились лучшие умы солнечного Узбекистана, она целиком и полностью одобрена партией. Ответственные и зрелые люди помогают тебя понять правду».

И протянул Шайхову пухлую руку:

«Поздравляю! У тебя большой день!».

Шайхов рассказал мне эту длинную историю в Ташкенте, на кухне своей прекрасной прохладной квартиры. Совсем новой квартиры. Он смотрел в сторону, он старался не смотреть на меня. На нём был новый халат, мы пили хороший узбекский коньяк. «Я ведь поступил правильно?». Хаджиақбар не спрашивал этого вслух. Зачем слова? Они просто подразумевались. «Мы же – идеологические работники», – пытался он и меня приблизить к своим чудесным преобразованиям. «Наша правда всегда шире обывательской».

И

ИСТОРИЯ

(юкагирская сказка)

Древние люди были.

Один человек лося убил.

Чомон-гул – «большое мясо».

Жена за мясом пошла. В сендуху пошла.

Грудное солнце блестело – женское украшение на груди.

Младшая дочь сказала: «Снег люблю. С тобой пойду тоже мясо брать».

Мать строго ответила: «Не ходи», а сама ушла. А когда вернулась, увидела: дочь к лося одна ушла тайком. Нежная, как лапка ягеля. Дошла до убитого лося. «О, Чомон-гул! О!». Сухой снег смела веткой с головы лося. «О, Чомон-гул! О!». Страшно стало. Мохнатое лицо лося открыв, смотреть на него стала. В мёртвых глаз черноту смотреть стала. «О, Чомон-гул! О!». Старший брат, когда тебя догнал, в сердце твоём, наверное, худо сделалось. В сердце твоём, наверное, боль встала». Домой вернувшись,

сказала: «Не будем есть зверя больше». Отцу и братьям, соседям сказала: «О! Чомон-гул так страдал! Больше не будем бить лося».

Так будучи, голодали. Многие люди, обессиленные, слегли. Мох сосали, плакали. Шамана позвали: «Зачем такое? Почему надо терпеть?» – «Упомянутая девушка в смутную черноту глаз убитого лося смотрела, – ответил шаман. – Упомянутая девушка с жалостью всем сказала: «О, Чомон-гул! О!». С большой жалостью такое сказала, духи слышали. Теперь, пока девушка с нами, есть мясо нельзя».

Спросили: «Что с этим что сделаем?».

Шаман ответил: «Упомянутую девушку убейте».

«Почему убить? Если так сделаем, разве нам лучше станет?»

Шаман сказал, повторил даже: «Если все умрем – это совсем худо».

Немедленно убили девушку. «Пусть теперь один охотник пойдёт. У кого сохранились силы, пойдёт». Ещё полдень не наступил, а посланный охотник уже убил большого лося.

С тех пор стали убивать.

С тех пор поправились.

Й

ЙЕТИ

В 1948 году появился в нашем классе пацан.

Адольфом назвали его родители, верившие когда-то в мир с Германией.

А фамилия у пацана была простая – Захаров, и прозвище простое – йети.

На уроках Адольф сидел на первой парте прямо перед учителем, впрочем, это не спасало его от пулек, нарезанных из медной проволоки. Пущенная с резинки, накрученной между большим и указательным пальцами, такая пулька легко пробивала узкое нежно просвечивающее мальчишеское ухо. Ходил Адольф с опухшими рваными ушами, как дурной слон. Не верили мы ему. Конечно, время от времени учителя разоружали нас, но... двести миллионов... всех не разоружишь... В самых вопиющих случаях появлялся в классе директор школы – хромой, немногословный, вечно седой тип. Он не искал виновных. Просто заставлял двух-трёх (не обязательно провинившихся) вытягивать перед собой руки и от всей души лупил линейкой по голым ладоням. По глазам было видно, что понимает: это не лучшее решение проблемы. Ведь чем большей наказанием, тем больше потом наваливают Адику.

Однажды мы писали сочинение на тему «Кем я хочу стать».

Мы тогда много кем хотели стать: летчиками, моряками, водителями, железнодорожными машинистами, геологами, даже учителями. Тем интереснее было узнать, о чем мечтает наш Адольф, кем он мечтает быть?

Его сочинение оказалось самым коротким.

Он уложился в одно слово.

«Адольфом».

К

ПОЭТ-ЗАВХОЗ

Ах, Ким! Ах, Владимир Сергеевич!

Он был крупный, как сивуч, и лицо, как у настоящего сивуча – всё в шрамах.

Но, конечно, никаких шрамов не было, – только морщины. Зато глубокие, резкие.

Я переводил стихи Ким Цын Соны, скорее, искал правильную интонацию. Потом мы искали эту интонацию вместе с Володей Горбенко. Восточная поэзия ближе к музыке, написание иероглифов – как создание партитуры.

*Маленький краб, выбиваясь из сил,
тщетно старается к морю
пробраться...*

*Горькая участь: зелёной волной
выброшен в камни, опутан травой,
брошен в песках –
задышаться.*

Родился Ким Цын Сон 11 сентября 1918 года во Владивостоке.

С четырёх лет без отца, с десяти – без матери. В 1937 году разделил участь многих дальневосточных советских корейцев. Кто сейчас помнит Постановление СНК СССР, ЦК ВКП (б) от 21.08.37 за № 1428-326 «О выселении корейского населения пограничных районов Дальневосточного края в Среднюю Азию»? Ким Цын Сону повезло: высланный, он сумел каким-то образом поступить на иностранное отделение Кзыл-Ординского пединститута, и с 1946 года уже в Ташкенте преподавал родной язык в школе для корейцев. Там же в Ташкенте издал первые книги, и это действительно можно считать чудом: ведь до 1953 года высланные с Дальнего востока корейцы вообще находилось на положении спецпереселенцев.

Но времена понемногу менялись.

В 1955 году Ким Цын Сон вернулся на Сахалин.

*Как тогда я взволнован, о море!
Тридцать лет для тебя, что за срок?
Только вот
кожу сморщило время,
валуны превратило в песок.*

В Южно-Сахалинске Владимир Сергеевич руководил единственной корейской газетой «По ленинскому пути». Даже для корейцев других путей в то время не существовало. Но в 1968 году по указанию первого секретаря Сахалинского обкома партии

П.А. Леонова была закрыта единственная на весь остров корейская школа. «Если школу закрыли, кто в будущем будет читать нашу корейскую газету?» – спросил на партактиве Ким Цын Сон.

П.А. Леонову слова поэта не понравились. К тому же, по случаю двадцатилетия со дня образования КНДР в той же газете «По ленинскому пути» появилась ошибочная, на взгляд первого секретаря, статья, в которой якобы слишком возвеличивалась роль бывших корейских партизан. Из редакции Ким Цын Сон был изгнан. Чтобы прокормить семью, устроился завхозом в школьную столовую.

Все делали вид, что ничего особенного не произошло.

Иногда переводы стихов Ким Цын Соны появлялись в журналах «Дальний восток» (Хабаровск), «Байкал» (Улан-Удэ), «Сибирские огни» (Новосибирск). Даже в софроновском «Огоньке» прошла какая-то переведённая нами миниатюра.

Время от времени мы с Володей Горбенко приходили в небогатый, но гостеприимный дом Владимира Сергеевича. Загадочная корейская кухня, таинственные приправы, настойки, стихи. На корейском и на русском.

Впрочем, читая свои стихи, Ким Цын Сон только делал вид, что у него есть будущее. Он уже тогда знал, что умрёт завхозом. Это страшное тайное знание сохраняло его душу и никакой партийный секретарь, даже первый, ничего с этим поделать не мог.

Л

ЛЕПРА

Переделкино.

Дом творчества писателей.

В библиотеке выступает Август М. – поэт.

Длинные чёрные волосы, нервно кусает длинные ногти, смотрит на мир долгим невыразимо скромным взглядом. «Я пишу якутски и по-французски. Меня знают в Якутии и во Франции. Я многие годы живу почти в полной изоляции от мира. Целью творчества для меня является само творчество. Все великие творят ради абсолюта, ради вечности. Моя миссия: открыть людям глаза на главный двигатель мирового искусства – лепру. Я думаю, что искусство человеческое вообще порождено лепрой. Пройдя через лепрозорий, я понял, что проказа – это не болезнь, это состояние мирового духа. Все так называемые здоровые люди – больны».

«Прочтите свои стихи, пожалуйста».

«Да, сейчас прочту. По-французски».

«Понятнее будет, наверное, по-русски».

«Я не пишу стихов на этом варварском языке».

Голос из зала: «Ну, тогда прочтите пожалуйста».

Поэт величественно отворачивается и перестаёт нас замечать.

P.S. Вот странно, это всё напомнило мне роман Г. Шилина «Прокажённые».

В книжке библиографа А.В. Блюма «Запрещённые книги русских писателей и литературоведов. 1917-1991; Индекс советской цензуры с комментариями» (2003) о романе рассказано следующее. «Навестив заболевшего проказой товарища, Георгий Шилин был потрясён судьбой заболевших. Жизнь лепрозория и стала темой его романа, выдержавшего три издания в 1930-1931 гг. В колонию прокажённых, брошенную на край света, приезжает новый доктор, явно психически ненормальный. Он заикнулся на утопической идее – создать «Республику Прокажённых», собирает больных, произнося пространственные речи. По его мнению, на земле нет иных классов, кроме двух: здоровых и прокажённых. В связи с такой постановкой сил, доктор предлагает совершить революцию против здоровых, выбросить их из государства прокажённых, больные вполне управятся и без них! В этом исключительном государстве, развивает доктор свою идею, будет возведена своя культура, создано общество, выше которого нет, и не будет никакого другого. Там вообще не будет больше никакой классовой борьбы! К чёрту! Долой так называемых здоровых! Прокажённые всех стран, соединяйтесь!».

Поистине, под Луной ничто не ново.

АРХИПЕЛАГ

Остров Линдос.

Огромный чудесный пляж.

На скалах выбиты огромные буквы.

«Просьба полиции – не заниматься любовью».

ЛЕКТОР

«В этом случае функция удваивается не в четыре, а в три раза!».

М

МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ

16 января 1987 года писатель Михеев выступал в Доме учёных.

Люди собирались неспешно, и мы с ним прошли в ресторан – выпить кофе.

«Я теперь фантастику не пишу. – Вдруг покачал головой Михаил Петрович. – Мне знаний не хватает, Мартович. Фантастику должны писать люди, разбирающиеся в науке. Не знаю, как там у иностранцев, а у нас ты сам

посмотри. Обручев – геолог, Ефремов – палеонтолог, Казанцев – инженер, Днепров – физик. Чтобы писать фантастику, надо иметь научный склад ума, Мартович, а я просто электрик. Перед Ефремовым, например, я просто ребёнок. Это, по-моему, уже и никакая не фантастика. Просто очень знающий человек пытается разговаривать с тобой на своём особенном языке, предполагая, что ты этот язык понимаешь. Окончательно от фантастики, Мартович, меня отпугнул московский писатель Евгений Рысс. Прочитав мою «Тайну белого пятна», он так прямо и указал на какие-то там «дурацкие провалы» в Восточной Сибири. Я, конечно, не разобрался и не сильно разбираюсь в геологии, но Евгений Рысс убедительно доказал, что я действительно дурак».

Михеев вздохнул: «А геологам моя книга почему-то нравится».

«Я ведь рос сам по себе, Мартович. В тридцатые годы работал монтером в электроцехе в Бийске, писать фантастику даже не думал, зато с удовольствием сочинял стихи. «В фабкоме встретились шофёр и комсомолец». А однажды на свадьбу своего друга Кольки Снегирева, написал песню. «Есть по Чуйскому тракту дорога, много ездит по ней шофёров». Городская газета в скором времени разразилась статьёй об ужасном состоянии алтайских дорог, о частых авариях, о плохой дисциплине. Да и какой может быть дисциплина у наших шофёров, если они поют такие песни? – спрашивал автор статьи, приводя строчки из песни о Кольке Снегиреве. Вот утром на работе я и услышал. «Михеев! В особый отдел!». Я шёл, Мартович, и у меня ноги дрожали. Из особого отдела в те годы куда угодно можно было отправиться. Ну, я вошёл, снял кепку. За столом особист в форме. Он долго и молча смотрел на мои оттопыренные уши. А я тоже молчал. Я, как только вошёл, увидел, что на столе перед ним лежит тетрадный листок с переписанным от руки текстом моей песни.

Наконец особист спросил: «Твоя работа?».

Смысла не было врать. Я и не врал: «Моя...».

«Послушай, Михеев! – помолчав, с силой ударил особист кулаком по столу. – Ты же у нас поэт! Мы тебя учиться отправим!».

«Я, Мартович, всегда хотел писать так, чтобы главного героя было за что любить. Пусть даже он будет самым обыкновенным электриком, как я сам. Вот ты, скажем, что о добыче алмазов знаешь? Ну вот. И я тоже в городе Мирный спросил у рабочих на разрезе, как они обращаются с найденными алмазами. «Вот, скажем, наткнулись вы в отвалах породы на большой алмаз. Сразу понесёте его бригадире, или вызовете специальных людей?» Рабочие, Мартович, выпучили на меня глаза. «Ты что, дед, обалдел?» – «Да это почему?» – спрашиваю. – «Да потому, дед, что если мы

увидим алмаз, хоть самый маленький, то побежим от него быстрее!» – «Да почему?» – «А потому, дед, что если кто-то из нас принесёт начальству найденный под ногами алмаз, то этого смельчака сразу возьмут за жопу и спрысят: а где второй?».

«А поэзия, Михаил Петрович? Вы же начинали со стихов».

«А от стихов, Мартович, меня отпугнула Елизавета Константиновна Стюарт. Она, наверное, хороший человек, но после моей книжки «Лесная мастерская» во всеуслышание заявила, что всё то, что я пишу, не является поэзией, никогда не было поэзией, и никогда не будет поэзией. Может, и права была. Кто знает? Поэт не должен походить на нормального человека».

«Это как?» – удивился я.

«А вот есть у нас в писательской организации один человек, которого я по глупости своей долгое время не считал поэтом. Иван Матвеевич. Такое имя. Сочинитель. Но однажды, Мартович, во времена сухого закона зашёл я с приятелем в забегаловку, которая у Центрального рынка. Когда вошли, я сразу заметил, что в полупустом зале сидит за столиком Иван Матвеевич, сочинитель. А на тарелке перед ним – отварная курочка, как у всех. И он нехотя ковыряет курочку вилочкой. Неважно, что под столиком сочинитель припрятал чекушку, какой же ты поэт, так все тогда делали. Михаил Сергеевич (Горбачев) запретил людям держать чекушку на столике, вот люди и держали её под столиком. Мы с приятелем заговорили о своём, увлеклись, а потом я нечаянно обернулся. И знаешь, Мартович. Напрасно, совсем напрасно не считал я Ивана Матвеевича поэтом! – Михеев негромко рассмеялся: – Прошло всего-то каких-то минут двадцать, а чекушка стояла перед Иваном Матвеевичем на столике, а отварную курочку он прятал под столиком. Как говорят шахматисты, перепутал порядок ходов. Сделает глоток, нагнётся и тихонечко ковыряется вилочкой под столиком. Ну, скажи, разве не поэт он?».

МОНОГРАФИЯ

В монографии «Чукчи», изданной в 1934 году Институтом народов Севера ЦИК СССР в количестве всего двух тысяч экземпляров, этнограф и писатель Владимир Германович Богораз-Тан страшно дивился нелепому и прихотливому бюрократическому усердию столичных дореволюционных статистиков.

«Когда местные казённые учёные, – записывал он, – затевали собиранье статистики по своим собственным домьслам, не списывая их с казённых образцов, результаты получались ещё более оригинальные. Так, в архиве одного из камчатских поселков я нашёл копию статистического рапорта следующего рода:

*Пётр Рыбин.....23 года от роду.
Семен Тимофеев.....43 года от роду.
Иван Домошонкин.....47 лет от роду.
Дарья Семёнова.....35 лет от роду.
Павел Насонов.....41 год.....
И так далее, так далее.
Вплоть до итога:
Всей деревне.....2236 лет от роду.*

ВОЛОДЕ БОРИСОВУ

Хакасия.

Степь, ветер.

Сумеречный горизонт.

Ветер разводит траву волнами.

Человек любит не жизнь, говаривал

Платон. Человек любит хорошую жизнь.

Там и тут в ветреной синеве разбросаны по древним холмам фаллические каменные изваяния. На одном, самом большом, двухметровом, выведено на самом верху губной помадой: «Оля была здесь».

МЯГКАЯ ИГРУШКА

Стёпа (внук младший) объясняет нарисованную им картинку.

«Ну, чего тут непонятного, дед? Это вот ёлка. А это на ёлке сидит гусь. А это под ёлкой играет мальчик. Он подбросил над собой мягкую игрушку».

Н

НИ БОГА, НИ ИДОЛОВ

«В то время ещё ничего не было достоверно известно ни о коммунистах, ни о социалистах, ни о так называемых нивелляторах вообще, – писал Салтыков-Щедрин в «Истории одного города». – Тем не менее, нивелляторство существовало, и притом в самых обширных размерах. Были нивелляторы «хождения в струне», нивелляторы «бараньего рога», нивелляторы «ежовых рукавиц» и проч., и проч. Но никто не видел в этом ничего угрожающего обществу или подрывающего его основы. Казалось, что ежели человека, ради сравнения со сверстниками, лишают жизни, то хотя лично для него, быть может, особенного благополучия от сего не произойдёт, но для сохранения общественной гармонии это полезно и даже необходимо. Сами нивелляторы отнюдь не подозревали, что они – нивелляторы, а называли себя добрыми и благопопечительными устроителями, в мере усмотрения радеющими о счастии подчинённых и подвластных им лиц...»

Мы не раз обсуждали теорию «нивелляторства» с Аркадием Стругацким, и однажды он с горечью мне сказал: «Знаешь,

Генка, а ведь более красивой идеи, чем коммунизм, человечество пока не придумало».

НЕНАПИСАННЫЕ КНИГИ

«Силос на берегу Маклая».

История сибирского бухгалтера, посланного (по ошибке) на сезонные сельхозработы в Новую Гвинею.

«Если бы ты никогда не носила одежду».

«Обалденный мужик! Ты уже отдалась ему?».

«Человек, который давал советы Богу».

Не столько, правда, давал, сколько жаловался.

«Да что такое в мире творится? Будь у него окна, все стёкла давно бы выхлестали».

«Все девы Урука».

Даже пересказывать не берусь.

«Новогоднее представление».

На сцене темно, ёлки засыпаны мерцающим, как звёздочки, снегом. Сквозь завывание вьюги доносится дальний зов: «Ва-а-аняня!» В ответ так же издали: «Ма-а-аняня!». Маня откликается: «Ва-а-аняня!». И Ваня опять вопиёт: «Ма-а-аняня!». И так пробиваются друг к другу сквозь новогоднюю тьму, наполняя надеждой сердца маленьких зрителей, пока после самой радостной ноты со стороны бедной Мани не доносится доброжелательный вой волков.

«Умная кукуруза».

Хрущёвские годы. Самый разгар оттепели. Опытный селекционер, тайный ученик Сергея Сергеевича Четверикова, конечно, морганист-вейсманист, вывел всё-таки, подлец, совершенно новый сорт кукурузы. Крепкая, агрессивная. Сама защищается от колхозников.

«Новое о Миле».

Урок по русскому языку, 7 класс.

Перед вами картина В.И. Хабарова «Портрет Милы».

Представьте, что вы неожиданно вошли в комнату Милы и увидели свою подругу в необычной позе. Вы невольно рассматриваете её лицо, руки, одежду. Что нового вы узнали о Миле?

НАДЕЖДА

В Хабаровске (1967 год) в кафе «Алые паруса» недопивший Валера Шульжик, прекрасный поэт, за бутылку «Столичной» продал случайному человеку только что написанное им стихотворение. Мы это стихотворение почти и не услышали. Вдруг

полыхнуло, обожгло, исчезло. Записав слова на бумажной салфетке, Валера передал её своему случайному покупателю. Ни улыбки, ни внешности, только низкий голос покупателя остался в памяти: «Учти. В двадцать первом веке это стихотворение войдёт во все мировые школьные хрестоматии». – «А под чьим именем? – рассмеялся Валера. – Хотя какая разница. Всё равно не доживу».

Не дожил, к сожалению.

Идёт двадцать первый век.

Журналов мало, хрестоматии издаются редко.

Где, где оно, пропитое Валерой замечательное стихотворение?

О

ЗА ОКНОМ

За окном, в небе, чёрном, как развал мокрых берёзовых листьев, громыхнуло – тяжело, с раскатом. И запрыгал неистово, заохал, запульсировал пронзительно ледяной свет молний. И так же вспыхивал, так же гас твой силуэт. Каждую секунду, при каждой новой вспышке он оказывался чуть в другом положении. Казалось, ты никогда не обернёшься ко мне. И когда в этой судорожной и бесконечной пляске теней и света я случайно столкнулся со стола фужер, мне показалось: это – навсегда, это теперь никогда не кончится, фужер не достигнет пола.

Но он достиг.

И разбился.

А ты поворачивалась, поворачивалась ко мне и никак не могла повернуться.

И пока ты так поворачивалась, я тысячи раз видел тебя в этих ледяных ночных вспышках. И пока ты так поворачивалась, я тысячу раз, и всегда по-другому чувствовал тёмный ход времени, на который мы не обращаем внимания. Ещё вчера толклись в силурийских лагунах серые илоеды, ещё вчера юрские динозавры, ревя, ломались сквозь душные заросли беннеттитов, ещё вчера резвые гиппарионы огромными стадами бежали от преследующих их гиен, так когда же, чёрт нас возьми, мы успели стать существами, способными не только убежать от охотников или преследовать свою жертву, но и верить, вопреки собственному опыту верить, что фужер, упавший со стола, никогда не достигнет пола?

ОБРАЗ

И.И. Лажечников. «Ледяной дом», 1835.

«Государыня села в первую карету с придворной дамой постарше; в другую карету вспрыгнула Мариорица, окруженная услугами молодых и старых кавалеров. Только что мелькнула её гомеопатическая ножка, обутая в красный сафьяновый сапожок, и за княжной

полезла её подруга, озабоченная своим роброном...»

ОЗАРЕНИЕ

«Дай-ка я догадаюсь: второму ты тоже не дала».

II

ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ

Собираемся в гости.
Стёпа (внук младший) составляет памятку:

*Руки вымать
Сесть куда предложат
Бери что близко
Кушать не спеша
Полотенцем
Благодарить*

ПЕРЕД ЛОТКОМ

«Эти диски лицензионные?».
«Практически да».

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА

Вот ещё пример.

В 1983 году Саша Петров, известный югославский поэт, мне пожаловался.

«Вот я пишу на сербском. Перевожу на английский. Издал в Америке несколько антологий русской поэзии. Русский по происхождению, мои стихи печатались в Италии и в Японии, во Франции и в Британии. Везде я свой, а в России не переведено ни одного моего стихотворения!».

Мы сидели с Петровым в ресторане Дома ученых в Академгородке.

«Неужели, – спрашивал Саша, – я не заслуживаю публикации на родном языке?».

«Конечно, заслуживаешь! – успокаивал я Сашу. – Обещаю, что переведу и напечатаю твои стихи в «Сибирских огнях», в нашем старейшем советском сибирском журнале».

Пришло время – я вспомнил об обещании.

Вспомнил, и достал с полки подаренную мне книжку – «Словенска школа».

И позвонил в редакцию «Сибирских огней». Из редакции мне ответили: «А что ж, конечно, переведите стихи Петрова. Хорошая русская фамилия. Он не диссидент? С вражескими радиостанциями не сотрудничает?».

Я сказал: Петров – свой парень.

И раскрыл эту «Словенску школу».

Будет паскудно, подумал я, если у Саши Петрова, прекрасного поэта, живущего в

Югославии и пишущего на сербском, не найдётся ни одного стихотворения, которое нельзя будет напечатать в старейшем советском сибирском журнале. Ещё паскуднее будет, подумал я, если все стихи Саши Петрова годятся для публикации в нашем старейшем советском сибирском журнале.

Ага, вот! Стихотворение «Смольный»!

Я даже удивился. «Смольный», и ещё не переведён?

Но, вчитавшись, понял, что передо мной вовсе не революционная баллада. Институт благородных девиц... выпускной бал юной мамы Саши Петрова, будущей эмигрантки... она ещё смеётся, она ещё кружится в счастливом вальсе... ей в голову не приходит, что скоро по паркету Смольного затопают тяжёлые сапоги революционных матросов...

В старейшем советском журнале сомлеют от такого стихотворения, подумал я. Там, в редакции, все с деревьев попадают. Но мне очень, мне действительно очень хотелось познакомить читателей со стихами замечательного югославского поэта Саши Петрова. Мало ли что жизнь его мамы сложилась не совсем традиционно. Потому и бегала от большевиков, что происходила из благородных. По-сербски – *племенитих*.

С inferнальным упорством я искал нужное стихотворение.

Меня радовал образный ряд, радовали неожиданные ассоциации.

Вот, скажем, стихотворение под названием «Перец Маркиш».

«И Луна висела над строем хмурых сибирских стрелков, как кривая улыбка коммуниста, загнанного по ошибке ЦК на два метра под землю».

Я радовался: какой зоркий поэт Саша Петров!

«Но взвод сибирских стрелков расстреливает не поэта Переца Маркиша, а поэзию идиша».

От таких стихов в редакции «Сибирских огней», думал я, точно все с деревьев попадают.

Книжка небольшая.

Стихи хорошие, но их мало.

И вдруг в самом конце длинное стихотворение «Зимняя элегия».

И эпиграф там не из какого-нибудь паскудного Эзры Паунда, а из Пушкина. «Зима! Крестьянин, торжествуя...». Не просто так. Вот они – стихи для старейшего советского сибирского журнала!

Заокеанская скука.

Американский город Балтимора.

Долгий дождь, холодный тяжёлый ветер.

Замечательный югославский поэт Саша

Петров, отчитав лекцию в местном университете, вспоминает родную Адриатику. Хорошее патриотическое чувство, одобительно подумал я. Переведём мы, переведём сейчас это чудное патриотическое стихотворение. Вот

только телефонный звонок...

К черту эти звонки! Не поднимай трубку!

Но Саша Петров телефонную трубку поднял.

И услышал (как и я) негромкий прокуренный голос.

«Саша, что ты делаешь там в этой промозглой американской дыре? Беги отсюда! Беги на свой светлый нежный Ядран! Там синь морская. Там яркое Солнце! Там речь славянская!».

Вот! – понял я. Вот они – прекрасные стихи прекрасного поэта для нашего прекрасного старейшего сибирского советского журнала. Ох, только бы собеседник Петрова не назвался.

Но он назвался: «Иосиф».

И, скажем так, не было это просто эстетическим несовпадением.

ПРОКАЖЁННЫЕ В БЕНАРЕСЕ

Прокажённных сжигают в Бенаресе.

Дым над гхаткхой стоит так высоко, что сам Господь вынужден встать на цыпочках, чтобы видеть внизу суетный человеческий муравейник.

Р

РУХАДЗЕ

Году в восемьдесят втором или восемьдесят третьем в Пицунде, в Доме творчества, в прекрасный летний вечер поднялся ко мне в номер писатель Автандил Рухадзе. «Геннадий, – неторопливо сказал он, – зачем сидишь в номере? Хватит работать. Давай спустимся вниз в пацху, выпьем немного молодого вина, скушаем копчёного мяса, попробуем свежий сыр».

А почему бы и нет?

Работа никуда не денется.

Мы спустились в пацху и в дружеских разговорах до поздних сумерек просидели у тёплого очага. Сквозь настежь раскрытые двери смотрели звезды, шумело близкое море. Мы пили молодое вино, кушали копчёное мясо, пробовали свежий сыр.

Но даже самые долгие праздники кончаются.

Неторопливо приблизился к столу хозяин – медлительный пожилой абхазец в ослепительно белой рубашке. Спросив, понравилось ли нам у него, и, получив ожидаемый ответ, он всё так же медлительно извлёк из нагрудного кармана своей белой рубашки крошечные деревянные счёты, почти игрушечные, и толстым умелым пальцем тщательно подсчитал сумму, в которую обошёлся нам этот чудесный праздник. При этом хозяин сам смотрел на звезды, прислушивался к шуму моря, радовался тому,

что мы получили удовольствие в его заведении, но, когда он, наконец, назвал итог своих подсчётов, я обалдел. Я и до этого слышал в Абхазии не всегда разумные цифры, но эта...

А вот Автандил несколько не удивился и так же неторопливо, так же доброжелательно, как хозяин пацхи, прикинул свой вариант. «Послушай, дорогой, – так он его прикинул. – Получается, что мы выпили у тебя по семь литров молодого вина, скушали по три килограмма копчёного мяса и попробовали целых три круга свежего сыра?».

Хозяин пацхи несколько этому не удивился.

Неторопливо и радушно, как и полагается вести себя хозяину такого недорогого, такого гостеприимного заведения, он снова вынул из нагрудного кармана своей ослепительно белой рубашки крошечные деревянные счёты, и снова надолго впал в чудесный транс своих благожелательных вычислений. При этом он туманно смотрел (не знаю, видел ли) на нас, на перемигивающиеся звёзды, прислушивался к морю. Наверное, он знал что-то своё особенное об окружающем нас мире. Ну, семь литров молодого вина... Ну, три килограмма копчёного мяса... Ну, три круга свежего сыра...

«Почему нет? – подвел он итог. – Так и получается».

КОГДА-НИБУДЬ

14 февраля 1993 года накануне столетнего юбилея советского писателя-фантаста Абрама Рувимовича Палея я побывал у него на Полтавской улице в Москве – неподалеку от стадиона «Динамо». Он плохо слышал, маленький складной костяной старичок, зато хотел всё знать. Написав романы «В простор планетный», «Гольфштрем», «Остров Таусена», он и сейчас интересовался многим. Вот, например, как радиоволны проходят сквозь каменные стены? Или полностью ли останавливается ли движение атомов при абсолютном нуле? Или почему рыбы бывают двоякодышащими?

Спрашивая, Абрам Рувимович успевал жаловаться на гостей.

Вот приходят иногда без звонка, жаловался он, а потом недосчитываешься на полках редких книг. По какой-то неведомой ассоциации Абрам Рувимович вспомнил сотрудницу давнего довоенного ещё журнала «Революция и культура». Она принимала у него стихи, никогда их не печатала, но часто жаловалась на жизнь. У неё и тесная комната в коммуналке. У неё и одиночество. И пишущую машинку продать не может: орудие труда, профсоюз запрещает. А другая сотрудница того же революционно-культурного журнала все беседы с молодым поэтом и фантастом Палеем

заканчивала строгими и простыми словами: «Вы, наверное, вредитель». Она не спрашивала, она это утверждала. Конечно, Палей отнекивался, переводил разговор на астронома Леверье. Этот Леверье попросил ботаников назвать безымянный прежде цветок Гортензией. Так звали любовницу знаменитого астронома. К сожалению, Гортензия довольно быстро изменила господину Леверье, а вот переименовывать цветок ботаники не стали.

«Вы, наверное, вредитель», – одобряла слова Палея сотрудница журнала «Революция и культура».

В свои сто лет поэт и фантаст Палей был полон любопытства.

Вот, скажем, самолёты. Каким образом они всё-таки летают? Вот вы, например, откуда прилетели? Говорите, из Новосибирска? Ну, ну. Как же всё-таки эти самолёты держатся в воздухе? Говорите, перепад давлений под плоскостями...

«Вы, наверное, вредитель».

Что-то Палея мучило, какой-то невысказанный вопрос бушевал в пучинах неумной многолетней души. До поры до времени он смирял себя, читал собственные стихи, потом рассказал, как ещё до войны (отечественной, разумеется) известный советский поэт-песенник, даже знаменитый, можно сказать, поэт украл у него несколько строф, превратив в популярную песню. Стихи Палея, напечатанные в ежемесячнике «Свободный журнал», начинались словами:

*Город замер в сонной дымке
гаснет зарево зари,
и на ножке-невидимке
блещут бусы-фонари, –*

а у знаменитого поэта-песенника эти слова звучали так:

*Вечер реет в белой дымке
в ярком зареве зари,
и на ножке-невидимке
блещут бусы-фонари.*

«Вы, наверное, вредитель».

Как держится самолёт в воздухе?

Я качал головой. Ну, ну. Не сразу ответишь.

Но когда я уходил, писатель-фантаст Палей, автор популярных книжек, выходявших в свет ещё задолго до моего рождения, приподнялся в кресле. Он улыбнулся загадочно. Четыре часа, говорите? Ну, ну. Целых четыре часа самолёт по воздуху летит из Новосибирска в Москву и все эти четыре часа держится в воздухе? Ну, ну.

Абрам Рувимович умело выдержал паузу

и потряс в воздухе сухоньким кулачком:

«Запомните, молодой человек, когда-нибудь они будут летать ещё быстрее!».

РАЗБЕРУТСЯ

Николай Константинович Гацунаев, мой хороший друг, писатель, много лет проживший в Узбекистане, рассказал о приятеле, жившем, правда, не в Ташкенте, а в весьма отдалённом от него городе – Минске. Занимался этот приятель фермерством. Однажды в полдень на тракторе «Кировец» он распахивал свекловичное поле. Работа однообразная, пыльная, рядом скоростное шоссе. Трактор рычит, машины рычат, всё под тобой дергается. Устал, подогнав трактор к обочине. На глазах равнодушной ко всему шоферни, неумоимо мчащейся по скоростному шоссе, устроил на старом пне нехитрую закуску, выставил чекушечку. Рабочему человеку сто граммов не во вред, у каждого свои устоявшиеся привычки. Отведя локоть в сторону, фермер приготовился принять привычный вес, но в этот ответственный момент кто-то требовательно постучал его по плечу. «Иди ты!» – отмахнулся фермер, зная, что местные алкаши запах алкоголя чувят за много км.

И всё же обернулся.

В глаза ему, опираясь на тяжелые, блестящие, расплзающиеся под его собственным весом кольца, пристально смотрел гигантский тропический питон.

Фермер даже раздумывать не стал, чего тут раздумывать?

Одним движением он расшиб злосчастную чекушечку о пень и с этой обеззараженной водкой «розочкой» бросился на вторгнувшегося в его жизнь питона. Особой веры в успех он не испытывал, но отступить не желал, надеялся на помощь – ведь машины одна за другой катились по скоростному шоссе.

По словам Гацунаева, битва титанов длилась минут двадцать.

Кровь фонтанами. В пылу борьбы совсем уже распутившийся питон бил хвостом чуть ли не по летящим мимо автомобилям, но ни одному водителю даже в голову не пришло остановиться и узнать – не причиняет ли гигантское пресмыкающееся каких-либо неудобств человеку рабочему, разумному?

Зачем мешать?

Разберутся.

РАЗГОВОР С ТУРГЕНЕВЫМ

Чего этот Герасим такой тупой? Я сильно переживал за Муму. Решил даже позвонить Тургеневу. Это класс второй, наверное, никак не позже. Под именем писателя Тургенева в

книжке стояли цифры: 1818–1883. Дураку ясно: номера телефонов. Вот я и набрал первый. Трубку взяла какая-то женщина.

«А можно Ивана Сергеевича?».

Женщина очень нелюбезно ответила.

«Вечером звони. Он сейчас в вагонном депо. Дежурство».

С

СКОЛЬКО У НАС ВРЕМЕНИ?

В чудовищно жаркий день (в тени за сорок) в 1987 году мы с Николаем Константиновичем Гацунаевым оказались по неотложным делам в центре Ташкента. В издательстве имени Гафура Гуляма нас ждал договор на составление сборника романов популярного в пятидесятые годы фантаста Сергея Беляева.

«Мы не опаздываем? – спросил Гацунаев. – Сколько у нас времени?».

Я взглянул на маленький экран отечественных электронных часов, месяц назад подаренных мне на день рождения, и честно ответил: «Пятьдесят семь часов девяносто четыре минуты». Вот сколько тогда было у нас времени!

САТИР

Тихая поэтесса из небольшого волжского городка, – шатенка под сорок, неразговорчивая, задумчивая, не замужем, детей нет, никаких порочащих связей, стихи печатались в «Нашем современнике»; в круизе по Средиземному морю проявляла большой интерес к блошиным рынкам. Ребята из Верхоянска, расписавшие на палубе очередную «пульку», с наслаждением шлепали подержанными картами, и время от времени осведомлялись: «Что за город?». Поэтесса отвечала: «Стамбул». Или: «Ираклион». Ребята не отставали: «Тепло тут у них». Потом снова жмурились: «А сейчас что за город?». Поэтесса отвечала: «Афины». Верхоянцы жмурились: «И у них тепло».

Солнце и море, вот до чего они дорвались.

Зато волжская поэтесса не пропустила ни одной стоянки.

На берег сходила с группой, потом как бы нечаянно отставала. Кто-то заподозрил, что поэтесса скупает антисоветскую литературу (шёл 1982 год), но в это никто не поверил. Она же печатается в «Нашем современнике». Да и замечали поэтессу всё больше в обычных торговых рядах. Там среди бижутерии, тряпок, старой

посуды, потемневших от времени гравюр и съеденных коррозией монет изредка попадались мощные, литые из чугуна статуэтки греческих сатиров.

«Есть на что посмотреть?».

Один такой сатир напрочь сразил стеснительную поэтессу.

Всё у него было крупное, налитое, чугунное, и вообще в этих делах размер и цвет всё-таки имеют значение. Так что, однажды на борт теплохода «Украина» скромная волжская поэтесса поднялась с тяжёлым свёртком в руках. А на обратном пути, в Одессе, уже пройдя таможенный контроль, я вдруг случайно увидел плывущий по ленте элегантный чемодан поэтессы. Ну, плывёт и плывёт... Но что-то меня остановило... Вот чемодан вошёл в чрево просвечивающей аппаратуры, высветились книжки, безделушки, туфельки...

И вдруг – сатир!

Поистине – крупный!

Даже осатанелый какой-то.

Пограничников он удивил так, будто им милицейским жезлом отсалютовали.

Чемодан немедленно сняли с ленты, стеснительную волжскую поэтессу увели, и года два я ничего не знал о её судьбе. А потом как-то встретил московского приятеля, который в тот (давний же) день проходил таможенный досмотр сразу после поэтессы, он-то и рассказал. Проблема, по его словам, упёрлась тогда не в самого сатира, а, понятно, в его достоинство. По нормативам таможни у типичного греческого сатира ни в коем случае не должно было быть всего этого более семи сантиметров, а там, на тебе! – все пятнадцать! Не знаю, кто там устанавливал нормативы, но факт налицо.

«Неужели отобрали?» – пожалел я поэтессу.

«Ты что! – возмутился приятель. – Она ведь не прятала своего приобретения, она даже чек сохранила и документ, подтверждающий то, что сатир имеет не столько художественное значение, сколько прикладное. К тому же, не на украденные деньги он был приобретен, а на свои кровные, полученные за стихи о добре, любви, нежности, дружбе народов. В итоге, спилили сатиру часть его осатанелого достоинства, и вот вам, пожалуйста! – въезжайте на территорию советской империи».

«Боже мой! Неужели она теперь делит жизнь с чугунным калеккой?».

«Плохо ты знаешь наших волжан, – успокоил меня приятель. – Мастеровитый народ. Они друг за друга горой. Нашлись, наверное, умельцы, приварили тому сатиру недостающие сантиметры».

СКВОРЦОВ

Валериан Скворцов выглядел как младший лейтенант запаса в отставке или как крупный землевладелец. Так он сам говорил. Квартира на Дмитровке была набита редкостным китайским фарфором из Золотого треугольника, резными стульями мандаринов. Когда-то Валериан служил в Иностранном легионе. Никаких этих комбат-батяня. Убьют твоего рядового, повышения не получишь. В Азии привык к жесточайшей дисциплине. Неточность москвичей его убивала. Отсутствие морали убивало. Вот сосед – греческий посол – водит к себе весёлых девок. Вот человек из серьёзной организации опаздывает на встречу чуть ли не на полчаса. Он наливал виски и смеялся: «В Москве, беседуя с новым человеком, надо много говорить, чтобы, не дай Бог, не услышать собеседника».

Четыре европейских языка, китайский.
Фарфоровая улыбка.
Книги.

Т

ВИКТОР КОЛУПАЕВ
(Из письма. 23.IX. 1991 год)

«Всегда хотел виртуозно играть на фортепиано.

Классическую музыку довольно хорошо знал, собирал пластинки любимых композиторов, а в школе радио слушал. В 1963 году купил рояль, тогда лишь третий год был женат, и дочь была маленькая. В квартире ничего, кроме кровати и этажерки, ну стол, кажется, был. И вот я купил в комиссионке старый разбитый беккеровский рояль длиной более двух с половиной метров. Вместо одной ножки подставил берёзовый чурбан. Сам научился настраивать рояль, причём он был настолько разбит, что играть на нём можно было ну день от силы. Мне из гитарного сделали ключ плоскогубцами, и этим ключом почти каждый день я свой рояль настраивал. Видимо, у меня был такой возраст, когда учиться не хватало терпения. Но играл, играл, сочинял что-то своё, получал удовольствие от самого процесса извлечения звуков. Поднимал крышку и перебирал клавиши в порядке, одному мне ведомом. Если дома никого не было, мог играть часами. Лет шесть у меня стоял этот рояль. А потом я вдруг получил двухкомнатную квартиру. Появилась другая мебель, образовалось больше пространства, и тому роялю не хватило места. Пришлось отдать, просто кому-то подарили. А взамен купили пианино. И вот звук нового инструмента оказался для меня настолько неприятным, что я

к клавишам его перестал прикасаться. А какой прекрасный голос был у того разбитого рояля, какое ощущение полёта...».

ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ

Владимир Иванович Савченко.

Рассматривая храм, поставленный в Екатеринбурге на месте снесённого Ипатьевского дома, он бормотал: «Бить, бить попов!». Первая публикация – «Как лиса фрица к партизанам привела», 1943 год, второй класс. В шестьдесят восьмом году, приехав в Москву, договорился о встрече с Иваном Антоновичем Ефремовым, которого ставил на голову выше любого современного писателя. К сожалению, разговор не получился – оба сильно заикались. В апреле 2003 года мы выступали с Владимиром Ивановичем перед любителями фантастики в Киеве. Своё горячее выступление Владимир Иванович закончил словами: «Боюсь, третьей мировой нам не избежать». И побледнел, услышав из зала весёлый голос: «Ну и что?».

У

ГРИЦЮК

Это не город Новосибирск подарил нам замечательного художника Николая Грицюка. Это художник Грицюк подарил нам огромный сибирский город.

ГЕОРГИЙ ГУРЕВИЧ (из письма)

«В литературе, видите ли, в отличие от шахмат, переход из мастеров в гроссмейстеры зависит не только от мастерства. Тут надо явиться в мир с каким-то личным откровением. Что-то сообщить о человеке человечеству. Тургенев открыл, что люди (из людской) – тоже люди. Толстой объявил, что мужики – соль земли, что они делают историю, решают мир и войну, а правители – пена, только играют в управление. Что делать? Бунтовать – объявил Чернышевский. А Достоевский открыл, что бунтовать бесполезно. Человек слишком сложен, нет для всех одного счастья. Каждому нужен свой ключик, своё сочувствие. Любовь отцветающей женщины открыл Бальзак, а Ремарк – мужскую дружбу, и т. д. А что скажете миру вы?».

Ф

ФИЛИН

В 1985 году (в пошлом веке уже, в прошлом веке) писатели томские Володя Шкаликов и Саша Рубан сторожили в тундре

склад динамита. Где-то под Сургутом. Вахтовую команду доставляли на место службы на самолёте. Отпахал полмесяца, потом столько же отдыхаешь. Понятно, мучили комары, мошка. Но жаловались вахтовики не на комаров, а на отсутствие спиртного. То, что прихватывали с собой, как правило, выпивалось в первый день. Потом сиди и кукуй, делать на складе нечего.

Однажды в июле, за день до возвращения в Томск, Володя вытащил из рюкзака удачно скрытую им бутылку спирта. «Гуляем, ребята! День рождения!». Понятно, вахтовики, а их было трое – Саша, Володя и ещё один умный паренёк из Томска – сильно обрадовались, а тот, который умный, даже хлопнул себя по колену, дескать, как же это так? День рождения! Такой напиток и под тушёнку!

«Можно под макароны», – заметил скромный Рубан.

«Ну, уж нет, – отрезал умный. – Такое только под дичь!».

И пометив уровень спирта в бутылке, чтобы сильно не ubyло за время его отсутствия, бросился в склад. Володя и Саша переглянулись. Что можно найти на их складе, кроме тола, тротила и динамита?

Но умный уже выбежал к костру.

«Вот! Местный житель! – весело орал он на ходу. – Я три вахты его прикармливал! Одних мышей ему скормил штук двадцать. Как мышь пристрелю, так несусь глазастому. Он у меня выстрелов перестал бояться. Пора возвращать долги!».

В правой руке он держал за ноги крупного филина.

Филин крутил огромными, ничего не видящими на свету глазами, злился и дергался, но вырваться не мог. «Я три вахты его подкармливал! – вопил умный. – Держите. Только готовить его вам. Он для меня как брат. У меня на него рука не поднимется».

Но у Володи и Саши рука на филина тоже не поднялась.

Тогда умный снова бросился в склад. Наверное, за вторым филином, подумал Шкалик, – за тем, который не казался ему братом. Но умный вернулся не с филином, а с детонатором и с куском бикфордова шнура. «Х..р с ним, с моим другом, с местным жителем! – орал он весело. – Х..р с ним, с глазастым! Онова живём! Пусть поработает молодым неопытным взрывником! – И пояснил: – Он теперь, считайте, не филин, а молодой неопытный взрывник. У таких часто случаются трагические ошибки!».

Выкрикнув это, он намотал на лапу филина бикфордов шнур с детонатором, поджёг и торжествующе подбросил в вечернее небо.

«Летите, голуби! Летите!».

Все задрали головы, чтобы посмотреть,

как долбанёт в воздухе молодого неопытного филина-взрывника, но он, видимо, не считал себя таким уж молодым и неопытным, ему явно не хотелось совершать трагических ошибок, не стал он ожидать, когда его долбанёт в воздухе, просто нырнул в раскрытую дверь склада.

Самым быстрым оказался умный. «Полундра!» – завопил он и с чудовищной скоростью бросился в тундру, хотя прекрасно понимал, что, в принципе, не успеет добежать даже до края будущей воронки. Саша Рубан упал возле костерка лицом в нежные мхи и смиренно, наивно, чисто по-русски затаился – авось пронесёт? К счастью, Володя Шкалик, бывший десантник, не растерялся. Буквально за пару секунд успел ворваться в сумеречное помещение склада, сорвал с ноги глазастого филина детонатор и выбросил вон.

Пили молча.

Без всякой закусы.

Х

ХОР ЗВЁЗД

(юкагирская сказка)

Старичок был.

Старушка была.

Молодой сын был.

Точно лунный свет, так красив.

Надел лыжи, подбитые мехом выдры.

«Отец, мать, ухажу. Жену привести пора».

В сендухе снег белый, северное сияние. Как китовые пластины раскрашено ночное небо. «Лыжи, лыжи, куда несёте меня подобно верховому оленю?». Небесный огонь звучит как хор. «Лыжи, лыжи, куда так быстро меня несёте?».

Кругом снег, вдруг ураса стоит. Одна, как гора, стоит.

В урасе – князец полярный. Сын старичков вошёл, к дочке посватался. Лёг с нею рядом. Так близко лежали, что один и тот же сон видели.

Потом вместе вернулись.

Вместе жить стали.

Ц

ЦВЕТЫ

Мичуринский участок фантаста Виктора Колупаева был расположен вблизи томского аэропорта Огурцово. Когда тяжёлые «Ту» на форсаже уходили в небо, от рёва и ужаса на грядках закрывались цветы. И если даже по непогоде обычный рейс отменяли, жаловался Виктор, то всё равно в минуту предполагаемого взлёта цветы привычно закрывались.

Ч

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПАУТИНЫ

Детство и юность моего друга Рауфа Гасан-заде прошли в глухой азербайджанской деревне. Русский язык Рауф освоил только в университете, зато на всю жизнь сделал его своим языком. Почему у нас вырождаются национальные литературы? – не раз и всерьёз спрашивал он. И отвечал: да потому, что в России после революции исчезла двуязычность, как массовое явление. И рассказы Рауф мечтал писать так, чтобы они воздействовали на читателей напрямую, буквальным образом. Прочёл – и отказался от пива, прочёл – и поехал на студенческий фестиваль в Румынию, прочёл – и занялся выращиванием цветов. (Недавно в интервью английского писателя Питера Джеймса я встретил нечто похожее. В книге «Умри завтра», рассказал Питер Джеймс, я описываю бизнес по продаже человеческих органов, поскольку в мире существует огромный дефицит органов для пересадки. С тех пор как я написал эту книгу, уже несколько тысяч человек написали мне о своём решении стать донорами).

Казалось, литературная и личная судьба Рауфа вполне складывается, но в ночь на новый 1990 год из вполне благополучного новосибирского Академгородка он уехал в Азербайджан, где зенитки уже лупили в упор по пятнистым армейским машинам, и я долго ничего не знал о его дальнейшей жизни. Доходили слухи о том, что Рауф жив, что он принимал участие в выступлениях оппозиции, что в знак протеста против гражданской войны приковывался на площадях, объявлял голодовки.

Потом меня разыскало его письмо.

«Поздравляю тебя с Новым годом, желаю больших, сконапель, успехов в вечной и радостной жизни, – ответил мне Рауф. – Помнишь слова: «Поэт, не дорожи любовью народной»? Они, наверное, и подорвали истоки моего бедного творчества, ибо на каком-то высшем суде я проиграл своё дело вчистую, а никаких адвокатов под рукой не оказалось. Музы молчат не только, когда говорят пушки, но и когда бурчат животы – у одних от голода, у других от обжорства. И дзен проклятый достал: «Делай, не делая. Не делай, делая».

Куда ж нам плыть?

Ш

ШАМАНСТВО

Девяностые годы. Исступлённые речи, клятвы, священный бред.

«А веры никакой, одне шаманы», – как писал в «Скасках» Владимир Атласов.

РОБЕРТ ШЕКЛИ

Провести остаток жизни за чтением русских авторов? Ну, это вряд ли.

Худой, пена в уголках рта, выпяченные губы на длинном узком лице, ничего от той шевелюры, которая красовалась на первых книжках. Морщины резко вниз от глаз к уголкам рта. Курит красный «Кэмел». Клетчатая ковбойка, джинсы, кроссовки. В Екатеринбурге нас разместили в частной гостинице «Изумруд», Шекли оказался под звёздами – в номере под световым куполом.

«Почему вы не напишете автобиографию?».

«Кто её купит? В Америке меня давно не помнят».

Он потрясён интересом русских читателей к своим книгам. Оказывается, есть страны, в которых ещё можно говорить о литературе. «В романе, в повести, в рассказе, как в анекдоте, должна быть кульминация, должен быть центр натяжения, на котором держится сюжет. Литература – игра. На всех уровнях. Я ничему не учу. Я играю с читателем. Впрочем, игра сама по себе многому может научить».

«Почему вы так много пишете о смерти?»

«Да потому что это самый интересный момен-т в жизни».

В юности хотел играть на гитаре, хотел быть таким, как Фрэнк Синатра.

Чтобы повидать мир, записался в армию. «Власть машин? Да ну». Совершенно не верил. Сами по себе машины не думают и не могут думать. У них нет воображения». Однажды протянул за столом солонку застеснявшемуся фэну и был в полном восторге, когда тот, растерявшись, вместо «фэнк ю» произнес «фак ю».

Внимательные глаза, полные грусти.

ШОТЛАНДЦЫ

В феврале 1983 года в Новосибирск прилетели два писателя-шотландца.

С общественным мнением тогда в Новосибирске считались, поэтому никто не хотел гулять по улицам с двумя коренастыми рыжими мужиками, нагло напялившими на бедра юбки. Тем более что шотландцы энергично выискивали в нашей действительности всякие недочёты и недостатки. Одного звали Биш Дункан – черноволосый, мордастый, в модных стальных очках, а другого – длинноволосого – Джон Сильвер. Ты учти, предупредили меня в нашей

писательской организации, это не просто поэты, это профсоюзные поэты, а Сильвер ещё и профсоюзный художник.

«Нам говорили, – скрипел профсоюзный поэт Биш Дункан, – что кое-где в сибирской тайге все ещё существуют мамонты».

«Существовали», – подтверждал я.

«Почему – существовали?».

«В годы гражданской войны мамонтов съели красные партизаны».

«Как так? Всех до одного?» – не верили шотландцы.

«Всех. До одного, – твёрдо подтверждал я. – Когда адмирал Колчак громил красные отряды, партизаны уходили в глухую тайгу. Там даже орехов не было, грибы не росли, но мамонты попадались. В другое время привезли бы в тайгу учёных, сунули мордой в следы: разберитесь, придурки! Но учёных не было. Красные партизаны расстреляли их. Да и то. Вроде клянутся, что не интересуется политикой, а сами нацепили золотые очки?».

«А партизаны были членами профсоюза?».

«Ну, вот это вряд ли», – огорчал я шотландцев.

«А есть у вас художники и поэты – члены профсоюза?».

Ну, наверное, прикидывал я про себя. Только не Виталий Волович.

Виталий Волович живёт в Свердловске на чердаке, переоборудованном под мастерскую. Иногда перед ним раздевается молодая женщина. По делу, конечно, – обрывал я понимающие улыбки. – А иногда Волович выходит на пленэр. «Когда пишешь с природы, чувствуешь себя голландцем». Однажды писал Виталий в ясный, солнечный день какие-то страшные камни, корни на заброшенной лесной поляне за городом. Всё полумёртвое у него получалось, в плесени и в ржавчине, хотя небо над головой сияло совершеннейшей синью! Казалось бы, пиши эту синь чистую! А Волович пишет гнилые пни, ржавые камни. Явно не член профсоюза. Тут ещё вывалил из-за кустиков поддатый местный мужичок, подышал шумно, покурив. «У тебя всё неправильно, – рассудил. – Ты смотришь в синее небо, а пишешь всякую херовину. Ты только посмотри! Душа поет, какое у нас синее небо». Воловичу буркнул в ответ: «Где взять синюю краску? Нет у меня синей краски».

«А профсоюз не поможет?».

Поражённый упорством гостей, я рассказал им про другого отечественного художника. По имени Алексей. Фамилия называть не буду. Законопослушный, богобоязненный, он не только членом профсоюза, он членом партии был. Много накусал премий за работы, выполненные в традициях славного соцреализма, особенно прославился полотном: «Хорошо уродилась рожь на полях Бардымского совхоза!» А потом

что-то с ним случилось. Запил и впал в модернизм. В итоге, выгнали человека и из профсоюза, и из партии, и из страны.

Зато в Париже сбылась мечта, казавшаяся несбыточной.

В крошечную мастерскую явился (друзья устроили) кумир всей жизни – знаменитый Марк Шагал. К появлению метра Алексей разложил по полу и расставил вдоль стен все свои, скажем так, несколько переусложнённые офорты, гравюры и литографии. Когда-то (уже после полотен, посвящённых хорошему урожаю ржи на полях Бардымского совхоза) эти работы нагоняли невыразимо сложные чувства на партийных секретарей, отвечавших за чистоту сибирской идеологии.

Но Шагал почему-то никаких особенных чувств не выразил.

«Молодой человек, – погуляв по мастерской, удивленно выпятил он губы. – Когда мне было столько лет, сколько вам, я брал козу, рисовал козу, и у меня получалась коза. Когда мне было столько лет, сколько вам, я брал сосуд, рисовал сосуд, и у меня получался сосуд. А вы берёте козу, рисуете козу, а у вас получается сосуд. Вы берете сосуд, рисуете сосуд, а у вас получается коза...». И, выдержав паузу, спросил: «Молодой человек, чем вы собираетесь заниматься дальше?».

Шотландцы удивились: «А он был членом профсоюза?».

От такого вопроса я просто обалдел: «Кто? Шагал? Не знаю».

Моё тотальное незнание неприятно поразило шотландцев. Тогда я привёл их на берег холодного, продутого всеми ветрами Обского моря. Пусть отдохнут от урбанизма, думал я. Шотландцы мёрзли, отворачивались от сизой воды, поднимали легкие профсоюзные воротники, но рыбаки, рассеянные на лодках по всему пространству моря, их заинтересовали.

«Они члены профсоюза?».

Как мог я признаться, что все эти люди, неважно, члены профсоюза или нет, попросту сбежали с работы? Рыбалка интереснее. Но я пояснил: когда много работаешь, то и отдыхать надо много. У нас много отдыхают, пояснил, чтобы потом много работать. Джон Сильвер в ответ на это недоуменно засопел, а его приятель, поддёрнув юбку, нахмурился.

«В такое время суток, – осторожно закинул он удочку, – в Сибири можно выпить чашку горячего чая?».

Я обеспокоился.

Но столовая Дома учёных работала.

«А в такое время суток у вас в Сибири можно выпить чашку чая с молоком?».

Теперь я обеспокоился серьёзнее. И отправился к юной официантке Люсе. А опытная официантка Люся поинтересовалась: «Иностранцы?». И я честно ответил: «Лютые». И она понимающе улыбнулась: «Значит, им повезло. Вот держи. Я молоко домой купила, но

иностранцам отдам».

Святая душа. На таких, как она, вся Русь стоит – от Бреста до Уэлена.

А на таких, как Сильвер и Дункан, стоит только их профсоюзная Шотландия.

«Почему у вас не видно нищих? – обижались они. – А где заключённые в кандалах? А где большие медведи на улицах? Где монахи в чёрном?».

Щ

ЩЕМЯЩЕЕ

Старичок был.

С женой был, дочерей имел.

Купаться пошёл, вдруг совсем пропал.

Старуха пошла искать старичка, тоже пропала. Дочь пошла искать и пропала. Может, сказочный старичок их украл. Может, дед сендушный босоногий, глупый. Вторая дочь отправилась вслед за ними, исчезла. И третья не вернулась.

Так, плача, искали.

Так, странствуя, умерли.

Ъ

ИЗ ПРОШЛОГО

«В коробье у меня кабалы на промышленных людей, да закладная на ясыря – якуцкую жёнку именем Бычия, да пицаль винтовка добрая. Ещё шубенко пупчатое, покрыто зипуном вишнёвым. А что останетца, – так трогательно наказывал землепроходец Михайла Захаров, – то разделить в четыре монастыря: Троице живоначальной и Сергию чудотворцу, архимариту и келарю еже о Христе з братиею. А они бы положили к Солекамской на Пыскорь в монастырь 20 рублёв, и в Соловецкий монастырь 20 рублёв, и Кирилу и Афанасию в монастырь 15 рублёв, и Николе в Ныром в Чердын 5 рублев, и ещё Егорию на городище 5 рублёв. А роду и племени в мой живот никому не вступатца, – предупреждал умирающий, – потому что роду нет ближнего, одна мать жива осталась. И буде мать моя всё ещё жива, взять её в монастырь к Троице Сергию. И где изустная память выляжет, тут по ней суд и правей».

Сибирь. Семнадцатый век.

Ледяная пустыня, холод, снега.

Траурные листовенницы по горизонту.

Пробежит олешек, оставит след, рассеется, как дым, тучка.

Ы

ПОДСКАЗКА БОГА

Устроиться официантом в кафе – на всё лето!

В 1984 году мечта моего друга Бори Завгороднего стала явью.

Жаркий волгоградский вечер. Открытая терраса, уютные столики, две дамы в белом требуют бутылку розового шампанского. У Бори есть будущее. Теперь он заработает на книги, на жизнь, теперь он много заработает, почему нет? Поглядывая на чудесных изящных дам в белом, он (про себя, но торжествующе) прикидывает, какими окажутся первые чаевые? Элегантно перебросив салфетку через левую руку, в правой на подносе – розовое шампанское, подлетает к столику.

Дамы кивают: «Откройте, пожалуйста».

Боря открывает бутылку, и розовое шампанское сразу и полностью уходит на красивые белые костюмы дам.

Секунда молчания. Всего секунда.

Господь не отпускает много времени на исправление даже невольной вины.

Но тому, кто кажется ему существом достойным, он, конечно, подбрасывает подсказку. Вот Боря и расслышал никому больше не слышимый глас:

«Заказ повторять будете?»

Ь

ИЗ БУДУЩЕГО

Маленькая Саша (племянница) идёт по улице с мамой.

У магазина остановился мальчик из её детсадовской группы.

«Ва-а-анечкаааа!» – с невыразимой нежностью восклицает Саша.

«Какой ещё Ванечка?» – поражённая её нежностью восклицает мама.

И спохватившись, уже небрежно, уклончиво, как и подобает вести себя юной особе, Саша отвечает: «Да так, дурачок один!».

Э

КРОССВОРД

По вертикали: «Отец углеводородной бомбы».

Ю

ЛЕСНАЯ ПРОГУЛКА

(сказка старшего внука)

«Собралась козочка погулять, попрощалась с мамой...».

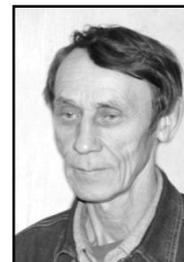
Я

СКАЗКА

Летел гусь над тундрой.

Увидел – человек у озера сидит.

Сел рядом на берегу, долго на человека смотрел, ничего в нём не понял и полетел дальше.

ПРЕДЗИМЬЕ

Стихотворения

* * *

За будничным дежурным разговором
вдруг замолчишь в предчувствии начал.
Над обнажённым выцветшим простором
увидишь свет, который не встречал.

И вздрогнешь поневоле и застынешь
над суетностью высказанных фраз.
То ль голос вопиющего в пустыне
пролился на мгновенье и погас?..

Сквозная синь за голым перелеском,
озябший свет трепещется в душе.
Кружится лист сердечной СМСкой,
но адресат вне доступа уже.

* * *

Никого не ищи, не зови
среди крапивы у ветхих заборов.
Зябко двери скрипят, и в крови
бродит ветер осеннего бора.

Словно прошлой войны сквозняки
постучались тревожно в ворота.
Взмыли чёрные вдовьи платки
и растаяли за поворотом...

Это было совсем не со мной,
но осталось наследственно в генах:
плач вдовы над осенней волной –
леденящим предчувствием в венах.

Будто в мире остался один!
И всплывёт над дворами пустыми
из глухих позабытых глубин
озарённое памятью имя.

Словно воля неведомых сил
правит кровью моею с рожденья,
чтобы я ничего не забыл
и других не обрёл на забвенья...

В СУМЕРКАХ СЛОВА

Сойдёт на нет заката алый всполох,
прольётся в сумрак тихий свет берёз.
И затомит ночной небесный полог,
пристёгнутый на пуговицы звёзд.

Сквозь тишину предчувствий и мерцанья
вдруг просквозит, прозрение тая,
из глубины неведомого знанья
сердечный смысл простого бытия.

И каждый миг, как времени иного,
несёт в себе осмысленный ответ.
Для прихожан молитвенного слова
во всём живёт открытие и свет.

Предзимье

А в деревне опять молодая зима
правит праздником, жизнью и волей.
Нынче колют свиной, и встречает с холма
терпкий запах дымов и подворий.

Словно время моё покатилося назад
вдоль румяных домов и заплотов.
Под навесами лампы пальные гудят,
как заоблачный гул самолётов.

...Завалили свинью на приземистый стол,
дикий вопль заметался под крышей,
узкий нож безошибочно сердце нашёл,
дух с дымящимся лезвием вышел.

Дым палёной щетины синее в щелях,
дышит инеем сумрак оконца.
Кровь очнётся и вспомнит себя в именах,
озарённых языческим солнцем.

Гулко цепи звенят и скрипят ворота,
чует мясо собака утробой:
дрожь истомы – волной от ушей до хвоста,
и язык – словно пламя озноба!

Ритуально хозяин сдирает нагар –
точность рук и наследственный опыт.
Из распаханной туши – клубящийся пар
и Велеса оттаявший ропот.

Шёпот жёлтых страниц – у хозяйки слова,
ей хозяин отвечает хмуро.
Смотрит в небо из снега свиной голова
сквозь глаза деревянного Чура.

Тёмный смысл совпадает со всей суетой.
В доме жарко натоплена печка...
Вот и мясо на крючьях висит в кладовой,
и янтарная желчь над крылечком.

Свежина на столе! Тёртой редьки куржак,
млеют грузди под шапкой сметаны.
В запотевшей бутылки мерцает первак,
и гремят нетерпеньем стаканы!

За здоровье хозяев, достаток, уют,
чтобы рожь не сгубили морозы!..
И старинную песню по-русски споют,
утирая украдкой слёзы...

СКОРО СКАЗОЧКА СКАЖЕТСЯ

Стихотворения

Какое сильное звено,
Но – выпавшее из цепочки...
Уменье свыше нам дано –
Как пропадать поодиночке.

По одному нас ловит стая:
Поддых – ага, по морде – хрясь,
Как бы резвяся и играя,
Но не играя, не резвясь.

Тяжела атлетика Мономаха,
Асинхронно плаванье, квёл футбол.
Проигравшего ожидает плаха.
Победителю достаётся кол.

Выпьем за победу, да где же кружка,
И, по ходу, нечего наливать...
Коротка дистанция, как кольчужка,
А мы ещё не начали запрягать...

Корейского пройдоху Пашу Ли
(таких в России более чем много)
Почти не называли по фами-
Ли-и, а звали просто Слогом.

Хлебнув лишок креплёного вина
Шатался как-то Паша у вокзала.
Цыганку встретил с картами, она
Ему, конечно, правду нагадала,

И выпадал ему казённый дом,
И ближний свет, и дальняя дорога...
Потом случилась кража, с кражей – взлом.
Поймали и закрыли Пашу Слога,

И получил он безусловный срок.
Английский учит, шутит понемногу:
Что раньше де, он был открытый Слог,
Ну а теперь он стал закрытым Слогом...

Жизнь началась, как положено, в три утра,
Сердце заньло (сердце – известный нытик),
Поиск таблетки, смысла, воды, добра...
Снова прилечь, затихнуть, выключить бра...
Жизнь – лженаука, мой неумелый гитик.

Каяться, маяться, перебирать слова,
Праздновать труса траченным валидолом...
Сдрейфив насчёт «пройдут Азорские острова»,
После сорваться на торжество шутовства:
Выжечь больное сердце дурным глаголом.

Скоро сказочка скажется,
Только делу – каюк.
Узелочек развяжется
И клубочек – на юг.
Но богатства несметные
Разбазарят вотще
Василиса Бесмертная
И Прекрасный Кащей.

Пусть будет каждому по судьбе.
У вас – золотой аи,
А я промолчу и открою себе
Солёные валуи.

Кому-то кто-то послал ананас –
Что же – рябчиков жуй.
Нет зависти в сердце, покуда у нас
Есть солёный валуй.

Кому-то – свеженькие сморчки,
Кому-то – песня без слов,
А я поправляю свои очки,
Среди своих валуёв.

Пусть кто-то держится за дзюдо,
Но буду держаться я,
До самой последней рюмочки, до
Последнего валуя.

ЧТО НА РОДУ НАПИСАНО...

Рассказ

Часть 1. Заунывные песни

Марию, давнюю знакомку, я встречаю с периодичностью два раза в год. Короче говоря, видимся мы с ней на днях рождения моих двоюродных сестёр.

Мои сестрёнки любят сбегать к ней в деревенскую глушь от городской суеты. При этом надо добавить, что они пополняют свои запасы и северной ягодой: брусникой, голубикой, клюквой, клубникой, и ядрёными грибами, и кедровыми орехами, и домашним салом, и маслом, и сметаной.

Главное же достоинство их деревенской подруги не в том, что помогает та им в решении их хозяйственных нужд, а в том, что сохранила она Бога в сердце, весёлый нрав и неизбывную доброту души. Такие люди, безусловно, притягивают к себе, как магнит.

Мария – красавица, но, обладая статной фигурой, сильным голосом, миловидным лицом и без единой сединки в волосах в свои пятьдесят с гаком лет, она одинока. Вернее, она, говоря её же языком – «разведёнка». Как-то однажды я спросила, почему она так и не вышла замуж ещё раз, она и поведала (сохраняю в общих чертах стиль её рассказа).

«Как ни говори, но что на роду написано, того не миновать... Как меня мой Михаил благоверный-то добивался... Как дивно для деревни ухаживал: цветы полевые под полой пиджака приносил (чтоб никто не видел его рыцарские подвиги), конфетками-пряничками баловал, даже шёлковый платок дарил в честь восьмого марта...

Ну, поженились мы, своим хозяйством зажили. И как-то так получилось, что этим хозяйством мне больше заниматься пришлось. Он всё больше на работе занят, а я дома. Работала почтальонкой – оббегу село за часа три, да и свободна. Да мне и в радость. Мы всегда папеньке помогали – одни девки в нашей семье – ко всему приучены. Мне бы, как теперь понимаю, чаще бы к нему за помощью обращаться, а я всё сама: и забор подлатать, и

сено в сенник перетаскать, и куру зарубить, и от бабьей работы отгулов нет. Словом, с первых дней нашей совместной жизни так и повелось – я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик. Но ничего, ещё продолжал он радовать меня приятными сюрпризами – то часики ко дню рождения купит, то кофточку из района привезёт. Я эту кофточку, бывало, прежде чем надеть, к сердцу прижимала, каждый раз радовалась её бирюзовой свежести и мужниной заботе.

Да так вот и жили: он на совхозной работе убивался, а я на домашней. Через два года понесла я. Муженёк на сына настроен, а по мне и девочка – хорошо, дитё Богом данное, и не нам печаловаться об его поле. Ну, мой тут и начал домой с запашком приходить: и дыма, и винца. Я его пытаю: «Ты, Миш, чего?». А он отбрехнётся – так случай подходящий, то премию обмыть, то день рождения своего же брата-тракториста.

Я-то ведь из поповской породы – ни пить, ни курить в доме никому не дозволяется. И пусть тятенька мой уже священником не был, в колхозниках числился, как и все, но это наставление его мы усвоили раз и на всю жизнь.

Родился сыночек, муженёк его всей своей тракторной бригадой неделю обмывал, за мной в роддом приехал не проспавшись. Курить, пока я в роддоме-то лежала, дома начал. Правда, как нас привёз, на крылечко бегать стал.

Я его и так, я его и этак уговариваю завязать, пока не разохотился совсем – всё без толку. Даже припугнула, что, мол, уйду.

– Да куда ты денешься, бабеч распечатанный? – со смешком говорит, – Не хуже других живём.

«А и правда, куда я денусь?» – подумалось мне.

А мой паразит дальше – больше озорует. Стала я замечать, что Миша зарплату утаивать начал на свои вдруг появившиеся нужды. С работы тоже всё чаще задерживаться стал, видишь ли, детский крик ему мешает, а что мне

и с дитём, и с хозяйством одной – ничего. Правда, если бы не мои младшие сёстры, совсем бы загнула, скотины-то во дворе прибавилось. Они с дитём водятся, я – со скотиной.

А тут соседка мне ещё и скажи, что видела его в компании с Риткой – разбитной продавщице нашей, у которой двое пацанов от неизвестных отцов бабка воспитывает. Да с Риткой кого не увидишь, коль в магазине работает? А соседка примолвила, что, мол, в том и дело, что не в магазине, а за их огородами под ракетами хоронились. Бери, мол, быка за рога, пока не поздно.

В тот же вечер я своему устроила разнос по всем правилам ведения скандала: с криком, со слезами, даже тарелку в сердцах разбила. А он хоть бы хны, отпирается. Померещилось соседке-сплетнице, да и только. Но с месяц после того стал домой приходить вовремя, а потом как с цепи сорвался: домой под утро пришёл, духами пахнет, весёлый, песню распевает: «А нам всё равно, а нам всё равно». Сыночка разбудил, плачем мы с ним на пару, а Мишка на диван завалился и захрапел, уставший от ночных впечатлений. Поглядела я на эту картину, утёрла сопли, собрала узелок самого необходимого, завернула в одеялко наследника, да и огородами – чтоб никто не видел – к отчому дому почалила. Думала, проспится муженёк, приплывёт за нами, устыдится своего поведения. А он не приплыл, а с радости в загул окончательно ушёл. Это уж потом мне домашние рассказали, что давно про Ритку знали, да не говорили, боясь, что молоко пропадёт у меня. Родственники – тётка Зина и старшая замужняя сестра с отцом – увели скотину, ими подаренную на нашу свадьбу, оставив приплод непутёвому зятю, перевезли вещи мои обратно к нам домой. А Мишка даже слова им не сказал, махнул только рукой, да что-то буркнул себе под нос.

Так одним своим взмахом руки он положил крест на своей семейной жизни. Его жизнь покатила под уклон. Недолго и Ритка у него задержалась, ещё какие-то бабёнки ненашенские появлялись и растворялись в неизвестном направлении. Хозяйство похерил, сам кое-как на работе удерживался, видно из жалости к бывшим трудовым подвигам. Но это уже было мне безразлично. Выкормив ребёнка до года, подалась я в город, оставив сына у родителей. Нашла работу на заводе, где с первых дней себя проявила, наша порода до работы жадная. Через год дали комнату в общежитии (я ведь мать с дитём). Привезла я

сыночка, в садик устроила. Живи, радуйся. Вся жизнь впереди. Сына вырастить человеком надо, до мужиков ли мне? Правда, обращали внимание они на меня, но всё какие-то непутёвые, несамостоятельные, курящие, без Бога в душе. По Мишке знаю, что таких не исправить.

Наступили перестроечные времена, работы на заводе не стало, алиментов нет, голодно в городе, решила обратно в деревню вернуться. Продала я комнату в общежитии. Дом в Муромцево купила, чтоб к родной деревне поближе и к городу удобней добираться. К тому времени у меня сын школу окончил, в музыкальное училище определился – слух у него исключительный, в нашу породу парнишка пошёл. Так вот челочно и жила все его годы его учёбы в Омске: в деревню к сёстрам за натуральными продуктами, в город – сыну в общежитие холодильник затаривать.

А папаша его окончательно спился, скукожился весь, старик-стариком (а ведь старше-то меня на каких-то три года всего лишь), болтается по деревне – где что плохо лежит к рукам прибирает, тем и кормится.

Ну а мне вот так добрый мужчина и не попался. Хорошие мужики-то при жёнах давно, а чью-то семью разбивать – грех великий.

Зато рада я, что сынок в нашу породу пошёл, цельный мужчина, с принципами. Закончил Новосибирскую консерваторию, альтистом в оркестре работает, по миру уже гастролирует. До сих пор не женат. Я ему наказываю из наших деревенских присмотреть, потому, как не совсем совесть потеряли: не избалованы городской жизнью, до сигарет и пива – как к норме – ещё не привыкшие, к родителям почтение не растеряли». Творчество творчеством, но дома, чтоб тыл надёжный был, чтоб борщ на столе ждал и плюшки-ватрушки. Да и с внучатами охота потешкаться...».

Помолчав, Мария неожиданно затягивает мне неизвестную песню «Доля». Печально звучит её зачин: «Нагруженная доверху тележка за спиной, поскрипывая, катится она везде за мной...».

И смотрю я на эту деревенскую красавицу – простую русскую бабу, чьи руки с мужскими посоревнуются мозолями, и досаую: «Ну почему, почему у нас так в Отечестве заведено? Почему стоит вечный бабий вой? Ну почему им из века в век приходится и «...коней на скаку останавливать», и «...в избы горящие входить»? Ну почему они одной радостью и живут – дети, внуки, забывая о себе? Не от того

ли и песни наши народные всё больше заунывные и с несчастливом концом?

И, видно, почувствовав мои мысли, Мария тихо вздыхает:

– Эх, долюшка ты, долюшка ...У каждого своя... А чего роптать, коли такая выпала?..

Часть 2. Песни любви

В одну из следующих наших встреч Мария, перепев весь свой репертуар о женской доле, сама завела разговор о судьбе, которая не всегда бывает злодейкой, и рассказала историю своей близкой родственницы.

«Моя тётка Зина – отцова сеструха – за свой век три раза замуж выходила, а раскрасавицей не слыла.

Почти девчонкой, которой только-только и восемнадцать исполнилось, замуж вышла за фронтовика, а ведь того девушка ждала четыре года.

Первый муж Василий был старше Зинаиды на пять лет. Любил он другую девку, Катерину, ещё до войны. Аккурат летом ему восемнадцать исполнилось, сразу на фронт и ушёл. Но в ночь перед отправкой со своей любовью под звёздным небом и обвенчались, потому как неизвестно, останется ли жив? Решили, если затяжелеет, от отца-матери не таиться, а рожать наследника. Но не случилось, и Катя его родителей в известность не поставила о свершившемся факте, коль весомых последствий той единственной ночи не оказалось. Это сейчас не стыдно, а тогда честь-то блюли, и кабы не такие грозные обстоятельства, этому бы никогда и не бывать до свадьбы.

Василий воевал на Западном фронте, был ранен, но легко, контужен, имел медаль «За отвагу» и орден «Красной звезды».

В середине лета 1945 года он благополучно вернулся на родную свою сторонку. Отгуляв с роднёй и соседями первые часы своего возвращения, Василий, хмельной и счастливый, отправился к своей зазнобе. Увидев, как она похорошела за эти четыре года, как налилась она телом, как вызрела в свою женскую пору, он почему-то нахмурился. Глядевший смерти в глаза не раз на войне, и знавший фронтовые порядки, где жили одной минутой порой и медсёстры, и связистки, Василий не поверил Катерине, что ждала его верно. Ну как тут поверить, что не приняла она ухаживаний председателя колхоза, который, как говорят, был падок на женскую красоту здесь, в

далёком тылу? Это был их односельчанин, вернувшийся с войны ещё весной 1943 года, пусть и одноногим, но тридцатипятилетним мужиком в самом расцвете сил. Да и Катерина, выказав радость от первых минут свидания, однако отказалась продолжить его с Василием на сеновале.

– Уж если ты мне, парнишке, отдалась, то не могла отказать и председателю! – выпалил Вася в хмельном угаре.

Не таких слов ждала его девушка, хлопнула калиткой и крикнула в горячке:

– Ну и женись на первой попавшейся дурочке!

Первой попавшейся дурочкой оказалась Зина, шедшая в это время к своей подружке, чтоб отправиться с той на вечерки. Увидев вернувшегося фронтовика, Зина обрадовалась, как и любая девчонка, разглядев на гимнастёрке награды солдата, задав наивный вопрос: «А вы – герой?». Василий, увидев простоту её бесхитростного сердечка, пошёл с девушкой туда, где табунилась колхозная молодёжь. То ли гармонист очень жарко наяривал, то ли не остыл ещё от внезапно вспыхнувшей ревности, но Василий от души плясал и кружился со всеми подряд девчатами, как бы себе самому отвечая, что, мол, обойдёмся и без некоторых.

Ох, сколько он в тот вечер вскружил девичьих головок, сколько их сердечек заставил биться сильнее! И полилась девичья песня, слушать которую было так волнительно, так сладко и больно одновременно... «То моё сердечко стонет», – выплёскивали девчата свою тоску по убитым ли на войне сверстникам, то ли по своей трудной юности. Особенно выделялся один голос, обладательницей которого была его случайная попутчица. Пригляделся внимательней к ней Василий, спросив у кого-то, чья, мол, будет эта певунья? А наутро и засватали Зину.

Катя, говорят, три дня ревела белугой дома, а на четвёртый спешно расписалась в сельсовете с приехавшим из города дальним родственником (троюродным или четвероюродным братом). Был он младше своей жены на четыре года, но имел городскую прописку и слыл уже знатным токарем на оборонном заводе, что позволило и Кате навсегда покинуть родные пенаты. К слову сказать, их брак, оказался более счастливым, чем у другой образовавшейся новой семьи в их деревне.

И хотя сынов троих наковали, дом всем миром сладили, песен в доме слышно было

мало. Крут нравом был Василий, чуть что не так – вожжой в сердцах обожжёт проштрафившуюся Зинаиду.

– Зинка, мать-перемать, почему щи, как помои, холодные подаёшь? Зинка, куда глядишь, мальчонка у будки собачьей из Мухтаркиной миски воду пьёт? Зинка, где тебя холера носит? – только и раздавались грозные окрики мужа.

Зина любит, значит, и терпит все серчанья-то мужа. Боялась только на глаза Василию показываться, когда тот сильно пьян был, от греха подальше, потому как мог зацепиться за какое-нибудь словцо, не так ему сказанное. Тогда и плюха могла прилететь. На следующий день, правда, всегда искренне каялся, пил ковшами квасок ядрёный, постанывал, да с особым усердием хозяйничал во дворе после колхозных своих конюшенных дел, да ночью крепче обычного тискал жену, замиряясь, таким образом, с пострадавшей... Как сыновья-погодки подросли, сильно уже и не безобразничал пьяный, побаивался мамкиных заступников.

Двадцать пять лет прожили.

Старшие сыновья отделились, младший, из армии вернувшийся, того и гляди, домой сноху привести захочет, как тётка моя овдовела. Громом убило её грозного Василия на покосе. Было ей в ту пору сорок три года.

Через год и младший сынок, женившись, уехал с молодой жить в район. Ох, и горевала, ох, и горевала она, в другой раз вдруг ощутившая своё вдовство в опустевшем доме. Как говорится, баба ягодка опять к сорока-то пяти, а у Зины цвет осыпался. Зато подружки вдовы, да так и оставшиеся одинокими, разом подобрали, приняли в своё бабье царство. Зачастили к ней в избу. Ну, оно-то, конечно, на миру веселее век куковать.

На втором году вдовства давай к Зине Кузьма подъезжать насчёт совместной жизни. Был он мужик пришлый, жил на соседней улице, их огороды на меже встречались.

Она сначала в раздумья: три года как овдовел, ни к кому не сватался, ни в родную деревню свою не уехал, и вдруг – здравье, приехали! Да и покойная его жена, были слухи, жаловалась: «Не мужик ни во дворе, ни в койке!». Не от того ли и болела? Но всё же подумала-подумала тётка, да и согласилась. За три года одинокой жизни Кузьма не спился, дом в порядке держит, правда от коровы отказался, а так ни птицы, ни пороса, ни овец не свёл со двора, хотя много ли одному надо, только что

единственной дочке в город продуктов подбросить, так то дело святое, родительское. А уж про койку чего ей горевать, пятый десяток разменяла. Условие только поставила, чтоб к ней в примачки, а свой дом пусть продаёт, деньги – дочке, чтоб не таила та обиды на отца. Так и сделали.

Кузьма же себя не только по хозяйству показал, но и ночной порой удержу не было. И чего это его покойная-то жена напраслину на мужика напускала, Зинаида бы в толк так и не взяла, кабы однажды Кузьма не разговорился, выпив лишку при первой их совместной встрече Нового года:

– Эх, Зиночка, я давно тебя заприметил, жалел и всегда дивовался, за что ярится Василий? А уж как я твои песни редкие любил услышать невзначай: полешь картошку на огороде и тихо напеваешь, а у меня мурашки по спине. Стою у стайки, а выйти с заднего двора на огород боюсь, чтоб не вспугнуть твой серебряный голосок, потому как только за работой и можно было иногда услышать его. А моя... Моя жена долго путалась с председателем колхоза, я знал, но терпел из-за дочери. Но взял тот новую секретаршу, получила моя отставку, в кадры переведена была, а зло девать некуда, на мне отыгрывалась дома. Но когда прослышал я, как она меня стала на всех перекрёстках лаять, терпенью моему конец пришёл, уехал к отцу-матери. Думал – навсегда, но на третий день вернулся, дочка во сне звала. Приехал, а она кинулась ко мне на шею, плачет:

– Папка, не бросай меня!

Ласковая она у меня, смирённая, не в мать. Вот я и остался. Жить стали в разных комнатах: доча с супружницей – в спальне ночевали, а я в кухне на проходном диване обретался. Жена бесилась поначалу, но потом присмирела. Пять лет, что дочка доучивалась в школе, она ещё по больницам не ездила, а как наследница наша в институт поступила, тут она и разболелась. Вот и новая забота у нас появилась – бороться с её онкологией. Дотянула до врачебного диплома дочери наша больная, да, но наша ласточка мамку вылечить уже не успела. Перед смертью жена, царство ей небесное, просила прощения у меня. Да я ей давно уже всё простил, все те пять лет, что с болезнью боролись. Давно уже все обиды выгорели. Бог ей судья. А ты мне как награда, как неожиданный подарок за несправедливости жизни.

– Эх, Зиночка, Зиночка моя любимая, звёздочка моя ясная, радость моя, спой лучше ещё!

И Зиночка тихо пела вновь обрётённой своей любви.

Прошло двадцать лет неожиданного счастья.

Перешагнули Зиночка с Кузьмой и порог старости. Оба знали, что смерть их не за горами – уже и ровесники некоторые на погосте оказались, и оба надеялись, что долго друг без друга не заживутся. Но судьба распорядилась по-своему: Кузьму хватил удар. Целый год ухаживала за парализованным мужем Зинаида, уже и дочка его собиралась увезти отца к себе в город, где могла бы она организовать медицинский уход, но тётка не отдала, сказав, что у них и место на кладбище выбрано. Да и дочь сама понимала, что трогать не стоит, что, возможно, и жив ещё её отец благодаря хорошему уходу его ненаглядной Зиночки.

Похороны Кузьмы собрали всю многочисленную родню как с его, так и со стороны тётки. Сыновья Зинаиды красивую оградку сварили, как мать просила, с расчётом на две могилки, а памятник дочь поставила. Всё с умом сделали, как полагается.

Зинаида, будто умом тронулась, не убивалась, как по первому мужу, а тихо чего-то напевала: и над гробом Кузьмы, целуя его восковой лоб, и над могилой о чём-то мычала без слов. Но и местный фельдшер, и дочь Кузьмы опасения нашей родни рассеяли, сказав, что такое бывает, когда человек не до конца осознаёт смерть близкого, а обращается к нему, как к живому. А где им понять, что остался он в сердце её навсегда живым и любимым? Весь год его тяжёлой болезни Зинаида проговорила с Кузьмой и по глазам его видела, что понятны ему её слова, потому как сердце любовь чувствует.

Кузьма часто приходил к ней во сне. Понемногу и подруги её привыкли к бесконечным рассказам-снам о Кузьме. В тайне завидовали даже такой их привязанности. И правда, то, о чём Кузьма говорил ей во сне, часто сбывалось. То предостерегает об опасности в бане, а она и вправду там чуть не угорела, хорошо, что одна из подружек, часто мывшаяся в банный день у Зиночки, зашла пораньше, да вытащила на свежий воздух спящую тётку. В другой раз Кузьма велит ей брать щенка. «Какого щенка? Свой Верный ещё пёс молодой», – подумалось ей. А не прошло и недели, как пёс, сорвавшись с цепи, выскочил

на улицу, да и попал под колёса ехавшей по дороге машины. И таких случаев было не перечесть. И вот однажды Кузьма ей сказал о предстоящей свадьбе. Долго разбирала она с подружками, у кого из внучат ей придётся гулять на свадьбе: внучка младшая пятнадцати лет, старшие внуки кто женат, кто в армии служат, какие свадьбы? «Наверное, учёный внук дочери Кузьмы завяжет с жизнью холостяка», – решила она про себя. И того не ведала, что предупреждал он её о её же свадьбе».

Заслушавшись эпопеей про тётку Зину, мы с сестричками и не заметили, что пришла пора спешно мне прощаться и с ними, и с рассказчицей, потому что всего лишь через час у меня отходил последний автобус, а до остановки его ещё надо добраться. Живу я в пригороде, и после девяти вечера, туда проблематично уехать. Взяв честное слово, что Мария продолжит рассказ о третьем замужестве своей шестидесятипятилетней тётки в следующую нашу встречу, я отправилась к себе домой.

Уже в салоне автобуса, удачно устроившись на освободившееся место, я мысленно вновь и вновь возвращалась к услышанной истории о, не ставшей злодейкой, судьбе русской бабы...

Часть 3. Песни нежности

Вечером 30 апреля позвонила мне старшая сестрёнка Надежда с сообщением, что все сёстры решили отмечать Первомай у неё на даче: шашлык, банька, близкий Иртыш располагают к отличному отдыху на природе. И хотя на своей даче работы хватает, но решила не игнорировать совместное празднование Дня труда. У нас и ручья в окрестностях пригородного посёлка не наблюдается, из всех водоёмов – несколько котлованов, к которым ещё ехать надо. То ли дело – дача сестры: всего в метрах двухстах от иртышского песчаного берега. Близость реки предполагает романтику: вечерняя прогулка по берегу, любование лунной дорожкой на волнах, огнями проплывающих судов и кострами рыбаков.

Но не одна я соскучилась по речной романтике – неожиданно и Мария забросила свой северный сад-огород и приехала к своим подругам, узнав, где собирается наша компания:

– Наше Муромцево нынче залило, земля ещё сырая, в огород не вылезешь, поеду-ка я к девчонкам! – радостно сообщает она при своём появлении всем нам.

Мы оживлены не меньше её – сюрприз удался, значит, будут и старинные песни, и рассказы.

Наконец-то, отдав должное угощению нашей сестрёнки-кулинарки, подняв градус общения посредством не только чая с плюшками, вдоволь нагулявшись по берегу Иртыша, умиротворённые плеском его волн, мы вернулись на дачу, где уже в домике ждали нас спальные места. Наступила пора самых откровенных рассказов «за жизнь». Не помню особо, чем сокровенным делилась сама и чем мои сёстры, но рассказа Марии все, как всегда, ждали. Наша рассказчица, откашлявшись, начала:

«Итак, мы остановились тогда на том, что нашей Зине после смерти Кузьмы было очень одиноко. Зачастившие подружки хоть и уговаривали сами себя, что, мол, одним жить легче: «...сам себе голова, сам себе шея», на самом деле, тоже скучали, потому и держались общим табором. Ну и Зине одиноко, чай-то с подружками хлебают, поперёк их бабского суда голос не подаёт, но тоскует по-чёрному.

От подступившей хандры спасается рукоделием, да не абы каким, а шапки стала шить на заказ. К этому делу её первый ещё муж приучил. Натаскает ей ондатры, шкурки обрабатывает, а ей шить-обшивать и ребят своих, и мужа-охотника, а что лишку – на продажу.

При Кузьме у Зинаиды житьё было полегче. Дети разъехались, от коровы отказались, держали порося да курочек себе для пропитания. Кузьма её баловал: и обновы справлял не только к именинам, и перетруждать не давал – всё по хозяйству делал сам, ей только оставалось готовить да за чистотой в доме следить, на огороде и то норовил супругник помочь своей ненаглядной не только с поливом, но и редьку, лук, огурцы выращивал сам, остальной овощ оставлял для забавы Зинаиде.

А какие хорошие слова говорил ей Кузьма за каждую мелочную заботу о нём: будь то пришитая пуговица или связанные для него рукавицы! А какие слова нашёптывал ей ночами, что сердце из груди выпрыгивало! Сладко, обморочно жила она с Кузьмой, что там говорить, совсем не так, как с Василием. Одно и то хорошо, что многому научил её первый муж. Вот и с тем же шитьём шапок, что сейчас ей стало и своеобразным способом разбавлять свою грусть-тоску. Люди стали не только из своего села к ней обращаться, но и из райцентра. Новый человек – это всегда и новые

впечатления. А ещё Зинаида стала примечать – если человек хороший, тёплый попадался, то и шапка шилась легко и без каких-то переделок. С таким ремеслом прошёл незаметно год после смерти второго её мужа.

Вскоре после знаменитого сна про свадьбу, незадолго до шестидесятилетия Зинаиды, приехал к ней из района вдовец. Был он на пять лет старше её. Вежливый, культурный, учитель математики на пенсии. Она заробела и от неожиданного предложения предполагаемого квартиранта, и от такой обходительности. «Куда мне со свинячьим рылом да в калачный ряд», – подумала вначале, но выслушав его историю жизни, согласилась с его решительной фразой: «Вместе веселее век коротать, Зинаида Ильинична». И такой у него тихий свет из глаз, и такая же неизбывная печаль, что Зинаида тут же и согласилась принять осиротевшую душу.

История жизни Николая Никифоровича Быструшкина уместилась одной записью в трудовой книжке, ветеранской медалью, могильным холмиком его жены на погосте, двумя дочерьми, сыну одной из которых он и подарил своё жильё. Конечно, он мог бы жить у любой из них, обе звали, но это предполагало зависимость и от зятёв, которые были гулеваны: один крепко любил вино, другой – женщин. А быть участником семейных разборок на старости лет не хотелось. Он и любимого внука после его свадьбы постарался быстрее отселить от вечного перегара родного папаша. Сначала он жил с семьёй внука в своей двухкомнатной «хрущёвке», но узнав, что ожидается аж целая двойня правнуков, Николай Никифорович решил на кардинальные перемены и в своей жизни. Чувствовал, что так будет лучше всем. Поискать хорошую женщину со своим углом ему присоветовала одна из его дальних родственниц. Конечно, это предполагало определённую зависимость от чужого человека, но это же давало и возможность сохранить своё внутреннее я, живя на правах квартиросъёмщика.

Николай Никифорович заведённым порядкам своей хозяйки не перечил. Вставал, как и она, рано. Она – к печи, он – во двор. Из всего хозяйства одни куры и остались у Зинаиды, так он их покормит, двор выметет, Тузика накормит, дров наносит к печи, что надо – распилит, приколотит, почистит, ограду починит. Не растерял силёнки мужицкие в своей благоустроенной квартирке мужчина.

Тётка рада неожиданной подмоге, а ещё пуще – уважительному к себе отношению: Зинаидой Ильиничной величает её квартирант. Николай Никифорович полпенсии ей отдаёт, остальные – на книжку на «чёрный день», и ей то же советует, не в кубышке держать, а проценты получать (тогда-то ещё банкам верить можно было).

И как-то само собой получилось, что и новые порядки в доме у Зинаиды завелись. Утром – перед завтраком – её постоялец читал газеты и слушал радио, а потом знакомил хозяйку с международным положением, что непонятно – разъяснит доходчиво. Её Кузьма, при котором пошла повальная мода на телевизоры, новости смотрел, но она ими не интересовалась, вот концерты по праздникам либо кино про жизнь глядела, а тут стала понимать, что всё в мире взаимосвязано. А ещё нравилось, что её квартирант умел предвидеть, что последует после того или иного политического факта.

Месяц так прожили, начали привыкать друг к другу. А тут день рождения Зинаиды Ильиничны подоспел – круглая дата. Подружайки пришли, да не столько поздравить, сколько поближе разглядеть её постояльца и решить для себя и «общества» надолго ли «залётный гусь»?

А «залётный гусь» соловьём хоть и не разливался, но подружайкам дюже понравился – воспитанный, умный, шутку понимает и сам умеет развеселить компанию. Видит тётка, что зависть уже в их глазах промелькивает, но виду не подаёт. Зинаида, поняв, что её товарки положили глаз на Николая Никифоровича, шутки шутят, плечиком невзначай задевают, ухаживают за столом, так захотела Николаю Никифоровичу доказать, что она не только в стряпне да уборках дока, но есть и в ней Божья искра. После пары рюмочек русского национального напитка неожиданно для всех запела наша именинница. А голос у Зины от природы был сильный, красивый, но Василий охоту к пению отбил, она ему с закрытым ртом больше нравилась. Так и привыкла за двадцать пять лет жизни с первым мужем на людях не петь. Кузьма любил голос ненаглядной своей жёнушки, но песни пела она для него одного,

вполголоса. Вот и сейчас она завела тихонько такую песню, от которой у самой всегда мурашки бежали. И все её гостыюшки вспомнили разом, каким талантом обладает их подружка, подхватили не дружно, вразной песню не их репертуара. А именинница запела понравившуюся ей песню из фильма «Три тополя на Плющихе». Песня та называлась «Нежность», одной строчкой которой: «Опустела без тебя земля...», бравшей слушателя за душу, выворачивавшей её наизнанку и отвечавшей на вопрос – зря ли ты жил, человек, на этой самой земле, если не испытал такой любви и нежности?

Николай Никифорович вилку в сторону отложил, рукой голову подпёр и глаз с Зинаиды Ильиничны не спускает. А глаза его полнятся удивлением-восхищением, светом наливаются каким-то радостным, блеском ослепляют. А хозяйке уже и не до глаз своего жильца, полвека, почитай, на людях не пела, сама себе дивуется – как песня-то хорошо плывёт над притихшим уже столом. И разом гостыюшки приуныли, поняв, что ни одна из них с Зинойчкой соперничать не сможет.

Вечером, когда ушли гости и была вымыта посуда, Николай Никифорович, помогавший Зинаиде Ильиничне в этих хлопотах, негромко спросил:

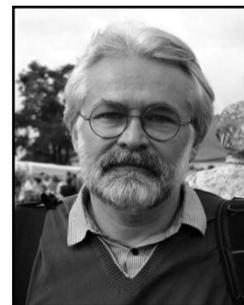
– А не насмешим ли мы людей, если обвенчаемся с Вами? Вы выйдете за меня замуж?

Она, чуть помедлив, кивнула и, засмуцавшись, прикрыла ладонью глаза. Но, если нежность переполняет сердца, оставшиеся молодыми, разве можно стыдиться?».

В темноте дачной гостиной не видно было, кто из нас всхлипнул (а, может быть, все мы прослезилась?) при последних словах рассказа нашей Марьюшки. Неожиданно для меня, она, вспомнив наш давний разговор, сказала:

– А ты меня спрашиваешь, что замуж-то я не вышла? Уже сколько я молилась и Ксении Петербургской, и Всецарице, и Николаю-угоднику послать мне хотя бы на старости лет такого вот Никифоровича, а не судьба...

И что тут скажешь?

СКВОЗЬ МУКУ НЕСОЕДИНЕНЬЯ

Стихотворения

Волчица

М. Кудимовой

Когда пространство ополчится
и горечь претворится в ночь,
грядёт тамбовская волчица —
одна — товарищу помочь.

И на рассерженны просторы,
где дух возмездья не зачах,
но искорёженны которы,
глядит с решимостью в очах.

Гнетёт серебряные брови
и дыбит огненную шерсть,
и слово, полное любви,
в ней пробуждается, как весть.

«Почто, безпечный мой товарищ,
ты был расслаблен, вял и снул!
Покуда тварь не отоваришь,
не размыкай железных скул!

Сжимай — до вражьего издоха —
любви победные клыки!»
Кровава хворая эпоха,
но лапы верные — легки.

Тапочки Серафима

Песенка

Протоиерею Николаю Германскому

Серафим по фамилии Тяпочкин
был обычный на вид серафим.
Хоть носил он обычные тапочки,
свет нездешний струился над ним.

Проживал он в посёлке Ракитное,
возле яблоньки, в малом доме,
и невидное небо блакитное
было видно ему одному.

Приближались дали бездонные
от доселе неведанных слов,
и слетались мы, птахи бездомные,
на прокорм — к Серафиму под кров.

Кто старался у домика этого,
тот такую калитку открыл! —
в обителище света всепетого,
в помаванье немислимых крыл.

Не ослабились узы нисколючко
на просторе пустом и потом,
когда лёг возле храма Никольского
Серафим под дубовым крестом.

В огородиках тяпают тяпочки,
я за тяпочку тоже берусь...
И хранит серафимовы тапочки
слободская засечная Русь.

* * *

Сквозь муку несоединенья
мы продираемся, бойцы
подпольного соединенья,
стараясь не отдать концы.

Нам выдали нагрузку к счастью —
таскать разлуки кирпичи,
но эти испытанья, к счастью,
сгорают в раненой печи.

И ты выносишь эту ношу —
так трудный груз несёт вода —
и шепчешь: я тебя не брошу,
тебя не брошу никогда.

* * *

Дышит ветер неспешный, заветный,
овевая невидимый сад.
Ходит тихо Господь безответный
посреди обезумевших стад.

Никакого им сада не надо
и не надо для сада рассад,
потому что рассада для ада
им отрадней, как собственно ад.

Потому что не кущи, а рощи
разрастаются в тёплой крови.
Потому что бездумней и проще,
и привычнее жить без любви.

МЕЖСЕЗОНЬЕ

Стихотворения

Был вечер грозой расколот,
и ветер свистел во тьму.
– Какой здесь собачий холод! –
сказала она ему,
– А помнишь, как мы встречали
грозу и темнел причал?
Вздыхнул он, поник плечами:
хоть вспомнил, но промолчал.

И время ползёт по кругу,
и вязок житейский ил.
Он встал и закрыл фрамугу,
чтоб ветер не просквозил.
Ловя отголосок слова,
не в силах проститься с ней,
он лёг на тахту и снова
увидел её во сне.

*яркие губы – твоя приманка
и в глазах озорной намёк
И. Караулов*

в небе солнце медленно догорает
ливням будущим вопреки
видишь двое прячутся в том сарае
за просёлками у реки

ковыли степные склоняют выи
до иссушенной твёрдой как сталь земли
а ребята видимо городские
вон куда себя завели

у девчонки чуть золотятся скулы
майка лёгкая коротка
у мальчишки плечи слегка сутулы
от походной тяжести рюкзака

скоро ночь от взглядов любых укроет
юных страсть и зрелых земную грусть
помнишь нас таких же как эти двое
не гони их пусть

макро

золотые плывут облака
одичалые травы густы
в кадре полдень на снимках цветы
прорисованы до завитка

сила вдоха настолько легка
сила дрожи настолько мала
не спугнуть — в сердцевине цветка
битый час копошится пчела
что сквозь птичий горластый припев
и прохладного ветра порыв
на мгновение вдруг замерев
как пришелец глядит в объектив

ветерок ленив но привычен рыскать
дверь открой — взовётся над головами
вот она заходит в кафе на рижской
в телефон сквозь гул шелестя словами

за окном такая теплеет осень
в паутине солнечной чётко профиль
у него заказы — он ей приносит
не спросив такую же чашку кофе

как вчера и завтра — простая радость
это чувство тихого постоянства
он глядит украдкой — всегда одна здесь
вне судьбы и времени и пространства

а на кухне чад и процесс чин чином
серебрится пена звенят стаканы
и коричный запах от капучино
затмевает горечь американо

в кафетерии пахнет цукатным хлебом
запах кофе тонок как органза
я сажусь под плакатом наоми кемпбелл
переждать покуда шумит гроза

вызревающий вечер обмётан синью
а напротив у стойки где ярост свет
золотистая девушка в джинсах скинни
улыбается парню в бейсболке ред

за окном в отдаленье звенит столица
разбиваются капли искрят вразлёт
и горчит в стакане моём корица
а у них в бокалах темнеет лёд

но когда оттремят в водостоках реки
время выйдет за мною в дверной проём
где мерцает воздух как платье бейкер
а они останутся здесь вдвоём

ЛИТПРОЦЕСС

Стихотворения

огнедышащий дракон Андрюша
выходит на утреннюю поверку
спасайте свои брандмауэры и кронверки
в плохом настроении он всё поливает огнём
ночью и днём

огнедышащий дракон Андрюша
пробует голос прочищает уши
на всякий случай всматривается вдаль
что там за не-ви-даль

огнедышащий дракон Андрюша
проверяет фортификации
настраивается на лучшее
пополняет оптимальный запас огня
на случай плохого дня

ждёт сплетен ночью трудовой народ

поэтов чьи стихи переживут
столетний порог
предлагаю относить к классикам
без обсуждений
поэтов которых не забудут
через пятьдесят лет
предлагаю изучать в университетах
поэтов которых вспомнят
через тридцать лет
можно канонизировать
как местночтимых
возможны варианты

кто-то купит
упоминание себя в журнале N
на тридцать лет
(десять тысяч в год)
кто-то купит посмертные публикации
(пятьдесят тысяч за каждую)
кто-то оплатит книгу в ЖЗЛ
(пятьсот тысяч)

остальные возьмут
измором
связями
личным обаянием

так и будет

после сорока
уже не берут в космонавты
в артисты
в менеджеры среднего звена
зато открыты
творческие профессии
можно пойти
в писатели дворники
на худой конец
в президенты
успех не гарантирован
но почему бы не попытаться
я бы вообще открыл
Центр подготовки президентов
по примеру Литературного института
бездарности отваяются сами
среднячки заполнят ряды
в государственной думе
а отличников
можно назначать
губернаторами
региональными представителями
руководителями корпораций
пусть пока тренируются
на местах

на съёмках программы «Игра в бисер»

в кинокомплексе Амедиа
в туалете
висит объявление
просьба не рисовать на стенах

Андрей Василевский
спрашивает меня
кто же сюда ходит
если приходится писать
подобные объявления

такие же как мы
отвечаю я
артисты писатели музыканты
им не хватает самовыражения
в обычной жизни

АТЛАНТ ИЗ НАУЧНОГО ИНСТИТУТА

Рассказ

Владимир Петрович встал раньше обычного.

Позавтракал, не дожидаясь жены. Принял отложенные с вечера таблетки – целую горсть. Таблетки жена для наглядности укладывала в пластмассовый контейнер с ячейками «утро», «день», «вечер». Так делают в больницах, и воспоминание о больнице заставило Владимира Петровича поморщиться.

Он пригладил волосы рукой. Надо будет перед выходом причесаться. Не помешало бы и побриться, но в одиночку управиться с бритвой ему теперь было сложно, а будить жену не хотелось.

Владимир Петрович зашаркал в прихожую. Открыл гардероб, стал на ощупь перебирать костюмы.

– Володя? – в дверях комнаты появилась жена. – Ты что тут роешься?

Владимир Петрович на мгновение замер, потом усмехнулся привычно:

– Галочка, ложись, поспи ещё.

Ему никак не удавалось нащупать нужный костюм. Пальцы помнили: фланель, прохладная, мягкая. А вот зрение давно отказало. Окружающий мир с каждым годом терял прежнюю чёткость, расплывался серым колышущимся туманом.

Галина Антоновна возмутилась.

– Никуда я не лягу. Что ты затеял?

– В Институт надо, – отрывисто произнёс Владимир Петрович. Он знал, что последует буря.

– Куда? – ахнула Галина Антоновна. – Что ты там забыл? Володя?!

– Учёный совет сегодня, – сказал Владимир Петрович.

– Какой учёный совет? Ты что?

– Звонил же вчера... как его? Ну? Подскажи!

Галина Антоновна всплеснула руками.

– Господи... Сейчас начнётся опять...

– Ну? Галочка? Напомни! – голос Владимира Петровича просительно дрогнул. Просьба, граничащая с беспомощностью. В прежние годы такого не было. Когда он был начальником отдела в Институте материаловедения, и позже, когда стал замом директора, и в совсем поздние годы, когда, по возрасту, ему оставили только должность завсектором, – в ту пору его просьбы звучали

иначе. Был в них и строгий начальственный рокот, и снисходительное добродушие, присущее Владимиру Петровичу во все времена, и даже что-то аристократическое звучало тогда в его голосе.

Владимир Петрович никогда не опускался до грубого слова. С подчинёнными, что бы ни случилось, держался всегда уважительно. Перед вышестоящими не заискивал. По институтским меркам это было редкостью, и Владимира Петровича действительно любили все – от аспирантов и референтов до убелённых сединами академиков и сухих администраторов из дирекции.

За шесть десятилетий в Институте сменилось немало директоров. Но Владимир Петрович оставался незыблем. Шутили, что он, с двумя другими старожилками-профессорами, – словно троица атлантов-хранителей, которые держат на своих плечах Институтскую твердь.

Никто из «атлантов» не вышел на пенсию. Они, как когда-то герои Стругацких, не мыслили себя вне работы. Других провожали в шестьдесят, в семьдесят, многие сотрудники уволились сами в лихие девяностые, когда зарплаты съёжились до предела, а Институт, некогда престижное по советским меркам учреждение, вступил в эпоху упадка. Многие ушли в мир иной. Но Владимир Петрович держался.

Как-то на «пересменке» между двумя директорами (министерского назначенца отверг коллектив, а новую кандидатуру министерство придерживало, вероятно, в отместку) – директорские обязанности временно возложили на Владимира Петровича. Но он дал понять функционерам-чиновникам, что такая карьерная перспектива его не интересует. Бюрократическая возня, согласование разных бумажек – отвлекали Владимира Петровича от науки, а наука была для него важнее регалий.

Так шло время... Кипела работа. Под началом Владимира Петровича защищались кандидаты и доктора наук. Сам Владимир Петрович старался не уступать давлению времени. Хотя было трудно, копилась болезнь, понемногу сдавала память. Но он по-прежнему оставался в строю. В семьдесят восемь освоил мобильник, на девятом десятке – скайп.

Когда стало сложно ходить, взбираться по лестницам, и даже парадные ступеньки у входа в

Институт превратились в едва одолимую преграду, дирекция разрешила Владимиру Петровичу работать на дому. Но он всё равно всеми силами рвался в Институт: своя «Лада» давно была продана, но Владимир Петрович ловил машину и мчался, как он говорил, «в родные пенаты».

А уж там, в стенах Института, он был в своей стихии. Проверял ход работ в лаборатории, наставлял аспирантов, ходил не спеша по отделам, преодолевая бюрократические препоны, мешающие научным исследованиям, и, конечно, перебрался анекдотами со старыми друзьями, многие из которых тоже отдали Институту по полвека и больше.

И как ни шалило иной раз самочувствие, Владимир Петрович не пропустил ни единого заседания учёного совета.

– Галочка, напомни, будь добра. Вчера звонил – как его фамилия? А? – требовательно спросил Владимир Петрович.

И Галина Антоновна, покорившись, принялась перебирать имена.

– Мельниченко?

– Нет.

– Соболев?

– Что за Соболев? – Владимир Петрович нахмурился.

– Ну, Рудик, Рудольф Аркадьевич, из семьсот восьмой комнаты. Ты что, забыл?

– А, Рудик... Нет, не он. Этот, ну кто у нас сейчас завотделом?

– Михалычев? – упавшим голосом спросила Галина Антоновна.

– Вот, точно! – обрадовался Владимир Петрович. – Он и звонил. Как ты сказала? Михалычев?

– Да.

– Правильно. Михалычев. Учёный совет в одиннадцать часов. Помогите мне надеть костюм.

– Володь, ну может, не надо? – взмолилась Галина Антоновна. – Пускай без тебя соберутся, ты потом позвонишь, всё узнаешь...

– Как так – не надо? – удивился Владимир Петрович. И добавил строго: – Галочка, это учёный совет, я обязан там быть. И я там буду.

Владимир Петрович сердился. Ему было вредно сердиться. И Галина Антоновна отступила. Но прошло ещё добрых полчаса, прежде чем сборы закончились. Пришлось искать папку с распечатками диаграмм, отутюжить рубашку, разложить запасы лекарств по карманам. Галина Антоновна настояла, чтобы муж померил давление. Давление было в норме.

Наконец, Владимир Петрович, гладко выбритый, аккуратно причёсанный,

облачённый в свой старый костюм, стоял на пороге. На этаж поднялся водитель Олег, оповещённый в срочном порядке и потому недовольный. Одно время Олег был водителем служебного транспорта в Институте, потом подрабатывал частным извозом и, по давней дружбе, подбрасывал Владимира Петровича на работу.

Опираясь на руку Олега, Владимир Петрович спустился на пол-этажа, к лифту. Почему в этих старых домах лифты расположены на площадках между этажами? Думал ли архитектор, что пожилому человеку даже этот десяток ступенек даётся неимоверным трудом?

Ступеньки, лифт, снова ступеньки... Тяжело отдуваясь, Владимир Петрович открыл дверь подъезда. Переступил порог.

Улица, полная разноголосых шумов... Свежий воздух... Весна... Владимир Петрович с наслаждением вдохнул пряный аромат. Весной воздух всегда особенный, юный. От него словно сам делаешься моложе.

И уже не придерживаясь за Олега, Владимир Петрович зашагал к машине.

– Осторожно, Владимир Петрович, здесь асфальт неровный, – с тревогой сказал Олег.

– Обойду, – благодушно откликнулся Владимир Петрович. И слегка улыбнулся своим мыслям.

Он знал: и жена, и Олег считают его чудачком, выжившим из ума трудолюбом. Знал и то, что память подводит, и он сам порой пользуется этим, позволяет себе немного схитрить. Ведь на самом деле он не был уверен, что сегодня учёный совет. И что с Михалычевым разговор был вчера. Может быть, позавчера? Или даже в прошлую пятницу? А сегодня, возможно, всего лишь заседание кафедры. Рядовое собрание, где присутствие не обязательно. Или всё же учёный совет?

Нужно было бы перед выходом созвониться с Михалычевым, уточнить... Но Владимир Петрович боялся: вдруг совет не сегодня? И жена по обмолвкам поймёт: необходимости ехать нет. Тогда уж не вырвешься... А ведь время-то сложное, работа простаивать не должна, Институт еле-еле справляется. Как же можно в такой обстановке отсиживаться дома?

Нахмурившись, Владимир Петрович уселся в машину (Олег предупредительно распахнул дверцу).

Загудел мотор. Под жужжание его, под звуки улицы – мысли Владимира Петровича текли неспешно, размеренно.

Институт, думал он. Молодые, им что... Они этого не понимают. Сегодня здесь, завтра там. Внук Федя сменил уже четыре работы, теперь менеджер в известной интернет-

компании, а ведь парню всего двадцать шесть...
Понимают ли они, что это значит – проработать всю жизнь на одном месте? Всего себя посвятить Институту, его нуждам, его трудностям и успехам?

– Владимир Петрович, может, вернёмся?
– просительно сказал Олег. – Впереди пробки, вовек не проехать...

Владимир Петрович лишь усмехнулся:

– Прорвёмся!

Он знал: Олег беспокоится за него, хочет отговорить от поездки. Ведь каждому ясно: в таком возрасте, когда за плечами к тому же два давних инфаркта и нарушивший память

инсульт, целый день на работе может обернуться бедой. Олег по-своему прав, и Галочка тоже права.

Всё это Владимир Петрович отлично знал.

А не знал он того, что три года уже как уволен. Что разговор с Михальчевым был в позапрошлом году. Что минувшей осенью Михальчев умер, а вскоре и сам Институт был закрыт.

Всего этого Владимир Петрович не знал. Он чувствовал себя превосходно. Весенний город мелькал за окнами. Олег, старый друг, сосредоточенно вёл машину вперёд.

Владимир Петрович ехал в Институт.

Сергей НОСОВ

ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ

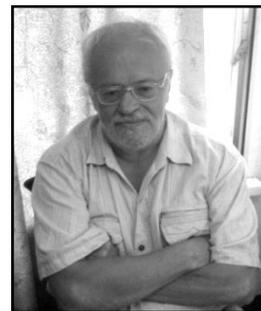
Верлибры

* * *

В вашей жизни весёлой
в саду вместо бабочек
мило летают конфеты
и пирожные
важно плывут
и кружатся в пруду
как когда-то
в нём лебеди тоже кружились
в роднике бьёт струей
апельсиновый сок
и счастливые девушки
в лёгких косынках танцуют
одни на поляне
только лишь
из таинственной рощи
за ними
так жадно следит чародей

* * *

Так хочется
прыгнуть на небо
сквозь землю
пройти на тот свет
спросить там
у бога о счастье
которого может и нет

а есть одиночество в раме
сказавшего правду стекла
ведь люди придумали сами
на горе себе
зеркала

ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ

Душа крестьянина
в лаптях
душа рабочего
в обычной серой кепке
душа дельца
в цилиндре
и во фраке
и наконец
душа красавицы
нагая совершенно
случайно встретились
однажды ночью
на лесной поляне
и начали
в обнимку танцевать
и свесившись с луны
суровый бог
грозит им пальцем
строго
что это мол
запрещено законом
поскольку не бывает
на земле

САМОБОРМОЧУЩАЯ МАШИНКА

Верлибры

Обманщик

У одной девочки был друг в Миссури.
Он слал ей портреты миссурийских тигров,
тигры все похожи друг на друга,
и на друга девочки все похожи — автопортреты
шлёт друг девочки девочке,
выдавая их за портреты миссурийских тигров.

Подражание

Одна девочка подражала
известной поэтессе Серебрянного века,
которая с достоинством называла себя
поэтессой неизвестной.

В подражание ей одна девочка
как-то написала:
я микроскопическая поэтесса
с бантом,
равновеликим вселенной.

Этнографические записки

в соболях на босу ногу ходила
на изюбря и на медведя,
экономила свет и читала Святые Заветы,
и порола леща
и смотрела Несчастную Елизавету,
а в сочельник варенье
из шишки тяжёлой варила.

Заращение травами

“травительство”
Из комментария Алины Витухновской

на траве двора
это временное
временное травление
и безвременное травительство

Однострочное стихотворение (авторский перевод с английского)

Я вговорила себя в любовь.

* * *

самобормочущая машинка
забормоталась, закрутилась,
и в бормотальные ленты вся обмоталась,
и в небормочущую машинку оборотилась.

* * *

Да и вообще
в современном обществе
такой институт, как брак,
себя исчерпал,
сказал он не с грустью,
но как-то убеждённо
вгнутом зеркале города
на утлой вынудой улице,
наблюдая за своим трехлетним ребёнком,
азартно карабкающимся в темноту горки.

Дилемма

Встретила молодого человека
по фамилии Базилевский,
И подумала, какая красивая фамилия
Базилевский,
Базилика, лев, василиск и василевс,
Может, есть и другие красивые,
как то Лебедев или Поплавский,
Но тоже красивая фамилия – Базилевский,
Выйду замуж за Базилевского
И буду Базилевской,
К имени приставила – звучит,
Отчество примерила – нормально.

Встретила молодого человека по фамилии
Остапов-Петровский –
Изумительная фамилия, двойная,
Благородная какая-то,
как Петров-Водкин,
И что-то в ней есть дворянское
И что-то из глубины веков.
Примерила на себя – просто прекрасно,
Лучшего уже не бывает,
К тому же всегда мечтала
иметь двойную фамилию,
А это уже двойная, тут можно и тройную,
если очень захотеть.

Поразительные открываются горизонты:
Приходишь в собрание такая,
шурша избыточным платьем,
А по рядам проносится шепот:
Остапова-Петровская,
Где, где, да вот она, смотрите,
И всякому хочется взглянуть
на Остапову-Петровскую краем глаза.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Поэма

- 1
- Господь ничего не делает сам.
Он действует через человека.
Затем и живет в человеке.
В каждом.
Но человек живет не Господом,
а его предписаниями.
И потому Господь
Находится внутри него, как в заточении.
«Человек, освободи Господа.
И ты сам станешь Господом».
От этого призыва,
звучащего в голове,
никак не избавиться.
Но что делать?
Куда податься?
Как вернуть себя к состоянию безмятежности?
Ау, человек!
- 2
- У него неврологическое заболевание.
Он будет защищать себя
до последней возможности.
И никогда не покончит с собой.
Потому что запрограммирован
на выживание в любых условиях.
- 3
- На лице покойника таилась загадочная
улыбка.
Интересно, что так развлекает его
на том свете?
Не гейши ведь?
Японцем он не выглядит.
Значит...
Кто он тогда?
- 4
- Я научился ждать.
Сначала в миг зачатья,
в надежде, что и я имею шанс.
Затем в утробе матери,
желая выйти к свету.
Потом – глоток живого молока,
кусочек сахара,
мой первый шаг,
мой школьный двор,
мой институт,
- мой горизонт,
и очередь к нему из тысячи людей,
желающих шагнуть на низкий небосклон,
чтоб потоптаться там,
вкусить чуток нектара,
лихой оставить росчерк:
«Здесь были мы».
«Кто?».
«Мы – мы – мы».
- 5
- Мы дети лунного луча
И солнечной активности.
Живём в квартале Ильича
И прочей красной живности.
Казалось, время против нас.
И вместо парков паперти.
Но молодеющий маразм
Спасёт от «подлой» памяти.
- 6
- Старому писателю
по окончании работы над романом
о безумном столетии –
порождении октябрьской революции,
прислали на дом бесплатную домработницу,
чтобы она навела чистоту и порядок в
квартире.
Старый писатель,
чтобы не мешать домработнице,
ушёл в кино.
После сеанса, когда вернулся домой,
рукописи романа на письменном столе не
обнаружил.
– Где она? Где? –
занервничал старый писатель.
– Что? Бумага? Она уже была исписана.
Вот я её и сожгла.
- 7
- Вольно небу складывать по-птичьи
крылья ангелов, спустившихся из рая.
Мой знакомый, звёздного обличья,
был растерзан, крылья расправляя.
– На земле, – уча электрошоком,
говорили мудрецы в погонах. –
Крылья – самолётам, а пророкам...
для согрева... разве что – попона.

ЛУЧШЕ ВОДКИ ХУЖЕ НЕТ

Рассказ

За вагонным окном прошлыл перрон с провожающими, замелькали городские постройки, поезд прогремел по мосту через Иртыш. Путешествие к морю, к этой огромной чаше, наполненной отвратной на вкус, но такой желанной водой, началось. В экзотическом крае звучала музыка прибоя, дышал йодированным воздухом безбрежный простор, царили праздность, беззаботность. Ещё один состав с сибиряками (в пятнадцати вагонах не было ни одного свободного места) отправился за две с лишним тысячи километров к стихии волн, горячих пляжей, стройных кипарисов.

– Трое суток тащиться, – вздохнула женщина в одном из купе. Она только что рассредоточила два чемодана и три серьёзные сумки. Объёма рундука под сиденьем не хватило, пришлось сумки забрасывать в багажное отделение на втором уровне. На вид обладательница этих сумок и чемоданов относилась к предпенсионному возрасту, в меру упитанная, в меру следящая за собой.

Купе подобралось сугубо женским. Ещё одна из его представительниц, тоже не девичьих лет, в ответ на реплику о предстоящем трёхсуточном томлении уверенно произнесла:

– Девочки, не стонать! Я ездить умею! Скучно, это я вам гарантирую, не будет!

Две другие обитательницы купе были особами примерно одного возраста – около тридцати. Одна из них с короткой стрижкой и длинными ногами тут же забралась на верхнюю полку, её только-только хватило, чтобы пассажирке не упереться пятками в перегородку.

Женщина, которая объявила, что с ней скучно не будет, предложила познакомиться и назвалась первой:

– Меня зовут Людмилой, можно и нужно по-домашнему – Люся.

И всех она переделала «по-домашнему». Забравшаяся на верхнюю полку стала Томсиком, вторая молодая женщина из Лены превратилась в Ленчика, Марию, что везла массу сумок и чемоданов, перекрестила в Мусю. Всю дорогу Людмила так и звала попутчиц. В её устах производные имён звучали мило, автор, тем не менее, оставил в повествовании одну «Люсю», остальных

героинь решил называть ближе к паспортным данным.

– Девочки, – переодевшись в бриджики и футболку, обратилась к попутчицам Люся, – мужчин среди нас нет, можно возраст не скрывать. Мне шестьдесят и чуть-чуть. Сколько чуть-чуть не суть важно, на шпагат уже не сяду, но кое-что могу сплести из своих ног.

Дабы попутчицы не заподозрили в хвастовстве, тут же продемонстрировала «кое-что», села на полке в полноценную позу лотос.

– Ничего себе, – воскликнула Мария, – мне пятьдесят два, так не сделаю, да и вообще никогда не могла.

Тамара свесила голову с верхней полки, разглядывая Люсины гимнастические возможности, бросила:

– Класс!

– Мне двадцать девять, – добавила к восхищениям Лена, – но тоже так не решусь.

На шестьдесят с «чуть-чуть» Люся не выглядела. Была аккуратных форм, вся в движении. Где-то внутри её ладной фигуры находилась чуждая состоянию покоя пружина, которая постоянно требовала динамики, процессов сжимания и разжимания.

– Хотя мужчин нет, – добавила к автобиографическим данным Люся, – скажу честно: на данный момент не замужем, но замуж выходила и выходить буду!

Мария ехала к родственникам под Сочи, Тамара – в санаторий, Люся – к знакомым, кареглазая, изящных форм Лена впервые в жизни отправилась в пансионат на морском побережье.

Люся тут же начала претворять в жизнь принцип нескучной поездки:

– Девочки, какое главное развлечение в поезде? Правильно – люблю повеселиться, особенно поесть.

Тамара пыталась в разрез предложенной программы вставить своё «не голодна», но её быстро уломали. Вскоре стол был уставлен разносолами. Лена предложила сходить за чаем, однако Люся категорично пресекла благородный порыв попутчицы:

– Стоять! Чай он и в Африке несерьёзный напиток, а лучше водки хуже нет! – и достала из чемодана бутылку лёгкого

светлого вина и металлические стаканчики походного назначения.

Водрузила ёмкость на стол:

– За знакомство по пять капель не помешает.

Тамара снова попыталась отказаться, но «умеющая ездить» Люся не хотела ничего слышать.

Она не приукрасила своих способностей, на самом деле была профессиональной пассажиркой – скучать нашему купе пришлось. Как известно, железная дорога славится коробейниками. Каких только товаров не носили по вагонам. Наше купе ко всему приценивалось, всё что требовалось примерять – шали, халаты, вязанные кофточки – примеряло. Люся, к примеру, накинув лёгкую, аки пух, из козьего меха косынку, крутилась перед зеркалом.

– Девочки, девочки, посмотрите, идёт? – призывала она в эксперты попутчиц.

Каждая вещь обсуждалась. Лена тоже оказалась любительницей примерок.

– Муж ругается, – делилась своей слабостью, – а я, бывает, могу часами ходить по магазинам без определённых целей, ради просто посмотреть. Что-то примерю, пообсуждаю с продавщицами.

Так и действовали с Люсей – обсуждали да примеряли. Тамара индифферентно относилась к коробейникам и предлагаемым товарам, с полки ни разу не спустилась навстречу потенциальной обнове. Зато Мария оказалась на покупке азартной. Из сдержанной женщины при виде баулов торговцев приходила в нетерпеливое возбуждение.

– Поющий, хрусталь! Поющий хрусталь! – звучала реклама в коридоре. Мария вскакивала навстречу, распаивала дверь купе:

– Что у вас?

Люся пыталась ей втолковать, что не поющего хрустала нет, надо умело провести пальцем по краю, скажем, фужера и он запоёт как миленький. Всего-то ловкость рук.

– Нет-нет, и не говорите, девочки, это особый хрусталь, – возражала Мария, накупив наборы рюмок, фужеров.

К её многочисленным сумкам прибавились коробка с чайным сервизом, ваза цвета «отражённого солнца в вечерней воде». По сумкам распахивались халаты для родственниц, косынки для дочек. При этом каждый раз начиналось оханье, «как я это понесу, если не встретят». Но покупала...

Не томились длинной дорогой женщины. Затеяница Люся умудрилась даже танцы устроить. Пусть без кавалеров танцевали «девчонки»... На второй день поездки, ближе к вечеру, Люся засуетилась:

– Девочки, лучше водки что? Правильно – хуже нет! Сейчас будет станция, там пиво бутылочное хорошее продают, настоящее! Предлагаю скинуться по чуть-чуть и устроить ужин без свечей, но с пивом!

Тамара, как всегда, пыталась отказаться, да против Люси нет приёма. Взяли легкоалкогольный напиток из расчёта по бутылке на брата, точнее – на сестру. С приобретением одного Люся предложила:

– Девочки, давайте сделаем крошечку! Ветчина, есть, лучок, огурчики, вместо кваса – минералка...

Окрошка пошла на ура, а на десерт – пиво в рассидочку под стук колёс. Дивный получился вечер – состав к морю неутомимо мчится, за окном лето в разгаре... Поездной связист будто почувствовал момент – включил летящую музыку. Люся подскочила на первых тактах:

– Девочки, танцы, танцы, танцы!

– Да ну ты чё? – сказала Мария.

– Ничего не знаю, душа просит!

Танцзал квадратными метрами не отличался, однако вдвоём вполне можно делать па между сиденьями. Одна Тамара отказалась прыгивать со своей полки под ритмы музыки.

– У тебя скоро пролежни будут, – предупредила Люся, легко двигаясь в такт музыке.

Ей пролежни не грозили. Как и Лене, которая тоже не смогла усидеть под зажигательную музыку.

Даже Мария подвигала габаритными бёдрами.

– Сколько живу, в поезде ещё не танцевала! – смеялась над собой.

Завершились танцы хоровой песней. Из динамика полилось:

*Зачем вы, девочки, красивых любите?
Непостоянная у них любовь.*

Купе (кроме Тамары) дружно подхватило. На втором куплете раздался стук в дверь, заглянули два милиционера. Подозрительно осмотрели стол, на котором кроме минералки ничего не фигурировало, скользнули натренированными взглядами по лицам пассажиров, извинились и ушли.

– Испортили песню, – весело крикнула им в след Люся.

Однако испорченную песню купе всё равно до конца допело.

В программе дорожных развлечений было хоровое разгадывание кроссвордов, но более интересным номером шли Люсины рассказы из личной жизни, полной сердечных, семейных и других драм:

– Сын мой, Роман, женился, а сам почти капитан дальнего плавания – по вахтам ездит. Жена – яркая, гонористая. Роман тоже не замухрышка – фигуристый, плаванием занимался, бальными танцами одно время... Видный парень. На танцах и познакомились. Говорила ему: ты или с вахтами завязывай, или не торопись с женитьбой. Разве они послушаются. «Чё ты, мама, понимаешь? Мы любим друг друга». Куда уж маме-то тёмной, всего одно высшее образование, понимать? Он, как капитан дальнего плавания, месяца на два уедет, она одна, а мужикам только подмигни. Да и мигать-напрягаться не надо, всегда охочие найдутся. Невестка родила, гляжу – не его ребёнок. Роману ничего не сказала, думаю, как знаешь, вам жить. Вдобавок ещё одна беда – ДЦП у внука. Невестка, изнеженная цаца, не разбежится спасать мальчишку. А тут каждый день дорог. Думаю, мой не мой внук – надо впрягаться. По каким санаториям только не возила Максима – минеральные ванны, грязи, массаж. Лето подходит, увольняюсь с работы и еду с ним на три-четыре месяца. Правдами и неправдами устраивала его в санаторий, сама туда же просилась нянечкой или техничкой. На любые деньги, только бы рядом. Вытащила – пусть на костылях парень, да не в коляске. И умница – в институт поступил.

– Так и считаешь, – спросила Мария, – не твой внук?

– Конечно, с возрастом вообще никаких сомнений не осталось – нисколько на Романа не похож.

Сердечные дела оставались особой темой Люсиных дорожных рассказов. Целый сериал с продолжением получился о лётчике, неотразимом подполковнике.

– В отличие от фальшивого песенного полковника Алки Пугачёвой, – с гордостью провозглашала Люся, – мой – настоящий. Пусть на тот момент до полковника одной звезды не хватало, а всё равно кавалер так уж кавалер. Во всём офицерская косточка. Прадед ещё в царской армии служил, дед и отец тоже офицеры. Какие букеты дарил! В каждом непременно записка. Пусть не в стихах, зато слова такие, что сердце воском таяло. С кем только меня не сравнивал – серна, лань... Я сейчас в узел завязываюсь, тогда и подавно пантера гибкая... Сотовых ещё не знали, бац – звонок в дверь, срочная телеграмма: «ВОСЕМНАДЦАТЬ НОЛЬ-НОЛЬ РЕСТОРАН МАЯК ЖДУ ЛЮБЛЮ ТЧК». Накануне договорились о встрече у ресторана, всё равно телеграмму отбивает. Через день присылал.

По рассказам Люси, летали они в Сочи, на Рижское взморье. А потом лётчика перевели на Камчатку.

– Звал с собой. Да как я могу сорваться, куда Макар телят не гонял? Внука с ДЦП на невестку оставь – завалит всё лечение. Выть хотелось от обиды, а пришлось отказать. На следующий день прислал обалденный букет роз, впервые без записки, и улетел, не попрощавшись, адреса не оставил. Полтора года на одном дыхании, и всё испортил. Может, я бы к нему в гости собралась... Все они мужики одним миром мазаны...

Шла последняя ночь путешествия. Поезд, съедая километр за километром, летел по темноте. Основная часть пути осталась за последним вагоном, а те несколько сот километров, что нужно было пройти до вожделенного моря, по сибирским меркам – семечки. Над далёкой (теперь уже далёкой)омской землёй начинал алеть восток, а здесь ещё царил южная ночь. Темнота пахла степью и становилась совсем густой, когда на луну набегали тучки. Электровоз с прожектором во лбу раздвигал перед собой ночь, держал в раструбе света параллель из двух железных линий, перечёркнутых шпалами. Колёса убаюкивающе стучали на стыках, пассажиры спали в предвкушении скорой встречи с морем.

В нашем купе в кромешной темноте (темноту ночи за окном усугубляла опущенная шторка) вдруг раздалось всхлипывание. Лена услышала их и тут же заснула (что значит молодой организм), однако вскоре проснулась от обеспокоенного шёпота

– Томсик, что с тобой?

– Всё хорошо! Не беспокойся, спасибо, – сказала Тамара и расплакалась пуце прежнего, уткнувшись в подушку.

– Всё, – громко скомандовала Люся, – слезай и рассказывай! Девочки, подъём!

Люся включила ночник, подняла шторку. Светлее не стало, разве что редкие огоньки, изредка мелькавшие за окном, создавали иллюзию расширения пространства купе. Через пять минут все четверо сидели на нижних полках.

Всхлипывая Тамара произнесла:

– Мама-покойница опять приснилась.

– Давно умерла? – спросила Лена.

– Убили...

– Как убили? – подалась вперёд Мария и захлопнула рукой рот, будто вымолвила непотребное.

– Муж убил, – вытирая слёзы, пояснила Тамара.

– Отец? – удивилась Люся.

– Да нет – второй муж.

И начала рассказывать:

– Мама была очень красивой... – Тамара привстала, сунула руку под подушку, достала книжку, из неё фото. – Вот.

На набережной широкой реки стояла женщина в соломенной шляпке, лёгком в талию крепдешиновом платье, от порыва ветра придерживала подол рукой.

– Красивая, – оценила Лена.

– Это она в Ульяновске, – сказала Тамара, – на берегу Волги.

– Эффектная, ничего не скажешь, – поддержала мнение Тамары Люся и определила. – Не размазня, с характером.

– Точно, – подтвердила Лена. – А ты как догадалась?

– И гадать нечего – видно!

– Ну-ка, ну-ка, – снова взяла фото Мария, поднесла к глазам. – А я ничего не вижу, женщина как женщина.

– Люся права, – вернула фото в книжку Тамара, – властная, своенравная. Отец любил её, она этим пользовалась и вертела им. Знаете, когда и в шапке дурак, и без шапки дурак. Терпел все её выходки, капризы. Изменяла, что тут скрывать. Повезла меня в Сочи, ещё до школы, мне шесть лет. Тогда-то я не понимала, а потом въехала. Познакомилась с мужчиной, тоже с ребёнком отдыхал, мальчишка на год старше меня... Всюду ходили вместе – на пляж, в кино, в парк... Но, бывало, оставляли нас у хозяйки, сами куда-то исчезали... Отец всё прощал, да вдруг она бросает нас. Мне двенадцати не было, брат во втором классе. Заявила, что встретила красивого умного мужчину, жить без него не может. Любовь неземная. Он был младше мамы на десять лет. Отец не пускал, умолял, просил образумиться, ругался. Она тайком собрала вещи и, пока никого не было дома, ушла. Жила с этим умным да красивым в частном доме. Как жила, толком из родных никто не знал.

– Я этого не понимаю, – резко произнесла Люся. – Ладно, все мы не без греха, но детей-то зачем бросать!

– Моя бабушка говорила: «Ты хоть как поживи, но детей не сироти!» – сказала Мария
– Отец ещё раз женился? – спросила Люся.

– Один воспитывал нас, ещё мамина мать помогала, бабушка наша. С мамой в детстве у бабушки виделась, туда я приводила брата. Мама всегда нарядная, весёлая, обязательно подчеркнёт, что живёт прекрасно. Отец так и не женился, ни когда мы маленькие были, ни позже. Любил её.

– Вот это мужик, – сказала Люся, – не стал вас и дальше сиротить.

– Бывает, и с мачехой живут хорошо, – сказала Лена.

– Не-не-не! – решительно не согласилась Люся. – У них тогда и отца нормального не было. Ему пришлось бы разрываться между

детьми и мачехой, в итоге ни то, ни сё. Молодец мужик. Уважаю! Не знаю, какой был муж, но отец – да!

– А если это любовь! – встала на защиту Лена. – Встретила того единственного... А с мужем – ошибка... Неужели человек не имеет право на любовь, высокое чувство...

– Ага, любовь-морковь – детей об стенку. Не признаю такое «высокое чувство»! Зачем тогда детей заводит без этой самой смертельной любви...

– В последнее время мама часто снится, – захлопала носом Тамара.

– Ты сходи в церковь, закажи панихиду, – посоветовала Мария. – Свечку поставь, сама помолись. Плохо ей там, вот и просит тебя.

– Зато здесь хорошо было, – жёстко сказала Люся.

– Ты интересная, – возразила Мария, – сама говоришь, что замуж выходила и будешь выходить...

– Я сына не бросала! Только когда он техникум окончил и в армию ушёл, нагнала мужа, к свекрови отправила. Пьяницы кусок, сидел у меня на шее.

Лена засуетилась с чаем. Первыми взяла чашки Тамары и Люси, отправилась к титану.

– Она и вторым мужем помыкала, – рассказывала Тамара. – Детей не захотела больше. Он-то мечтал о ребёнке, это мне бабушка рассказывала, она – «больше рожать не буду». Дескать, хватит. Ездил в Египет, Турцию, Испанию. То с ним, то одна. Восьмого марта к нам пришёл участковый и сообщил, что маму обнаружили убитой.

– Сразу убийцу взяли? – не сдержала любопытство Мария. – Не сбежал?

– Они жили в частном доме, он её просто-напросто забил.

– Как это забил? – опять захлопнула рот ладонью Мария.

– Табуреткой или чем...

Тамара расплакалась. Женщины начали успокаивать...

– Ни одной целой косточки, – говорила сквозь слёзы Тамара. – Ни одной. С остервенением колотил, колотил... Будто копил в себе злость, а тут выплеснул... Когда забирали, повторял: «Что я наделал?! Что я наделал?!». Признали вменяемым...

– Стерва твоя мама, – безжалостно заключила Люся. – Довела мужика.

– Мать – она всё равно мать, – возразила Мария.

– Бедно мы жили, – вытирала слёзы Тамара. – Годы трудные, отцу непросто приходилось. Я после школы учиться не пошла, проводницей с восемнадцати лет мотаюсь. Брату помогала, пока техникум не окончил. У него все хорошо. Жена путная, сын

растёт. А у меня муж игрок, всё на автоматах просаживает. Одна дочь тяну. – Вдруг Тамара с вызовом произнесла:– Дочь моя ни в чём нуждаться не будет. Себе норковую шапку и ей. Себе дублёнку и ей.

Тамара снова разревелась.

– Свечку матери обязательно поставь, – твёрдо сказала Люся, – но убиваться не стоит. Вы, девочки, что хотите говорите, не стоит такая мать слёз. Никого она не любила –ни мужей, ни мужчин, только себя.

– Мать какая ни есть, другой не будет, – гнула свою линию Мария.

– Кукушка она, – перебила Люся, – вот Тамара – мать. И жена. Ни мужа не бросает, ни дочь. Хотя такого можно погнать в три шеи.

За окном тьма начала редеть. Солнце несло свой факел над страной, уже вспыхнуло утро в Сибири, а часа через два золотые лучи догонят наш поезд, коснутся поверхности моря.

– А знаете, девочки, – вдруг соскочила с сиденья Люся и нырнула под стол к пакету с едой, – лучше водки хуже нет! Я тут заначила на прощальный обед. Так мы его прямо сейчас и устроим.

Люся выхватила из чрева сумки 250-граммовую бутылочку коньяка, водрузила на столик, и начала метать закуску. Засуетились у своих сумок остальные женщины. Вскоре столик ломился от еды.

– Давайте, девочки, выпьем за наше женское счастье, – разливая коньяк в металлические рюмочки, предложила Люся. – Чтобы дети, внуки, любовь, здоровье...

– Всё одолеем с Божьей помощью, – поддержала Мария. – Что мы – не бабы.

Они посидели с полчаса, а потом Люся скомандовала:

– Девочки, надо поспать, чтобы у моря выглядеть на все сто и все мужики были наши!

Они улеглись...

Экспресс летел по предутренней свежести к конечной точке путешествия, к долгожданному тушику, где обрывались струны рельсов, где море решительно преграждало путь наземному транспорту. Его чаша лежала в ожидании солнца нового дня, в отдыхающих из сибирского экспресса, «девчонок» нашего купе...

В заключение рассказа расставим все точки. Следует честно признаться, «умеющая ездить в поездах» Люся оказалась отчаянной фантазёркой. Не было в её биографии сына, гулящей невестки и внука-инвалида, которого героическими усилиями подняла на ноги. Эту историю Люся почти один к одному «списала» со своей сестры. Лётчик имел место, но служил в ВВС не пилотом, а штурманом и не подполковником, а майором. Букеты дарил всего раза два, записки в них не вкладывал. Скорую телеграмму посылал однажды на

Восьмое марта, потому как забыл поздравить вовремя. Люся очень хотела поехать с ним на Камчатку, но, во-первых, он улетел в Читу, а во-вторых, не пригласил с собой.

Что касается другой пассажирки – Лены, она под воздействием чарующего морского воздуха, под шелест набегающих на гальку волн влюбилась по уши в Олега – программиста из Екатеринбурга. Смерть как влюбилась. Чувство было взаимным. Расставались влюблённые под кипарисами со слезами, клятвами, и договорились в конечном итоге, что Лена разводится с мужем, забирает сына и едет к Олегу в Екатеринбург. Он год как свободен, с женой развёлся, квартира есть. Всё отлично. Живи да радуйся.

Однако в летящем из морского тупика в сибирские дали экспрессы Лена задумалась. Возвращалась домой тоже вкупе сугубо женского состава, да на этот раз умеющих ездить, наподобие Люси, не оказалось. Каждая попутчица сама по себе. Лена чаще лежала на верхней полке читала книгу и думала-думала: что делать? Как поступить? Новый знакомый был предельно мечты – эlegantный, с породистым лицом, благородными манерами. Сила, нежность, ум, сумасшедшее обаяние, от которого сердце таяло, ноги подкашивались. Всё в программисте лучше не надо, кроме... Ах, уж это «кроме»... Имел он в истории семейных отношений два брачных союза, заключённых и расторгнутых. То и дело к Лене стала приходить мысль: не будет она продолжением невесёлого списка? Наверное, предыдущих жён тоже любил беззаветно. Поезд мчался всё дальше от субтропических красот, Лене вдруг пришёл на память ночной разговор в экспрессы морской направленности. Вспомнила жуткую историю Тамары, категоричные комментарии Люси, слова Марии: «Ты хоть как поживи, но детей не сироти». «Хоть как» не хотелось, нет, хотелось счастья, любви, слаженно поющих сердец...

Программист каждой из двух жён оставил по сыну... Под кипарисами об этом не думалось, на вагонной полке при сопоставлении некоторых деталей наприсился вывод: чувством отцовства к родным детям Олег не страдал, что говорить о чужом...

В шести часах пути до Омска, в Ишиме, гуляя по перрону, Лена окончательно решила: пусть сумасшедший месяц у моря останется красивым курортным романом. Не поедет она в Екатеринбург с сыном и чемоданами. Не поедет. Извлекла из телефона ту из двух симок, которая связывала с Олегом, и выбросила в урну. Умела Лена рубить канаты...Правда, через минуту в поезде накатили слёзы, закипели горечью, ну а что вы хотели – не так всё просто в этой жизни...

ЛЁГКИЕ СТРОКИ

Стихотворения

Лёгкие строки

Еду в маршрутке. Кидаю на бумагу
Лёгкие строки. Настолько легко,
Насколько лёгкие, насколько строки.
Пишу и знаю, что проеду или мимо остановки,
Или мимо стихотворения.

* * *

Степень доверия – прыгнуть с обрыва,
Прыгнуть уверенно, зная: поймают.
В реку, проблему, обиду, как рыба,
Ловко ныряю, но ловят, и маюсь –

Снова ищу: куда бы, поглубже –
Ловят. (Мотивы чисты и теплы?)
Осточертело, бессмысленно, глупо –
Прыгаю – ловят, а хочется плыть.

* * *

Помнишь, когда-то мечтали о доме,
Ты даже его рисовал.
Строили счастье, где мы были в доле,
В любви и ремонте – аврал.

Планов – рулоны, а времени мало –
Жизнь уместить в года...
В памяти болью – улыбчивый мальчик,
Которым ты был тогда.

Вместо уюта – опять ипотека.
Удачный проект – в долгострой.
Но не смогли два родных человека,
Что мог карандаш. Простой.

* * *

Стекает с ладоней дождём наше лето,
Срывается листьями наша пора.
Конечно, в погоду ты внёс свою лепту,
Устроив внезапный осенний парад ...
С ветрами, дождями, снегами и прочим,
Что нужно тебе, чтобы всё зачеркнуть.
Не надо стараться, ты знаешь, пророчат
Всегда

расставанья –
весну.

* * *

Эти чёртовы запахи, песни, места
Тобой для меня расставлены –
Каждый день натыкаюсь на них неспроста,
Но от этого ближе не сталимы.

Память помнит, мы знаем, а сердце болит –
Ту любовь, об обмане, что нет перспективы.
Ты один, я одна, счастье где-то вдали.
Счастье есть. Я бы им поделилась. А ты бы?

* * *

Вот первая в жизни осень,
В которую я тоскую
По прожитому, которого
(Разве?) уже не вернуть.

Все листья и чувства оземь,
Опять в суету мирскую,
Друзей и любви повторы
Срубаются на корню.

Рабы ощущений острых,
Пытаясь любить от скуки,
Мы ищем счастья простого,
Чтоб после предать огню.

* * *

Все мы в детстве верили в сказку,
В Новый год, Дед Мороза и чудо,
Заглянуть не пытались под маску
Персонажам, а может быть, людям.

Самолёт залетал к нам в оконце,
Принося поздравления с севера,
И волшебный наш друг-колокольчик
Находил все подарки уверенно.

А сейчас что осталось от сказки? –
Только память и грустные шутки.
Но всё жду, что мне сказку расскажут,
Если ж нет, то сама напишу я:

«Это было совсем недавно...»

* * *

Покинуть Омск нисколько не пытаюсь,
Я еду в область (люди в креслах в ряд),
Где домики, сараи, сбившись в стаи,
Воркуют, греются, о чём-то говорят.

Я, чтобы их увидеть и послушать,
Трясусь в автобусе (дорога – как с войны).
Уверена, где нет нас, там не лучше,
Там НАШИХ нет, уютных и родных.

А русские дороги без одежды,
И лес сигналит красно-жёлтым – нет
Проезда ли, просвета ли, надежды,
Но дальше бор – и нам зелёный свет.

У КАЖДОГО СВОЁ

Рассказы

ВПЕРВЫЕ НА ПОСТУ

Густая чернота июньского неба застыла над уснувшим городом, лишь в зените, на тёмном бархате беззвездья, сиял холодный лунный диск. А на городской окраине, в гарнизонном карауле – в воинской части, от которой он наряжался, его шутливо прозвали «отрезанным ломтем», – шла и уже заканчивалась смена часовых.

– Рядовой Макаров, с поста шагом – марш, – привычно скомандовал разводящий-ефрейтор и покосился на светящийся циферблат наручных часов: 23.15.

Рядовой Макаров устало, но с чувством удовлетворения – своё отстоял честно – пристроился в затылок свободному караульному. Второй, временно наблюдавший за постом караульный, самостоятельно занял место впереди сослуживца. Разводящий возглавил мини-колонну и завершил смену постов командой:

– За мной шагом – марш.

Силуэты уходящих солдат ещё с полминуты были видны новоиспечённому часовому, рядовому Панкратову. В слепящем свете предателя-прожектора, на автомате за квадратной спиной рядового Макарова, замыкавшего колонну уходящих солдат, как бы подбадривая на прощанье, ртутно сверкнул кончик полированного штык-ножа. Людские фигуры без остатка проглотила пугающая темнота.

А Панкратов остался на малознакомом посту. Один. Ночью. Впервые. Впрочем – с заряженным автоматом, что немного успокаивало.

Сразу же в мир вокруг часового пугающе ворвалось множество звуков, которых Панкратов до этого просто не замечал. Да, он легко угадал стрекочущее пиликанье кузнечиков. Но кому принадлежит трещанье, вроде пощёлкивания крутящегося электросчётчика?

Вот цвиркнула птаха. Вот невдалеке проехал автомобиль. Вот экономно гавкнул мучимый бессонницей бродяга-пес. Сзади, вблизи поста, тихо журчала обмелевшая речушка.

Однако к понятным звукам добавлялись и непонятные: слабые постукивания в листве деревьев, хрусты и шорохи в кустах за линией внешнего ограждения, оттуда же послышалось было что-то вроде приглушенного стога.

Гнетущее беспокойство навалилось на часового, так пока и топтавшегося на одном месте.

«Может, позвонить начальнику караула? – подумал и взглянул на телефонную трубку, болтавшуюся на пояском ремне, Панкратов. – И... что? Пожаловаться, мол, страшно? Спокойно-спокойно...».

Солдат, наконец, осторожными шагами пошёл по маршруту: двигаясь меж внешним и внутренним ограждением, мимо ламп и прожекторов, укрепленных на столбиках над наружным рядом «колючки», опоясывающей пост. А за её внутренним рядом находилось с десяток сложенных из жёлтого пиленого камня-ракушечника складов с военным имуществом – суть охраняемые объекты.

Через каждые шесть-восемь шагов Панкратов оглядывался назад, сжимая ладонями автомат – левой за металлический магазин с тридцатью боевыми патронами, правой – за шейку приклада. Почти не ощущая тяжести личного оружия, часовой нёс его с величайшей осторожностью, на чуть вытянутых перед собой руках, словно автомат был сработан из хрупкого хрусталя. Порой солдат поглядывал на брезентовый подсумок у пояса, где был спрятан запасной магазин, так же таящий в изогнутом чреве три десятка свинцовых смертей, но в основном, конечно, всматривался в сливающуюся с ночью полосу кустов за внешним рядом колючей проволоки.

Мягко ступая подошвами кирзовых сапог по выщербленным местами кирпичной дорожке, часовой не подозревал, что под верхним слоем кирпичей лежит их почти метровая толща. Круглогодично утаптываемые сапогами солдат кирпичи по сотым долям миллиметра вминались в почву, и через три-четыре года требовалось настилать новый слой уходящей ниже уровня земли дорожки.

«Да, в караулке было куда спокойнее, – сами собой лезли в голову Панкратову боязливые мысли. – В случае чего – толпа

народу рядом, начкар... А здесь – здесь, в случае чего, самому обороняться придётся. Пока-то они прибегут... Да и прибегут ли...»

От такого вывода Панкратова передёрнуло: вновь пытался взять верх над сознанием обычный человеческий страх перед неизвестностью, но часовой, зажмурив на секунду глаза, мотнул головой, как бы изгоняя не положенные на посту панические мысли, и ритмично, в такт шагам поводя дулом автомата влево-вперёд, продолжил путь по мощёной дорожке с блестящими кое-где на ней под прожекторами соломинками сухой травы.

Идти хотелось и быстро, и медленно. Быстро – так как солдат опасался, что пока он будет находиться на одном конце маршрута поста, как бы с другой его стороны в глубь объекта не проник нарушитель. А медленно – поскольку Панкратов старался досконально изучить охраняемую территорию, сжиться с постом. Ведь до заступления на смену – впервые и сразу в ночь – рядовой лишь поверхностно ознакомился с местом будущего выполнения боевой задачи, когда весь взвод приезжал сюда с неделю назад и солдаты быстренько прошли по всему периметру «колючки».

Бдеть службу, в компании с автоматом, предстояло томительных два часа. Плюс-минус десять минут – допуск зависел от расторопности разводящего, да ещё от того, какой пост он решит сменить первым. И как же до тоски остро чувствовал сейчас часовой томительную бесконечность этих пугающих грядущими опасностями часов!

Меж тем Панкратов уже дошёл до постового грибка, напоминающего грибок песочницы во дворе далекого родительского дома. Только четырёхскатная крыша постового грибка не была расписана под мухомор, но заботливо обита рубероидом с посыпкой, а на ножке-столбике висело устройство для связи и сигнализации с караулкой – в металлическом ящике с откидной крышкой на рояльной петле пряталась красная кнопка звонка и гнездо для подключения телефонной трубки.

«Бесплатный телефон-автомат, – мысленно усмехнулся часовой. – Однако и звонит только одному абоненту...».

Но связываться с начальником караула Панкратов не стал. Чувствовал, что получаса от начала патрулирования, когда положено делать первый звонок, ещё не прошло...

«Сколько же сейчас точно времени? – мучительно прикидывал часовой, минуя постовой грибок. – Вот же сволочь взводный...».

(«Сволочь-взводный», полагаясь на свою практику службы, в приказном порядке

заставил всех солдат, имевших наручные часы, сдать их на время боевого дежурства старшине роты. По мнению офицера, с хронометром на руке для любого часового смена на посту как бы растягивается. Не говоря уже о том, что часы – это сильный отвлекающий от службы фактор...).

Крик птицы, похоже, совы – заставил часового приостановиться и вздрогнуть. Погрозив кулаком в высоту, Панкратов пошёл дальше и вскоре дошагал до металлической таблички, приваренной к ножке-арматурине, воткнутой в землю. «Начало маршрута движения», – сообщала табличка. Скользя взглядом по красным, на голубом фоне, буквам, солдат настороженно направил дуло автомата вниз, уткнув его в открытый рядом с табличкой маленький окоп. Панкратов внимательно взгляделся в его метровую глубину – вдруг оттуда выскочит притаившийся нарушитель.

Окоп оказался пуст. Испытав чувство разочарования-облегчения, часовой зашагал по кирпичной дорожке в обратную сторону.

Неделю назад, при осмотре постов взводом, глазастый Стрельцов из первого отделения именно в этом окопчике углядел предательские следы «отправления естественных надобностей», замаскированные сломанной веткой с уже повядшими листочками. Вот тебе и исполнение на деле статьи устава «что запрещается часовому...».

Неожиданно для себя Панкратов вдруг принялся цитировать в уме упомянутую статью, от неё перешёл к другой, разъясняющей «неприкосновенность часового», на третьем пункте которой обычно при опросах ошибался. На этот раз мысленно добрался до конца благополучно, без запинок, с удивлением обнаружив, что служба на посту обостряет не только внимание, но и память.

А дальше память сделала своего рода пируэт от уставных строк к неуставной присказке, рассказанной сержантом на самоподготовке:

*Часовой есть вооружённый труп,
Обёрнутый в тулуп,
Выставленный на мороз,
Заинструктированный до слёз,
По сторонам следящий,
Не идёт ли разводящий.*

Губы у Панкратова сами собой растянулись в улыбке, и тут – что-то чёрное, страшное вылетело перед часовым из листвы. Сверкнув глазами, «что-то» шумно взмыло вверх чуть ли не перед самым носом перетрусившего солдата, судорожно дергавшего рукоятку затвора, забыв снять

автомат с предохранителя. Сердце человеческое забилося чаще и громче, ватные ноги онемели.

На третьей безуспешной попытке взвести затвор Панкратов понял, что его напугала сова, – возможно, та самая, которая раньше ухала с высоты.

«Нет худа без добра, – рассудил часовой, бережно погладив флажок неснятого предохранителя. – А то бы пальнул очередью... Только не в белый свет, а в темную ночь, попусту...».

Продолжая идти по кирпичной дорожке, рядовой, едва ли не в первый раз за время пребывания на посту, взглянул на небо и очень удивился: оказывается, оно в беззвездную ночь может быть не чёрным, а густо-синим...

Шаги часового стали более спокойными, хотя глаза не менее внимательно обшаривали местность за внешней «колючкой». Панкратов прошёл уже, возвращаясь, место, откуда начинал патрулирование, приближаясь теперь к сварному громоотводу, похожему на Эйфелеву башню в миниатюре.

Во время осмотра постов неделю назад, вместе с комвзвода, офицеру неожиданно задал вопрос рядовой Вьюнов, больше известный в роте, как Конь с биноклем. Этому прозвищу он был обязан очками и вытянутой, сильно напоминающей лошадиную физиономии. Впрочем, в солдатской среде многие имеют прозвища: самому Панкратову ещё во время первой помывки в армейской бане прилепили богатое «погоняло» Метилоранж – из-за рыжего цвета волос. А вопрос был следующим:

– Товарищ капитан, смотрите, на табличке написано, что при грозе к громоотводу ближе пятнадцати метров подходить нельзя, а как же тогда патрулировать, если он сам почти на маршруте? За ограждение вылезать при обходе, что ли?

Самое приятное было, что взводный на коварный вопрос толком и не ответил, только наорал на Коня с биноклем за «нездоровое любопытство».

Миная громоотвод, часовой попытался рассмотреть рисунок, сделанный наверняка по не застывшей ещё бетонной подушке-основанию. К сожалению, при ночном освещении огромной, с голову, дули с подписью: «Твой дембель», толком углядеть не удалось.

«Да-а... Дембель, как говорится, ещё за поворотом и не виден», – думал часовой, сожалея о милой гражданке, потерянной на бесконечные семьсот тридцать дней.

Меж тем Панкратов подшагал уже не к метафорическому, а к настоящему повороту в своей армейской, а конкретно караульной службе. Ведь маршрут движения по посту напоминал равносоставленную букву «Г» с

постовыми грибками по её концам и постовой вышкой на повороте. Приближаясь к ней, солдат уже испытывал навязчивую мысль: вдруг на полу вышки, скрытом от часового её метровыми боковыми стенками, притаился нарушитель, который вот-вот, звериным прыжком, кинется на спину часовому и вонзит ему под лопатку огромный нож. А второй нарушитель таится в окопчике под вышкой!

Стараясь наблюдать и за тёмными кустами у ограждения, часовой бочком подкрался к окопчику. Пусто...Заставить себя подняться на вышку оказалось сложно. У Панкратова зубы стучали от волнения, когда он осторожно ступал по металлической лестнице.

Опасения, конечно, оказались напрасными, и часовой, на всякий случай, оборвал вьющуюся на внешнем ограждении повитель – дабы не мешала видимости, – а заодно обнаружил, что порывевшая от дождей и времени «колючка» кое-где перехвачена латками – кусками алюминиевой проволоки.

Тогда Панкратов исследовал и кусок внутреннего ограждения, почти не обнаружив на нем повреждений. В сравнении с многочисленными латками на внешней «колючке» открытие оказалось весьма и весьма неприятным.

«Не может же быть так, что всякая латка – это нарушитель?» – размышлял Панкратов. И тут застыл на месте, вдруг увидев на одном из бетонных столбиков, прямо под стосвечевой лампой, одетой в колпак отражателя, крупное насекомое, трещавшее, словно электросчетчик. Похожее на огромного кузнечика, хризолитовое насекомое с просвечивающимися внутренностями стояло на своем постаменте, будто высеченное из драгоценного камня украшение.

«Кузнечики такие здоровые не бывают, – соображал часовой. – Неужели?.. Ну, конечно! Обжора-саранча».

Довольный разгадкой хотя бы одной из маленьких тайн караула, часовой пошёл дальше, вскоре поравнявшись со вторым постовым грибком с табличкой за ним, также обозначающей конец маршрута движения. В шаге от кирпичной дорожки высилось огромное дерево со множеством бесформенных ран на стволе, в которых виднелась восковая древесина.

На всякий случай Панкратов, конечно, обошёл толстенную кавказскую акацию, убедившись, что и за ней не прячется нарушитель, потом проверил – на этот же счёт – последний окопчик, у таблички, и вновь вернулся к мощному дереву. Дотронувшись рукой до прохладного шершавого ствола, кора у которого как бы сбегала вниз отдельными извилистыми струями, часовой несколько секунд недоумевал, кто же эдак, кусками, обглодал дерево, но затем, повинаясь желанию

проверить мысль, приподнял автомат и основательно ткнул в ствол острым кончиком штык-ножа. Кусочек коры отслоился, дерево получило ещё одну ранку.

«Вот что! – понял рядовой. – Эдак, стало быть, некоторые часовые отмечают «конец маршрута движения».

Солдату стало стыдно за свой опыт, он поглядел ладонью израненный ствол и потопал назад, в направлении постовой вышки.

На сей раз, пересилив желание, рядовой на вышку не полез, но в окопчик возле неё все же опять заглянул: пусто...

От переживаемых ли волнений, либо ещё от чего, часовому вдруг нестерпимо захотелось пить, что на посту запрещалось. Панкратов полизал крышку ствольной коробки автомата, пытаясь унять жажду. Металлический привкус немного перебил ее. Без дальнейших приключений рядовой добрался до того места, откуда после смены часовых и начал патрулирование.

«Первый блин не комом, – с радостью подумал Панкратов, открывая новый круг маршрута. – Не так страшен чёрт, как его малюют. Да и вообще в этом карауле нападений не было, а если и были когда, так уж никто и не помнит...».

Все больше успокаиваясь, часовой уже подходил к первому постовому грибку, как тут в темноте кустов за ограждением послышался шорох – вроде бы кто-то завозился в траве, устраиваясь поудобнее. Часовой возбужденно задрожал, его правая рука сама потянулась к затворной раме. С трудом подавив желание выпустить на шорох автоматную очередь, памятуя слова командира роты, сказанные на инструктаже перед заступлением на боевое дежурство, – о недопустимости применения оружия в спешке, коль нет явного нападения, – часовой присел перед ограждением. Шорох в кустах то смолкал, то слышался опять. Панкратову уже казалось, что он различает за «колючкой» очертания тела притаившегося человека. По-рачьи пятясь, часовой добрался до окопчика, с облегчением ввалился туда и стал думать, насколько рискованно сейчас связываться с караулкой, мишенью выходя под грибок.

Решив, что риск чересчур велик, солдат, не снимая автомата с предохранителя, дернул затвором для устрашения неизвестного, копошащегося в кустах, – и с паузой в секунду подал сразу две команды: «Стой!» – и: «Стой, стрелять буду!».

От волнения голос прозвучал сипло и не так громко, как бы этого хотелось Панкратову. А шорох предполагаемого нарушителя сразу стих.

«Что теперь делать? – мучительно решал часовой. – Он же за ограждением: попробуй-ка удержи... А вдруг у него тоже оружие?».

Раздираемый страхами и подспудным сомнением: есть ли в кустах нарушитель, или?.. – часовой, на всякий случай, снял автомат с предохранителя: так, мол, будет вернее, задержав указательный палец на рукоятке затвора, готовый взвести его и...

В кустах зашелестело опять. Панкратов буравил взглядом темноту за внешним ограждением. А из неё на кирпичную дорожку выступило что-то округлое, тёмное. Вот уже оно попало в освещаемую лампой зону и... Ба! Да это же всего-навсего ёж! И довольно крупный... И так забавно семенит... Ух!

Панкратов злобно выругался. Столько натерпеться из-за колючего клубка!

Вымахнув из окопчика, часовой подбежал к спешащему животному, собираясь наподдать его сапогом, отомстить за пережитый страх. Услышав шум шагов, ёж разом свернулся, оцетинился иглами. А солдат моментально, так же, как раньше разозлился, успокоился.

«За что его бить? – рассудил он. – Животина безобидная, полезная. Разве понимает, куда можно, а куда нельзя заползать? Живи, животное!» – и Панкратов только слегка потрогал неподвижного ежа кончиком штык-ножа. Зверёк недовольно хрюкнул...

Минуя постовой грибок, рядовой вновь поймал себя на мысли, что неплохо было бы позвонить начальнику караула, ведь кажется, что с момента заступления на смену уже прошло не менее часа. Но – мы ранее упоминали, что время на посту тянется гораздо дольше, чем обычно. Посему решение часовой принял компромиссное: позвонить, однако с другого постового грибка, а до него ещё нужно было допатрулировать.

Шесть-семь шагов... Остановка, обернуться назад... ещё пять-шесть шагов... Остановка... ещё отшагать... Ещё... Место начала движения... Громотовод... Вышка... Поворот дорожки и ограждения. Подумаешь, велика важность, два часа протопать...

Сам того не замечая, часовой теперь шёл быстрее, нежели в начале смены. С каждым шагом он накапливал уверенность в себе, в своих силах, появилось даже слабенькое желание задержать нарушителя, крепнущее и крепнущее. В мыслях Панкратов теперь перешёл от неоправданного страха к неоправданной смелости, воображая, как из густых кустов выползает здоровенный бородатый мужик, с ножом в одной руке и с дубинкой во второй, но, вовремя заметив опасность, он, часовой, умело задерживает нарушителя, и вот уже едет в краткосрочный отпуск, домой, с какой-нибудь медалью на парадном кителе, а там все удивляются: как это – отслужил всего месяц и уже на Родину героем заявился...

От сих сладких мечтаний Панкратов заулыбался и, выпятив грудь, небрежно сплюнул сквозь зубы, а хватку автомата ослабил...

Утробный кошачий вопль ворвался по барабанным перепонкам в сознание, мгновенно вытеснив из него все грезы. Рядовой вновь судорожно вцепился в оружие, а ловить нарушителя и ехать на Родину героем в момент расхотелось.

– А ну его к лешему, этот отпуск, – вслух для себя решил солдат. – Тут лишь бы смену до конца нормально «оттащить».

У постового грибка, за израненным штык-ножами деревом, часовой остановился и осмотрелся с особой внимательностью: как же – сейчас он будет представлять отличную мишень!

Не обнаружив ничего подозрительного (к непонятым лёгким шумам, столь смущавшим рядового в самом начале смены, он уже притерпелся), Панкратов переложил автомат в левую руку, ухватив его за цевьё, а правой снял с ремешка ножен телефонную трубку, из кармана брюк вытянул соединённый с ней шнур, со штепселем на конце, воткнув его в розетку системы связи. Четырежды надавив на красную кнопку сигнализации, часовой услышал в трубке щелчок и голос:

– Слушаю, начальник караула.

– Докладывает часовой второго поста, третьей смены, – зачастил Панкратов. – На посту всё нормально, без происшествий.

И с чувством вины в голосе поинтересовался временем: оказалось, что с начала смены прошло сорок минут...

Несмотря на ободряющий голос начкара, Панкратов остро ощущал свою незащищённость, неподвижно стоя у телефона, и трубку, после команды «отбой», повесил с облегчением.

Вдруг дала о себе знать свалившаяся портянка, которую солдат не решался перемотать: не положено...

Завершая второй круг маршрута, рядовой неожиданно задумался над тем, что за трава растёт с обеих сторон кирпичной дорожки – низкая, сплошным ковром тянущаяся почти до ограждений. Такую травку, с узенькими продолговатыми листочками, тянущимися прямо от низа вертикального стебелька, как теперь вспомнил Панкратов, любили склёвывать гуси у бабушки в деревне.

Недалеко от поворота, ближе к речушке, травка с продолговатыми листочками стала перемежаться с высокой и остролистой, колосащейся и похожей на пшеницу. Начав приглядываться и к другим кустам и травам, в изобилии произрастающим на посту, часовой сразу распознал некоторые из них: лебеду, осот, репей-дурнишник, кусты лопуха и хрена, крапиву, одуванчик, подорожник,

скрывающие тело речушки камыши... Но сколько вокруг оказалось незнакомых растений!

Высокое зонтичное, доходящее до груди и напоминающее укроп, но с иным, резко-неприятным запахом.

Приземистая, мощными кустами гнездящаяся трава, маленькие листочки которой были похожи на ёлочные иголки.

Остролистое небольшое растение, которое Панкратов из неосознанного любопытства даже попробовал на вкус и сразу сплюнул, почувствовав во рту горечь перца.

Какие-то корзиночки, напоминающие подсолнух, но доходящие лишь до пояса, вьющееся растение с голубыми цветками-колокольчиками, своим стеблем оплетающее чужие; несколько видов кустарников: один с белыми, как у сирени, гроздьями цветов, другие с зубчатыми, но разной формы листьями...

Панкратов вырос в райцентре; в деревне, у бабушки, бывал летом, наездами, и, разумеется, никогда особенно ботаникой не интересовался. Так что откуда солдату было знать, что травка, столь любимая гусями, в просторечии так и называется «птичьей гречишкой», а научное её название – спорыш, высокая же и похожая на пшеницу трава – пырей. Что зонтичное с резким запахом – пастернак, трава с листочками, напоминающими ёлочные иголки, – пресловутая амброзия, а горькое на вкус остролистое растение – водный перец, или горец. Что корзинчатая трава – череда, кустарник с мелкими гроздьями белых цветов – ядовитая бирючина, мелкие и чёрные ягоды которой в народе называют волчьим лыком, вьющееся растение с голубыми цветками есть полевой вьюнок и, наконец, кусты с перообразными зубчатыми листьями, соответственно, молодая поросль вяза и ясеня, размножающиеся спорами.

Впрочем, что теперь было часовому до всех этих трав и прочих растений, если теперь, на третьем круге патрулирования, свалившаяся портянка в левом сапоге беспокоила всё сильнее и сильнее.

Панкратов замедлил скорость обхода, раздумывая, как бы эдак перемотать её, ни в чём не нарушая устав, и с неудовольствием вспомнив пункт «не выпускать из рук оружия» из своих общих обязанностей. Да-а, стоя на одной ноге, пожалуй, можно одной рукой стянуть сапог и обернутую вокруг ступни и голени фланелевую ткань.

«Но только не намотать, – с сожалением сам себе сказал часовой. – А может, портянку в карман, пока не придет проверка? Не-е, прибодаются... Терпеть надо...».

Пытаясь хоть как-то отвлечься от ненавистной портянки, рядовой взялся считать шаги от начала до конца своего

маршрута. Пройдя туда-обратно в четвёртый раз, подытожил: туда – 254 шага, оттуда – 262.

Решив для точности сосчитать шаги ещё раз, часовой открыл пятый круг маршрута, но, не успев дойти и до громоотвода, забыл и думать о проклятой портянке: чья-то тень метнулась за угол хранилища...

До сих пор Панкратов больше смотрел за внешнее ограждение, рассуждая, что из-за внутреннего мало вероятности для нападения. Туда ж ещё через два ряда «колючки» проникнуть надо. И вдруг...

Часовой замер – неужели он просмотрел где-то двойной порыв и преступник уже в глубине охраняемой территории?

Пожалуй, впервые солдат заметил, что хранилища за внутренней линией колючей проволоки освещены весьма скудно: по единственной лампе над дверями. Вон, ремонтирующийся бокс вообще еле виден в темноте, разве что склад с оружием и боеприпасами, огороженный дополнительной «колючкой» со всех сторон, хорошо просматривается под прожекторами.

Тень неизвестного вновь вынырнула из-за угла хранилища и тут же спряталась. Похоже было, что человек осматривается на незнакомом месте.

Панкратов засуетился, желая бегом вернуться назад, к постовому грибку, чтобы отсигналить в караулку, и одновременно боясь, сдвинувшись с места, потерять нарушителя.

Тень вынырнула в третий раз, задержалась немного, странно задержалась и вновь убралась за угол. Спеша проверить догадку, часовой взглянул вверх и вперёд: перед прожектором металась ветвь крупного тополя-осоколя с белым, мёртвенным в электрическом свете стволем. Тень ветви и падала временами на угол хранилища.

«Опять чуть не угодил, как кур во щи, – с презрением к себе резюмировал часовой. – Сейчас бы поднял панику...».

Не успел рядовой расслабиться и сделать десяток шагов по кирпичам, как по нервам его стегануло звонками из караульного помещения – связь и сигнализацию, в свою очередь, проверял начальник караула, – и Панкратов помчался к постовому грибку, на ходу выдергивая из кармана телефонный шнур...

Следующий круг патрулирования прошёл на редкость бесцветно: разве что вдалеке возник и вновь растворился в ночи звук проезжавшего где-то мотоцикла, какой-то припозднившийся рокер гонял, похоже, на «Яве». А мысли часовой обратились к мрачному кусочку гражданских воспоминаний – ранней, нелепой смерти одноклассника, разбившегося на скоростном «Иже».

...Возвращаясь от постовой вышки, солдат скорее угадал, а уж позднее услышал шаги группы людей вдалеке. По всему судя,

это должна была быть проверка несения службы. Однако это ещё бабушка надвое сказала, кто именно мог двигаться на сближение с часовым, а посему он затаился за бетонной подушкой громоотвода и, увидев через полминуты тёмные фигуры людей в полосе света на кирпичной дорожке, подал громкую команду:

– Стой, кто идёт?

– Разводящий! – услышал Панкратов в ответ.

– Разводящий, ко мне, остальные на месте! – в свою очередь ответил солдат, дождался, пока отделившийся от остальных теней силуэт приблизился на расстояние двадцати-двадцати пяти метров, и прокричал ему:

– Осветить лицо!

В правой руке человека на ходу зажёгся фонарь.

Сразу же Панкратовым овладел безотчётный страх. Кто это? Только не разводящий!

Лицо идущего, несмотря на прерывистую линию горящих ламп над «колючкой», было невозможно угадать: фонарь выхватывал только выпуклости, в первую очередь нос. На месте глаз зияли тёмные провалы, над головой красовалось что-то бесформенное, с расплывчато-круглым блестящим пятном в центре. В целом лицо походило на ужасную маску, и от окрика: «Стой, стрелять буду!» – часовой удержала характерная походка ефрейтора да его знакомый голос.

Ещё шагов пять подходившего – и маска превратилась в привычное лицо «разводного», а блестящее пятно на «чём-то бесформенном» – в звёздочку на пилотке.

– Ты чего молчишь? – подбодрил часовой ефрейтор.

– Остальным продолжать движение! – прокричал Панкратов, взяв автомат в положение «на ремень».

С проверкой приехал ротный. Спросил о настрое, не случилось ли чего на посту за час. Панкратов рассказал о сове, про ежа из стыда промолчал, зато о своих сомнениях после команды «Осветить лицо!» – постарался распространиться подробнее.

Неожиданно ротный подал вводную: «Нападение на пост справа!».

Оставшись довольным, как бодро часовой шлёпнулся всё за тот же громоотвод, капитан разрешил рядовому перемотать портянку, и на том проверка закончилась.

Когда колонна из трёх человек скрылась из вида часовой, ему вдруг до смерти захотелось курить, а сигареты со спичками у приверженцев к табачным изделиям, увы, отбирались ещё перед выходом из караульного помещения – дымить на посту строжайше воспрещалось всё тем же уставом...

Весь восьмой круг Панкратов боролся с неутолимим желанием хотя бы одной затычки, «распечатав» же девятый, чётко осознал понял, что смертельно хочет спать. Убаюкивало всё: стрекотанье цикад, шум листвы, размеренный ритм патрулирования, даже чередующиеся тёмные и светлые участки кирпичной дорожки, неравномерно освещаемые электролампами.

С усилием размыкая отяжелевшие веки, Панкратов едва удерживал в руках оттягивающий их автомат. Однако накинуть брезентовый его ремень на плечо так и не решился, понимая, что в случае борьбы с нарушителем врукопашную окажется стеснённым в движениях. Зато догадался засунуть рукоятку автомата за поясной ремень и теперь мог время от времени сменять последовательно поддерживающие оружие за цевье затёкшие усталые руки.

Так, борясь со сном, часовой вновь доложил в караулку, что у него всё в порядке, а отойдя от постового грибка шагов на пять, загнулся за край выступающего из дорожки кирпича, чуть было не пропав по его соседям носом.

«Может, постоять, отдохнуть немножко? – боролся солдат с искушением. – Не-е, начкар как говорил: если задремлешь и встанешь – потом сядешь, ну а сядешь – так заснёшь. А сон на посту – преступление... Почти...».

Плетясь мимо постовой вышки, Панкратов сумел выделить в вязких мыслях главную: сон проглотит его и очень скоро.

Мысль испугала, как ожгла. Часовой остановился и с маху, до боли, дважды хлопнул себя ладонью по щеке. Потом подпрыгнул – повыше. Резко помотал головой. Но сон лишь чуточку отступил, готовый навалиться на человека с новыми силами. И тогда солдат сильно куснул правую руку повыше запястья, у манжета «хебе». На коже тёмным эллипсом остался след передних зубов...

«Жалко, что говорить и петь нельзя, – сожалел часовой, минуя израненное дерево. – А как насчёт свистеть?».

На середине пути от грибка к вышке Панкратова настиг истерический крик, рвущийся из ближнего хранилища. Сон моментально сгинул. Часовой отпрыгнул со света, присел, направил вперёд дуло автомата. Крик не повторялся, но в хранилище что-то с шумом упало, а затем послышался характерный звук, напоминающий куриное хлопанье крыльями. Часовой со страхом выжидал...

Ещё минута – и из-под дверей хранилища вылез огромный кот, который что-то тащил в зубах. «Голубь!» – понял Панкратов, и тут на него напал неудержимый приступ гомерического хохота, который солдату с трудом удалось подавить, но ещё

целый круг патрулирования с лица рядового не сходила не соответствующая важности боевой задачи улыбка.

Одиннадцатый круг часовой ознаменовал открытием, что замёрз. От земли, особенно в той части дорожки, которая шла параллельно реке, веяло промозглой сыростью. Панкратов теперь жалел, что не надел шинель, выходя на смену, но, с другой стороны, осознал и то, что как раз в верхней одежде его бы быстрее мог сморить сон.

«Нет худа без добра, – рассуждал, ёжась, часовой. – Сон-то холодом повыбился, а вот закурить бы сейчас – хотя бы изнутри согрелся...».

Рядовой пританцовывал и подпрыгивал, размахивал руками и постукивал подъёмом одной ноги по икрам другой. А немного согревшись, в мыслях вернулся всё к тому же не пойманному нарушителю.

«Конец смены, похоже, недалеко, – соображал солдат. – Сколько страхов пережил – и всё попусту: никого и ничего. Даже и обидно!».

Совсем близко от внешнего ограждения кто-то громко и простуженно заперхал. Скользя внимательнейшим взглядом по кустам за внешним ограждением, силясь раздвинуть темноту взглядом, Панкратов так и пристыл к дорожке, не в состоянии двинуться никуда от страха.

На границе освещённой полосы и тьмы, под кустом сирени, затаился человек со страшным, бледным, уродливым лицом и в светлой одежде.

– Кхе, кхе, – снова заперхал человек, – наверное, долго уже так лежал на сырой земле, присматриваясь к часовому и соображая, как половчее его снять, ну и простыл немного.

Еле придя в себя, Панкратов отпрыгнул со света – в который раз за смену.

– Стой, кто идёт? – скомандовал часовой, хотя неизвестный не шёл, а лежал. Страшная личность продолжала перхаться.

– Стой, стрелять буду! – произнёс часовой, удивлённый эдакой странной реакцией нарушителя. А уродливый бледнолицый странно покрутил головой, не трогаясь с места. Немигающими глазами разглядывая белеющее лицо, Панкратов судорожно отщёлкнул предохранитель, приготовившись вогнать патрон в патронник, однако шестым чувством угадал очередной подвох караула: перед часовым не человек! – Собака! Собака со светлой шерстью! Да никак это Буржуй!? А кашляет-то...

Швырнув кусочком кирпича в простуженного «нарушителя», часовой с радостью убедился, что из-под сирени, отряхиваясь, выскочил давно прижившийся возле караульного помещения старый пёс.

Щенком забежал он в поисках пропитания в воинскую часть, а обласканный

солдатскими руками, посчитал, что сумел ухватить за хвост изменчивое собачье счастье. Пса в самом начале его «действительной» службы называли Дембелем, но, когда ставший на солдатское котловое довольствие и при случае приворовывающий на стороне бывший бродяга наел полукруглые бока, перекрестили в Буржуя.

Было это по меркам собачьей жизни очень и очень давно – одиннадцать лет назад. Освоившийся в части Буржуй быстро избаловался, стал весьма разборчив в еде, особенно полюбив сахар, за кусок которого готов был продать весь караул.

Днями обленившийся пёс обычно дремал где-нибудь в тени, а по ночам, из вредности характера, обожал лазить по постам, пугая часовых, а то и – в зависимости от настроения – наоборот, выбегал впереди проверяющих смену и громким лаем предупреждал бдящего службу.

При первых же признаках дождя Буржуй моментально вбегал на ступеньку перед дверью в караулку, усаживался под бетонным навесом-козырьком и терпеливо ждал. А стоило двери открыться – юркал в помещение для бодрствующей смены и, как воспитанный пёс, не пятнал лапами все комнаты караулки, а сразу укладывался в ближнем углу, под углекислотным огнетушителем. То было его законное, годами упроченное место...

Затрещав кустами, Буржуй потрусил на другой пост – и там проверить службу. А Панкратов, завершая очередной круг патрулирования, внутренне почувствовал: скоро конец смены.

Казалось бы, никто и ничто не сможет уже удивить часового: ну, разве что настоящий нарушитель... И рядовой понял, что злоумышленник так-таки пролез на пост, когда, проходя мимо ремонтирующегося и неосвещенного хранилища, почти вплотную подступавшего к внутреннему ограждению, услышал громкий шорох на крыше склада. Солдат даже не успел взглянуть наверх, над собой, как уже второй, сумевший зайти в тыл часовому преступник движением руки сбил с него пилотку, – по-видимому, промахнувшись, когда пытался ухватить Панкратова за ворот.

Часовой дал стрекача: не оглядываясь, покрывшись холодной испариной и в ужасе ожидая выстрела в спину из какой-нибудь допотопной берданки. На ходу сдёрнул предохранитель, а упав в готовности к обороне близ постового грибка, уже готов был взвести затвор, но делать этого опять-таки не пришлось.

Вместо группы нарушителей на кирпичной дорожке валялся один-единственный, сдутый сильным порывом ветра с крыши хранилища, мешок с остатками цемента...

Завершающий круг маршрута часовой прошёл устало и с чувством исполненного долга. Караул многократно испытывал молодого солдата, доставив ему множество мнимых страхов. Кто знает, кому и когда, в какую смену, через год, два или десять лет выпадет настоящее и серьёзное испытание – борьба с нарушителем или их группой, скорее всего вооружённой и намеревающейся завладеть то ли оружием часового, то ли содержимым одного из воинских складов. Обычному человеку знать будущее не дано... Но быть готовым к любому повороту событий обязывает солдатский долг. А пока...

– Стой, кто идёт? – подал команду Панкратов, увидев смутные очертания фигур на кирпичной дорожке.

– Разводящий со сменой, – услышал часовой в ответ.

– Разводящий, ко мне, остальные на месте! – в свою очередь ответил волнительно отстоявший смену воин...

У КАЖДОГО СВОЁ

Рассказ

Над затихающим селом стыл морозный зимний вечер...

Вдруг задремавшая под яркой луной улица ожила, и на ней раздались частые нетерпеливые выкрики: «Пошла-а! Ну же, пошла!».

Молодой мужчина, стоя в снях, безжалостно нахлестывал взмыленную, закусившую блестящие удила караковую лошадь, бешеным скоком несущуюся меж сугробами рыхлого, поутру выпавшего снега. Мужчина рывком натянул задубевшие на холоде вожжи и ещё на ходу прыжком вымахнул из саней. Подбежал к большому крестовому дому, настойчиво застучал кнутовищем в одиноко светившееся окошко.

Человек за стеклом привык к неожиданным визитам – обязывала профессия врача...

На крыльчке дома, в теплой болоньевой куртке нараспашку, стоял агроном из хутора – человек редкой, почти медвежьей силы. Из-под затертой пыжиковой шапки, искрящейся блёстками морозной пыли, выбивались тёмные пряди мокрых волос; руки в меховых перчатках нервно сгибали упругое вишнёвое кнутовище.

– Доктор, скорее! – прерывисто выкрикнул поздний гость. – Жена с утра не разродится!

Врач молча скрылся в снях. И через минуту выбежал на порог дома, хрустнув утоптанным снегом под зимними полусапожками и на ходу застегивая пальто. В руках держал чемоданчик с намалёванным на

его крышке красным крестом в центре белого круга.

– Когда начались схватки? – привычно поинтересовался врач и бережно уложил чемоданчик на цветное одеяло, подоткнутое поверх умятой, слабо пахнувшей овсяной соломой.

– Утром, часов в восемь ещё, – скороговоркой отозвался агроном, торопливо запрыгивая в сани. – Я только на работу ушёл...

– А кто с роженицей сейчас? – перебил врач, боком садясь в сани и натягивая на длинные пальцы с аккуратно остриженными ногтями перчатки козьего дымчатого пуха.

– Кто? Да мать же и... – тут агроном на секунду запнулся было, взмахнув кнутом. – Ну и соседка-повитуха. Акушерка наша в отпуске, к родственникам укатила...

– И что же?

– А то! Чтоб у этой коновалки руки отсохли! Ч-чёрт... – агроном не окончил фразы, зло рассёк воздух кнутом. Сапно вздымавшая парующие бока лошадь испуганно дёрнулась чёрным крупом и нехотя тронула с места...

До хутора – километров шесть по накатанной санями и машинами просёлочной дороге. Понукаемая лошадь мчалась, обидчиво подтянув нижнюю губу и отрывисто выстукивая копытами частый ритм по глухо отзывавшейся мёрзлой земле. Крепко придерживая на одеяле свой чемоданчик, врач, сочувствуя агроному, подумал: «При родах солнце не должно заходить дважды! Сутки, не больше суток, иначе... Спешить!!!».

Неожиданно в сухом, выжимающем из прищуренных глаз слезу воздухе, перекрывая лёгкий скрип полозьев на льдистых местах дороги, послышались голоса, кричащие не в лад игривым переборам гармошки. Ближе, чётче становились развеселые голоса.

– Эгей! Побереги-ись! – зычно крикнул вперёд агроном.

Вот они уже – рукой подать – две разукрашенные, с колокольцами на дугах, тройки.

– Давай, родимые! Ещё давай! – деловито и радостно покрикивал на вороных лошадях с вплетёнными в гривы разноцветными лентами дюжий возница-бородач передней тройки, одетый в белую дублёнку и по-ямщицки подпоясанный брусничным кушаком. Рядом, на этих же санях, нескладно выкрикивали: «Горррько!» хмельные дружки с полотенцами, переброшенными через плечо, а гармонист перебирал перламутровые клавиши трёхрядки.

Второй тройкой (коренник – гнедой жеребец и серые в яблоках пристяжные) молодецки правил статный лейтенант в распахнутой ветром парадной шинели. В

центре расписных саней жених обнимал обложенную шубами, закутанную пуховым платком невесту с раскрасневшимися щеками; здесь был и ряженный в костюм полногрудой цыганки парень, и кто-то в бурой медвежьей шкуре...

– И-эхх, гуляй, так твою перетак!

– Маэстро, дави на клавиши!

– А ну, пошли, родимые!

Смех. Крики. Цокот копыт. Частые переборы гармошки. Свадьба!..

– Доктора везу! Пропустите! – вновь зычно и резко прокричал агроном.

Но голос его, наполовину заглушаемый голосистой гармошкой и пьяными криками, относил ветер. Агроном крикнул ещё, ещё, уже почти догнав вторые свадебные сани. На тройках его наконец хорошо расслышали, но не поняли. А вернее, не захотели понять.

«Чего надрываешься, дурень? Неужели не знаешь, не понимаешь, что мы – свадьба – просто не можем пропускать вперёд никого? Плохая примета: тогда, по поверью, молодым всю жизнь не будет в доме счастья», – возможно, подумалось на тройках тем, кто был потрезвей. А вернее всего, что и нет...

– Бесплезно! – сквозь зубы, позвериному, прорычал агроном. – А что, если... – и, сплюнув через угол рта, нервно дернул вожжами влево, пытаясь обогнать свадьбу обочь, но запаренная в беге лошадь сразу увязла в глубоком придорожном снегу.

Агроном, чертыхнувшись, круто и трудно вывернул на грунтовку. Врач с тревогой приподнялся и крикнул ему:

– Опоздаем!..

Агроном затравленно молчал, до боли сжимая в руках твёрдые от мороза вожжи с ремёнными наконечниками, а в прищуренных от ветра глазах его зарождался невиданной силы гнев.

Со свадебных саней заорали неприличную частушку про обрюхатевшую в девках. И тут агроном, придерживав вожжи и наполовину даже сам не осознавая, что же делает, закричал – отчаянно и испуганно, что есть мочи и срываясь на хрип. Он страшно, грязно обругал невесту...

Резко тормознули тройки. Так резко, что парень, одетый в костюм дородной цыганки, и ещё кто-то с передних саней кувыркнулись в снег. Захлебнулась навысокой ноте трёхрядка, с растянутыми мехами полетела в сани...

Лейтенант пытался остановить разом рванувшихся к агроному парней, но успел лишь сшибить с ног гармониста и тут же упал сам, намертво сцепившись в яростном объятии драки с бородачом-возницей, оравшим лейтенанту: «Уйди!» – вперемешку с руганью; жених грубо волочил за собой плачущую, ухватившуюся за полы его тулупа невесту и тоже через слово матерился; запутавшись в длинной юбке, подвернула ногу

«цыганка»; неумело ломал оглоблю из саней трусоватый дружка, а его товарищ первым набегал на агронома; испуганно визжали, съёжившись в санях, невестины подружки...

Агроном завернул лошадь и швырнул вожжи врачу, который неловко поймал их. Стеганув напоследок мокрый от пота конский круп, агроном спрыгнул с саней, сжимая в руке кнут.

– Гони!!!

Объезжая по сугробам остановившиеся вдоль дороги свадебные тройки, чуть не сцепившись отводами с передними санями, врач ещё успел заметить, как агроном в два движения сдёрнул с плеч стеснявшую его куртку и с силой, с оттягом, дважды полоснул нападающих кнутом, а дальше всё смешалось в один рычащий, бесформенный клубок дерущихся, каждый за своё.

Врач стиснул зубы и хлестнул вожжами тяжело бегущую лошадь, заставляя её наддать ходу. Совсем рядом мучилась жесточайшей человеческой болью роженица, уповающая на его помощь, истово надеющаяся на неё...

– Но-о! Но-о! – понукал врач лошадь.

Да, умом он сейчас понимал, что при родах солнце не должно заходить дважды, а значит, надо мчаться и мчаться, и только вперёд, сквозь ночь, к будущей матери. И как же он ненавидел в душе это понимание...

Вот и замелькали по сторонам дома соседней деревни, за которой уже был виден нужный хутор, и по улице прокатился залиvistый собачий брех. Припозднившийся прохожий, остановившись, проводил удивленно-любопытным взглядом мчащиеся сани. Ещё минуты две – и лошадь сама остановилась у родного порога.

В прочищенном от снега дворе, у калитки, сосредоточенно дымили отец и младший брат агронома – парень лет восемнадцати, которые тут же поспешили навстречу долгожданному гостю.

– Наконец-то! – обрадованно воскликнул отец, отбрасывая в сторону и окурок, и пустую смятую пачку из-под «Примы». – А почему один?

– Он на дороге со свадьбой дерётся, – единым духом выпалил врач и стремительно взбежал на крыльцо...

Отец и брат агронома примчались на место драки, вконец загнав несчастную лошадь, со страхом прижимавшую уши под нещадными ударами вожжей и кнута. К тому времени агроном уже давно не сопротивлялся свалившим его наземь и теперь насмерть забивающим парням, лишь в полутьме сознания инстинктивно прикрывал голову.

Лейтенант оттаскивал озверевших парней от лежащего ничком агронома; невеста, до бровей вывалившаяся в снег, плача, всё цеплялась за жениха; стонал возле саней дружка, получивший первый удар кнутом, бережно прикрывая ладонью повреждённый глаз и ритмично покачиваясь туловищем влево-вправо; держался за свёрнутую челюсть второй, трусоватый дружка; кое-как поднимался на ноги гармонист, в свалке оглушённый кем-то из своих же; снова мешала «цыганке» юбка, не дающая сильного размаха для удара ногой... Вокруг места драки на снегу и исчерканном каблуками ледяном покрове дороги валялись оторванный рукав грязно-белой дубленки, несколько рукавиц, затоптанная ондатровая шапка.

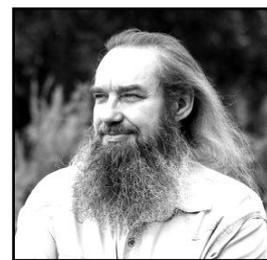
То один, то другой нападающий прорывались мимо лейтенанта к агроному и пинали его ногами: в живот, в лицо – зло, люто, иной раз с хакающим вскриком мясника, разрубающего тушу.

Брат агронома ещё из саней выстрелил в воздух из захваченной тулки-двустволки. От грома выстрела парни разом опаматовались, остановились и молча, с тупым удивлением упёрлись взглядами в человека, недвижно лежащего перед ними на испятнанном кровью снегу.

Агроном с помощью отца тяжело, со стоном поднялся и сделал шаг, закусив губу. Потом выхаркнул на истоптанную и продранную до сизого льда дорогу темно-красный сгусток. Еле внятно произнёс:

– Не по злобе я, парни. Не по злобе. Ведь жена умирает... Но и вы-то... Э-х-х!

И, слабо оттолкнув отца, со словами: «Я сам», шатаясь от нечеловеческого напряжения сил, медленно побрёл к саням.

ОБОРОНА РАЯ

Стихотворения

Линия Мажино

Горизонт свернулся ковриком у ног.
И звезда – на расстоянии руки.
Закурю. Налью. Присяду на порог.
Холодает чуть... но это – пустяки.

Собеседниками – призраки морей
И скитальцы из неведомой земли.
Да пяток пушистых, плюшевых зверей,
Что в другое измеренье забрели.

Этой ночью мы (что там детектор лжи!)
Всё, как водится, расставим по местам.
А душонка, тварь распятая, дрожит...
Отступает и трещит по всем фронтам!

Не лукавлю... всё и так обнажено.
Вот и схлынул мутных мыслей хоровод.
А окопы глупых линий Мажино –
Только там, куда фонарик достаёт.

Утренний туман

Зря я – окна настезь. Эта хмарь
Проберётся в дом. А после – в душу...
Одноглазый уличный фонарь
Через час фонарщики потушат.

Но рассвет сегодня отменён
Молоком разлитого тумана,
И плывёт над бездною балкон.
Я на нём – озябшим капитаном.

Тишина. И можно покурить
В час, когда «меж волком и собакой»
Поразмыслить – плыть или не плыть,
Не ища подсказок зодиака.

А, быть может, я уже пленён
И живу в местах – иных и странных?
Омывают типовой балкон
Волны заколдованных туманов.

Все законы, писанные встарь –
Знать не знал, но всё-таки нарушил?
Зря я – окна настезь. Эта хмарь
Проберётся в дом. А после – в душу...

Говорят

Говорят, за морем – сыто и тепло.
Говорят, что там полным-полно чудес.
А у нас в окошках битое стекло...
Почудил недавно пьяный... или бес.

Говорят, что там и розы – без шипов.
И любовь шальная брызжет через край!
А у нас тут край морозов и снегов.
А ночами – волчий вой да пёсий лай.

Говорят, что там, в излучине реки,
Дыбит башни горделивый, древний Храм.
А у нас в полях бурьян... да васильки,
Что росой небесной плачут по утрам.

«Хорошо лишь там, где нас с тобою нет».
Эту фразу, видно, выдумал дурак.
А куда ни глянь – повсюду Божий свет.
Было так. Так есть. И будет так.

Центр Вселенной

В излучине бойкой, торговой реки
Открою таверну вблизи переправы.
Там вольные песни и вольные нравы.
Там ночью на пламя летят мотыльки.

Встречать прибывающих с юга купцов,
Что водят в пустынях свои караваны.
Послушать паломников в рубищах рваных –
Обутленных солнцем седых мудрецов.

Под вечер – заезжих актёров игрой
Сполна насладиться за кружкой пенной...
И думать о том, что здесь Центр Вселенной –
На этой Земле и под этой Лунной.

Оборона Рая

Мы рыли окопы в желтеющем райском саду.
В хрустальных беседках крепили стрелковые доты.
Защитой от танков – упавшую с неба звезду.
Защитой от демонов – ярый огонь пулемётов.

Так мы стерегли – наступавшую, злобную мглу.
Разведчики-ангелы бдили летящую свору.
Походный костёр догорал, превращаясь в золу.
И все понимали – начнётся сражение скоро.

Хорутви Христовы – защитой над головой.
Последний рубеж –
перед жуткою, адовой бездною.
У дедов – Москва... А у нас – божий рай за спиной.
Ни шагу назад! А иначе... и жить бесполезно.

А ну, херувимы... сыграйте на трубах «Зарю»!
Пусть копыя рассвета пронзают рогатое племя!
На случай чего...

Дорогие, я всех вас люблю...
И... шашку из ножен...

и ногу – в пегасово стремя.

Игорь СЕНИН

ЖИВЁТ В ДУШЕ РОМАНС

Стихотворения

Городки провинциальные

Городки провинциальные
Возле Волги и Оки...
Их названья музыкальные
Благозвучны и легки.

Здесь зимой – дымки над крышами,
Летом – лодки у реки,
В тишине повсюду слышные
Пароходные гудки.

Здесь сады цветут вишнёвые,
Так что кругом голова.
И дома совсем не новые,
И не новые слова.

Жизнь размеренная движется
Без излишней суеты,
На ветру бельё колышется,
Спят на солнышке коты...

Церковь, золотом горящая,
Колокольный перезвон...
Здесь – Россия настоящая,
Вот она, со всех сторон!

Здесь живут её традиции,
Здесь обычаи живут,
Позабывтые столицами,
Сохранившиеся тут.

В городке хотел бы маленьком,
Где акации, сирень,
Где цветы по палисадникам,
Свой последний встретить день.

Живёт в душе романс

Старинный, современный...
У каждого из нас
Реликвией бесценной
Живёт в душе романс.

Серьёзный, ироничный,
Любовный, городской...
Такой родной и личный,
До боли дорогой.

Проходит день в заботах,
Звезда во тьме зажглась,
И снова отчего-то
Звучит в душе романс.

Связь музыки и строчек,
Где радость и печаль...
И плачет колокольчик,
И тройка мчится вдаль...

Акаций гроздь белых,
И блеск былых времён,
И пламя взглядов смелых,
И золото погон...

И нынешний, и старый –
Ему повсюду дом:
В компании с гитарой,
С друзьями за столом...

И в зале на концерте,
Ведь просто, без прикрас,
Средь жизни круговерти
Живёт в душе романс.

Улетает молодость моя

За леса, за горы, за моря
Улетает молодость моя,
Пусть не стар годами, и ещё
Отдавать и брать могу своё,
Но, как с веток листья октября,
Улетает молодость моя.

Я стараюсь время превозмочь,
Только повзрослеть успела дочь.
Притупился, хоть и не исчез
К нераскрытым тайнам интерес,
Навалилось бремя бытия –
Улетает молодость моя.

Стал тяжёл я как-то на подъём,
Пребывая в мыслях о своём.
Где же чувств былая острота?
Жизнь как будто та же, да не та.
Словно дыма лёгкая струя,
Улетает молодость моя.

Есть ещё Россия у меня.
Свой запас душевного огня,
Словно донор кровь, вливаю ей –
Ненаглядной Родине моей.
К ней на крыльях сильных, верю я,
Улетает молодость моя.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ДУЭЛЬ

Предлагаем вниманию читателей альманаха «Менестрель» новую рубрику – «Поэтическая дуэль». В этой рубрике будут публиковаться попарно перекликающиеся по тематике, настроению, интонации стихотворения поэтов разных времён – классиков и наших современников. Читателю же предоставляется право самому выбрать, чьё стихотворение сильнее, кто в этом поединке победил.

**Осип МАНДЕЛЬШТАМ –
Дмитрий РУМЯНЦЕВ**

«ЭТО КАКАЯ УЛИЦА?»

Осип Мандельштам

* * *

Это какая улица?
Улица Мандельштама.
Что за фамилия чёртова –
Как её ни вывёртывай,
Криво звучит, а не прямо.

Мало в нём было линейного,
Нрава он был не лилейного,
И потому эта улица,
Или, верней, эта яма
Так и зовётся по имени
Этого Мандельштама...

Дмитрий Румянцев

– Это какая улица? - Это? В.Б. Кривулина.
– Кто был В.Б. Кривулин? –
Очень большой поэт.
– Что ж так по карте вётся
чёртова загогулина?
– Я бы всерьёз ответил, правда, ответов нет.
Может, поэт свободный так уходил от власти,
жарко дыша на стёкла зимнего витража.
Может быть, так уходит и от пророка счастье,
словно з/к, бежавший из под карандаша.
Может, шальная музыка в руки нам не даётся
так, как большая птица, что и сама – ловец.
Может быть, так шатает тело канатоходца
страх, не доступный глазу,
сглазу людских сердец.
Может, из-под скребущего
грифеля карандашного,
пишущий знает истинно: ныне и навсегда,
в прошлом, в сегодня, в будущем
будет уже для каждого
улица, площадь, улица, город, болид, звезда.
Может, и мне, отверженцу
ряда сего калашного.
Каждому, то-то ведь, каждому
сторицей Он воздаст.

**Андрей БЕЛЫЙ –
Иван ДЕНИСЕНКО –**

«НАШ АРГО!»

**Андрей Белый
ЗОЛОТОЕ РУНО**

Посвящено Э. К. Метнеру

Золотея, эфир просветится
и в восторге сгорит.
А над морем садится
ускользающий солнечный щит.

И на море от солнца
золотые дрожат языки.
Всюду отблеск червонца
среди всплесков тоски.

Встали груди утесов
среди трепещущей солнечной ткани.
Солнце село. Рыданий
полон крик альбатросов:

«Дети солнца, вновь холод бесстрастья!
Закатилось оно –
золотое, старинное счастье –
золотое руно!»

Нет сиянья червонца.
Меркнут светочи дня.
Но везде вместо солнца
ослепительный пурпур огня.

Иван Денисенко

СМЕРТЬ ЯСОНА

И эта ночь, и музыка, что сникла,
и мысли ни о чём и ни о ком
уйдут в слова, написанные слитно,
присыпанные пеплом и песком.

Всё то, что жгло, тревожило, томило,
и песни дев, и парус, что надут,
уйдут в слова. Во дни иного мира
их, может быть, когда-нибудь найдут.

Шумы, мой век, смелее, злей, свирепей!
Вокруг меня безжизненная падь...
Ходил к жрецам – такой, сказали, жребий,
был у врачей – велели больше спать.

Ночь тяжелее, чем ладонь Аида
(а у него ладони – ого-го...)
По венам растекается обида.
Мне холодно. Накрой меня, «Арго».

**Иннокентий АННЕНСКИЙ –
Дмитрий МЕЛЬНИКОВ**

«ХОЛОДНЫЙ ГРАНИТ»

Иннокентий Анненский

ЖЕЛАНИЕ

Когда к ночи усталой рукой
Допашу я свою полосу,
Я хотел бы уйти на покой
В монастырь, но в далёком лесу,

Где бы каждому был я слуга
И творенью господнему друг,
И чтоб сосны шумели вокруг,
А на соснах лежали снега...

А когда надо мной зазвонит
Медный зов в беспросветной ночи,
Уронить на холодный гранит
Талый воск догоревшей свечи.

Дмитрий Мельников

* * *

Лучше – вместо некролога –
будут пусть поля, поля,
бесконечная дорога,
просто Родина моя.

Лучше вместо разных баек, –
где я был, кого любил, –
подарите мне фонарик,
тот, что в детстве я просил.

Жаль, отец тогда был пьяный,
не хватило на мечту, –
чёрный, маленький, карманный
положите на плиту.

**Сергей ЕСЕНИН –
Бабка ЛИДКА**

«ГНЕВ»

Сергей Есенин

* * *

Пой же, пой. На проклятой гитаре
Пальцы пляшут твои в полукруг.
Захлебнуться бы в этом угаре,
Мой последний, единственный друг.

Не гляди на её запястья
И с плечей её льющийся шёлк.
Я искал в этой женщине счастья,
А нечаянно гибель нашёл.

Я не знал, что любовь – зараза,
Я не знал, что любовь – чума.
Подошла и прищуренным глазом
Хулигана свела с ума.

Пой, мой друг. Навей мне снова
Нашу прежнюю буйную рань.
Пусть целует она другого,
Молодая красивая дрянь.

Ах, постой. Я её не ругаю.
Ах, постой. Я её не кляню.
Дай тебе про себя я сыграю
Под басовую эту струну.

Льётся дней моих розовый купол.
В сердце снов золотых сума.
Много девушек я перещупал,
Много женщин в углах прижимал.

Да! есть горькая правда земли,
Подсмотрел я ребяческим оком:
Лижут в очередь кобели
Истекающую суку соком.

Так чего ж мне её ревновать.
Так чего ж мне болеть такому.
Наша жизнь – простыня да кровать.
Наша жизнь – поцелуй да в омут.

Пой же, пой! В роковом размахе
Этих рук роковая беда.
Только знаешь, пошли их ...
Не умру я, мой друг, никогда.

Бабка Лидка

ГНЕВ

Парамон Переплётчиков, гнида,
Я тебя сёдня-завтра найду
И подарок твой – банку повидла –
Утоплю твоей харей в пруду!

Появившаяся в предшествующем выпуске «Менестреля» подборка анонимной поэзии вызвала большой интерес у читательской аудитории альманаха. В этом номере мы «срываем маски» – объявляем имена участников предыдущей антологии.

Стихотворение № 1 принадлежит Ивану Тарану, № 2 – Андрею Дмитриеву, № 3 – Ивану Соснину, № 4 – Владимиру Алейникову,

1

* * *

Уже душа на заступ заперта.
Взметнувшись, пала тишина льняная.
Но музыка проходит мимо рта —
что с ней ни делай, как её ни нянькай.

Как научиться чуду — не спеша
следить огонь, играющий с дровами,
лишь порами раскрытыми дышать,
когда гортань запаяна словами?

Когда, и подвига какого для,
невежду отвлекла от умных игрищ
великая и нищая земля,
под ногти загоняющая иглы? —

когда ты пальцами сдирая лёд,
чтоб докопаться звука корневого,
умеешь видеть то, что не умрёт,
но не умеешь сохранить живого.

Природа, дай твой мотыльковый снег,
кореньев кривизну и узловатость,
чтобы никто — ни зверь, ни человек —
над памятью моей не издевался.

Дай силы радоваться прямизне
молчащих струн и початой полбанке,
грибнице, из которой по весне
произрастут весёлые поганки.

2

* * *

Мама стала махонькая, как котик.
Мама стала тихонькая, как мышка.
Мама еле-еле по дому ходит.
Гречку перебирая,
лапкой гребёт, как мишка.

Мамины дни теперь ни пестры, ни пёстры —
мелкой моторикой их не унять, итожа.
Старость и немощь — тоже родные сёстры,
так бы поэт сказал, если б только дожил.

№ 5 – Алексу Трудлеру, № 6 – Валерию Скобло,
№ 7 – Александру Бекишеву, № 8 – Анне
Долгарёвой, № 9 – Марине Улыбышевой.

Редколлегия альманаха выражает
благодарность авторам и критикам,
поучаствовавшим в этом смелом
эксперименте. И, разумеется, предлагает
внимание читателей следующую анонимную
подборку, более объёмную и разнообразную.

Мама крючком салфетки плетёт, платочки,
превозмогая тернии Паркинсона.
Если идти, то надо идти до точки —
где золоты цветы на кайме виссона.

3

КУДЕСНИК

соседнего мрака с дарами волхва
садился на камень замшелый
слетались к нему из Заветов слова
садились на плечи и шею.
тускнели под взглядом луна и звезда
кусты и деревья робели
он в воду глядел и дымилась вода
и рыбы бросались на берег
к соседнему мраку отправился мрак
не признанный им и собакой
подёрнулись светом холмы и овраг
и ветер в овраге заплакал
и волк приходил на задумчивый свет
напоенный облачным млеком
– я верой и правдой служил триста лет
пусти меня жить человеком

4

* * *

Заблудился в дверях. Закрутился.
Шаг – и больше не знаю – куда.
Сон такой же когда-то мне снился.
Дальше – лодка, туман и вода.

Берег, город, и люди, и строят
Что-то многие сотни людей.
И вода в молчаливом покое,
И твоё отраженье в воде.

И какие-то лестницы, башни,
И какой-то причал впереди.
Просыпаюсь, и вроде не страшно.
Возвращаюсь, но только один.

5

длится день в балансе светотени
лист кружит на новом вираже

осень это время сожалений
обо всём что кончилось уже
что ещё тревожило когда-то
и о чём так долго не спалось
осень это точка невозврата
золотая маленькая ось
в середине тёмного ненастья
где идёшь наощупь как фантом
в жизнь влюбляясь заново и насмерть
но ещё не ведая о том

6 Шлягер

Человек, разучившийся спать,
нервной дрожью прошит до кишок,
повторяет опять и опять
в детстве слышанный глупый стишок:

*«У меня ни двора, ни кола.
В руки въелся густой креозот.
От меня моя дроля ушла —
пусть с другим больше ей повезёт».*

Извертась на постели к утру,
он встречает несносный рассвет,
озирая свою конуру,
добивая бычки сигарет.

Шведский столик и чешское бра,
из карельской берёзы паркет,
но не комната — так, конура,
если в комнате женщины нет.

Шесть. Пора телевизор включать —
всё же жизнь, а не пошлый психоз.
Человек, разучившийся спать,
тонким басом гнусавит под нос:

*«У меня ни двора, ни кола.
В душу въелся густой креозот.
От меня моя дроля ушла —
пусть с другим больше ей повезёт».*

7

* * *

Строчка сочно крадётсЯ горлом,
Срочно на языке вертится...
Я листочек, натёртый городом,
Как отбитое мясо перцем.

Я кусочек бумаги белый,
Где напишут — кому что хочется!
Напророчено быть пробелом мне
Между точек в многоточиях
Человеческих жизней, судеб... Ах!
В них напёрсточник море вычерпал!..

Пусть напишут, что ж.
Да и будет так.
Ненаписанное — не вычеркнуть.

8

* * *

Неоконченная Лю, как неоконченная пьеса,
Может лежать в столе. Надышавшись пылью
Вылезти, оглядеться, выдать, ради интереса:
«Здравствуйте, вы про меня забыли!».

Сделаем вид. (Кто продержится дольше
в непонимайку). Хотите йогурт,
печенье, капельки? Утихнет боль, ше-
девры классики нам помогут.

А Лю? Что Лю! Надо было думать самой.
Ну не к нам же, в самом деле,
с вопросами типа «Сердцем или головой?»,
«На что вы готовы ради», «Чего вы хотели?».

Бо-Бо-Бо, куда вы проситесь, без вас тесно,
Лю облюбовала стол уже,
комнату уступать придётся, она есть но
с вопросами собственности мы настороже.

Капельки, печенье, йогурт. От радости
взвизгни,
Встретились Лю и Бо. А мы-то....
Мы не готовы к продолжению жизни.
Прыгай обратно в стол. Закрыто.

9

* * *

Становится душно
на свете
так душно
что нечем дышать
и дети
становятся меньше
старухи
становятся старше
и небо
все ниже спустилось
и просто
легло на кровать
ну что же ты
синее небо
когда собой будешь
опять
когда вновь
поднимется ветер
цветы зацветут
и распустятся листья
и нам
так легко будет
снова
в проснувшемся мире
дышать.

10
Яблочко

Созрело яблочко и покатилося...
Так я пропала, когда тебя повстречала.
Сначала перья взъерошила, нахохлилась,
потом в ладони мягкие упала.
Упала и рассыпалась горошинами, бусинами
и покатилося вниз крутыми спусками
к таким же горошинам
нахохлившимся и взъерошенным.

11
* * *

Как страшно, наверное,
голому или полуголому
Выходить в интернет,
Человеку, но сейчас как раз вот такой момент –
И без рубашки, без фильтра,
Как есть, как большая трава
и малая в ней былинка,
Как есть,
Выходит человек в интернет,
Много ли ему лет,
И много ли осталось ему лет,
Ему, может, не так много лет,
Ему, может, осталось немного лет,
Но человек берёт и выходит,
Как Гагарин, голый и в интернет,
Как в космос — на белый свет.

12

Страховка, ссуда, ипотека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи ещё хоть четверть века –
Все будет так. Исхода нет.

Умрёшь – начнёшь опять сначала
Всё снова точно также будет:
Ночь, ледяная рябь канала,
Страховка, ипотека, ссуда.

13

жизнь простое слово вроде вырицы
у поэтов есть ещё пока
лучшие как бабочки-крапивницы
им довольно капли молока

были мы поэтики неспелые
колосились кто во что горазд
лучшие всегда уходят первыми
остальным бессмертье не указ

потому и ходим друг за дружкойю
шаркая стихами по ФБ
лучшие стучат на небе кружками
на заборах пишут ДМБ

14

то вы про фивы то вы про фермопилы
мне бы не спартанцев мне б уже триста грамм
как бы сейчас вы неотразимы были
если б хотя б агдам

я вам о градусах вы же мне про промилле
вот и проходит жизнь как прошла весна
как вы чудесны как вы бы прекрасны были
если бы не она
не извилина

15
* * *

У детей рождаются дети, –
Повернётся мельница.
Поворотом правит ветер, –
Вертится и вертится.

Старости открыта пасть –
Чёрная, пещерная.
Вместе (старая слепая!)
Перепрыгнем через.

Снова встретимся детьми
По другую сторону:
Мы играли этот мир
И делили поровну.

Как ни ввали нам про Смерть
Правильные взрослые,
Знаем: главное – посметь
Зашагать по воздуху.

16

современная поэзия бывает
декларативная и предметная
декоративная и конфетная
корпоративная и пакетная
вариативная и конкретная
альтернативная и секретная
весьмаспортивная и инертная
ужаснобедная и монетная
суперинтимная и заветная
сумасводимная и запретная
кудапойтимная безответная
и всякоразнодляжизни вредная

**читайте поэтические книжки
они сокращают жизнь**

ВОЛЬНЫЕ МЫСЛИ

Сложносокращённая рецензия

Название подборки анонимных стихотворений – «ОПА» – можно рассматривать и как сложносокращённое слово, и как междометие. В первом случае проводится параллель с Обществом анонимных алкоголиков (ОАА – общество поэтов-анонимов). Вспоминаются похожие строчки Марины Безденежных: «Привет собратьям, наркоманам слова, / Родителям метафор и идей». Сравнение поэтов с наркоманами способно порождать ассоциации. Междометие «опа» выражает неожиданность (синонимы: «ба», «оп»). А стихотворение как раз должно быть неожиданным. С другой стороны, слово «опа» – частушечное, причём оно содержится и в таких частушках, которые «покоробят» сноба (например, о связи группы девушек со священнослужителем). А это уже не «Менестрель»...

1

Основная тема текста – поэзия, то есть память, которая – музыка! Поэзия – сущность весенняя, хотя она всегда вписана в контекст других времён года. «Грибница, из которой по весне / произрастут весёлые поганки» – образ в духе символистов, что французских, что русских, что «старших», что «младших». Особенно напомнил этот образ мне Тристана Корбьера. В стихотворении есть ещё одна вольная ли, невольная ли отсылка к французскому символизму: «Взметнувшись, пала тишина льняная». В сонете Малларме, посвящённом Рихарду Вагнеру, читаем: «Тяжёлым бархатом спадает тишина» (перевод Романа Дубровкина). Это всё ценно. Но можно ли запаять не губы, а гортань словами? И откуда идёт музыка? Идёт изнутри человека и «проходит мимо рта? Или музыка снаружи, а рот – фигура речи? («Пронести мимо рта» – фразеологизм, означающий «упустить возможность получить что-либо».)

2

Стихотворение трогательное. Возможно – полезное. Но сравнения: старенькая мама – котик – мышка – мишка – натянутые. «Котик – ходит» – хорошая рифма, но почему не кошечка? Мама ведь женского пола. Не устраивает меня и стилистический разнобой. *Мелкая моторика, болезнь Паркинсона* – научные термины. *Тернии* – высокое слово, *идти до точки* – разговорный стиль.

3

«Слетались к нему из Заветов слова, / сажались на плечи и шею» – смесь неоплатонизма и псевдохристианской риторики? Не факт, ведь у славян-язычников были свои заветы. Однако текст, «приглашая» читателя к соавторству, допускает различные интерпретации, что не есть плохо. Для меня это стихотворение ценно как изображение не колдуна-язычника, а возгордившегося христианина, ушедшего в блуд ума.

Чудеса может творить и антихрист. Другое дело – святые отцы, праведность их жизни.

4

Одно из наиболее удачных стихотворений подборки, на мой взгляд. Здесь есть то, что Малларме называл *даром тонкой аналогии*, имеющее право на существование в художественной литературе нанизывание ассоциаций (*лестницы, башни, причал...*), неплохие рифмы (замещение «*строят – покое*», усечение «*людей – воде*»). Перед нами современный символизм как поэзия намёков.

5

Неплохое сочинение, ровное по технике версификации, но мои ощущения не совпадают с ощущениями автора. Для меня «*тёмное ненастье*» может быть символом надежды, если оно не осеннее, а зимнее.

6

Стихотворение о бессоннице отсылает к народной песне, но само оно антимзыкально из-за убийственной самоиронии: «*Шесть. Пора телевизор включить – / всё же жизнь, а не пошлый психоз*».

7

Спешу утешить читателей «Менестреля»: лирический герой данного сочинения – графоман. Автор – сатирик, мастерски и агрессивно изображающий графоманство как трагифарс. Наш графоман может зачеркнуть в своей душе то, что написали какие попало люди, но истинный поэт должен хранить чистоту, искать и находить уединение.

Если сравнить душу поэта с чистым листом рисовальной бумаги, истинный творец должен беречь этот «лист» для высших сил, на нём не должно быть даже государственной символики.

8

Это стихотворение мне так и не удалось прочувствовать. Но оно ценно, по крайней мере, как формальный эксперимент, как словесная игра. Тем, кто безоговорочно порицает формализм, можно напомнить строки А. А. Вознесенского: «И дело не в рифмах бедных – они хорошо трещат, но пахнут, чем вы обедали, а надо петь натошак».

9

Нужно просто убрать синее одеяло?

10

Сначала я подумал, что духовная монада изображена здесь в виде яблони, с которой падают плоды, кажущиеся издали горошинами, «нахохлившимися и взъерошенными» (кусочек сюрреализма?). Но в стихотворении сказано, что на горошины распалось яблоко. Значит, духовная монада – оно. Для мужчины, любовь которого недолговечна, это женщина рассыпается на воспоминания.

11

Как и любой человек, лирический герой потерял себя в сфере анонимной публичности, но теперь он выходит в Интернет для самопознания, для сравнения себя с другими.

12

Постмодернизм, да и пафос стихотворения слишком ясен. Угнетающие образы блоковского текста всё же поэтичны, а здесь – вторжение прозаизмов (*страховка, ссуда, ипотека*) в творение Александра Блока.

13

Нет образа! Лучшие поэты сравниваются с бабочками-крапивницами (а почему не капустницами?), затем мы узнаём, что «*им довольно капли молока*» (реминисценция на Хлебникова), дальше выясняется, что «*лучшие стучат на небе кружками*». Как это всё сочетается? И кто пишет на заборах «ДМБ»: умершие поэты (а вдруг на небе, где они кружками стучат, есть и заборы) или демобилизованные солдаты, сравниваемые с умершими лучшими поэтами?

14

Как достоинство этого шуточного стихотворения можно отметить лишь анаграмматическую рифму «фермопилы – были». «И» и «ы» – разные звуки, рифмовать которые вряд ли стоит, но можно предположить, что звуки меняются местами: илы – ылы.

15

Писать о смерти можно и нужно. В данном случае сюжет не взят из религиозных книг, это попытка рассказать нечто своё. Стихотворение загадочно, что не минус, а плюс (неоднозначность образа – вид новизны в художественном тексте). Неясно, вернутся ли герои повествования в материальный мир, если вообще есть что-либо имматериальное. Неясно, куда именно зашагают по воздуху эти герои. Идёт ли речь о реинкарнации? Кстати, строго говоря, души не шагают по воздуху, а летят, но они вполне могут вообразить себя и шагающими. На то и читатель, чтобы разгадывать все эти загадки. Текст, к тому же, написан изящно, с рифмами-усечениями (*дети – ветер, пасть – слепая, детьми – мир*), с эллипсисом («*Старости открыта пасть – / Чёрная, пещерная. / Вместе (старая слепая!) / Перепрыгнем через*»).

16

Это размышление нравится мне чрезвычайно, хотя не лишено недостатков. Похвально, что автор не боится «вредной» (понятие из чужого лексикона) поэзии. Строго говоря, вредной поэзии не бывает. Эпитеты в парах не всегда противопоставляются: «*весьма спортивная и инертная*» – противоположности, а вот вариативность и конкретность друг другу не мешают. Строка «*всякоразнодляжизневредная*» – не противопоставление и даже не сравнение. Такое логическое разнообразие текста допустимо в изящной словесности. Но в чём смысл противопоставления «*декларативная и предметная*»? Предметы – это всё то, что может быть как-то названо. Видимо, вместо «предметная» нужно было сказать «вещная», но слово бы не уложилось в рифмовку. Само понятие «поэзия» – расплывчатое и многозначное, хотя слово «стих» немногим лучше: им можно назвать и стихотворную речь, и стихотворное произведение, и строку. Для поэта размышления о «поэзии» ещё простибельны, но в научных работах «*поэтические книжки*» следует называть стихотворными книгами или книгами стихотворений. А разве синтез изящной словесности и науки невозможен?..

ЖИВОЕ – О ЖИВОМ

Рецензия-экспромт

Вторая подборка «Общества анонимных поэтов» представляется мне более интересной, насыщенной и разнообразной, чем первая. Тексты собраны очень разные, но их объединяет одно – равнодушие авторов к жизни, искренность, прямота. Эти стихи актуальны, они цепляют и волнуют. И о них хочется писать живыми словами.

1

Хорошее, образное стихотворение, понравилось качество рифмования. Жизненные строки, заставляющие подумать о смысле жизненного бытия. Видна зримая связь автора с окружающей природой.

2

Жизненные строки, наполненные искренней любовью автора к своей матери. Заставляет сочувствовать и сопереживать героине стихотворения, очень понравилось!

3

Стихи, заставляющие поверить в возможность совершения чудес в нашем мире. Видны сказочные корни повествования. Искренние поэтические строки!

4

Лирические строки, призывающие задуматься о смысле жизни, глубокие лирические переживания, философский настрой автора стихотворения, невольно призывающий задуматься о грядущем завтрашнем дне.

5

Философские осенние строки, особенно понравилось про золотую ось осени, у автора весьма неплохая образная система, хорошо подмечено, что осень – время подведения очередных жизненных итогов и размышления о смысле будущего бытия.

6

Вновь размышления на жизненные темы, видится вживую встреча автора с любимым

человеком, в стихотворении масса деталей, живописующих дорогие мгновения полного слияния с любимой, полного растворения героев друг в друге.

7

Великолепно описан процесс рождения нового стихотворения, творческие раздумия и размышления автора, можно сказать, что это – стихи о каждом пишущем человеке в момент его творчества.

8

Любовно-философское стихотворение, строчки дышат живой, неподдельной любовной страстью, кажется, что жизнь остановилась в момент встречи героев стихотворения. Понравилось!

9

Видны глубокие переживания автора в момент какого-то важного для него события, кажется, что в эти мгновения время замирает на месте – это состояние отлично передано в строчках.

10

Отличная любовно-философская лирика. Всё ёмко и кратко, кажется, что все влюблённые искренне также переживают процесс сотворения неподдельного живого чувства. Очень понравилось!

11

Интересные строки о жизни в сетевом пространстве, живой обнажённости чувств и переживаний автора, выкладываемых в интернет. Кратко и ёмко!

12

Современная зарисовка суровых жизненных реалий современного россиянина, кажется, что все мы крутимся, как белки в колесе, и вырваться из этого круга практически невозможно!

13

Размышления о жизни, главная нить стиха в том, что лучшие уходят первыми, пройдя испытания жизни раньше остальных. В сущности это так и есть, автор сумел заново и хорошо выстроить уже не новую мысль!

14

Сочетание высокого и низкого, складывается впечатление, что желая выпить, автор хочет отыскать какой-то новый смысл творчества и бытия.

15

Настоящий прорыв из земного бытия туда, «в небесную отчизну», где сбываются самые сокровенные надежды и мечты. Понравилось!

16

Хорошее и краткое определение поэзии, её сущности и многообразия, её искренности и философичности, хочется пожать автору руку за откровенность и ёмкость повествования!

Завершая обзор, хочется пожелать авторам рубрики и её составителям вдохновения и новых творческих удач в простом деле литературы!

Ещё одно новшество, предлагаемое редколлегией «Менестреля» читателю в этом номере, – тематическая антология. Все стихотворения, которые будут публиковаться в таких подборках, посвящены одному знаковому для омской (или шире – русской, сибирской) поэзии предмету. Бывает ведь такое, что один и тот же предмет – например, гранёный стакан, – появляется в стихотворениях разных поэтов по разным поводам, в разном контексте... Эти стихи мы и собрали в первой тематической антологии «Менестреля», которую назвали –

ГОД ГРАНЁНОГО СТАКАНА

Антон ШКОЛЬНИКОВ

* * *

Осень сдаёт патроны,
Август нажал на спуск...
Город – стакан гранёный –
Выверен, грязен, пуст.

Спрятались в джинсах ляжки,
Радовали хотя б...
Осень даёт отмашку –
С левой шагнул сентябрь.

Разум кроссвордом занят,
Ищет душа слова:
Города ровные грани,
Горы на букву «А»...

...В термосе чай. Во фляжке
Крепкий дубовый сок.
Осень даёт отмашку.
Поезд даёт гудок.

Дмитрий СОСНОВ

* * *

Люблю, когда гранёные стаканы
Вином игривым до краёв полны.
Ведь я тогда – уже немного пьяный
И песни дружеские рядышком слышны.

Люблю поддать порою хорошо я,
Расслабиться, о добром помечтать
И в небо воспарить своей душою,
И потому – налью стакан опять.

Пойдут о смысле жизни размышленья,
И будет что повспоминать потом...
Наполненным стаканом вдохновенье
Придёт опять – такой всегда итог!

Анастасия СЕРГЕЕВА

* * *

Снова пусто. Снова грустно.
Обещает Кока-кола:
«Пусть стакан на половину пуст, но
Ведь он на половину полон!»

Песенка для оптимистов,
Я в неё пытаюсь верить...
«Пусть стакан на половину пуст...»
Пусть.

Игорь ФЕДОРОВСКИЙ

Матрёшка

В стакане вся Россия-Русь,
Но не стакан, а я в нём бьюсь.
Ношу в кармане пиджака
Стакан: а вдруг кому – пока?
Товарищу на пять минут...
И с ним Россию помянуть...
Но в том стакане «Я» дрожит
И вся Россия в нём лежит.

Иван ТАРАН

* **

Стакан бездонный,
Тебе молось.
Струёй надежды
В тебя прольюсь.

Вскрывает вены
Себе земля.
В подвале стены
Из хрусталя.

В тюрьме свободной
Легко дышать.
И душу – напрочь,
И время – вспять.

Стакан бездонный,
Я очень слаб.
Ты мой хозяин,
А я твой раб.

Екатерина НОВИКОВА

Зима. Звонят мосты. Остались сны
осенние, исполненные цветом
осыпавшихся листьев, до весны
укрытых снегом вежливых приветов.
Стакан-предатель выскользнул из рук,
пронзают тишину густую льдинки
гранёного стекла. Гранёный круг
разомкнут в этом остром поединке.
Зима. В стеклянном сне мосты звонят.
Не расколоть звенящему затишью
извечный треугольник: Ты-Вы-Я,
где счастлив остаётся третий лишний.
Порезал на лету. Вонзился. S.O.S.!
Таких, как ты, выводят лишь подкожно.
Но выход прост: Стаканом, да об Мост!
А счастьем...из горла напиток можно!!

РАЗДВИГАЯ ПРОСТРАНСТВО

Антология одного стихотворения

Марина БЕЗДЕНЕЖНЫХ

Из цикла «Клаустрофобия»

А город – всё новыми гранями.
Меняю конторы и транспорт.
Нет, я не мечусь по окраинам –
Я так раздвигаю пространство.

Падения, взлёты и странности –
Попробуй-ка разобраться!
Что ж, если впадаю в крайности, –
Я так раздвигаю пространство.

А сроки подступят крайние,
Закончатся силы и страсти, –
Строку доживу, доиграю я
И просто раздвину пространство...

Татьяна КОШКИНА

* * *

Ты знаешь,
что такое ощущение души?
Это когда из крепко сжатого кулачка
она превращается в широкую долину,
залитую солнцем.

Там в высокой траве
птицы свили гнезда
и с резвым чириканьем
носятся
в поисках червячков и мошек.
Там летают бабочки
над морем пёстрых душистых цветов.
Там покой летнего дня
сменится тихой и тёплой,
как парное молоко,
ночью,
чтобы завтра снова настал день,
и зазвучали песни

в сладком медовом воздухе.
Так легко и спокойно
и так неожиданно много её,
этой Души.

Екатерина АРТМАН

Жалко. Ты меня не понимаешь.
Думаешь о чём-то о своём.
Рифмы неудачные считаешь.
Ну, не буду, голубь, я орлом.

Я другая птица – не такая.
Не писатель, не поэт – а так.
Но куда лечу, я точно знаю.
Даже если попаду впросак,

Даже если все меня покинут –
Не сверну я с этого пути.
Пусть на нём я, разрываясь, сгину. –
От себя и вправду не уйти.

Владимир ЦЫГАНКОВ

Сентябрь

Месяц любимый! Осенняя грусть!
Крыльями пишут «прощай» в небе птицы.
Лишь на висках я чуть-чуть сентябрьсь,
Да борода сентябрится.

Что-то занует в груди у меня
От невозвратности, зыбкости, впрочем,
Всё, что дано, не дано поменять,
В строчку с бессмертием – прочерк.

Будь всё, что будет, пусть даже сошлись
В точке забвения векторы-оси...
Я ещё молод, но, кажется, жизнь
Скажет вот-вот: «Здравствуй, ОСЕНЬ!»

Валентина ТЯТТЭ

Мне с вами как будто теплее.
Вы б мысли мои угадали...
А время бежит всё быстрее,
ведёт в бесконечные дали...
Да только, прошу вас, не лгите.
Зачем же враньё, недомолвки?..
Меня ни за что не судите,
И так мне бывает неловко...
А вы оставайтесь со мною...
Никак осознать я не смею:
Меня называют больною,
Но я ведь ничем не болею.

Ирина ГОРЕЛОВА

* * *

«Мы были другими», — они говорят друг другу,
И искоса смотрят, недобро, как на врага.
А мне интересно: мы тоже такими же звуками
будем следующему поколению и сами себе
лгать?

Возможно, когда-то и были тенистее тени,
мокрее вода, и чувства острее, чем чили.
Но в «Мы были другими»

неправильное ударение.
Акцентируют, что мол, «другими»,
а надо на слове «были».

ПРОЕКТ ВЕЛИМИРА

(Из литературного дневника)

Никто толком не осознал, какой грандиозный прорыв совершился в самом начале прошлого 20-го века, когда великий каббалист, преподаватель в политехническом ВУЗе, где учился Эйнштейн, провозгласил на основе своих физико-математических исследований, что времени нет и нет пространства. Есть только ТАЙМРАУМ (время_пространство или пространство_время). Даже Эйнштейн думал, что Герман Минковский просто придумал ловкую математическую ловушку и не более.

Зато молодой поэт Виктор Хлебников сразу понял, в чём дело. Ещё в первом прозаическом отрывке под названием «Завещание» Хлебников сказал: «Пусть на его могиле напишут: «Он связал пространство и время...». Как не вспомнить анекдот про сержанта Иванова, который вслед за Минковским и Эйнштейном связал пространство и время, приказав его подчинённым копать траншею ОТ ЗАБОРА И ДО ОБЕДА.

Идея связать пространство и время возникла в сознании студента Казанского университета чуть-чуть раньше того момента, когда Герман Минковский прочтёт свой доклад о пространственно-временном континууме: «Отныне время само по себе и пространство само по себе становятся пустой фикцией, и только объединение их в некую новую субстанцию сохраняет шанс быть реальностью».

Многие до сих пор не поняли, что это означает. Даже Эйнштейн просто счёл вначале удобным воспользоваться графиком Минковского как неким математическим обобщением, где в пространстве вместо точек возникают некие отрезки, сливающиеся в линию мировых событий. И лишь в конце жизни Эйнштейн в письме к сыну чёрным по белому написал, что «прошлое, будущее, настоящее» с точки зрения физики есть простая иллюзия человеческого восприятия. Ведь график Минковского покончил с иллюзией времени и пространства Ньютона. Теперь перед нами их единство, названное Бахтиным термином «хронотоп». Хронотоп Хлебникова означал, во-первых, что во

времени можно свободно перемещаться из настоящего в прошлое или будущее, поскольку на линии мировых событий Минковского будущее и прошлое присутствуют всегда здесь и сейчас.

Чтобы показать, как это выглядит, посмотрим на дуэль Пушкина с Дантесом в свете открытий Хлебникова-Минковского-Бахтина-Эйнштейна.

* * *

*Как маялся стилист высокий на диване
прилипая кровью
и как Дантес был далеко отсюда
Он с приближеньем смерти от-далялся
от выстрела
и пули раны
теперь он дальше всей вселенной
хотя «рука бойцов колоть устала»
и может быть гора кровавых тел
не может быть горою никогда
поскольку тело больше
чем гора любая
и нет в полях кровавая гора
а в животе кровавая дыра
и залпы тысячи орудий
слились в протяжный вой Ивана Ильича
не хочу-у-у-у-у-у-у*

*(Читай одноимённого Толстого
с тотемным знаком африканским ЛЬВА
откуда родом по отцовской ветви
Пушкин
куда уехал не Дантес - охотник ГумиЛЕВ
стрелять во ЛЬВА но не в Толстого
а в африканского
но рикошетом пули был сражён
в одноимённом городе
где ныне
умирал от Пули Пушкин
а шкура ЛЬВА валялась под диваном
у ГумиЛЕВа до расстрела)*

*Итак, дано:
Дантес, ЛЕВ, ГумиЛЕВ, Толстой и
Пушкин
Их связывает Африка и пуля
Что общего меж Африкой и пулей?
Но в первый миг творенья*

*они ещё не от-делились
друг от друга,
и более того: Дантес и Пушкин
в тот миг едва ли были различимы
поскольку весь объём вселенной
был менее игольного ушка
в которое пролез верблюд (богатый)*

*Так соблюдая Правило верблюда
Дантес и Пушкин вновь соединились
посредством выстрела и рваной раны*

*Дорогой читатель
Тебя интересует чему равен ты?
Утешаю тебя ты ничему не равен
кроме той пули
которую так просто извлечь сегодня
о чём свидетельствует Вторая мировая
война
где большинство раненных в живот
вернулись в строй для нанесения другим
таких же ранений
Немцы были Дантесом
мы – Пушкиным
Мы победили
потому что согласно правилам
справедливости
второй раз Пушкин убивает врага
в разбегающейся вселенной
всегда побеждает ДРУЖБА*

*Вот так далеко разбежались Дантес и
Пушкин
растянулись на два фронта
А давно ли вся побеждённая армия
Бонапарта
сжалась в точку пули Дантеса
дабы в битве Кутузов – Наполеон
победила ДРУЖБА*

*Но если взять момент
когда до сотворенья мира
ДАНТЕС и ПУШКИН были нераздельны
как ты и я сейчас
когда от пули рана неотличима
и опять же вместе
когда был ПУШКИН ПУШКОЙ а я тобой*

К. Кедров, 1980

В книге «Неравнодушная природа» и статье «Вертикальный монтаж» Сергей Эйзенштейн открывает тайну контрапункта пространства-времени. Каждому зримому (пространственному) событию на экране соответствует контрапунктное слуховое или звуковое событие во времени. Пример – древнекитайская притча. Мудрец созерцает рябь на поверхности пруда. «Что ты делаешь?» – спрашивают его ученики. – «Я созерцаю

радость рыбок». Самих рыбок не видно, видна рябь от их подводной игры. Так музыка должна быть рябью того, что видим, а то, что видим, должно передавать рябь звучанию. Сергей Эйзенштейн назвал это «вертикальный монтаж», или «4-е измерение в искусстве».

Это своего рода эквивалент открытия Германа Минковского в геометрии и физике. На графике Минковского линия мировых событий – это рябь пространства на поверхности времени и времени на поверхности пространства. Они контрапунктны. Подъёму в пространстве соответствует провал во времени.

Так, Велимир Хлебников говорит: «Стоит Бешту, как А и У, начертанные иглой фонографа». А – гребень волны, У – вогутаая поверхность ряби.

Вот зримое воплощение контрапункта:

Бобэоби пелись губы –

втянутая воронка У в гЛУбь мира.

Пиээо пелись брови –

расходящиеся от О круги в ширину на пОверхности ряби.

Лиэээй пелся облик –

И в облИке связует, стягивает воедИно глубину У и шИрИну И.

Осталось связать всё это мировой цепью –

Гзи-гзи-гзэо пелась цепь.

И вот перед нами мировой лик – автопортрет поэта-вселенной или вселенной-поэта:

*Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило лицо.*

Первое измерение в движении даёт линию на плоскости. Таковы плоские фрески и барельефы Древнего Египта. Над плоскостью листа и любой поверхности мы парим изначально. А вот как воспарить над объёмом? Ведь пространство физическое трёхмерно. Богословы объяснят, почему. Догма о Троице напрашивается. Напрашивается и связь его с трёхспостасным прошло-будуще-настоящим и с трёхмерным объёмом пространства.

Однако математики имеют дело с эн-мерным миром. А физики и космологи от пятимерной модели Калуццы пришли к одиннадцатимерной модели мира. Выход в 4-е измерение – это 4-я координата пространства-времени Г. Минковского. Хлебников это понял

сразу. И сразу решил, что «узор точек заполнит эн-мерную протяжённость».

Пять чувств – это пять точек в четырёхмерном континууме. Они разрознены: слух, зрение, осязание, обоняние, вкус. Как только время перестанет быть отдельной от пространства иллюзией, «узор василька сольётся с кукованием кукушки». Проще говоря, звуку будет соответствовать цвет, как у Рембо, Скрябина, Римского-Корсакова. О своем звукозрении Хлебников рассказал в Звёздной Азбуке «Зангези»:

ЭМ – синий всё заполняющий объём – масса,

Пэ – белый разлетающийся объём – порох, пух, пыл,

ЭС – расходящийся из одной точки – свет, сияние,

Зэ – отражение и преломление – зигзица (молния), зеркало, зрачок,

Вэ – вращение вокруг точки – «вэо вэо – цвет черёмух.

В принципе это может быть и по-другому. Важно соответствие цвета звуку, контрапункт Сергея Эйзенштейна. Таким образом, законы времени – «Доски судьбы» Хлебникова – это контрапункт четырёхмерного континуума. Или вибрация мирового звука, запечатлённая, как волны, на грампластинке. Впадины – 317, буруны – 365. Универсальная модель АУ – УА. Мир как эхо крика младенца.

Скачок от двухмерности к трёхмерному объёму – перспектива эпохи Возрождения. Она заполнена фресками Микеланджело и Леонардо. Озвучена объёмными мессами от Баха до Бетховена. В этом объёме ад, рай, чистилище Данте или панорамы «Войны и мира» Льва Толстого.

Выход в 4-е измерение – это Пикассо, Сезанн, Матисс, Эшер, Магрит. В слове это футуризм будетлян, кубофутуристов и обэриутские драмы Александра Введенского, которого интересовали только две вещи – «время и смерть». При этом одно не может быть понято без другого. Машина времени Хлебникова – это горло поэта. «Лавой беги, человечество, конницу звуков взнуздав». Влом во вселенную увиденным звуком и услышанной цифрой. Ибо самое великое событие – это «вера 4-х измерений». Это записано Хлебниковым «иглою дикобраза».

Итак, первые слова Хлебникова: «Он связал пространство и время», – и последние: «вера 4-х измерений», – совпадают и сливаются по всем параметрам.

Если соединить прозрения Хлебникова с прозрениями Германа Минковского, мы увидим кальку мировых событий, вычерченную лучами света.

Кирасир

*Драгунский полк сияя
саблями летел
хватая перспективу
Навстречу пёр
кавалергардский полк
и трубами сиял*

*Когда слилось сиянье
сабли и трубы
всё вспыхнуло вокруг
и прежде нежели
скрестились сабли
друг с другом встретились лучи.*

*Весь этот узел света
распутать не могли и разрубить
всё более запутываясь
сабли*

*И в час когда душа
безумная
от тела отдалялась
она металась в кутерьме лучей*

*Вот кирасир
подобен солнцу он
когда рубил на части перспективу
но в теле был он смел
как кокон медный
его душа как бабочка металась
пока не улетел в сиянье он*

*Никто не знал
сколь сложен сей чертёж
из кальки световой на кальке
когда летит с рейсфедера душа
познавшая премудрость
сверхрейсины*

К. Кедров, 1988

Большая ошибка считать, что проект футуристов уже завершён. Он был прерван, что называется, на полуслове в 30-х годах и продолжился в метаметафорических озарениях от начала 70-х годов прошлого века и до настоящего времени. А в глазах читателей, увязших в дофутуристическом, так называемом серебряном веке, он ещё и не начинался. Так что прислушаемся к Малевичу, открывшему в плоскости двумерного квадрата Эн-мерный мир:

– Я открыл бездну – за мной, авиаторы!..

Квадрат Малевича

Обронённая фольга
в мёртвом воздухе звенит
свой затейливый повтор
продолжает сладкий звук

свет ночной намолочен
резко сдвинута ночь
как комод
и от пыльного лунного света
остался квадрат под квадратом

манит тёплой лунною пылью квадрат
не смываемый никем и ничем
не вмещающая обтекает себя квадрат
как рог изобилия сыплет квадрат
вещами
в отсутствующей вещи
немного больше вещей

из него выпадает ночь
и прозрачная пыльная луна
извлечена
как корень
сладко ноет корень
молочных зубов луны
вот и вылетел пыльный мотылёк

осытая пол пылью
Квадрат приподнялся
вспорхнул
и улетел
оставляя тень квадрата

Разумеется, поэзия дышит, где хочет. Она может спокойно раскачиваться в гамаке 19-го века вместе с Бродским, Ходасевичем, Ахматовой и другими поэтами, не выходящими из дома, дабы не совершать ошибку. И они по-своему правы – пошто волноваться и суетиться, когда и так уютно. Однако для Хлебникова, Кручёных и для открывателей метаметафоры гамачок тесен. Они тоже правы – по-своему:

Я вышел к себе
Через-навстречу-от
И ушёл ПОД
Воздвигая НАД

Не зову за собой никаких авиаторов.
Просто осваиваю внешневнутренние миры со своим Вергилием-Велимиром.

ЛОЖЬ РЕАЛЬНОСТИ И ПРАВДА ФАНТАЗИИ

(МАРК ЗАХАРОВ)

Статья

Марк Захаров снял 18 телевизионных фильмов и только одну кинокартину («Убить дракона»). В детстве – счастливый советский ребёнок. («Моя жизнь была похожа на рай... множество игрушек, узкоплёночный кинопроектор, велосипед, витаминизированное питание, книги с яркими картинками»). В юности серьёзно увлёкся театром, играл на любительской сцене, хотя больших актёрских способностей в себе не обнаружил. После окончания ГИТИСа (актёрский факультет), играл скромные роли в провинциальном пермском театре и, наконец, переквалифицировался в театрального режиссёра. После непродолжительного периода работы в провинциальных и не самых известных столичных театрах, Захаров становится режиссёром Московского театра сатиры, (1965) а затем Театра имени Ленинского комсомола (1973).

Золотой период творчества – работа с блестящими актёрами «Ленкома», сотрудничество со сценаристом Григорием Гориним. Театр Захарова органично перерос в кинематограф. При этом формат телевизионного фильма оказался подходящим вариантом для очень театральной и камерной стилистики Захарова. Лучшие фильмы: «Обыкновенное чудо» (1978), «Тот самый Мюнхгаузен» (1979), «Дом, который построил Свифт» (1982), «Формула любви» (1984), «Убить дракона» (1988).

«Перестройка» проявила в Захарове убеждённого либерала и антисоветчика. Публичное сожжение партбилета, подписание коллективных обращений сомнительного морального свойства и другая «общественная деятельность» на пользу режиссуре не пошли. Телевизионные фильмы «позднего Захарова» малоинтересны. Поныне снимающий, ставящий спектакли, пишущий и преподающий (в РАТИ – бывший ГИТИС) Марк Захаров остался, несмотря на все свои старания, классическим советским режиссёром – лауреатом государственных премий, любимцем зрителей, милым фантазёром, ироническим юмористом. Вместе с другими бывшими советскими режиссёрами Захаров не смог преодолеть

искушений бесцензурного перестроечного кино. Когда из-за пазухи потребовалось извлечь нечто большее, чем аккуратно сложенную фигу, режиссёр-шестидесятник, либерал и конформист на это большее оказался неспособен. Повторяя судьбу своего персонажа, сегодня Захаров стал обыкновенным Мюллером, эксплуатирующим свой прижизненный памятник, читающим лекции о том, как поднять себя за волосы из болота тошнотворной повседневности. Но сделать это так, чтобы не потерять ни один волосок и камзол не запачкать.

Для меня казус лучших фильмов Захарова – в том, что они явно больше и лучше личности автора. Элементы кинематографа Захарова – превосходные тексты Шварца и Горина, музыка Алексея Рыбникова и Геннадия Гладкова, выдающиеся актёрские работы Янковского, Леонова, Чуриковой и других – всё это магическим образом преображает интеллигентское недовольство властью в философскую притчу, вечный сюжет, захватывающую сказку для взрослых. Но замените Олега Янковского каким-нибудь нынешним любимцем дам из дешёвых телесериалов – и миф полностью оскудеет, фантазия окажется плоской, шутка – пошлостью. Волшебство лучших захаровских фильмов обеспечивается драгоценностью их материала. Теперь же магическая формула утеряна, актрис столь чистой красоты (как например, Евгения Симонова и Ирина Купченко в «Обыкновенном чуде») уже не выпускают. Мюнхгаузен, Волшебник, Свифт – после ухода Янковского незаменимы, невозможны, немислимы. Делать же героями, как в обычном перестроечном и новорусском кино, циников и пройдох, самому Захарову непереносимо. Так ещё при жизни творцов уходят в другое измерение их герои и мифы. Но именно в этой иной реальности они приобретают то вечное сияние и чувство фундаментальной ностальгии, что делает кино (даже телевизионное) искусством.

Ключ к творчеству Захарова, это как ни странно, – Феллини. Посмотрев сначала фильмы Феллини, а потом Захарова, ловишь

себя на ощущении дежа-вю. Нарочитые и неразстворимые в киноязыке театральные элементы (бутафория, декорации, костюмы и т.п.) – например, целлофановое море в «Казанове» или огромный подстаканник в «Доме, который построил Свифт». Драматургическая, явно незакадровая музыка, самостоятельно подталкивающая и разворачивающая сюжет. Камерные, очень литературные истории, заставляющие видеть в героях именно персонажей, в режиссёре – рассказчика, в зрителях – соучастников. Набор любимых, незаменимых актёров вокруг одного главного исполнителя, представляющего своего рода автора (альтер эго режиссёра) внутри текста – Мастрояни у знаменитого итальянца, Янковский у Захарова. Сказочная, волшебная атмосфера всей картины, уравнивающей реальность и фантазию, погружающей зрителя (с помощью магического пасса или заклинания, как «Аза-Низи-Маза») в гипнотический транс. В одном из интервью Захаров рассказывал, что для вдохновения актёров ставил им на репетициях музыку Нино Ротта. Но и без этого признания вопрос преемственности идей и стилистического влияния Феллини на Захарова очевиден.

Вторичен ли в таком случае кинематограф Захарова? Можно ли вообще говорить о его собственном стиле, если стилистическое отличие – это и есть мера оригинальности? Наверное, для европейской балованной публики (для которой и Пушкин – малооригинальный автор адаптаций и переводов на русский язык) Марк Захаров, с одним-единственным настоящим кинофильмом, вообще не интересен. Нет такой страницы в истории мирового кино... Однако здесь как раз тот случай, когда всякому читающему по-русски должно быть глубоко безразлично мнение иностранца. Для меня лично «Обыкновенное чудо» или «Тот самый Мюнхгаузен» – подлинные шедевры авторского кино.

Одна из главных задач искусства – становление и преображение личности. Катарсис как «мистериальная дезинфекция души» (определение А.Ф. Лосева) – это самое ценное и в кино. Сублимированный катарсис голливудских хэппи-эндгов, идеологически правильный катарсис советских «оптимистических трагедий», ужас реальности, преодолеваемый мудрой иронией героя захаровских фильмов – это варианты решения центральной проблемы искусства. Но именно в финале «Мюнхгаузена», вместе с героем, которому «так умирать надоело», в последнее мгновение перед вечностью, на «Stairway to Heaven», ты действительно перерождаешься, становишься лучше и мудрее.

Я впервые посмотрел «Обыкновенное чудо» в 10 лет, «Мюнхгаузена» в 11. До того пьесы Евгения Шварца и рассказы Эриха Распэ были мне прекрасно знакомы, даже любимы. Но Волшебник и Мюнхгаузен Янковского (как и потом, ещё более пронзительный и трагический Свифт) навсегда изменили меня, переформатировали саму структуру личности. Но ещё интереснее то, что впоследствии мне нередко доводилось встречать людей, считавших, что «Мюнхгаузен – это не ты, а я». Любой человек состоит из книг, которые он читал, из просмотренных фильмов (ну, с поправкой на современность, ещё из любимых компьютерных игр и страниц в социальных сетях). Как и многие другие, перепаханные в детстве этой волшебной трилогией («Чудо», «Мюнхгаузен», «Свифт»), я состою из фантазий Карла Фридриха Иеронима, творческих шалостей влюблённого Волшебника, мрачного сарказма Джонатана Свифта и других элементов совершенно оригинального захаровского кинематографа. Того кинематографа, где «кипит гранит, пылает лёд, и лёгкий пух сбивает с ног», где самым ненормальным кажется ежедневный поход на работу, а единственно правильное отношение к жизни – верность своей любви и фантазии.

Кстати, именно в особой окраске и направленности фантазии проявляется коренное отличие фильмов Марка Захарова от картин любого другого режиссёра. Сравните только феллиниевский гарем из «Восьми с половиной» или гротескный «Город женщин» с воображаемым захаровским сценарием любовного многоугольника (в «Том самом Мюнхгаузене», «Формуле любви» или «Доме, который построил Свифт») – и дальнейшее размежевание действительно эстетически близких режиссёров покажется излишним. При всех общих для человечества физических характеристиках (руки-ноги-голова...), мы оригинальны именно в сокровенных и выстраданных фантазиях. Мирно воркующие жена и любовница в мечте Гвидо («8 1/2») – это понятный и даже приятный для европейца фантазм. Но какой пошлостью показались бы мечты Мюнхгаузена о таком толерантном диалоге Марты и Якобины. Каким глупым решением проблемы стал бы для Свифта гаремный альянс Стеллы и Ванессы.

Форма, стиль, содержание кинофантазий Марка Захарова, направленность его творческого мышления (отразившего попутно ценности и иллюзии классического советского интеллигента, мечтающего и дракона убить, и чаю выпить) – вот что неповторимо в этих фильмах. И это, к сожалению, непереводимо на иностранный язык, недоступно для адаптаций космополитически мыслящих современных

сценаристов. Так же как сугубо русский Зилов из «Утиной охоты» Вампилова, «немецкий барон» фон Мюнхгаузен у евреев Горина и Захарова удивительно точно выразил настроение своего поколения, его чаяния и влечения. Но в отличие, на сей раз от прозаических мечтаний Зилова, обобщённый герой Захарова (Мюнхгаузен-Волшебник-Свифт-Ланцелот) мечтает истинно поэтически. А ещё он знает истинную цену вопроса – отречься от себя, но остаться живым, здоровым, даже успешным, как Галилей, или умереть за мечту, как Джордано Бруно.

Впрочем, так ли непереволим и герметичен (для зарубежного зрителя) кинематограф Захарова? Конечно, он вряд ли поймёт сегодня сатирические черты образа Короля в «Обыкновенном чуде» (когда, например, он жестом Брежнева приветствует рядовых зрителей, находясь в окне, как будто на правительственной трибуне) или Бургомистра в «Убить дракона» (тот же Брежнев, но ещё более пародийный). И трудности морального выживания отечественной интеллигенции 70-х, и её обиды на номенклатуру или на молчаливое презрение социального большинства – всё это теперь малопонятно, да и малоинтересно. Однако что такое – ложь реальности (которой у Захарова всегда противопоставляется свобода мысли и воображения)? Стоило затонуть советской Атлантиде, и уже при втором пришествии капитализма те же самые кухонные оппозиционеры убедились, что любая социальная матрица конструируется с помощью обманов, манипуляций, иллюзий. Горькая шварцевская мудрость «единственный способ избавиться от драконов – это иметь своего собственного» – это, конечно, старая истина идеологии, одновременно нас защищающей и кастрирующей, питающей страхами внешней угрозы только для того, чтобы не так остро (как вилку дракона в паху Фридрихсена) воспринимать угрозы внутренние. После поражения дракона советской идеологии грызть порядочных граждан, и куда более энергично, принялся дракон капитализма, социал-дарвинистский ящер. Фильм энтузиаста перестройки и ельцинского лауреата Захарова оказался и умнее, и честнее автора. Трагическая мудрость финала: «Зима будет долгой, надо приготовиться», да и весь сюжет целиком проявляют не случайную и топологическую (как в случае с тремя конкретными фашистскими ипостасями дракона: немецкой, японской, итальянской), а вневременную ложь общества, построенного на идеологии. Учитывая то, что других, неидеологических социумов не бывает (ведь «политика», как производное от «полиса» – общества-государства есть нечто вполне естественное – мы все политические животные,

мы не можем жить без политики, как без пищи или воздуха) – это истина последняя и роковая. Остаётся лишь принять её, как, это делает затравленный, но несгибаемый Свифт и попробовать построить лучший мир хотя бы в своём доме. Кстати, все главные герои «волшебной трилогии» – Волшебник, Свифт и Мюнхгаузен – как раз и возводят в пустыне социальной реальности свой, защищённый экраном фантазии, дом, идеальный микромир, где царствуют любовь и ум, куда приходят лишь друзья, где время идёт в нужную сторону. Наряду с личностью автора, дом – один из главных героев сюжета. Дом с причудами и чудесами Волшебника, литературно-музыкальный замок Мюнхгаузена, осаждённая крепость Джонатана Свифта – это варианты реализованной утопии (от греческого «топос» – т.е. места, где возможно более мудрое и доброе общественное устройство, хотя бы в масштабах маленькой творческой коммуны).

Но выход здесь не в заурядном эскапизме, проектировании башни из слоновой кости. Мюнхгаузен меняет жизнь родного Ганновера лишним днём мая, и, как «современник и собеседник» Сократа (сравнивавшего себя со злым и назойливым оводом), постоянно покусывает сограждан. Политический сатирик Джонатан Свифт поднимает бурю возмущения во всей Ирландии и Великобритании. Даже домосед Волшебник, если подумать, участвует в государственных делах целого королевства, снимает и назначает министров, казнит и милует. Принцип «свободу воображению!» – это ведь и один из лозунгов революции 1968-го.

Таким образом, вместо обычного интеллигентского подразнивания действующей власти, политических иносказаний и безобидного эскапизма (что справедливо в случае с самим Марком Захаровым), мы имеем вновь нечто большее, чем кино. Текст опять перерастает творца. Кстати, для Захарова всегда было очень выигрышно сотрудничество с Гориним, в лице которого он нашёл не просто сценариста, но и полноценного соавтора. По свидетельству режиссёра, сценарист его театральных и телевизионных работ всегда одёргивал партнёра в момент, когда юмор мог превратиться в плоскую шутку: «нет, так делать мы не будем, это будет пошло!». Потому тексты «Мюнхгаузена» или «Свифта» и сегодня нисколько не устарели. Ведь «злобы дня» и откровенной конъюнктуры там очень немного – сюжет всегда говорит о чём-то большем и вневременном. Да и сами Волшебник, Ланцелот, Свифт, Калиостро, Мюнхгаузен – герои иного времени, принципиально не вписывающиеся ни в свою, ни в нашу эпоху. А в таком аспекте политическая травля Джонатана Свифта или попытка сделать из барона «такого,

как все» обывателя – скорее вечный сюжет о лишнем человеке, чем мелочные сетования на власть диссидента 70-х. Прочсть историю упрощенно-идеологически может только филистер, садовник Мюллер.

Прибавим сюда ещё эффект глубины и загадочности лучших ролей Янковского (это не актёр-инструмент, а актёр-автор, всегда дающий образу больше, чем указано в сценарии), магию музыки Рыбникова и Гладкова, отшлифованность и метафоричность текста – как результат его прогона через цензурный пресс. Уберём окончательно мелкотравчатый исторический контекст и незначительные мишени для социальной сатиры эпохи «застоя». Хотя можно для эксперимента мысленно обновить социальный контекст. Тот же «Дракон», например, сегодняшним либералам навеет ассоциации с Путиным. А Евгений Леонов в роли Бургомистра, так старательно имитировавший брежневские жесты, манеры и дикцию, лично мне сегодня кажется чертовски похожим на бывшего московского мэра Лужкова. Исторические декорации изменились или их вообще можно удалить со сцены, зато неизменен драматургически безупречный сюжет. Все роли Янковского в фильмах Захарова – это вариации на одну и ту же, профильную для кинематографа мозга тему: как фантазия помогает выжить в реальности и можно ли в условиях предельной гравитации социального бытия (усиливающейся, например, с возрастом, по мере отказа от «детских мечтаний» и мимикрии под взрослые стандарты прагматизма, цинизма, ответственности, серьёзности и проч.) сохранить верность своему воображению?

Как обстоит с этим дело в «Волшебной трилогии»?

«Обыкновенное чудо» (1978)

В одноимённой пьесе Евгения Шварца смысл названия открывается уже в прологе:

«"Обыкновенное чудо" – какое странное название! Если чудо – значит, необыкновенное! А если обыкновенное – следовательно, не чудо. Разгадка в том, что у нас речь пойдёт о любви».

В литературной основе фильма можно вычитать поучительную историю Волшебника (Хозяина), который женился, остепенился, социализовался, но, к счастью, не стал «нормальным». Даже привычную в хорошей семье любовь он выражает жене с помощью милых чудачеств и волшебных шалостей. История с превращением медведя в юношу, тернистой влюблённостью принцессы и разных

сопутствующих приключений сочиняется для единственного адресата – Хозяйки, жены Волшебника:

«Мне захотелось поговорить с тобой о любви. Но я волшебник. И я взял и собрал людей, и перетасовал их, и все они стали жить так, чтобы ты смеялась и плакала».

Финал пьесы (где, в отличие от фильма, всё несколько суровее: например, Администратора превращают в крысу, а Короля развеивают по ветру) – моралите Волшебника своим персонажам и зрителям, где основная идея пьесы вновь подчёркивается учительским красным цветом:

«Любите, любите друг друга, да и всех нас заодно, не остывайте, не отступайте – и вы будете так счастливы, что это просто чудо!»

Да, пьеса Шварца хороша, и в иных моментах сильнее сценария, но яркий киноязык (подчёркнуто «феллиниевский» в этом фильме) придаёт тексту несколько другой и, по-моему, лучший смысл. Прекрасно уже то, что в фильме меньше слов, чем в пьесе. Но взгляд Янковского прямо в камеру, его лукавые морщинки у глаз, неуловимая сдержанная мимика одухотворяют каждый кадр и обогащают смысл каждой фразы. Сугубо кинематографический эффект оживления персонажа так же разительно отличаются от литературных описаний, как строчка сценария «Волшебник смотрит прямо в камеру. Наезд. Крупный план» отличается от того, что мы видим в самой картине. Кстати, пьеса «Обыкновенное чудо» ведь в 1964-м году уже экранизировалась Эрастом Гариным. Но в этой добротной, вполне толковой экранизации кинематографического чуда не случилось. А вот телевизионная постановка Захарова оказалась идеальным воплощением литературной фантазии в киноформе и вдохновила режиссёра и актёра на дальнейшие профессиональные подвиги. Но в чём секрет удачи?

Зайду чуть издалека. Одна из главных психологических проблем современности – совмещение «внутреннего ребёнка», живущего даже в старике со всей прагматикой и рациональностью взрослой жизни. В решении проблемы не помогают ни игровые элементы в учёбе и на работе, ни возрастающий коэффициент общей социальной инфантилизации (например, фактическая отсрочка гражданской дееспособности с 18 на 23-25 лет, после получения высшего образования, а то и окончания магистратуры-аспирантуры). Детско-юношеская фантазия с её

книжными идеалами любви-творчества-дружбы и жёсткие рамки капиталистических отношений (расчёта, карьеры, престижа и т.п.) несовместимы. Компромиссные социальные формы – как санкционированное господствующей идеологией превращение свободного творчества в безобидное и купированное хобби – лишь усиливают психологическое напряжение, порождают фрустрацию, неудовлетворенность, депрессию.

Сейчас, изнутри временно доминирующего капитализма кажется, что в советском обществе (с его творческими кружками и союзами, художественной самодеятельностью и необременительной почасовой работой в каком-нибудь бюро) такой проблемы не существовало. Это ведь не капиталистическая потогонка как садомазохистская диалектика стимула и контроля, производства и потребления. Это не тотальный денежный ценз на работе и дома, а также в творческой деятельности – следствием чего является принудительная профессионализация и фрустрирующая серьёзность даже в играх, отдыхе, творчестве. Да, всё познаётся в сравнении, и для общества продавцов и покупателей мир советского человека может показаться (да, пожалуй, и является) миром победившего литературоцентризма, социального просвещения, золотым веком кино... Но пока в любой конкретной стране не построено идеальное государство, проблема полноценной реализации способностей человека остаётся столь же жгучей. Более того, в обществе с высоким уровнем гражданского образования этот зазор между воображением и реальностью воспринимается намного острее (чем в нынешнем социальном кооперативе с его циничным набором телевизионных развлечений, жёлтой прессы, убогой эстрады и т.п.). Поэтому в сознании типичного советского интеллигента, запоем читавшего «Утиную охоту» и со слезами смотревшего «Полёты во сне и наяву», мера личной нереализованности, коэффициент бесполезного социального действия и потеря смысложизненных ориентиров были просто запредельными.

Возвращаясь к двум экранизациям «Обыкновенного чуда», скажу, что описанное противоречие отчасти отражало и смысловое различие гаринского и захаровского фильмов. В первом случае вышел просто детский фильм о взрослых, но только не о трагизме взрослой жизни. Во втором – интеллектуальная драма о людях верных, сомневающихся и предающих «внутреннего ребёнка». Образ Волшебника в исполнении Олега Янковского стал идеальным экраном для мыслей и проекций культурно подкованного советского обывателя, отражая

его самые сокровенные мечты и чаяния. Кого-то захватила тема творческого эскапизма – из типовой советской повседневности в персональную Воображляндию. Кто-то разглядел в фильме настоящий жизненный манифест:

«Слава храбрецам, которые осмеливаются любить, зная, что всему этому придёт конец. Слава безумцам, которые живут так, как будто они бессмертны... Кто смеет рассуждать или предсказывать, когда высокие чувства овладевают человеком?! Нищие и безоружные люди сбрасывают королей с престола из-за любви к ближнему. Из-за любви к Родине солдаты попирают смерть ногами, и та бежит без оглядки. Мудрецы поднимаются в небо и бросаются в самый ад из-за любви к истине».

Помимо прочего, различие двух изданий «Обыкновенного чуда» проявилось ещё и эстетически. Чёрно-белый реалистический нарратив Гарина и полноцветное фантазматическое, с эффектами дымки, замедления, полёта, изображение у Захарова превратили различие стилистическое в различие содержательное. В первом тексте важен сюжет, мораль, предельно рационализируемый смысл. Во втором, в нашем случае, главным средством и даже предметом повествования становится пленительная сила фантазии. Сравните будничное появление Принцессы у Горина с захватывающим пигмалионовским оживлением видения у Захарова – там «обыкновенное», а здесь именно «чудо».

Но какова истинная цена воплощения фантазии? Эта тема не раз будет подниматься Захаровым в следующих картинах, с прогрессирующим скепсисом и пессимизмом. В «Обыкновенном чуде» в финале нас ждёт вроде бы хэппи-энд – любовь проходит испытания и вообще стоит того, чтобы жить. Но я хочу обратить внимание на маленький эпизод в самом начале фильма: Король рассказывает о конфликте с дочерью, начавшемся с её искреннего удивления «Папа сказал неправду». Маленькая ложь Короля (абсолютно нормальная для нормального взрослого человека) разрушила в глазах принцессы всю многолетнюю идиллию, поставила под удар авторитет отца, легитимность власти, порядок в государстве. Радикализм Принцессы, её полное отрицание социальной лжи и верность чистым, пускай и книжным идеалам – это та высочайшая цена, благодаря которой

торжествует любовь, но гибнет государство (в пьесе, напомню, буквально – вместе с Королём).

Фигура царствующего отца под шахом, гамбургский счёт к лакановскому Большому Другому – это, если вернуться к историческому контексту, символ вечной проблемы отношений интеллигенции и власти в России. Говорят, что один из первых отечественных интеллигентов, основатель славянофильства Алексей Степанович Хомяков разочаровался в католицизме, обнаружив опечатку в папской булле. Вот тоже забавный, но парадигматичный случай: Папа написал неправду!

В пьесе Шварца и фильме Захарова это радикальное требование привести реальность в соответствие с моим воображением пока одностороннее. Эмансипированный индивид, находясь в поле своей фантазии, диктует реальности условия: всё разумное должно стать действительным! Но ведь и социальная матрица стремится привести индивида к тождеству со своими фундаментальными абстракциями. Волшебник превращает Короля в облачко одним щелчком пальцев, но, как выясняется в следующих захаровских фильмах, всё намного сложнее...

Тот самый Мюнхгаузен (1979)

В чём особенность ситуации барона Карла Фридриха Иеронима фон Мюнхгаузена, укрывшегося от глупого и пошлого мира в замке своих фантазий? – в донкихотовской верности призрачному идеалу. Шокирующий профанов лозунг Мюнхгаузена: «Всегда говорить правду!». Правду о полётах на Луну, путешествии в древние Афины, переписке с Шекспиром? Барон, вы сошли с ума! Это невозможно!

Ключ к теме именно в этом категорическом императиве: говорить правду, какой бы невероятной она не казалась! Конечно, речь идёт о правде как философской категории, а не как эмпирическом факте («Нет, это не факт! Это больше, чем факт – так оно и было на самом деле!»). Короткая методологическая дуэль Якобины фон Мюнхгаузен и Марты на тему «что есть истина?» проясняет и философскую фабулу всего фильма.

– Какую правду вы имеете в виду?

– Правда одна!

– Правды вообще не бывает. Да. Правда – это то, что в данный момент считается правдой. Разве этот сытый торговец, этот тихий семьянин – Мюнхгаузен? Что вы, побойтесь бога. Я восхищаюсь вами. За три года вам удалось сделать из моего мужа то, что мне не удавалось и за 20 лет. Bravo!

Совершенно верно: в логике гегелевского «чистого различия» Мюнхгаузен как Мюллер – уже не Мюнхгаузен как Мюнхгаузен. Человеческая субъективность – это результат отождествления себя с иллюзиями Другого. Отказ от любимой фантазии – отказ от самого себя. Потеряв однажды свой путеводный вымысел, превратившись в нормального бюргера, Мюнхгаузен практически «умер», но вовремя схватился за голову, чтобы спасительно подняться над житейским болотом. Будучи же самим собой (то есть верным своему симптому, желанию, воображению), Мюнхгаузен действительно разговаривает с Сократом. Ведь, как известно, рукописи не горят, их авторы буквально «говорят с нами». Все подлинно великие мыслители – по-прежнему наши современники, ибо помогают и сегодня понять что-то важное в нас, в нынешней эпохе. Сократ «советует» Мюнхгаузену жениться, и этот совет меняет жизнь барона.

Кстати, жаль, что барон не переписывался ещё и с Жаком Лаканом. Одно из краеугольных положений лакановской этики: не сдавайся в своем желании! Человек, умеющий мечтать, должен уметь защищать свои фантазии, должен иметь мужество желать. Мюнхгаузен, как никто другой, понял бы Лакана. Неощутимая в «Обыкновенном чуде» гравитация реальности со всей силой давит на барона даже в тот момент, когда он остаётся наедине с любимой. Но, как говорит Якобина Мюнхгаузен, «дочь аптекаря – она и есть дочь аптекаря». Любовница барона Марта – «обыкновенная женщина, не годящаяся для 32 мая». Её любовь по-женски несовершенна – это, помимо прочего, любовь простушки к богатому аристократу, к социальному статусу, к фамилии «Мюнхгаузен». Трагедия героя в том, что даже самые близкие люди (Марта, верный слуга Томас, друг Бургомистр) несут в себе то уродство социальной реальности, с которым барон так упорно борется. Предательство друга, слабость любимой женщины и глупое несвоевременное сетование Томаса о пропущенной выплате жалования – это куда более досадно, чем нотации Герцога, арест, заключение... Конечно, Марта – это ещё и парафраз Дульсинеи, одновременно вдохновляющей и фрустрирующей нашего рыцаря фантазии. Лакановский парадокс любви как дарения другому того, что ты не имеешь (то есть дарения субъективности, абсолютно не интересной другому в его увлечённости вымышленным образом, виртуальной проекцией любимого) объясняет все сложности взаимоотношения Мюнхгаузена и Марты. Привлечённая образом умного-красивого-богатого неунывающего выдумщика и весельчака, Марта впоследствии не принимает заурядного Мюнхгаузена-

Мюллера. Самое смешное, что Марта не понимает, что именно она выступает в роли кастрирующей и репрессивной инстанции, начиная с мягкого требования «стань таким, как все» и заканчивая этой маниакальной зацикленностью на разводе и новом браке.

Несомненно, что в фильме «Тот самый Мюнхгаузен» коллизия фантазии и реальности носит более сложный, а потому мрачный характер. Оба выхода из драматического положения равно катастрофичны. Буквальная реализация фантазии – например, женитьба на любимой женщине – это убийство фантазии. В лакановско-жижековском психоанализе одним из определений слова «кошмар» является ситуация наличной реализации желания, сопровождающаяся одновременным уничтожением и фантазии, и любимого субъекта (в котором за вычетом этого идеального образа, остаётся одно лишь тело, грубо говоря, мясо). Другой выход из тупика – уступка своей мечты и желания – так же катастрофичен. Ритуальный отказ от свободы воображения, психологическая экзекуция у Герцога («И не надо так трагично, дорогой мой. Смотрите на это с присушим вам юмором... В конце концов, Галилей-то у нас тоже отрекался») приводят Мюнхгаузена к срыву и утрате личности.

«Когда фантазия рушится, – как говорил мне лично об этой проблеме Жижек, – вы не получаете реальность. Вы получаете ужас реального». Урок барона Карла Фридриха Иеронима фон Мюнхгаузена состоит в том, что свой фантом нельзя уступать даже любимой женщине. Потому в совсем не оптимистичном финале Мюнхгаузен остаётся на лестнице один. Наедине со своей, отторгнутой даже любимыми людьми субъективностью. Ну и, конечно, с возвращённой свободой воображения.

Дом, который построил Свифт (1982)

Совсем не биографический фильм о великом ирландском писателе (достаточно того, что историческому Свифту было на момент смерти 78 лет – и то была явно не ситуация трагической и безвременной кончины) драматургически усиливает тему конфликта реальности и фантазии. Кстати, пьеса Григория Горина открывается эпиграфом из настоящего Джонатана Свифта. И эта единственная точка пересечения истории и современного сюжета красноречива:

«Распределяя работу своего мозга, я счёл наиболее правильным сделать господином вымысел, а методу и рассудку поручить обязанности лакеев».

Итак, вымысел (его судьба, его правда и сила) – вновь в центре повествования. Только теперь как будто бы постаревший и замкнувшийся Мюнхгаузен, в аскетичной игре Янковского, держит последний рубеж обороны. Официально объявленный сумасшедшим, поставленный под надзор соглядатаев и врачей-вредителей, Свифт не разгоняет облака для установления хорошей погоды, а «запускает» в небо смертоносный летающий остров Лапуту. Дом Свифта на осадном положении и сам наносит ответные удары по врагу. Давление власти возросло в разы. Где там глуповатый, но добродушный Герцог или непостоянный, но всё же приятель Бургомистр! Теперь недоброжелатели и противники выступают целым агрессивным фронтом. Конфронтация между героем-одиночкой и машиной социального прессинга приобретает характер крайнего антагонизма. Главный вопрос – не просто как выжить моей фантазии, но как вообще выжить, имея фантазии? Конечно, здесь вновь опознаётся идеологический контекст: атмосфера позднесоветского «застоя», психиатрия как пенитенциарный инструмент власти, «двоемыслие» интеллигенции и т.п. Но любой составной сюжет «Дома, который построил Свифт» опять же важнее этих политических или исторических привязок. Взять хотя бы драму «великана» Глюма:

«Итак, я стал уменьшаться! Это самое страшное из всех наказаний. Всякий знает, как трудно взбираться вверх, но обратный путь всегда тяжелей... Не спрашивайте, как я это делал. Специальная гимнастика, диета, разнообразные поклоны, приседания... Я спускался вниз, как по тропинке, фут за футом, ежедневно приближаясь к уровню сограждан. С головой было труднее всего, но тут помог алкоголь. Ежедневный трёхкратный приём алкоголя – и ты очищаешь свою башку от ненужных знаний и мыслей».

Вечные сюжеты о раздражающей неуместности гигантов и об амбициях карликов (история трёх лилипутов), о проклятом абсурдном круге повседневности («Нет смысла вспоминать дальше, Джек... Боюсь, что картина будет одна и та же: время станет меняться, а вы всё будете стоять на посту на рыночной площади») – это больше, чем кино. Это смысловые вещи, высказанные языком кино. Свифт в исполнении Янковского, за ¾ фильма не произносящий ни слова, намного круче Мюнхгаузена (погрязшего в сутобо житейских обстоятельствах). Не случайно, что любовная коллизия (Ванесса или Стелла) на

ФАЛЬШИВЫЙ ГЕТЕРОНИМ ФЕРНАНДУ ПЕССОА

Статья

«Сундук, полный людей» – так назвал знаменитый сундук, где хранилось всё огромное наследие Фернанду Пессоа, итальянский исследователь Антонио Табуцки, так он назвал и свою книгу [Tabucchi, António, 1990]. Русский читатель уже хорошо представляет себе, что архив Пессоа, в котором хранятся многочисленные работы его масок-гетеронимов, напоминает искромётный маскарад, тем более что и одно из значений самой фамилии Пессоа – маска. Ситуация осложняется тем, что в текстах Пессоа отсутствие имени автора – это правило, а не исключение.

Известно, что Пессоа выдумал не менее 136 авторов-фикций, творения которых он подписывал редко. Это можно объяснить тем, что Пессоа не всегда окончательно определял авторство своих текстов. Именно по этой причине отдельные его тексты имеют «миграционный характер»: кочуют из одного издания произведений Пессоа и/или его гетеронимов в другое («Косой дождь», «Белый дом, чёрное судно»). Неоднократно то или иное стихотворение, к примеру, переходило из сборника произведений Алвару де Кампуша в сборник Рикарду Рейша или самого Пессоа. Исследовательская работа в этой области не закончена, критики пытаются выработать адекватные критерии, помогающие определить, кому принадлежит та или иная вещь. Об этом можно прочесть в статьях Джеронимо Пизарро, профессора университета в Венесуэле, крупнейшего современного исследователя испанской и португальской литературы, одного из организаторов книги Фернанду Пессоа «Я сам – антология» [Jerónimo Pizarro, 2013].

Сам Пессоа писал о своих гетеронимах так:

Есть случаи в моём различении одних от других, какие ложатся, как бремя, на мой духовный рассудок. Отличить какую-то музыкальную композицию Бернарду Суареша от моей композиции на ту же тему... Есть моменты, в которые я делаю это внезапно и с таким совершенством, какое меня изумляет; и изумляет не из-за нескромности, а потому, что не веря ни в какую малость человеческой свободы, я удивляюсь тому, что

происходит во мне, как удивлялся бы, если бы это происходило с другими, с чужими.

Только сильнейшая интуиция может быть компасом в целинных землях души; только одно чувство, использующее разум, но не отождествляющееся с ним, хотя и соединяется с ним в этом, – может отличить эти фигуры из мечты – во всей их реальности – одну от другой. («Книга Непокоя»).

Но сегодня я хочу рассказать не об этих загадках, во многом обуславливающих неутраченный интерес исследователей к творчеству Фернанду Пессоа – гения португальской литературы. Есть и другая не менее интересная вещь, вытекающая из вышеуказанных предпосылок, а также из того, что Пессоа занимался и переводческой, и издательской деятельностью. Это явление «фальшивой гетеронимии»: авторство Пессоа было ошибочно приписано многим текстам, это касается произведений Оскара Уайльда, Рауля Леала, нашего соотечественника Элизара Каменецкого и др.

Но, пожалуй, наиболее интересна история, приключившаяся с португальским писателем Куэлью Пашеку. Его подлинное имя более 50 лет считалось именем полу-гетеронима Фернанду Пессоа.

Ещё в прошлом веке, в 1989 г. вышло второе расширенное издание антологии произведений Пессоа и его масок-гетеронимов: Пессоа, Фернандо. Лирика/ сост. Е. Витковского; предисл. Е. Рязуовой. – М.: Художественная литература, 1989. – 303 с. В эту антологию был включён перевод Е. В. Витковским поэмы Куэлью Пашеку, под названием «За пределом других океанов». В первом издании антологии (1978 г.) этого перевода ещё не было. В книге пояснялось, что это поэма ещё одного гетеронима-маски Пессоа.

Мы ни в коем случае не можем обвинять составителей антологии в некомпетентности. Ошибка была допущена португальскими издателями, на время составления Е. В. Витковским антологии (и ещё в течение длительного периода после) в существовании этого гетеронима были убеждены и португальские филологи. Только недавно

появились статьи португальских и др. исследователей, посвящённые этому «фальшивому гетерониму». Но русский читатель и до сих пор уверен, что Куэлью Пашеку (в антологии 1989 г. он назван Коэлью Пашеко) – полу-гетероним Пессоа. Так утверждают антология «Фернандо Пессоа. Лирика», все виртуальные библиотеки, где есть эта книга, литературный портал «Мир поэзии» и другие источники.

Итак, вся эта история началась в те дни 1915 г., когда готовился к выпуску 3 номер журнала «Орфей», считающегося родоначальником португальского модернизма. Как известно, этот номер не был опубликован при жизни Пессоа, отец друга Пессоа, поэта и прозаика Мариу де Са-Карнейру, отказался спонсировать этот номер, но сама идея его публикации не покидала Пессоа до конца жизни. Несколько раз он объявлял о скором выходе в свет «Орфея-3». В письме художнику Санта-Рита Пинтору (1889-1918), который принимал горячее участие в проектах возрождения «Орфея», Пессоа писал:

«Впрочем, «Орфей» не умер. «Орфей» не может умереть. В мифах древних, какие мой действительно языческий дух никогда не устаёт вспоминать в виде сверкающих, точно звёздное небо, образов, есть одна история о реке, чьё имя помнится мне смутно, которая на одном из отрезков её течения исчезает в песке. По видимости мёртвая, эта река, тем не менее, несколькими милями дальше, снова появляется на поверхности и продолжает свой путь к морю. Хотелось бы, чтобы так было – в самом худшем из возможных случаев – с журналом сенсационизма «Орфеем» («сенсационизм» – одно из литературных направлений, разрабатываемых Пессоа в течение некоторого времени)» [PessoaFernando, 1915].

Третий номер журнала «Орфей», компилированный Арналду Сарайвой по материалам Пессоа, был опубликован только в 1984 г. Но поэма «За другим океаном» (так точнее переводится её название – «ParaAlém d'Outro Oceano») впервые была опубликована в Португалии в 1953 г. в книге «Неизданные поэмы, предназначавшиеся для журнала “Орфей” №3» [PESSOA Fernando, 1953] с предисловием Адольфу Казайш Монтейру (1908 – 1972) – поэта, переводчика, литературного критика, одного из первых исследователей творчества Пессоа. Монтейру немного знаком русскому читателю по фрагментам его переписки с Пессоа [например, Федоровская О. В. Поэтический мир португальского символизма 1999: 9;

Клочковский Г. 2015:35; Фещенко-Скворцова И., 2016:137]. Несмотря на то, что поэме предшествовало название «Заметки К. Пашеку», она была представлена как одно из неизданных произведений ещё одного полу-гетеронима Пессоа.

В 1960 г. издательство Агилар (Aguilar) в Бразилии опубликовало книгу «Поэтические произведения Фернанду Пессоа», издателем была известная исследовательница творчества Пессоа, пионер в деле публикации его работ, Мария Алиете Гальош. В эту книгу была включена и поэма «За другим Океаном». В примечаниях исследовательница указывала, что поэма была предназначена для третьего номера «Орфея» и посвящена памяти Алберту Казейру – маске-гетерониму Пессоа. Также было сказано, что в заметках Пессоа к оглавлению «Орфея» автором поэмы назван Куэлью Пашеку, при этом комментировался этот факт следующим образом: Пашеку – это эпизодический гетероним Фернанду Пессоа, нет сведений о каких-либо ещё его произведениях. С этого момента и до 2011 года, когда в виртуальном португальском журнале «Модернист», публикуемом Институтом Исследований Модернизма, вышла статья Терезы Риты Лопеш, озаглавленная «Каждому – своё» [Lopes, Teresa Rita, 2011 a], – Куэлью Пашеку считался полу-гетеронимом Фернанду Пессоа.

Но сомнения существовали. В первом томе «Произведений Фернанду Пессоа» – подборки, изданной в 1986 г. (издатели – Антониу Куадруш и Далила Перейра да Кошта), – в главе «Поэзия одного полу-гетеронима», где речь идёт как раз об этой поэме, было высказано предположение, что это может быть реальный автор, там более, что семья Куэлью Пашеку была хорошо известна в Лиссабоне. «Но в таком случае, почему же автор уже не признался?» – задаёт вопрос издатель. Автор к тому времени уже умер: Пашеку скончался в 1951 г., задолго до публикации его поэмы. Другие португальские и бразильские филологи также неоднократно высказывали предположение о том, что Куэлью Пашеку был реальным автором, а не очередной маской Пессоа. Мануэла Паррейра да Силва, когда занималась изданием корреспонденции Фернандо Пессоа, его неизданных писем [Pessoa Fernando, 1996], нашла одно письмо, подписанное Куэлью Пашеку, который благодарил Пессоа за подаренный ему экземпляр «Послания» и вспоминал с ностальгией о временах «Орфея». В то время Мануэла Паррейра да Силва и Тереза Рита Лопеш уже склонялись к исключению поэмы из наследия Пессоа, но ещё не имели доказательств ни принадлежности поэмы Куэлью, ни того, что она не принадлежала перу самого Пессоа.

Тереза Рита Лопеш связалась с дочерью Куэлью Пашеку – Марией Эленой Пашеку Фигейроа Регу. К сожалению, та ничего не знала

о литературной деятельности своего отца – предпринимателя, подвизавшегося в автомобильной индустрии. В её распоряжении были только несколько шуточных стихотворений, посвящённых жене Куэлью Пашеку.

В 2007 г. вышеупомянутая Мария Алиете Гальош в статье под названием «Руки, которые писали» [Galhoz, Maria Aliete, 2007], отметила, что приписывание поэмы «За Другим Океаном» перу Фернанду Пессоа было ошибочным. Но доказательств ещё не было, и Мануэла Паррейра да Силва в своей заметке о Жозе Куэлью Пашеку для «Словаря Фернанду Пессоа и Португальского Модернизма» отметила, что сомнение продолжает существовать.

В этом же 2007 году Ана Рита Палмейринь, внучка Жозе Куэлью Пашеку, принесла Терезе Рите Лопеш рукопись поэмы «За Другим Океаном». Она принесла также в старой кожаной папке деда, с выгравированными на ней инициалами автора, другие стихотворения Пашеку. Среди них сонет «В бреду», датированный 10.03.1914, двумя днями позже знаменитого «Триумфального дня» Фернандо Пессоа [Фещенко-Скворцова И.:232-243]. В это время Пессоа вместе с Мариу де Са-Карнейру уже организовал небольшой литературный кружок, который, вероятно, посещал и, на то время ещё двадцатилетний юноша, Жозе Куэлью Пашеку. Примерно в то же время Пашеку сотрудничал как один из издателей в журнале «A Renascença» («Возрождение»). Он опубликовал в этом издании свои сочинения «Его дневник» и «Зизи» под псевдонимом «Лине». В том же журнале Пессоа опубликовал свою поэму «Болота» или «Топпи», которая дала название литературному направлению, разрабатываемому Пессоа в течение определённого времени – «паулизму» («paul» – болото звучит по-португальски «паул»).

Сонет Куэлью Пашеку «В бреду»¹:

*Точно труп холодный
лёг на стол остылый,
Медиков добыча в морге опустелом –
Так свою же душу зрю над бранным телом
Жалкой и озябшей, мёртвой и бескрылой.*

*Зрю её безмолвной, окружённой тайной,
Сам же бьюсь в оковах тёмной лихорадки,
Вижу саван бледный, теней абрис шаткий
Там, в пустой могиле,
там, во тьме бескрайной.
Вижу чей-то облик и – мороз по коже:
В приступе озноба на фигляра схожий.
Искажён проказой и неверный светом,*

¹Все приведённые переводы сделаны автором статьи.

*Льнёт к душе недвижной
поцелуем смрадным...
Зрю, и нет предела мукам беспощадным:
Узнаю себя я в жутком теле этом.*

Автор этого сонета не придерживается канонической формы рифмовки – использования одинаковых рифм для обоих катренов. Размер этого сонета (как и другого, также сохранившегося в папке Пашеку) – двенадцатисложник (шестистопник), разделённый цезурой. По своему стилю и языку он напоминает некоторые поэтические и прозаические творения Мариу де Са-Карнейру, а также бредовые видения поэм Алвару де Кампуша – одного из гетеронимов (масок) Фернанду Пессоа.

Интересной загадкой для будущих исследователей творчества Пашеку (надеюсь, что они появятся, потому что этот поэт заслуживает внимания) может стать одна из рукописей, сохранившихся в кожаной папке, архиве Куэлью Пашеку. Это автограф Фернанду Пессоа – один из сонетов цикла «Крестный путь». На этом листке, вверху, видимо рукой Пашеку, сделана надпись «Два сонета». Исследовательница Тереза Рита Лопеш высказала предположение, что сонет Пашеку «Потерпевший кораблекрушение», датированный 11 марта 1915 г. и также найденный в его папке, составлял пару к этому сонету Пессоа, видимо, эти два сонета должны были публиковаться вместе, но где именно, в каком издании – остаётся неизвестным. По мысли португальской исследовательницы, сонет Пашеку «Потерпевший кораблекрушение» по своему стилю наиболее приближался к требованиям поэтики паулизма, которую в то время пытались провести в жизнь Пессоа и Са-Карнейру. Этот сонет Пашеку отвечает самым строгим требованиям рифмовки. Вот эти два сонета:

Ф. Пессоа

Сонет из цикла «Крестный путь»

*Сияют украшения кинжалов...
Опалесцирую из глубины,
Как те, что лишь в себя и влюблены,
Но чтят алтарь
среди штормов и шквалов...*

*Интимное молчание опалов –
Огонь в мерцании голубизны...
Пути моей мечты, они полны
Свободным временем, простором залов.*

*Торжественное шествие вдали,
И люди, в звоне копий узнавая,
Что там король, молитвы вознесли,*

Аплодисменты, радость их живая...
И на клавиатуру отдохнуть
Ложатся руки, не окончив путь...

К. Пашеку

Потерпевший кораблекрушение

Хочу я утонуть
в бесчувственной стихии,
От ярости спастись, от вала водяного,
Уже иду ко дну, но, грозные, лихие,
Подхватят волны вмиг,
меня поднимут снова.

Сияющий простор, как чары колдовские,
Пьянит меня, и вот – разрушена основа
Моих упорных дум...
лишь миражи морские.
Смотрю – и слепну я от света голубого...

И отведу глаза, и вижу еле-еле:
Кольшет море труп,
он весь закутан в пену,
И узнаю себя я в этом мёртвом теле.

Упорствует во мне сомнение... и вторя
Волнам, кружится труп,
но, не подвержен тлену,
Пронзает дали взор,
теряется в просторе...

Хотя среди поэтического наследия Пашеку встречаются и такие достаточно сложные стихотворные формы, как сонеты, совершенно очевидно, что он предпочитал вольный стих – новое явление для того времени, стих, приближающийся к прозе и благоприятствующий более точному и свободному выражению мыслей. В этом он, конечно, следовал за Фернанду Пессоа.

Есть в кожаной папке, среди его рукописей, лист с текстом, который Тереза Рита Лопеш называет в своей статье «мышлением вслух». По её мнению, стиль этой вещи напоминает нам Альберту Каэйру, который также с достаточной долей пренебрежения относился к «коридору, ведущему от мышления к словам». В то же время этот фрагмент очень похож на монологи Алвару де Кампуша (также маски Пессоа), характеризовавшиеся самим Кампушем как речи безумца.

Идея, какую имею о пространстве
Это что пространство не может иметь
ни одной идеи его объясняющей
И не могу вообразить что оно
может быть нематериальным
Потому что тогда я должен понять его
Это болезненно для меня
Быть обязанным использовать
обычные для всех слова

Я чувствую себя таким счастливым
когда черчу на бумаге
Неразборчивые каракули
которые никто не понимает
Я никогда не пытаюсь узнать
понимаю ли я их сам
Мне это не нужно ведь мне достаточно
Чувствовать себя счастливым
оттого что другие их не могут
прочсть
Когда я пишу буквы эти буквы
Вспоминаю одного гениального рабочего
Будто он должен был конструировать
в чужих
мастерских
свои машины назначение которых
было неизвестно
Я тоже чувствую что мне не хватает
возможностей выражения
мыслей
Как ему видимо не хватало инструментов
Порой у меня возникают
такие крошечные идеи
что я не успеваю их
понять
и позволяю им убежать.
Как можно считать какую-то идею
странной
Если мысли отличаются только размером
Есть только одна вещь
какую я хотел бы знать
И не зная о ней я вынужден сомневаться
Это то незнание в котором я живу
Как если бы была связь
между моими мыслями о себе
И появлением этих мыслей
написанных будто другим человеком

По мнению Риты Лопеш, это отдельное стихотворение. Но, если внимательно посмотреть факсимиле – приложение к её статье «Каждому – своё» – лист, на котором написан этот текст, очень похож на листы с фрагментами рукописи «За другим океаном». Бумага того же качества (с характерными пятнами, характеризующими её текстуру), по всей вероятности, это листки одного и того же блокнота. Вероятнее всего было бы предположение о том, что этот текст является одним из фрагментов той же поэмы, по какой-то причине исключённым Куэлью Пашеку из готовившегося к печати в третьем номере «Орфея» материала. Вполне возможно, что написано это в 1916 году, а в марте этого года у Пессоа впервые проявился феномен «автоматического или медиумического письма». Было ли это стихотворение навеяно одной из бесед с Пессоа или у Пашеку этот феномен также проявился – об этом можно только строить предположения. В конце этого фрагмента автор создаёт очаровательный оксюморон: он хочет знать только одну вещь, и эта вещь – его незнание.

Пожалуй, этот парадокс ничем не хуже многочисленных парадоксов, рассыпанных в стихах и в прозе Пессоа, признанного «закройщика парадоксов». И ещё: в последних строках Пашеку явно поднимает вопрос о гетеронимии, о Другом. Ниже я расскажу об этом подробнее в связи с другим фрагментом поэмы «За другим океаном».

Что мы знаем о Куэлью Пашеку? Пожалуй, полнее всего о своем деде написала в статье «За недоразумением» Анна Рита Палмейринь [Ana Rita Palmeirim, 2015]. Начало названия статьи по-португальски звучит, как название поэмы Пашеку: «Para Alem» dos eguivocos» (напомню, поэма Пашеку называется «PARA ALÉM DO OUTRO OCEANO»).

Жозе де Жезуш Куэлью Пашеку родился в Лиссабоне 27.05.1984 и здесь же скончался 15.11.1951. Он был племянником, по материнской линии, одного из друзей Пессоа – Жералду Куэлью де Жезуш, горного инженера, директора газеты «Асção» («Действие»), которая проводила политику Сидо ниу Па йша, известного политического деятеля Португалии, в 1917-1918 гг. бывшего её премьер-министром. Пессоа сотрудничал в этой газете.

Жозе Куэлью учился в одном лицее с другом Пессоа – Мариу де Са-Карнейру, бывшим на 3 года моложе Куэлью. Затем он обучался в высшем техническом институте, но был призван в армию, не успев его окончить. Куэлью страстно увлекался всем новым: он сотрудничал с пионерами авиации в Португалии, занимался фотографией, автомобилями. Имел свою небольшую фирму по продаже машин в Лиссабоне на площади Браамкамп. В 1919г. Куэлью Пашеку совершил путешествие из Парижа в Лиссабон за рулём шевроле. Но, наряду с другими увлечениями, для него всегда существовала и литературная деятельность: собственное творчество и занятие переводом. Один из романов Жюль Верна, переведённый Пашеку, долгое время переиздавался в Португалии.

Имя Пашеку появилось в переписке Пессоа в 1913 г. В дневнике Пессоа за 1913 г. также содержатся записи, касающиеся встреч и бесед с Пашеку, есть запись и о том, как 31 марта они вместе совершили поездку на автомобиле Пашеку марки шевроле. Это наводит на мысль о поэме гетеронима Пессоа Алвару де Кампуша «За рулём шевроле на дороге в Синтру...», написанной в 1928 г.:

*На дороге в Синтру, в лунном свете,
в печали перед полями и ночью,
Управляя шевроле, безутешно одолженным,
Теряюсь на будущей дороге,
прячусь в покрытой мной расстоянии,
И, охваченный желанием,
пугающим, внезапным,*

*бурным, необъяснимым,
Ускоряю движение...
Но сердце моё осталось на груди камней,
которую я объехал, видя и не видя,
У двери лачуги,
Моё пустое сердце,
Моё неудовлетворённое сердце,
Моё сердце, более человеческое, чем я,
более правильное, чем жизнь.
На дороге в Синтру, почти в полночь,
за рулём в лунном свете,
На дороге в Синтру, какая усталость
от собственного воображения,
На дороге в Синтру, всё ближе к Синтре,
На дороге в Синтру, всё дальше от меня...*

Пессоа упоминает об этой поездке и в «Книге покоя»: «Мудрец – кто ведёт монотонное существование, ведь тогда каждое маленькое происшествие оборачивается чудом... Кто никогда не покидал Лиссабона, путешествует в бесконечность в экипаже до Бенфики, а если однажды поедет в Синтру, чувствует себя так, будто побывал на Марсе».

Выше уже говорилось о сотрудничестве Куэлью Пашеку с журналом «A Renascença» (1914 г.), где Пессоа опубликовал свои первые «взрослые» стихи, где печатались многие будущие авторы «Орфея». Позже Жозе Куэлью Пашеку появляется в записях Фернанду Пессоа как автор будущего 3 номера «Орфея», а также о нём говорится как об авторе поэмы «Я без меня», предназначенной для предполагаемого журнала «Европа».

Поэма «За другим океаном» была написана, очевидно, между 1914 и 1915 гг. Она состояла из отдельных тематических фрагментов – рассуждений автора о сущности жизни в различных её проявлениях – пространственно отделённых друг от друга и в рукописи, и в тексте, подготовленном для «Орфея» №3. Этот текст содержит приблизительно 1750 слов. В «кожаной папке» Куэлью Пашеку были найдены не вошедшие в эту публикацию части поэмы, видимо исключённые автором при подготовке подборки фрагментов для «Орфея»-3, это ещё около 2250 слов.

Поэма, после её публикации под именем гетеронима Фернандо Пессоа, была высоко оценена литературными критиками. В 1976 г. Гашпар Симойш [João Gaspar Simões, 1976] отмечал в ней черты сюрреализма: до-логика или пред-логика, язык, свободный от пут контекста, игра случайностями, мистицизм, иррациональность, совмещение и примирение противоречий. Читатель может подумать, что на мнение критиков повлиял ореол вокруг имени Пессоа. Но так ли это?

Надо отметить, что во многих фрагментах поэмы Пашеку чувствуется влияние

Пессоа – самого Фернанду и его масок-гетеронимов. В некоторых фрагментах мы можем почувствовать настроения и пейзажи первого опубликованного при жизни Пессоа отрывка будущей «Книги непокоя» Фернанду Пессоа / Бернарду Суареша: «В лесу отчуждения» (опубликован автором в журнале «Águia» в 1913 г.). Вот этот отрывок поэмы Пашеку:

*В аллеях других парков
шагая по сухим листьям
Я мечтаю порой что существую для себя
и должен жить
Но никогда не исчезает
этот взгляд на себя как на иллюзию
Потому что в конце концов
вижу себя на аллеях этого парка
Шагающим по сухим листьям
слушающим меня
Если бы я хоть мог слышать
шуршание сухих листьев
Не под своими ногами
или пусть бы они меня не видели
Но сухие листья всё так же кружатся
а я должен идти по ним
Если бы хоть во встречном ветре
я обрёл себе другого как и все люди*

В этом фрагменте наиболее интересно утверждение о «другом». У читателя создаётся впечатление, что автор этого фрагмента – не живой, реальный человек, а маска, литературный персонаж, гетероним. Это alterego Куэлью Пашеку. Он жаждет обрести другого, вероятно этим «другим» является сам Пашеку. Вот такое интересное решение проблемы взаимоотношений автора и его маски предлагает Куэлью Пашеку.

Другой фрагмент поэмы напомнит читателю оды Алвару де Кампуша, (морского инженера – маски Пессоа), восторгавшегося современной техникой и воспевавшего её:

*Моё мышление работает бесшумно
Так нежны обороты смазанного механизма
И я доволен остаюсь я неподвижным
Чтоб не нарушить равновесие
потребное рассудку
Предчувствую лишь так приходит
ясность мыслей
Но я движенья их сторожкого
не слышу в тишине
Подобного движенью
приводных ремней машины
А слышно лишь скольжение частей
рабочих
Порой я вспоминаю что другие
должны бы чувствовать подобно
Но говорят что голова болит
и головокруженье
Воспоминанье это возникает*

*как могли другие возникать
О том что люди
этого не чувствуют скольженья
А значит и не думают о нём*

Честь первого перевода на русский язык этой поэмы принадлежит, как я уже упоминала, известному переводчику Е.В. Витковскому. Надо отметить, что значения слов и целых фраз поэмы часто так странны, так окутаны тайной, мистерией, что не только позволяют читателю с помощью собственного воображения дополнять работу писателя, но, кажется, даже подталкивают его к этому. Поэтому многие фрагменты поэмы можно было бы перевести совсем по-иному, чем это было сделано первым её переводчиком. Вот, например, как мне представляется перевод первого из отобранных для публикации в «Орфее-3» отрывков этой поэмы (его перевод Е. Витковским можно найти в вышеупомянутой антологии произведений Ф. Пессоа):

*В горячке в бреду бытия
за другим океаном
Феномены жизни яснее и чище казались
И город существ открывался
Реальных возможных но их чистота
нагота освящала
Был входом я сам
для языческих этих видений
и чувствовать только желал
И явленье вещей вне себя вещь в себе
содержало внутри
Жили общию жизнью создания эти
Чувства их вытекали из образа жизни
Но их лица спокойные
кротость росы отражали
Нагота как молчание форм
не обретиших различий
Изумляло как может действительность
быть только этим
Но та жизнь вправду жизнью была
только жизнью была*

На мой взгляд, именно так надо понимать замысел Пашеку в этом фрагменте – зачине поэмы. Скорее всего, рисуя этот «земной рай», автор имеет в виду народы, населявшие открытые португальскими первооткрывателями земли. При этом реальные люди и их жизнь так преображаются фантазией писателя, что читателю видятся уже не земли за другим (Индийским? Тихим?) океаном, но Другой мир, Другое измерение. Идеализируя эти племена и их образ существования, автор любит простотой отношений, чистотой и кротостью этих «дикарей», их жизнью в сообществах, где нет места европейскому индивидуализму. Невольно вспоминается «Морская Ода» Алвару де Кампуша, герои которой – одновременно и отважные первооткрыватели, ежесекундно рискующие

жизнью в суровых испытаниях, и жестокие, кровожадные пираты, грабившие и убивавшие этих «дикарей» ради наживы и даже просто, чтобы весело провести время:

Парни,
грабившие тихие африканские племена,
Вы, грохотом орудий
 обращавшие в бегство эти народы,
Вы, пытавшие, отнимавшие имущество,
убивавшие, вы, кто получали
 Призы Первооткрывателей,
вы, кто, нагнув голову
 под ударами ветра,
Пробивался к тайнам новых морей!
 Эй-эй-эй эй-эй!

(Алвару де Кампуш «Морская Ода»
в переводе И. Феценко-Скворцовой).

Фрагмент «В горячке, в бреде бытия за другим океаном» обнаруживает глубокий интерес автора к философии, особенно к философии Канта и неокантианству, к учению о явлениях или феноменах, чувственно воспринимаемых вещах, и ноуменах, непознаваемых «вещях в себе». В этом автор следует за своим кумиром и учителем – Фернанду Пессоа. Как и Пессоа, Пашеку любит создавать оксюмороны. Как известно, согласно Канту, опыт никогда не даст познания природы вещей самих по себе. Но в городе из поэмы Пашеку «явление вещей вне себя – вещь в себе содержало внутри».

Не менее интересен следующий отрывок, в котором автор в духе сюрреализма разрывает обыденные представления:

Моя материальность часто для меня
 причина огорчений
Я знаю я всего лишь вещь
 и от вещей не отличаясь
Я знаю что должны они считать меня
 лишь вещью заурядной
А если так – то думать не могу
 лишь полагать что мыслю
И нравится мне придавать себе
 такой характер

Многие из тех отрывков, которые автор не включил в материал, отобранный для «Орфея», не менее интересны, они ещё никем не переводились:

Я порой говорю и не слышу что я говорю
И тогда мне случается не различать
Когда говорю и когда сохраняю молчанье
И тогда услыхав
 что другие со мной говорят
Сомневаться я буду
 не я ль говорю их устами
.....

Завтра я утрачу знание о том
 что сегодня
Это день у которого должно быть
 потом
 завтра

Есть особый язык
 произносящий в душе эти вещи
И его я не могу прикусить
 как тот что у меня во рту
Обращаюсь к себе
 и вижу себя будто в зеркале
Но повёрнутом наоборот.

Иррациональность, использование
софизмов – преднамеренных, сознательных
нарушений правил логики – мы видим в
следующих двух фрагментах поэмы:

Шедевр остаётся ещё и каким-то
 произведением
И поэтому любое произведение
 есть шедевр
Если этот вывод ошибочен
 не ошибочно моё желание
Чтобы он действительно
 был правильным
И для хода моих мыслей
 этого достаточно

Второй отрывок охваченным кругом представлений и стилем письма напомнит гетеронима-маску Пессоа Алберту Каэйру, его поэтические фрагменты, объединённые в поэму «Охранитель стад» (её перевод есть в антологии, составленной Е. Витковским):

Гурт овец в самом деле печальная вещь
Потому что нельзя с ней связать мысли
 те что совсем не печальны
И ещё потому что так есть,
только лишь потому что так есть,
потому это правда
Что должны невесёлые мысли
 связать мы с овечьей отарой
Вот по этой причине
 и только по этой причине
 действительно овцы печальны.

А вот этот отрывок, на мой взгляд, вполне достоин того, чтобы под ним поставил подпись сам Фернанду Пессоа, а не его «фальшивый гетероним» Куэлью Пашеку: снова оксюморон, тонкая игра словами, снова ярко проявились идеи неокантианства, так характерные и для Пессоа:

Чувствовать поэзию означает
 в переносном смысле жить
Я не чувствую поэзии
 не потому что не знаю
 что она такое
Но потому что не могу жить
 в переносном смысле

А если бы мог пришлось бы мне искать
другой способ самоорганизации
Поэзия существует лишь для того
кто не знает как она чувствуется
Есть красивые вещи красивые в себе
Но внутренняя красота чувств
отражается в вещах
И если они красивы
мы их не можем чувствовать

Трудно сказать, какие возможности унёс с собою этот поэт, что он смог бы подарить читателям, если бы посвятил всю свою жизнь литературному творчеству, отрекаясь от других насущностей и радостей жизни, как это делал Фернанду Пессоа. Но и то, что оставил Куэлью Пашеку, заслуживает внимания исследователей, так недавно получивших эту «кожаную папку» – небольшой архив, начало, не имевшее продолжения. Будем надеяться, что это начало даст Пашеку право войти в историю португальской литературы одним из «звёздного содружества», среди которого яркий блеск гения Пессоа всё же позволяет разглядеть оригинальность и самобытность других талантов.

Литература

Алвару де Кампуш: *AlterEgo* Фернандо Пессоа. Перевод с порт., вступление и примечания Ирины Феценко-Скворцовой // *Новый мир*, 2016, №8. С. 136 – 145.

Литературный портал «Мир поэзии» Пессоа Фернандо Лурика
<http://mirpoezylit.ru/books/7544/9/>

Клочковский Г. Мистификационный импульс Фернанду Пессоа // *Гвидеон*, 2015, 12/13. С.31-40.

Поэтический мир португальского символизма: Гомеш Леал, Эужениу де Каштру, Камилу Песанья Автореф. диссерт. канд. филолог. наук Федоровской О.В. Научная библиотека диссертаций и авторефератов. М, 1999. С. 9.

<http://www.dissercat.com/content/poetiche-skii-mir-portugalskogo-simvolizma-gomesh-leal-euzheniu-de-kashtru-kamilu-pesaniya#ixzz4dleXk19u>

Феценко-Скворцова И. Триумфальный день Фернандо Пессоа // *Иностранная литература*. 2015. № 7. С.232-242.

Ana Rita Palmeirim. “Para Alem” dos equívocos – 100 Anos de Orpheu, 2015.
orpheu.ccems.pt/userfiles/File/Ana_Rita_Palmeirim.pdf

Eu Sou uma Antologia. 136 Autores Fictícios. Fernando Pessoa, Patricio Ferrari e Jeronimo Pizarro. Tinta da China, 2013.

Galhoz, Maria Aliete. “O equívoco de Coelho Pacheco”, *As Mãos da Escrita*. Lisboa: Biblioteca Nacional de Portugal, 2007. Pp. 374 – 377.

Jerónimo Pizarro. *Clearly Campos? Sobre a Atribuição Literária. Cadernas de Literatura Comparada*, 2013, nº 28. Pp. 39-58.

João Gaspar Simões. *Perspectiva Histórica da Poesia Portuguesa*. Brasília, 1976.

Lopes, Teresa Rita. «O seu a seu dono». *Lisboa: Jornal de Letras, Artes e Ideias*, 2011a, nº 1058, 20 de Abril a 3 Maio. Pp. 10-11.

Lopes, Teresa Rita. *Pessoa desapossado de Coelho Pacheco*. Lisboa: *Modernista – Revista do Instituto de Estudos Sobre o Modernismo*, 2011b, vol.I, nº1, Pp. 117 – 127.

Lopes Teresa Rita. *DESASSOSSEGOS PESSOANOS. Comunicações do III Congresso Internacional*. Lisboa. Fernando Pessoa, 2013.

Pessoa Fernando. Carta a Santa-Rita - 21 Set. 1915. *Pessoa Inedito*. Fernando Pessoa. (Orientação, coordenação e prefácio de Teresa Rita Lopes). Lisboa: *Livros Horizonte*, 1993. 130 p.

<http://arquivopessoa.net/textos/3944>

Pessoa Fernando. *Poemas Inéditos destinados ao N.º 3 do «Orpheu»*. Com um prefácio de Adolfo Casais Monteiro. Lisboa: *Editorial Inquérito*. 1953.

Pessoa Fernando. *Correspondência Inédita*. Lisboa: *Livros Horizonte*, 1996.

Tabucchi, António. *Un baule pieno di Gente: Scritti su Fernando Pessoa*. Milano: Feltrinelli Editore, 1990.

Zenith, Richard. *A Importância de não Ser Óscar? Pessoa Tradutor de Wilde*. Lisboa: *Egoísta*, numero especial, 2008, Junho. Pp. 30-47.

БЕЗЫМЯННАЯ ЛИ ЧАСТОТА?

Рецензия на книгу Ивана Денисенко «На безымянной частоте»

...хфшхфшхшфххщцшшжзсзсз...всеми
многорадисты...хфшхфшхшфххщцшшжзсзсз...
безымянная частота...хфшхфшфхшфхчхщцшшжз
сзсз...бортовой журнал...хфшхфшхшфххщцшшжз
сзсз...сигнал...хфшхшфххщцшшжзсз...благодарю...
хфшхфшхзсзсз...бесценны...ххщцшшжзсз...три...д
ве...хфшзсж...одна...фзс...эфир!

У меня в руках книга Ивана Денисенко «Безымянная частота», на которую (и частоту, и книгу) удалось настроиться не сразу. Стихи И. Денисенко философичны, свое- и волнообразны, поэтому иногда приходится не просто вчитываться, а заныривать в них (благо, в книге много стихов о море), чтобы понять, проникнуться.

Видимо, и автору было нелегко при написании, составлении книги, попытке нащупать нужную частоту: «Ищу одну среди множества частот, / Отсеивая гулкие тамтамы...», «Сигнала нет, / Антенны съела ржа...», «И я стираю сеть координат, / сбиваю точки, отменяю связи...», «Всего-то и делов – найти в потоке / вселенских излучений и частот / сигнал, который выведет в итоге...», но всё-таки автор (лирический герой) находит свою (безымянную ли?) частоту:

Очень может быть, что сигнал во мне:
сам с собой сейчас выхожу на связь,
пребывая сразу во многих вне,
как константа Пи, в никуда дробясь.

Подобные «вне» и «в никуда» мы часто встречаем на страницах «Безымянной частоты», у автора очень своеобразное представление о пространстве, которое ведёт себя достаточно вольно, даже пренебрежительно по отношению к общепринятым понятиям о нём: «Мир жил и, видишь, как-то выжил, / хотя пространство стало уже...», «И простор отчаянно узок, / и смертельно тесен местами ...», «Всё время ветер, но провисли / просторы серой мешковиной...», «я десять солнц и девять лун надену / на ниточку от севера до юга...», «Тени пространства торопятся слиться, / непостижимо

длинны...», «И я, бредущий к небу напрямик, / по сухотравью, вставшему ершисто...», «Я подступаю к краю пустоты...» и т.д.

Автор часто размышляет о категориях пространства и времени, переходе одного в другое: «И заполняет снег мои следы / в расплывшемся по времени пространстве...», «Застыну, инкрустированный в миг, / который никогда не завершится...», «Я житель и смотритель маяка, / на полдороге от зари к закату...», «Сквозь стены, и заботы, и века...», «Пора признать, что новое пора / стоит внизу, у самого порога...», «и время, им сожжённое дотла, / текло в окно и становилось ночью...», «Время закончилось, формы оплыли, / в землю втянулись холмы. / Дремлют дома из спрессованной пыли. / Десять минут до зимы...» и т.п.

Очень разнообразно и интересно представлена категория времени, которое то «замерло, вполне возможно, что до марта», то «несётся суматошно, бесполезно и равнодушно»; иногда оно даже имеет консистенцию: «время чем полнее, тем пустей, / и напротив – чем пустей, тем гуще», иногда выступает в качестве материала: «и время, им сожжённое дотла, / текло в окно и становилось ночью», «жена... прячет время в реплики и рисунки, переводит в линии и слова...», «Мы рождены, чтоб время сделать пылью...», а иногда становится конкретным, вещественным предметом: «Это время, игрушка языческих прях, прогорая, бросает на ветер свой прах».

С особым вниманием, иногда даже теплом, поэт относится к минутам, «не думает о них свысока», очеловечивает их: «и в короткой вечной минуте той / научился не быть нигде...», «о том, что за отсутствием минут / часы считают ягоду в пиалах», «Я в детстве не считал минут / и оттого был неприметлив...», «Что встал, увы, не с той минуты, / не с той ноги, не с той планеты...», «Тихо плыву на обломке минуты, / стрелкой секундной гребя...», «Дыханье ускользящей минуты...».

Порой автор играет даже не философской, а грамматической категорией времени: «Лучшее, что могу, / я напишу вчера».

И, конечно, складывая годы «в единую сумму», понимая, что «время злее, чем в драке обух», лирический герой стремится остановить время: «Тихо сбрасывать пригоршни лет, / разрывая их, точно бинты», что ему в результате удаётся: «Всё это странно, необъяснимо: / мы, продолжаясь, не убываем».

Очевидно, что мотив времени и пространства является одним из основных в книге Денисенко, что не смогло не отразиться и в названии одного из разделов – «Признаки среды», который я бы, скорее, назвала «Признаки времени», хотя средой можно считать и определённое место в определённом времени. Справедливо возникает вопрос: так что же автор считает признаками «среды»? Судя по стихотворениям, собранным в этом разделе – погоду, город, погоду в определённом городе? Размышляя над этим, «дохожу» до стихотворения, начинающегося со следующих слов: «По некоторым признакам уже среда...». И все мои предположения рушатся, не успев достроиться. Этаким эффект обманутого ожидания.

Это не первый случай, когда поэт обыгрывает названия разделов книги.

Так же и раздел «Зима в квадрате» представлялся мне чем-то очень геометрическим, а метафорически – зимой везде и всюду: на улице, в душе, в жизни. Но опять же выяснилось, что всё не настолько однолинейно, как показало стихотворение, завершающее этот раздел и всю книгу вообще:

Воспоминанья мои упрямы,
из многих прочих войдёт в тетради
зима в квадрате оконной рамы,
зима в квадрате, зима в квадрате.

Стихотворения Денисенко очень «сезонные», поэт не обошёл вниманием ни одно время года. Зима у поэта бывает и «негодной»: «Погоды не было негоднее, в ней жизнь, как мякиш, размокала...», и очень человеческой (очеловеченной ли?): «На плечи отступающей зимы / ложится свет, как золотая риза. / Зима утешно шепчет, что и мы / однажды, вероятно, повторимся». Весна, как и положено в России, больше похожа на зиму: «Холодная весна. Земля тверда. / В ней сажены, как колья или клинья...». Среди всего этого холода и бесцветья понятны строки о лете: «Мне кажется, что лето

– это чудо, / а больше ничего уже не кажется», «И ночь свежа и город с ней / упорно грезит летом». А осень – это место, где поэт нашёл любимую «как находят тот цветок, что бывает в сказках».

Кроме знакомых нам с вами четырёх времён года поэт пишет ещё об одном, пятом: «Я читал, будто год состоит из четвёрки времён, / а о пятом, в котором живу, не встречал ни строки...». Лирический герой часто оказывается в некой промежуточности, из чего открывается нам ещё один важный мотив поиска себя, своего времени, своего места, причём не только в этом мире, но и «на берегах других планет»: «Я сам, наверное, что-то упустил, / пока пытался разобраться, где мы...», «А что ещё тут скажешь, разве ж / не выпал снова из контекста?», «Я в столетье, может быть, был некстати...», «Сколько помню, прежде я стал никем, / ну а только потом – собой...». Возможно, поэтому нередко встречается образ черновика как чего-то пробного, незаконченного, неопределённого в жизни: «На всём лежит печать черновика...», «Дома с геранью на окне, / с черновиками там и тут...», «Рыхлый, как черновик, но вполне готовый по здешним меркам» и т.п. В процессе поисков лирический герой (ЛГ) оказывается в суете, замоте, сталкивается с тщетностью, бессмысленностью того, что он делает, он не уверен, достигнет ли цели: «Но зато не притворяясь, / будто всё в порядке, будто / очень круто жить без пауз / да притом ещё без бунта...», «Вокруг пути, ведущие от цели, / и множество бессмысленных задач», «Так много дел, чья внутренность пуста, / а оболочка плавится от пыла, / дел, о которых много лет спустя / скажу одно: “Как жаль, что это было”», «Время до цели узнаю у цели, / если добаться смогу». Но в итоге ЛГ приходит к выводу, что важно нечто другое: «Я пытаюсь понять, не кто я, / а что я могу изменить... Я пытаюсь понять, не где я, / а что я вообще могу».

...хфшхфшхшфххщшжзсзс...главное...
хфшхфшхшфххщшжзсзс...непросто...хфшхф
шфхшфххщшжзсзс...пойматьволну...хфшхф
шхшфххщшжзсзс...частоту...хфшхшфххщш
жзс...

Главное, не просто настроиться на определённую частоту, а уметь стабильно удерживать её. И тут уже не обойтись без «инструментов». Вот если в песне группы Ундервуд «радиоточка ловит волну от радиозапятой», то у Денисенко волна ловится от других «радиоисточников», но тоже очень лингвистических: звуков, фонем, букв, слов,

фраз, строк, стихов и т.д.: «Вокруг меня опять контора. / Я рассыпаюсь на фонемы», «Я прочистил мозг и смысл с языка / чёрный прах равнодушных букв...», «Переполнен словами, снами...», «В любом из этих снов, в любой из этих строк...» и т.п.

Иван Денисенко не только как поэт, но и как филолог, знает ценность и силу слова, поэтому мы можем увидеть «слово» в разнообразных ролях: «Разлетаются карточью слова...», «Я словом, словно пламенем, объят...», «Когда гляжу назад, глубокие следы – / как первые слова на чистом развороте», «И лишь через слова даётся мне / всё то, что нужно, чтобы сделать вдох». Так же необычны и яркие образы поэтических строк, стихов: «Латунный блеск отточенной строки», «Тяну километры строк / (ищите меня по ним)...», «Я засыпал, как стих твой, недосказан, / уже не в силах что-либо добавить...», «Слова приходят – тут, как и везде, / процесс тенденциозен; темой этой / стихотворенье родственно звезде, / которая восходит над планетой...». Автор иронизирует: «Возможно, образ мог бы быть и чётче, / зато никто не скажет, что необразно». Поэт подчёркивает значимость, «плодородность» книг: «душа непрехотливая моя, проросшая, как зёрнышко, из книг».

Тематически книга очень разнообразна, при этом очень логично продумана и выстроена – тематика стихотворений плавно перетекает из одного раздела в другой, так, например, море присутствует не только в разделе «Море во мне», оно вливается в него из предыдущего раздела, перетекает в последующий – «Дорога через дождь», который, в свою очередь, проливается дождём в последующий – «Признаки среды», и эта среда проникает в другие стихотворения и разделы.

Темой и образом моря проникнуты многие стихотворения, мы видим море как фон событий: «Он летит над морем, летит над морем / в серебристой мгле перелётных рыб...»; как объект повествования: стихотворение «На самой дальней из окраин...», как субстанция, преобразующая нас: «Всё забывается по мере / того, как в нас вползает море...», как что-то недостижимое: «там море, отложенное на потом, / там жизнь, отложенная навсегда». Нередко и сам лирический герой оказывается в море: «но на самом деле я – на бревне / где-то в море, и вокруг снегопад...», даже желает породниться с ним: «смотрю, как небеса вдали горят, / и понемногу делаюсь фрегатом».

Возможно, именно этот сквозной образ моря создает особое цветовое впечатление после прочтения книги, некое послевкусие, точнее – послецветие. Но это только ощущение, потому интересно рассмотреть всю цветовую палитру стихов, собранных в данную книгу, в первую, очередь, статистически. Попробуем разобрать эту палитру и слова-цвета, из которых она состоит. Говоря о цветовой лексике, мы сейчас не принимаем во внимание слова, не являющиеся названием цветов, но отсылающие к ним, такие как снег, кровь, вишня, светофор и т.д. Наиболее частотные цвета, встречающиеся в книге пять и более раз: серый – 16, синий (голубой) – 11, жёлтый – 10, белый – 9, зелёный – 5. Таким образом, мы видим, что ощущение практически совпало с реальной картиной, за исключением «жёлтого» и «белого», но, видимо, это объясняется обилием стихотворений о солнце, свете, луне, снеге и т.д.

Также любопытно сравнить цвета стихотворений, создаваемые лексическими и фонетическими средствами, для чего можно обратиться к калининградской фонологической школе, в частности к методике А.П. Журавлёва, автора популярной книги «Звук и смысл», соотносящего гласные русского языка с определёнными цветами (на основе представительного исследования коллективных ассоциаций). Для эксперимента выберем наиболее «яркие», «цветные» стихотворения. Итак, фоносемантический анализ пейзажного стихотворения «Мартовский этюд», показал, что в тексте преобладают синий и красный цвета (превышают норму в два и полтора раза соответственно). Неудивительно, ведь в этом произведении трижды упоминается «синева», встречаются такие слова как «красный», «медвяный», «вишни». А в другом, «морском», стихотворении «Волны пели песню, плелась строка...», преобладают тёмно-синий, коричневый, белый/светло-жёлтый цвета. Что объясняется описанием моря, песчаного берега и гор. Таким образом, становится понятным появление так называемого «послецветия», ведь оно создаётся не только на лексическом, но и на фонетическом уровнях.

Конечно, кроме образности и разноцветности нельзя не обратить внимание на технические достоинства стихов Денисенко. Автор использует разнообразную и интересную рифму: плюс – тороплюсь, страниц – посторонись, дело – холодело, воздух – бесхвостых, ершисто – завершится, загона – законно; редки случаи банальной ассонансной

рифмы, зато часто можно встретить изысканную составную рифму: тяжело в них – шиповник, пляжах – блажь их, вы едва ли – выпивали, о том он – утонем, подыграв ей – фотографий, должно быть – копать, «фу ты, ну ты» – минуты, венце ли – к цели, якоря там – рядом; или усечённую рифму: вмещён – ещё, наст – нас, и там – чернота, замочной – заочно и т.д.

Также одним из частотных приёмов является повтор – действенное средство усиления смысла текста, его экспрессии, даже аранжировки. Причём автор использует повтор на различных уровнях: повтор слова, фразы, образа, анафоры, эпитеты, синтаксический параллелизм – создавая таким образом особую композицию произведений: «Всё это – не уже, всё это – не ещё, / Всё это пузырьки в тающей толще льда», «И этот миг непостижимо длится. <...> И этот миг непостижимо долог...», «Всё слишком быстро, слишком быстро. / Планета кажется непрочной. / В фонарном свете серебриста / вода, не принятая почвой. <...> Она не помнит то, что было, / она жуёт без перерыва. / Всё слишком быстро, слишком быстро – / и временами слишком криво», «и серый кот, бегущий краем лужи, / менял то траекторию, то угол. <...> И лунный диск, бегущий краем тучи, / сносило, словно плот на переправе» и т.д.

Благодаря мастерству автора чётко и полно прописывать образы я смогла вполне реально увидеть, как кот и луна передвигаются параллельно друг другу. И подобными яркими, «полнометражными» образами, которые, зацепляясь, остаются в памяти, насыщены многие стихи поэта: «незванный гость, пришедший из зари, / свалившийся, как шапка с антресоли...», «Я по снежинкам лезу к небесам...», «Проходит кот с вальяжностью туриста...», «И целый мир пятиэтажен...», «Ложится снег на серые дома, / расплывшиеся кляксой гематомы...», «Там чайки, как я, упивались волнами, / слетая с причала, как стружка с надпила...», «Дом напротив спит, и целый город / сделал шаг и стал ужасно тёмным...», «И со свечью выглянул к луне, / сощурившейся с неба близоруко...» и т.д.

Хочется продолжать и продолжать делиться «вкусным», но что-то же надо оставить, «отложить на потом», да и, думаю, каждый прочитавший книгу «Безымянная частота» найдёт что-то, на что откликнется его вкус, ведь так же естественно, и, на первый взгляд, легко, как «извлекать из конфорок бутоны огня», автору удаётся извлекать из окружающего его мира – поэзию, и будет удаваться, пока он будет находиться на определённой, но совсем не безымянной частоте – на частоте Ивана Денисенко.

Борис Чичибабин в контексте нашего времени

Эссе

(К 95-летию Бориса Чичибабина)

1

Выдающийся русский поэт Борис Алексеевич Чичибабин (в дальнейшем – БЧ), всю жизнь проживший на Украине, скончался 15 декабря 1994 года, за 25 дней до своего 71-летия. Он умер и похоронен в Харькове, где прошла почти вся его жизнь. (Родился в украинском Кременчуге, среднюю школу окончил в Чугуеве, Харьковской области, учился в Харьковском университете. Вот только в годы Великой Отечественной войны служил в авиачастях Закавказского военного округа Азербайджанской ССР да отсидел пятилетний тюремно-лагерный срок – в 1946-1951 годах – на российском севере, в «Вятлаг» Кировской области.)

Свою кровную связь (в прямом и фигуральном смыслах этого понятия) БЧ ощущал всегда, с юных лет до зрелых и преклонных. Огромное количество стихотворений, которые он посвятил обеим своим родинам, обеим, ибо, как и многие, *большую страну* (СССР) условно – но и содержательно – именовал Россией. Ещё в стихотворении «*Степь*», написанном не позднее 1952 года, т.е. до достижения 30-летнего возраста, поэт отдал дань любви, восхищения и благодарности русской тройке, которая здесь «*прошлась бубенцом*», но и весёлому украинскому чёрту, что «*тут же топчет, закатавшись в пыль*».

*Я сам тут родился и, радостный, рос,
и сил набирался, и креп,
и слушал ритмичную музыку кос,
и ел её сладостный хлеб.*

*Тут чары смешались двух родин-сестёр,
и труд их кипит, как душа,
и воздух, как перец, горяч и остёр,
и этим я чудом дышал.*

И одинаково близки поэту гении обоих братских славянских народов: Достоевский («*Фёдор Достоевский*», 1962), Лев Толстой («*Толстой и стихи*», 1979), не говоря уже о Пушкине и Лермонтове (им, особенно первому, посвящено немало стихотворений), так сказать, с русской стороны, и Тарас Шевченко («*Тарас*», 1964? и «*Поэты*», 1992), Леся Украинка («*Леся в Ялте*», 1983?) – со стороны украинской. А был же ещё и Гоголь, про которого сказано:

*Я за душу его всей душой помолюсь
под прохладной листвой
тополей и шелковиц,
но зовёт его вечно Великая Русь
от родимых околиц.*

*И зачем он на вечные веки ушёл
за жестокой звездой окаянной дорогой
из весёлых и тихих черешневых сёл,
с Украины далёкой?*

«*Путешествие к Гоголю*», 1973

До начала 1990-х годов, когда государство (всё тот же СССР) распалось, БЧ воспевал (а, случалось, и отзывался нелицеприятно) и Украину с её городами и весями, и Россию-Русь, которые в его сознании и душе стояли рядом, иной раз почти слитно. Обращусь сперва к прекрасной элегии «*С Украиной в крови я живу на земле Украины...*» (1973). Вот его зачин, одновременно гулкий и интимный:

*С Украиной в крови я живу на земле Украины,
и, хоть русским зовусь,
потому что по-русски пишу,
на лугах доброты,
что её тополями хранимы,
место есть моему шалашу.*

Из этого семистрофья приведу целиком ещё один катрен:

*Вся б история наша сложилась
мудрей и бескровней,
если б город престольный,
лучась красотой и добром,
не на севере хмуром возвёл золочёные кровли,
а над вольным и щедрым Днепром.*

То есть в *тёплом* Киеве, а не в *студёном*, замороженном Санкт-Петербурге. По адресу имперской столицы, возведённой Петром Великим, к коему поэт неизменно питал личную антипатию, выразившуюся в стихотворениях «*Проклятие Петру*» (1970) и «*Ещё о Петре*» (1989?), в стихах БЧ содержалось немало горьких упрёков, как, впрочем, и к «старо-новой» столице – Москве. Вообще империя всегда (и в досоветские, и в советские времена) в глазах поэта была монстром, тогда как Россия метафизическая, Россия – родина великого языка

и культуры, неизменно вдохновляла его на одический распев и нежные признания в любви к её природным ландшафтам и творениям рук человеческих. Разумеется, и Украине отводилось в поэзии БЧ просторное место, что зафиксировано уже в названиях ряда стихотворений, разрабатывающих мотивы поклонения и прославления своей малой – но такой духовно вместительной – родины. Вот, к примеру (помимо «С Украиной в крови...»): «Киев» (1972), «Чернигов» (1976), «Ночью черниговской с гор араратских...» (1977), «А я живу на Украине...» (1992).

Последнее из перечисленных стихотворений, созданное уже во времена распада и раздора, сочетает в себе декларативное украинофильство (рефрен: «А я живу на Украине...»); в данном случае противительный союз «а» равнозначен категорическим «несмотря на», «вопреки») с отвращением к тем «представителям» обоих народов, которые разжигают рознь между ними. Поэт пытается вразумить «иных патриотов» (это его слова):

*...я о себе не думал сроду,
национальности какой,*

*но чуял в сумерках и молниях,
в переполохе воробьёв,
у двух народов разномовных
одну печаль, одну любовь.*

*... и я живу на Украине,
двойным причастием дыша.*

(Отмечу в скобках этот характернейший для БЧ параллелизм: большое и рядом – малое.)

И он боится «за Украину и Россию,/ что разорвали свой союз». Недаром сказано А. Блоком: «Сердца поэтов чутко внемлют,/ В их беспокойстве – воли дремлют». И вот знаменательная – и такая печальная, но не безнадежная – концовка этой ламентации-инвективы-завещания:

*И днём с огнём во мне гордыни
национальной не найдёшь,
но я живу на Украине,
да и зароете в неё ж.*

*Дай Бог на ней укорениться,
все беды с родиной деля.
У русского и украинца
одна судьба, одна земля.*

Быть может, когда-нибудь исполнится и эта – в сущности, предсмертная – надежда поэта, дышавшего двойным причастием, вот только когда? Пока же мы являемся свидетелями реализации пророческого опасения БЧ: мало того, что Украина и Россия разорвали свой союз; с некоторого времени они вступили между собой в необъявленную войну.

Синхронно с «А я живу на Украине...» выдохнуто поэтом призывное, отчаянное, слёзное моление: «Россия, будь!» (1992).

*Во всю сегодняшнюю жуть,
в пустыни городские
и днём шепчу: Россия, будь –
и ночью: будь, Россия.*

*В трудах отмывишься добела
и разобравшись в проке,
Россия, будь, как ты была
при Пушкине и Блоке.*

А пятью годами ранее, ещё в СССР, но уже при горбачёвском правлении, со схожими словами вразумления поэт обращался к Москве (БЧ неизменно одушевлял географические локусы):

*... поделом тебе срам, что не веришь слезам
и пророков своих побиваешь камнями.*

*Свои лучшие думы я вымечтал здесь,
здесь я дружбу обрёл, сочинитель элегий,
но противна душе чернорусская спесь,
и не терпит душа никаких привилегий.*

*Я полжизни отдам за московские дни,
хоть вовек не сочту, сколько было их кряду, –
но у красной стены чутко спят кистени
и скупают во сне по Охотному рыду.*

*Стыдно в ступе толочь мутны воды пестом,
стыдно новой порой да за старую песню ж, –
образумься, родная, трудом да постом,
и, пока не покаешься, да не воскреснешь.*

«Московская ода», 1987

О том, как бы расценил (выражусь осторожней: мог бы расценить) БЧ российско-украинский конфликт, нам остается только домысливать.

БОРИС ЧИЧИБАДИН

Стихотворения

* * *

Кончусь, останусь жив ли, –
чем зарастет провал?
В Игорева Путивле
выгорела трава.

Школьные коридоры –
тихие, не звенят...
Красные помидоры
кушайте без меня.

Как я дожил до прозы
с горькою головой?

Вечером на допросы
водит меня конвой.

Лестницы, коридоры,
хитрые письма...
Красные помидоры
кушайте без меня.

1946

МАХОРКА

Меняю хлеб на горькую затяжку,
родимый дым приснился и запах.
И жить легко, и пропадать нетяжко
с курящейся цигаркою в зубах.

Я знал давно, задумчивый и зоркий,
что неспроста, простужен и сердит,
и в корешках, и в листиках махорки
мохнатый дьявол жметя и сидит.

А здесь, среди чахоточного быта,
где холод лют, а хижины мокры,
все искушенья жизни позабытой
для нас остались в пригоршне махры.

Горсть табаку, газетная полоска —
какое счастье проще и полней?
И вдруг во рту погаснет папироска,
и заскучает воля обо мне.

Один из тех, что «ну давай покурим»,
сболтнет, печаль надеждой осквернив,
что у ворот задумавшихся тюрем
нам остаются рады и верны.

А мне и так не жалко и не горько.
Я не хочу нечаянных порук.
Дымись дотла, душа моя махорка,
мой дорогой и ядовитый друг.

1946

* * *

Меня одолевает острое
и давящее чувство осени.
Живу на даче, как на острове,
и все друзья меня забросили.

Ни с кем не пью, не философствую,
забыл и знать, как сердце влюбчиво.
Долбаю землю пересохшую
да перечитываю Тютчева.

В слепую глубь ломлюсь напористей
и не тужу о вдохновении,
а по утрам трясусь на поезде
служить в трамвайном управлении.

В обед слоняюсь по базарам,
где жмот зовет меня папашей,
и весь мой мир засыпан жаром
и золотом листвы опавшей...

Не вижу снов, не слышу зова,
и будням я не вождь, а данник.
Как на себя, гляжу на дальних,
а на себя — как на чужого.

С меня, как с гаврика на следствии,
слетает позы позолота.
Никто — ни завтра, ни впоследствии
не постучит в мои ворота.

Я — просто я. А был, наверное,
как все, придуман ненароком.
Всё тише, всё обыкновеннее
я разговариваю с Богом.

1965

* * *

Тебе, моя Русь, не Богу, не зверю —
молиться молюсь, а верить — не верю.

Я сын твой, я сон твоего бездорожья,
я сызмала Разину струги смолил.
Россия русалочья, Русь скоморошья,
почто не добра еси к чадам своим?

От плахи до плахи по бунтам, по гульбам
задор пропивала, порядок кляла, —
и кто из достойных тобой не погублен,
о гулкие кручи ломая крыла.

Нет меры жестокости ни бескорыстью,
и зря о твоём же добре лепетал
дождем и ветвями, губами и кистью
влюблённо и злыдно еврей Левитан.

Скучая трудом, лютовала во блюде,
шептала арапу: кровцой полечи.
Уж как тебя славили добрые люди —
бахвалы, опричники и палачи.

А я тебя славить не буду вовеки,
под горло подступит — и то не смогу.
Мне кровь заливает морозные веки.
Я Пушкина вижу на жжёном снегу.

Наточен топор, и наставлена плаха.
Не мой ли, не мой ли приходит черёд?
Но нет во мне грусти и нет во мне страха.
Прими, моя Русь, от сыновних щедрот.

Я вмёрз в твою шкуру дыханьем и сердцем,
и мне в этой жизни не будет защит,
и я не уйду в заграницы, как Герцен,
судьба Аввакумова в лоб мой стучит.

1969

* * *

С Украиной в крови я живу на земле Украины,
и, хоть русским зовусь,
потому что по-русски пишу,
на лугах доброты, что её тополями хранимы,
место есть моему шалашу.

Здесь любое словцо небывало значимо
и, как в тайне, безмерны, как в детстве, чисты
осенённые светом тройного зачина
наши веси и грады, кусты и кресты.

Там, за ними тремя, как за дымкой Пролога,
ветер, мука и даль со враждой и тоской,
Русской Музы полёт от Кольцова до Блока,
и ночной Достоевский, и всхожий Толстой.

Как вода по весне, разливается Повесть
и уносит пожитки, и славу, и хлам
Безоглядная речь. Неподкупная совесть.
Мой таинственный Кремль.

Наш единственный храм.

О, какая пора б для души ни настала
и какая б судьба ни взошла на порог,
в мирозданье, где было такое начало –
Пушкин, Лермонтов, Гоголь,

– там выживет Бог.

1977

* * *

Между печалью и ничем
мы выбрали печаль.
И спросит кто-нибудь: «Зачем?»,
а кто-то скажет: «Жаль».

И то ли чернь, а то ли знать,
смеясь, махнёт рукой.
А нам не время объяснять
и думать про покой.

Нас в мире горсть на сотни лет,
на тысячу земель,
и в нас не меркнет горний свет,
не саянет Божий хмель.

Нам – как дышать, – приняв печать
гонений и разлук, –
огнём на искру отвечать
и музыкой – на звук.

И обречённостью кресту,
и горечью питья
мы искупаем суету
и грубость бытия.

Мы оставляем души здесь,
чтоб некогда Господь
простил нам творческую спесь
и ропщущую плоть.

И нам идти, идти, идти,
пока стучат сердца,
и знать, что нету у пути
ни меры, ни конца.

Когда к нам ангелы прильнут,
лаская тишиной,
мы лишь на несколько минут
забудемся душой.

И снова – за листы поэм,
за кисти, за роля, –

между печалью и ничем
избравшие печаль.

1977

ОДА ВОРОБЬЮ

Пока меня не сбили с толку,
презревши внешность, хвор и пьян,
питаю нежность к воробьям
за утреннюю свиристёлку.
Здоров, приятель! Чик-чирик!
Мне так приятен птичий лик.

Я сам, подобно воробью,
в зиме немилрой охолонув,
зерно мечты клюю с балконов,
с прогретых кровель волю пью
и бьюсь на крылышках об воздух
во славу братиков безгнёздных.

Стыжусь восторгов субъективных
от лебедей, от голубей.
Мне мил пройдоха воробей,
пророков юркий собутыльник,
посадкам враг, палаткам друг, –
и прыгает на лапках двух.

Где холод бел, где лагерь был,
где застыт крыльями засовы
орлы-стервятники да совы,
разобранные на гербы, –
а он и там себе с морозца
попрыгивает да смеётся.

Шуми под окнами, зануда,
зови прохожих на концерт!..
А между тем не так он сер,
как это кажется кому-то,
когда из лужицы хлебнув,
к заре закидывает клюв.

На нём увидит, кто не слеп,
наряд изысканных расцветок.
Он солнце склёвывает с веток,
с отшельниками делит хлеб
и, оставаясь шельма шельмой,
дарит нас радостью душевной.

А мы бродяги, мы пираты, –
и в нас воробышек шалит,
но служба души тяжелит,
и плохо то, что не пернаты.
Тоска жива, о, воробьи,
кто скажет вам слова любви?

Кто сложит оду воробьям,
галдящим под любым окошком,
безродным псам, бездомным кошкам,
ромашкам пустырей и ям?
Поэты вымерли, как туры, –
и больше нет литературы.

1977

ЧЁРНЕНЬКИЕ

Мелодрама в двух действиях

Действующие лица:

Сусанна Петровна
Фёдор Иванович
Василина Сергеевна
Мальчик

Всем взрослым персонажам – 40 – 50 лет.

Действие происходит в небольшом провинциальном городке, далёком от объектов культуры. Впрочем, есть театр и три кинотеатра.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Приличная, уютная, чистенькая, – именно чистенькая, а не чистая, – двухкомнатная квартирка, по антуражу которой видно, что хозяйка её – женщина. Следов мужского присутствия не замечается. Обстановка – стандартная, только стены украшены не коврами или картинами, а театральными афишами и фотографиями, среди которых выделяется одна: это фото лысоватого, рыхлого мужчины в очках весьма представительного вида. Позже окажется, что он чрезвычайно похож на Фёдора Ивановича. Много сухих букетиков, салфеточек с рюшечками, статуэток. Книги, впрочем, тоже есть.

В квартире – Сусанна Петровна и Фёдор Иванович.

СУСАННА ПЕТРОВНА (*гневно и в некотором роде даже взвинченно*). А я вам предлагаю, сударь, незамедлительно выйти вон!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Но почему?

СУСАННА ПЕТРОВНА. Потому что поведение ваше выходит за рамки приличий, принятых в цивилизованном обществе.

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Но ведь вы сами пригласили!

СУСАННА ПЕТРОВНА. Да, пригласила. В благодарность за оказанную вами услугу.

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Так отчего же выгоняете нынче?

СУСАННА ПЕТРОВНА. Оттого, сударь, что всему есть свои границы!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Но ведь вы сами деньги предлагали.

СУСАННА ПЕТРОВНА. Предлагала. Но, во-первых, – за что?

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. За что?

СУСАННА ПЕТРОВНА (*театрально*). Ах, оставьте! Вы сами прекрасно знаете.

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Да, но я думал, что мы с вами подружились и... и что я могу в этом случае рассчитывать на ваше внимание...

СУСАННА ПЕТРОВНА. С чего это вдруг?

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Ну, как же!

СУСАННА ПЕТРОВНА. Вы, сударь, цинично попёрли... попрали нравственные принципы человеческого общежития, вы нарушили нравственный закон... слышали что-нибудь о Канте?

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. О канте? Слышал. Рубчик такой окантовочный...

СУСАННА ПЕТРОВНА. Что, простите?

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Да что я такого сделал? Подумаешь, денег попросил...

СУСАННА ПЕТРОВНА. Да, сударь, попросили. Но ведь мы с вами практически не знакомы...

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Как это не знакомы? После всего, что между нами было?

СУСАННА ПЕТРОВНА. А что было-то? Я не придавала этому никакого значения. Ну, было. Один раз. И что? Я вам сама деньги за это предлагала. Я же понимаю, что вы бесплатно ничего не делаете.

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. А мне эти ваши деньги не нужны. Меня эти ваши деньги обижают. Вы пытались оплатить моё доброе, бескорыстное отношение к вам. Моё, можно сказать, влечение... душевное. Всем сердцем откликнулся я на ваш призыв. Бросил всё, что свято мне, всё, что дорого было в этот день! Жизнь свою, можно сказать, отринул! Ради вас! Ради вашего участия! Ради вашего внимания! Всё, что вы просили, – я сделал! Даже больше. (*С осуждением.*) А вы хотели заплатить мне.

СУСАННА ПЕТРОВНА. Ну, правильно. Вы помогли женщине в её женской беде, оказали неопенимую услугу, надо оплатить.

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Нет! Я прошу у вас других денег.

СУСАННА ПЕТРОВНА. Вот именно. Других! Это меня и возмущает. Вдобавок ваша услуга вовсе не стоит так дорого. Вы и времени-то

потратили всего ничего. Вы ж умелец. Без предварительной подготовки, без особого подхода. Взяли и сделали. Как будто бы это для вас ежедневная практика.

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Ну, не ежедневная, конечно. В юности я, например, каждый день этим занимался. У меня работа другая была. А потом другая работа появилась, и я вообще перестал этим заниматься.

СУСАННА ПЕТРОВНА. Но всё-таки, признаюсь, мне странно было слышать сумму, назначенную вами.

Фёдор Иванович снимает свой поношенный пиджак, под пиджаком у него мятая, несвежая майка.

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Ну, вы позволите всё-таки?

СУСАННА ПЕТРОВНА. Да, пожалуйста.

Фёдор Иванович заходит в ванную комнату, умывается.

ФЁДОР ИВАНОВИЧ (в процессе умывания). Знаете что, Сусанна Петровна? Давайте посмотрим на предмет нашего спора отстранённо. Машина у вас – тьфу, рухлядь!

СУСАННА ПЕТРОВНА (возмущённо). Ну, знаете!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Конечно, рухлядь! Ей же сто лет в обед! А я поступил, как настоящий мужчина... да! Другой бы мимо прошёл, а я не прошёл. Я не могу женщину оставить в беде. Я всегда готов прийти на помощь слабому существу. Поэтому меня так любят дети и собаки. Вот стоите вы на обочине, да ещё и в опасном месте и думу думаете... ну, открыли вы капот и что? Много вы там понимаете? Железяки какие-то, шланги, провода... что вы видите? Только какой-то едкий дым... или пар... вы даже не понимаете дым это или пар... (Выходит из ванной комнаты.)

СУСАННА ПЕТРОВНА. Ну, положим, понимаю!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ (очень убеждённо). Ни черта вы не понимаете!

СУСАННА ПЕТРОВНА. Что за выражения, сударь!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Это я ещё не выражаюсь. Вы бы слышали, что я говорю обычно, когда мне кирпич падает на голову. И так! Мало того, что у вас машина рухлядь, так ещё и прокладку между рулём и сиденьем надо заменить!

СУСАННА ПЕТРОВНА. На что вы намекаете?

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. И не намекаю, а прям так и говорю: прокладку между рулём и сиденьем надо заменить! Вдобавок ещё и блондинка!

СУСАННА ПЕТРОВНА. Ну, знаете! Я вам уже предлагала выйти вон!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. А вот и не выйду. Я хочу, чтобы вы мне дали!

СУСАННА ПЕТРОВНА. Что-о-о?

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Сатисфакцию! Да, я не удовлетворён ходом нашего знакомства. Удовлетворите меня!

СУСАННА ПЕТРОВНА. Вы, сударь, хам!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Я надеялся на ваше доброе отношение ко мне, на вашу дружбу и сердечную благодарность, я думал мы с вами станем добрыми приятелями... а вы... Я вам машину починил? Починил. Я вам про тосол объяснил? Объяснил. Я вам воды добыл? Добыл. А без меня у вас радиатор вообще бы развалился. Хорошо, что я помню ещё то время, когда у меня свой «Мерседес» был...

СУСАННА ПЕТРОВНА. У вас? «Мерседес»? Не смешите мне мозг!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Представьте себе!

СУСАННА ПЕТРОВНА. Да откуда у вас «Мерседес»? У вас, небось, и обед-то не каждый день! Ведь вы, сударь, самый настоящий бич! Бывший интеллигентный человек!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. А вот это не надо! Во-первых, я не бич, а бомж, что означает – без определённого места жительства. А во-вторых, интеллигентный человек не может быть бывшим! И я попросил бы вас... У меня есть чувство собственного достоинства! Я вам не бивень какой-нибудь! И я не позволю, чтобы всякая, понимаешь, блондинка, на меня тут наезжала!

СУСАННА ПЕТРОВНА. Тут! Что это значит – тут? Это, между прочим, моя квартира! И вас – тут – никто не держит! Блондинка! Блондинки ему, видите ли, не нравятся! А сами-то вы, сударь, кто? Синяк!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Ах ты... ах ты... А ты... а вы... А вы, сударыня... овца! Да! Всё! (С вызовом.) Первый тайм мы уже отыграли!

СУСАННА ПЕТРОВНА. Вон! Позвольте вам выйти вон! Вас здесь раньше не стояло! И впредь стоять не будет!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ(направляясь к выходу из квартиры). Ну и хорошо! Ну и замечательно! Вот прям больно хотелось мне тут у вас! Вот прям мечтал! Вот прям ночами не спал! Да пропадите вы пропадом! Сгиньте! Нечистая сила!

СУСАННА ПЕТРОВНА. Неправда ваша! Чистая! А вот вам помыться как раз и не мешало бы!

Фёдор Иванович решительно выходит, на прощанье хлопнув дверью.

СУСАННА ПЕТРОВНА (плача). Сволочь какая, а! Бомжара! Машину он мне, видите ли,

починил! Олень! Лось! Козёл, короча! Пришёл, понимаешь... порядки свои мне тут наводить... Тебя звали?.. Ой, звала же... Поблагодарить хотела... Умыться дать... возился человек, испачкался... мазут, гарь... Вот чего я взъелась? (*Задумывается.*) А чего он... Да вроде ничего... ну, ладно, блондинкой обозвал... а я ведь тоже его... Чёрт! Как нехорошо всё же получилось...

Звонок в дверь. Сусанна Петровна открывает. На пороге Фёдор Иванович.

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Извините, я у вас пиджак забыл.

СУСАННА ПЕТРОВНА(*примирительно*). Знаете что? Мы оба с вами погорячились. Вы согласны? Я вам благодарна за помощь... не знаю, чего я вдруг взъелась?

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Да... пожалуй... вы тоже извините... всё-таки я не бич... я искусствовед... я знаю, как следует вести себя с женщиной... Чего нам с вами делить? Детский сад, штаны на лямках...ей-богу!

СУСАННА ПЕТРОВНА. Давайте чай пить? У меня пряники есть...

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. А давайте!

Сусанна Петровна готовит чай, Фёдор Иванович, надев пиджак, садится к столу.

СУСАННА ПЕТРОВНА. А зачем вам всё-таки так много денег?

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Да разве это много? Подумаешь – пять штук баксов! Тоже мне состояние! У меня, если хотите знать, когда-то миллионы были! Долларов!

СУСАННА ПЕТРОВНА. Ну что вы врётё! Как не стыдно!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Отнюдь.

СУСАННА ПЕТРОВНА. Не верю! Мой учитель, Константин Сергеевич всегда так говорил!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Напрасно. Людям надо верить. Да, я в рубище сейчас... унижен, оскорблён... но не сломлен... и достоинства не потерял... да! Я ещё встану с колен! Я ещё покажу миру, кто я таков! Я ещё верну что у меня было. А в сирости и убогости моей тоже много смысла есть. Вот полюбите меня чёрненьким, потому что беленьким меня и так всякий штырь любил. Знаете как мне бабы... то есть, женщины на шею вешались? Не знаете... Ещё как вешались! Увидят меня на улице... и сразу! В воздух лифчики бросают! Танцы эротические... вот это... (*Изображает какие-то замысловатые танцевальные движения.*) Детей умоляли от меня! Федя, сделай мне ребёнка, Федя, сделай мне ребёнка! Я даже по телевизору выступал. Меня губернатором хотели сделать. У меня на руке часы были от

Картье, а костюмы я носил от Гуччи... (*Машет рукой.*)... да что там вспоминать...

СУСАННА ПЕТРОВНА. А у меня поклонников! Вы даже представить не можете! У меня поклонников просто толпы были!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Я не вру, честное-благородное! Первые деньги знаете, как я сколотил?

СУСАННА ПЕТРОВНА. Как?

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Танки продавал.

СУСАННА ПЕТРОВНА. Та-а-анки? Как это?

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Очень просто. Разве танки нельзя продавать?

СУСАННА ПЕТРОВНА. Так они ж государственные...

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. И что? Запросто можно продать, даже и государственные. Вчера государственные были, а сегодня – наши. Сейчас вообще все так делают. Потому что всё вокруг колхозное, всё вокруг моё. Пришёл бюджет... деньги вроде как народные... ан нет... их попилят маленько: это – себе, это – Остап Ибрагимычу, это снова себе, это опять себе... и всё! Остап Ибрагимыч шоколаде... и тот, у кого пила в руках... а народ нехай в огороды идёт – там хрен без масла подрастает... И никто, ничего... иди доказывай! Всё отпиленное – уже в оффшорах! Так и я – танки...

СУСАННА ПЕТРОВНА. Ну и как вы, как? Мне же интересно...

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Ну... лихие девяностые, всё такое... открываю раз «Вечёрку», а там – объява: продаю, мол, танки... и телефончик, конечно... я позвонил, подъехал, познакомился... прапорщик, как сейчас помню... пожилой такой мужик... конкретный такой прапор... повёз меня в свою воинскую часть: глянь, говорит, чё у меня есть! Ну, я смотрю – три танка, вполне себе нормальные, правда, не на ходу... их списали, оформили, как металлолом... ну, и всё, дальше дело техники, – пошёл на товарно-сырьевую биржу, договорился с ребятами и продали эти долбанные танки! Думаю, и сейчас бороздят где-нибудь просторы... в Зимбабве каком-нибудь, простихоспади...

СУСАННА ПЕТРОВНА (*воодушевлённо, в желаниии перецеголять*). А у меня... я главные роли всегда играла! У меня муж – главный режиссёр был! Джульетту играла... Анну Каренину, эту... Дездемону! Ма-а-арию Стюарт, между прочим, играла... да! У моих ног весь город был! А в театральном училище мне говорили, что я – Ермолова! Или даже Сара Бернар!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. А я... я чукотский язык знаю! Потому что я потом ещё бронетранспортёры продавал! Чукчам!

СУСАННА ПЕТРОВНА. Не может быть!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Ещё как может! Целое подразделение! Или как там? Дивизию, что ли? Неважно, короче! Продал, да и всё! Им нужно! У них там снегу – по грудь! Олени еле пробиваются... ягель даже не могут достать... Как я там жил! Как король! Выхожу я снегом чистым, вызываю девок свистом! Эх! Какие девки там были! Мы поедем, мы помчимся на оленях утром ранним... Вот и продал им бронетранспортёры! Как девки на них рассекали!

СУСАННА ПЕТРОВНА (*подперев щёку рукой, задумчиво смотрит на собеседника*). Здорово... надо же... слушайте, Фёдор Иванович! А давайте мы с вами прикоснёмся к возвышенному?

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Это как?

СУСАННА ПЕТРОВНА. Да выпьем! Как...

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. А что? Дельная мысль... это предложение, от которого невозможно отказаться...

Сусанна Петровна достаёт из шкафчика початую бутылку водки, два стакана. Фёдор Иванович разливает.

Ну-у-у... (*Поднимает стакан.*) За знакомство!

СУСАННА ПЕТРОВНА. За доброе знакомство!

Чокаются, пьют. Закусывают пряниками.

Ой, что ж я... хозяйка! У меня огурцы малосольные есть! (*Достаёт огурцы*).

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Вот это да! (*Снова наливает*). Ну... между первой и второй...

СУСАННА ПЕТРОВНА. ... перерывчик небольшой...

Чокаются, пьют.

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Так что там дальше-то?

СУСАННА ПЕТРОВНА. Где?

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Ну, Дездемона там... Анна Каренина...

СУСАННА ПЕТРОВНА. А! Так я блистала! Да! Мне рукоплескали!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Вы, наверное, и в кино снимались!

СУСАННА ПЕТРОВНА. Конечно! То есть, нет! Меня приглашали, очень часто приглашали... постоянно приглашали... Меня Тарковский приглашал! Сокуров! Никита Михалков даже приглашал! А вы как думали?

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Правда?

СУСАННА ПЕТРОВНА. Конечно! Только я отказывалась! (*Гордо*). У меня с ними это... художническое видение не совпадало!..А про других я вообще молчу! Разве это режиссёры? Что снимали? Как снимали? Туши свет, бросай

гранату! А сценарии! Сталевары! Слесари! Плотники! По три часа производственные планы обсуждали! Моральный облик строителя коммунизма!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Ну, это да...

СУСАННА ПЕТРОВНА. Мне зачем? Я за границей снималась!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Серьёзно?

СУСАННА ПЕТРОВНА. Да!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. А-а-а! То-то я смотрю – где же я вас видел?... я вас у Феллини видел! Точно! И у Куросавы! «Семь самураев»!..

СУСАННА ПЕТРОВНА. Но в театре я больше... Париж, Лондон, Венеция... Бродского видела в Венеции...Знаете Бродского?

ФЁДОР ИВАНОВИЧ(*иронически*).Ну неужели... Вот, например...

... вот и прожили мы больше половины.

Как сказал мне старый раб перед таверной:

«Мы, оглядываясь, видим лишь руины».

Взгляд, конечно, очень варварский, но верный...

СУСАННА ПЕТРОВНА. О-о-о-о... И вы не чужды...

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Ну, правильно, я ж искусствовед...

СУСАННА ПЕТРОВНА. Серьёзно?

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Да это всё в прошлом уже... так как там Венеция-то?

СУСАННА ПЕТРОВНА. Да что Венеция!.. меня в королевскую оперу приглашали... я ведь и пою тоже... скоро поеду, а то наш театр как-то умирает уже... то голые по сцене бегают, то пьяные, то «Тангейзер» какой-то не такой... а драматурги! Что пишут! Или про извращения, или про ангелов-архангелов... и всё это дело – в сумасшедшем доме! А то такое принесут... не текст, а пособие прям по ненормативной лексике... мать-перемать, не с кем в шахматы сыграть! И непонятно ничего! А в театре главное что?

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Что?

СУСАННА ПЕТРОВНА. Видно, слышно, понятно!А серьёзное на театре сейчас не поставишь. Вот мой муж... покойный (*Показывает на фотопортрет*)... «Три сестры» поставил. Не нужно! Не хотят смотреть! Уходят! Потому что непонятно! А я вот Джульетту играю... ну, драку ещё смотрят, ладно... как Меркуцио с Тибальдом, помнишь там? Им даже сцена на балконе не очень как-то... им интим подавай! Чтобы голые по сцене! И чтобы тютелька в тютельку... (*Делает неопределённый жест рукой*). Понимаешь? А я смотрю в зал и думаю: какие же вы всё-таки твари бездуховные... Буратино и Скарлатина... и ещё диктуют нам...

ФЁДОР ИВАНОВИЧ (*глубокомысленно*). Да, бездуховность очень большая в обществе, очень большая...

СУСАННА ПЕТРОВНА. Эх! Да что говорить! Давай лучше выпьем!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Давай!

Наливает. Чокаются, пьют. Хрустят огурцами.

СУСАННА ПЕТРОВНА. А деньги зачем?

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Какие деньги?

СУСАННА ПЕТРОВНА. Ну, ты деньги просил...

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. А-а... не, не надо... зачем? вообще неудобно...я раздумал...

СУСАННА ПЕТРОВНА. А что хотел? Купить что-то хотел?

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Да не, детям хотел...

СУСАННА ПЕТРОВНА. У тебя дети есть?

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Не, у меня нету... уже нету... Чужим детям хотел. Знаешь, у нас детдом на Советской? Детский дом.

СУСАННА ПЕТРОВНА. Ну...

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Там дети. Сироты.

СУСАННА ПЕТРОВНА. И-и?

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Я тебе объясню. У меня были дети. Свои. Мальчик и девочка. Близнецы. Миша и Маша. Танцевать любили. Они всю жизнь – балльные танцы. Маша хотела сначала в балет идти. А потом ножку поломала... знаешь, как плакала? И в балет её не взяли. Ну, мы её тогда сразу на балльные танцы – р-раз! А Миша, тот сначала народные танцевал... такой парень был талантливый... он и жанровые,и вообще... А как он матросский танец отжигал! Эх, яблочко, куды котисься, в Губчека попадёшь, не воротишься...

Из глубины сцены выходит белобрысый мальчик лет шести в матросском костюмчике, лихо отплясывает «Яблочко».

Как он танцевал! Как бог! Ну, потом они оба балльными увлеклись и вдвоём, вместе так и стали... Знаешь, как мы с женой гордились! Она ж у меня тоже – искусствовед была... Они призы там всякие, медали... соревнования, поездки... а потом в Америку полетели. Первое место взяли! Ты не поверишь! А потом – раз, и всё! Умерли!

СУСАННА ПЕТРОВНА (в шоке).Ка-а-ак?

ФЁДОР ИВАНОВИЧ (зло). Да просто! Самолёт упал! Знаешь, как самолёты падают? Взял и упал! Сломалось что-то... а может, пилоты... Брякнулся об землю и всё! (Плачет.) И медали пропали... и детей нет... А я с горя пить начал. Всё пропил! Машину, дом, бизнес! Часы пропил! Представляешь? Картье! (Плачет сильнее.) Друзья бросили! Жена – бросила! Никто не пожалел! Никто! Представляешь?

СУСАННА ПЕТРОВНА. Я пожалею... пожалею... иди ко мне... (Обнимает его, гладит

по головке.) Не плачь. Не надо плакать. Всё ещё наладится!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Ага, наладится! Мне уже полтинник скоро! Какое наладится! Эх! Вот я и остался без жены, без детей... А потом иду по Советской, глядь – детский дом. Захожу туда, а там – дети...

СУСАННА ПЕТРОВНА. Ну, правильно...

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Там дети... набежали гурьбой – папа, папа! А куда мне деваться? Я и там – плакать... Они мельтешат передо мной – черноглазые, голубоглазые... а я их макушки трогаю, и у меня слёзы – сами собой... представляешь – сами собой...

Сусанна Петровна всхлипывает.

Вот я и стал заходить к ним.Насобираю бутылок по городу, сдам и конфеты им... Или яблоки... У них же нет ничего. Они ж сироты. Знаешь, как там кормят? И дай бог тебе не знать! Я и то, наверно, лучше питаюсь. Ну, вот... и я хочу, значит, этих детей – на Канары!

СУСАННА ПЕТРОВНА. Куда-а-а? На Кана-а-ары? Ты что – чумачечевый?

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. А что такого? Дети на море никогда не были. Я хочу их на море! В память о своих детях. Что здесь такого? Ничего особенного. Снимаю им там коттедж, беру билеты... правда, самолёт опять... Ну, может, поездом как-нибудь доедем... И всё! Я и с директором договорился! А с министерством они сами договорятся...

СУСАННА ПЕТРОВНА(сочувственно, проникнувшись услышанным). Слушай, ты, наверное, есть хочешь?

ФЁДОР ИВАНОВИЧ (возвращаясь в реальность). Да, хочу. А у тебя и еда есть?

СУСАННА ПЕТРОВНА. Есть. Колбаса есть. Бутерброд с колбасой будешь?

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Буду. Если у тебя ещё что есть, ты давай. А то я уже два дня не ел. Денег-то нет совсем. Конфеты детям купил.

СУСАННА ПЕТРОВНА. Знаешь, Федя... ты пока в душ иди, а я тебе тут бутерброды...

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Правда?

СУСАННА ПЕТРОВНА. Иди, иди... а, погоди...

Достаёт из шкафа чистое полотенце, махровый халат, полотенце вешает ему на плечо, халат даёт в руки.

Вот. Давай.

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Благодарствую, сударыня.

Уходит в ванную комнату.

Сусанна Петровна готовит бутерброды.

Потом достаёт из шкафа чёрный мужской костюм на плечиках, – осмотрев его, вешает на ручку шкафа.

СУСАННА ПЕТРОВНА. В самый раз будет...

Слышен звонок в дверь.

Наверное, два миллиона долларов принесли... что это они? на ночь глядя... или килограмм брильянтов...

Открывает дверь. Входит Василина Сергеевна.

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Бонжур, соседка! Забери пьесу! *(Плюхает в руки Сусанне Петровне пачку бумажных листов.)* Не нравятся мне эти современные пьесы! Ну что это такое! Чернуха, порнуха и сталинуха! Прямо хоть из профессии уходи! Напишите же светлое что-нибудь! Доброе напишите! Сколько можно всякие ужасы показывать? Ладно, пускай не комедия, пускай драма, но надо же героев жалеть! Театр – это жалость к человеку!

СУСАННА ПЕТРОВНА. Ой, что это ты сегодня такая возбуждённая? Голодная, что ли? Садись, у меня бутерброды есть.

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Да потому что надоело! Тебе-то ещё хорошо! Ты Джульетту до сих пор играешь! А мне с моими аргументами... *(Выпячивает грудь.)* Какая из меня Джульетта? С такими аргументами только Кормилицу играть...

СУСАННА ПЕТРОВНА. Ладно-ладно, прибудняешься мне тут... Радуйся, что тебе вообще роли дают! Тоже мне, звезда огородов! Вот выпрут тебя на пенсию, будешь тогда мемуары строчить: вспоминаю тот матрас, на котором в первый раз...

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Да ты пьяна, матушка! С горя или с радости? У нас же репетиция утром!

СУСАННА ПЕТРОВНА. Ну и что? Я к утру – как стекло... Давай я тебе тоже налью.

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. С ума сошла? Я после шести не пью.

СУСАННА ПЕТРОВНА. А до?

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Ой, вот тока не надо мне сюда! Не надо мне эти намёки намёкивать. На себя посмотри! *(Пауза.)* Впрочем, налей!

Сусанна Петровна берёт третий стакан, наливает подруге, себе. Чокаются, пьют.

СУСАННА ПЕТРОВНА. Й-е-эх!

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Й-у-юх! *(Хрустит огурцом.)* А чёй-то у тебя стакан лишний?

(Прислушивается к шелесту душа). У тебя – кто? Ты с кем тут?

СУСАННА ПЕТРОВНА. Ни с кем!

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. А стакан?

СУСАННА ПЕТРОВНА. Да какое твоё дело... стакан, стакан...

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Ты чёгрубись... ты мне не груби... *(Увидев костюм.)* Ой! Покойника костюм! Исидора Францевича! На что он тут?

СУСАННА ПЕТРОВНА. Надо!

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Ах, вот оно что... А ну, колись!

СУСАННА ПЕТРОВНА. Да чего колись... Хороший человек. Детей любит. Сегодня познакомились.

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. И сразу – детей любит? С ума сошла? Он кто?

В этот момент из ванной выходит Фёдор Иванович – с мокрой головой, с полотенцем в руках и в банном халате.

ФЁДОР ИВАНОВИЧ *(не заметив Василину Петровну, торжественно.)* Я чист как младенец, а помыслы мои ещё чище, чем тело!

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Упс!

СУСАННА ПЕТРОВНА. Познакомьтесь, пожалуйста! Фёдор Иванович – Василина Сергеевна!

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Что-то мне лицо ваше знакомо! Ваша фамилия – не Игорь Косталевский? Нет? Не Андрей Миронов? Нет? Может, Александр Домогаров? А-а! Владимир Машко-о-о-в... *(Повернувшись к Сусанне Сергеевне.)* Сусанка! В шею гони его! Чё глазами лупаешь? Гони, говорю! Это ж аферист! Это ж бомжара с соседнего двора! Сумку с картошкой хотел отнять!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Сударыня! Сударыня! Я не хотел сумку, я помочь хотел, я думал, вы хоть копеечку дадите... или пару картошек... а вы же ничего... ни картошек даже...

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Ой, вот только давайте не будем сюда! Сусанка! Он ограбит! Он же ограбит тебя!

СУСАННА ПЕТРОВНА. Ты что, совсем, что ли, дура? Это хороший человек... он мне машину помог... он детей любит...

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Какую машину, каких детей? Это бандит!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Я попросил бы, сударыня! Я не бандит! Я, между прочим, искусствовед!

СУСАННА ПЕТРОВНА. Ты ж говорил вроде – бизнесмен... танки продавал и всё такое...

ФЁДОР ИВАНОВИЧ *(неловко оправдываясь).* Это я потом – бизнесмен, а сначала – искусствовед!

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Вот, слушай его! Врёт всё! У-у, аферюга! Какой ты искусствовед? Ты в зеркало на себя давно смотрел? Ты ж по винным этикеткам искусствовед!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Неправда ваша! Я кандидат... этого... неважно в общем! Я специалист по рококо и барокко!

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА (*насмешливо*). Что?

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Да! Джамбаттиста Тьеполо! Франсуа Буше! Да, да! Антуан Ватто!

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Ни хрена себе!

СУСАННА ПЕТРОВНА. Вот! Я же говорила тебе!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ (*добивая*). Да! А вы как думали? Жан Оноре Фрагонар! Вот так вот!

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Ну, вы, блин, даёте!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Может быть, вы, сударыня, слышали что-то о Джорджо Вазари? «Жизнеописание знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих»... настольная книга... слышали, слышали?

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА (*наливает водку в стакан, пьёт залпом*). Звезда в шоке!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Я даже из Плиния Старшего могу! Хотите? Трактат по античному искусству... (*Закидывает полотенце на плечо, становится в позу.*)

СУСАННА ПЕТРОВНА (*перебивает*). Я же говорила! А ты не верила!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Смотрите, сударыни! Я же не просто так картошку... знаете зачем? (*Поднимает палец.*) Я вообще неспроста бомжую... Я роман хочу написать... Я ж писатель ещё...

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА (*иронически*). Да ты чё...

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Да-а! Я и так уже кучу книг написал... слышали про премию Букера?

СУСАННА ПЕТРОВНА. Слыхали...

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Ну, допустим...

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Так я её лауреат! И денег отвалили! Правда, я их в детский дом отдал.

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Врёшь!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Не вру! Ей-богу! Святой истинный крест! Я же православный! И, между прочим, мне ещё Государственную скоро дадут!

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Ну, ведь врёшь, врёшь! Не может такого быть!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Да как не может? Почему? Вот я напишу сейчас роман... я зачем на улице? я зачем картошку просил? потому что я жива-а-аюсь... понимаете? жива-а-аюсь... вы ж актрисы... как вы роль делаете? (*Сусанне Петровне.*) Вот как вы, Сусанна Петровна, делаете роль Джульетты?

СУСАННА ПЕТРОВНА (*горячо*). Это очень трудно! Очень! Это так трудно, как... я не знаю что! Мне скоро пятьдесят! А ей – четырнадцать! Четырнадцать! Понимаешь? Я что делаю? Я вспоминаю свою первую любовь... мальчик был у нас, в школе... вихрастый такой мальчишка... симпатичный, боевой... вот я в него влюбилась... Он идёт, я краснею, он смотрит, я бледнею... он спрашивает что-то, а я... немею... Вот как надо любить! Безоглядно, до смерти! Понимаешь? И я вживаюсь... вспомню мальчика и начинаю вживаться в эту роль... вот встанет он у меня перед глазами, и всё! Бледнею, краснею и немею! И передо мной уже не заслуженный артист Иван Иванович в роли Ромео, а первая моя любовь... и у меня – слёзы на глазах... потому что когда первая любовь – всегда слёзы на глазах...

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Вот! Вы вживаетесь! И я вживаюсь! Я напишу роман о нищем художнике... как Ван Гог... как Пиросмани... я напишу, как художник жил под лестницей, как он голодал, как ему пожалели две картошки! Как ему отказали в понимании, в любви! Как ему не хотели верить! Лучшим побуждениям его не хотели верить!

СУСАННА ПЕТРОВНА. Мы верим, верим! Я знаю, дорогой, что ты ничего – для себя! Ты всё людям! Ты книги – людям... а! ты ж искусствовед! (*Торжественно.*) исследования по рококо – тоже людям! Ты даже танки – людям! Я знаю зачем! Чтобы они защищали свою мирную жизнь, чтобы никто не посягал! Потому что ты гуманист! Ты конфеты – детям! Ты сам недоедал, а конфеты – детям! Ты Альберт Швейцер – вот ты кто! Ты даже мать Тереза! Тебя люди не забудут, ей-богу, не забудут! А я тебе сейчас дам! Дам! (*Василине Сергеевне.*) Ты, Вася, не сомневайся, он хороший человек... он просил – я дам! (*Выбегает в соседнюю комнату.*)

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА (*озадаченно*). Чё она даст-то?

ФЁДОР ИВАНОВИЧ (*делая неопределённые круги руками*). Плохого, я думаю, не даст.

СУСАННА ПЕТРОВНА (*из другой комнаты*). Я всё дам, что он попросит. Всё, что нужно. Потому что он – не себе. Он детям!

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Чё тут у вас ваще? Вы давно выпиваете? Или я сама лишку хватила?

Сусанна Петровна возвращается из другой комнаты с деньгами в руках.

СУСАННА ПЕТРОВНА. Вот! Почти четыре тысячи! Долларов! Больше нету. Ей-богу, последние. Потрудитесь посчитать!

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Ты чё, Сусанка? С дуба рухнула?

ФЁДОР ИВАНОВИЧ (*удивлённо*). А вы, Сусанна Петровна, такие суммы дома храните?

СУСАННА ПЕТРОВНА. Бери!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Не, не, не надо! Я не буду... я передумал... я потом уже... да это лишнее, Сусанна Петровна, ей-богу, лишнее... что вы в самом деле!

СУСАННА ПЕТРОВНА. Бери!

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Ты с какого ему бабки даёшь? Ты чё, с ума сошла? Нахрена ему баксы? На хрена ему стока баксов?

СУСАННА ПЕТРОВНА. Это не ему! Это для детей! Пускай дети на Канары поедут! Они моря даже не видели никогда! Вот ты видела море?

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА (*растерянно*). Я? Видела... Ичё?

СУСАННА ПЕТРОВНА. Ну, вот! А они – не видели! А теперь увидят!

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Знаешь что? Вот я тебе скажу...ты чё, совсем свихнулась? Ты блаженная? Правильно Исидор Францевич говорил: она, мол, у меня того... (*Крутит рукой возле головы*)... Ты кому бабки даёшь?

ФЁДОР ИВАНОВИЧ (*испуганно*). Не надо, не надо... не надо мне ничего...

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА (*наступая на него*). Не надо тебе? Ах, не надо тебе! Ты что удумал, гадёныш? Ах ты... искусствовед, мать твою за ногу! Сусанка! Глянь на него! Какой он искусствовед? Это же синяк!

СУСАННА ПЕТРОВНА. Не синяк! Он мне машину починил! У него дети погибли! (*Плачет*.) Жена ушла! Его никто не любит!

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Ой, тока вот не надо мне сюда! Чё ты слушаешь его? Посмотри в эту рожу! Посмотри в его лживые глаза! Он лапшу вешает! Вот такой вот (*Показывает*.) развесистый «доширак»! Совсем дура! Ты чё – ночевать его?

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Да не, не, я домой скоро пойду...

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. А тебя ваще не спрашивают! У тебя права голоса нету! Понял?... гадёныш...

СУСАННА ПЕТРОВНА. Вася, да что с тобой такое?

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Какое? Проснись! Счастлив тот, кто навевает человечеству сон золотой! Тебе сон какой-то навевали! Ты же лохушка! Ночевать ему! Ты что, думаешь он у тебя на коврике спать будет? Как собачка? Ошибаешься! Он придёт и изнасилует тебя!

СУСАННА ПЕТРОВНА (*Фёдору Ивановичу, с надеждой*). Правда?

ФЁДОР ИВАНОВИЧ (*в панике*). Нет! Нет!

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Ещё как да!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Да разве я могу?

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА (*вкладывая дополнительный смысл, с издёвкой*). А что, типа, не можешь?

СУСАННА ПЕТРОВНА. Да что ты такое говоришь, Вася!

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Правильно я говорю! В шею его, короче! Пускай проваливает! Слышь, ты, искусствовед! Проваливай давай! Тебе здесь не светит. Понял, нет?

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Да как же...

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. А вот так! Проваливай и всё! Пока тебе здесь обструкцию не устроили! (*Легонько подталкивает его к выходу*.) Давай-давай, делай ноги...

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Да я ведь... я ж как лучше хотел...

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Ага – как тебе лучше... Тока так не будет! (*Подходит к нему совсем близко*.) Давай, делай! (*Подталкивает его бюстом*.) Свободен, искусствовед! Ты летишь, как фанера над Парижем!

Фёдор Иванович резко поворачивается и, не снимая халата, быстро выходит из квартиры.

СУСАННА ПЕТРОВНА (*почти одновременно со звуком закрывшейся двери*). Нет!

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Да! Да, моя дорогая! Всю жизнь тебя облапошивают... Если бы не Исидор Францевич... Чё ты доверчивая такая? Чё ты в рот-то всем смотришь? Я понимаю – ты актриса... романтическая натура, всё такое... Ноними же наконец розовые очки! Пора бы уже, – чай, не девочка!

СУСАННА ПЕТРОВНА. Он хороший. Все люди хорошие. А ты – злая!

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Я – нормальная. Нельзя никому верить – это раз. Нельзя никого любить – это два. Нельзя никому открывать душу – это три. И дверь своего дома – четыре! Я тоже актриса, но у меня этих штучек твоих инфантильных нету! Я твёрдо на земле стою! А ты в облаках витаешь, в розовых закатах... Ах, Пушкин, ах, Блок, ах, любовная лирика... Жизнь – это тебе не зефир, жизнь – это твёрдая почва... об неё морду разбивают!

СУСАННА ПЕТРОВНА (*плачет*). Он добрый... он детям хотел... а ты всё сломала...

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Опять двадцать пять! Да что ж это такое! На колу мочало, начинай сначала! Эх, нету Исидора Францевича, он мозги-то тебе вставил бы на место! Иди бабки убери, дурёха!

Сусанна Петровна машинально встаёт, уходит в другую комнату, через минуту возвращается.

Ну... лохудра моя... иди ко мне... эх, ты... чудо в перьях...

Хохочут.

СУСАННА ПЕТРОВНА. Слушай, снимай уже! Я тебе костюм приготовила. Это Исидора Францевича костюм... чистый, из химчистки... *(Со вздохом.)* давно висит...

Даёт ему костюм. Фёдор Иванович уходит в соседнюю комнату, возвращается переодетый.

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Спасибо! Как влитой.

СУСАННА ПЕТРОВНА. Исидор Францевич на работу в нём ходил... Знаешь, как его женщины любили... всё были готовы для него! А он – нет! Он меня любил. Он вообще – ни с кем, никогда! Представляешь? Редкой души был человек! Мы с ним когда в Мисхор ездили... там все бабы на него вешались. А он, между прочим, внешне – ну... на любителя, знаешь... В смысле – на любительницу... пухленький, лысенький, в очочках... Пальчики у него были такие... детские как бы... Но он был гигантского ума человек! Стихи писал! Какие он писал стихи! А спектакли его – по всей области гремели! Его бы в столицу... он бы всех затмил! Знаешь, как он ухаживал? Такой был человек обходительный... цветы, шампанское, ночи под луной... мы с ним на лодке катались по реке, и он мне – монолог Ромео... представляешь? У меня сердце – прям как шоколад в горячих руках... *(Всхлипывает.)* Как я его любила... как же я его любила... *(Неожиданно.)* Слушай, давай спать!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ *(растерянно).* Спать?

СУСАННА ПЕТРОВНА. Ну, конечно! Поздно уже... а у меня репетиция завтра...

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Ну, давай... спать, так спать... а я думал, посидим ещё...

СУСАННА ПЕТРОВНА. Не, сейчас – спать. Завтра посидим. Вот тебе бельё, одеяло *(Достаёт из шкафа бельё и одеяло.)* Здесь ляжешь, на диване, а я – в спальне.

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. В спальне?

СУСАННА ПЕТРОВНА. В спальне.

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Да ничего... не надо на диване... я на коврик лягу, у дверей...

СУСАННА ПЕТРОВНА. С ума сошёл?

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Да нормально... зато спокойно... я тебя охранять буду...

СУСАННА ПЕТРОВНА. Голову давай не морочь! Ложись, как положено! Всё, я пошла. Спокойной ночи!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Спокойной ночи!

Пройдясь по комнате, берёт одеяло, разворачивает, потом сворачивает, кладёт на место, идёт к коврику у двери, ложится. Лежит на спине, подложив руки под голову.

Хорошая женщина... мечтательная... душа у неё... только такая душа может чувствовать другую душу... хотя с другой стороны – несправедливость... ведь я тоже человек высокого духа... ну... и у неё есть аж четыре тысячи долларов... нет, нельзя... никак нельзя, ведь она меня приютила, доверилась... лучше на эту Ваську проклятую нападу! Встану за углом, а она идёт... булками своими тых-тых, тых-тых... бац ей пыльным мешком по голове! Бац ещё раз! Чтоб не выступала! И получечку – р-р-аз так из сумочки! А вот так вот! Не будет клепать на живого человека! Какой всё-таки бездуховный мир вокруг... никто тебе ничего... погибай тут один, как шавка! *(Всхлипывает.)* Враждебный мир... холодно, темно и страшно...

Ложится набок, сворачивается калачиком и засыпает.

Звучит музыка. Танцует, входит Сусанна Петровна. На ней нечто полупрозрачное, развевающееся, а сам танец весьма эротичен. Останавливается на минуту перед Фёдором Ивановичем, театрально простирая к нему руки.

СУСАННА ПЕТРОВНА. Спит! Душка! На коврик спит около двери! Как собачка! Охраняет меня! Надо же, какой трогательный... почти как Исидор Францевич! Милый, милый... ис-кусс-тво-вед! А машину-то как хорошо починил... золотые руки... вот он, я думаю, этими руками... как, я думаю, он этими руками... *(Сладострастно закатывает глаза, поглаживает себя.)* а похож как на Исидора Францевича!.. тоже пухленький, лысенький... и тоже в очочках...Ро-ко-ко... Душка, да... Нет! *(Прижимает тыльную сторону ладони к глазам, эротично изгибается.)* Нет! Я не должна! Ведь я барышня! Мне конфузно! Впрочем, не так... *(Складывает руки на груди, словно молится.)* Господи, спаси и сохрани от телесного соблазна, ведь я вдова и должна свято блюсти память о почившем муже...Нет, не так! *(Принимает строгое выражение лица.)* Сударь! Держите себя в рамках приличий! Я вдова, и посему извольте уважать моё вдовье достоинство... Потрудитесь извиниться! Нет, это тоже как-то не так... Ну, не знаю тогда... Вот Исидор Францевич сделал бы мизансцену! Зрители бы обрыдались... *(Снова протягивает руки к Фёдору Ивановичу.)* Дорогой мой! Не спи! Судьба стучится в твои двери! Как же мне его жалко... дети упали с самолёта... А как он чужих детей любит! Хороший человек, добрый... Спит! Полюбуйся на него! Спит как младенец... Хоть бы уж изнасиловал, что ли...

Продолжая танцевать, исчезает в спальне.

Музыка утихает.

Затемнение.

Через несколько мгновений наступает рассвет. Слышен романтический посвист птиц. Сусанна Петровна в домашнем халате выходит из спальни.

СУСАННА ПЕТРОВНА. Как не стыдно, Фёдор Иванович! Ай-яй-яй! Ну, кто же спит на коврик у двери? Вы же не собачка! Ну-ка, подьём! Быстро! На зарядку становись!

Фёдор Иванович с трудом встаёт.

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Доброе утро!
СУСАННА ПЕТРОВНА. Э-э... минуточку...

Берёт одёжную щётку, чистит костюм Фёдора Ивановича.

Ай-яй-яй... как можно? Дорогой мой человек...
ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Да я чтобы не стеснять... неудобно же...
СУСАННА ПЕТРОВНА. Ладно-ладно... Сейчас завтракать будем... Пожалуйте, барин, умываться!

Фёдор Иванович уходит в ванную, Сусанна Петровна готовит завтрак. Через минуту Фёдор Иванович снова появляется.

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Сударыня! Благодарю вас за тёплый приём! Позвольте мне сей же час откланяться!
СУСАННА ПЕТРОВНА. Но сударь! А как же наша утренняя трапеза?
ФЁДОР ИВАНОВИЧ (*чопорно*). Благодарю! Сыт! Меня жду неотложные дела. Впрочем, глоток кофе я изволю выпить...

Берёт со стола чашку, делает глоток.

Благодарю, сударыня! Отменный кофе, смею вас уверить! Засим позвольте удалиться!
СУСАННА ПЕТРОВНА. А как же дети, Федя?

Гремит дальний гром и через мгновение слышится шум начавшегося дождя.

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Какие дети?
СУСАННА ПЕТРОВНА. Из детдома! Ты разве забыл?
ФЁДОР ИВАНОВИЧ. А, дети... ну что ж дети... дети – да... (*Мнётся.*)
СУСАННА ПЕТРОВНА. Ну, что ты мнёшься? Мы разве не будем детей на Канары отправлять?
ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Э-э-э... как бы да...
СУСАННА ПЕТРОВНА. Что значит «как бы да»? Будем или не будем? Да что с тобой говорить! Конечно, будем! Я решила, что будем!

Уходит в спальню, возвращается, неся деньги.

Вот!.. Слушай, я только пятьдесят долларов себе оставляю, ладно? а то у меня получка когда ещё...
ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Не надо! Я передумал. Зачем это? Дети – сами... а мы – сами... Я думаю, это лишнее!
СУСАННА ПЕТРОВНА. Как лишнее! Ты что! Почему лишнее! Кто о них позаботится? Они ж сироты! Бери, тебе говорят! Без разговоров!

Снова слышны раскаты грома.

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Ну, ладно... а я отдам! Честное-благородное, отдам! Ей-богу! Как только заработаю, так сразу и отдам. Я ведь скоро опять этим... искусствоведом... Да и за книгу премию должен получить... я ж её уже почти написал...
СУСАННА ПЕТРОВНА. Вот и славно! С богом, Федя!

Открывает дверь, Фёдор Иванович уходит.
Сусанна Петровна наливает себе кофе, делает бутерброд.
Звонок в дверь.

Забыл что-то. Или важные слова хочет сказать...

Открывает. Входит Василина Сергеевна.

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Чё ты копаешься! На часы не смотрела? Репетиция! Опять выговор при всех будем получать? Тебе приятно? Ты чё, девочка, гимназистка? Оно тебе надо?

Замечает висящий на спинке стула халат Фёдора Ивановича.

Это что? Это как? Он что, снова приходил? (*В ужасе.*) Он что, ночевал у тебя? Ну, ты ненормальная... это же не человек... это же – пре-ступ-ник! Бандит! А-а! (*Догадавшись вдруг.*) Ты ему деньги дала! Он у тебя баксы выманил! Ты что наделала? Ну, ты же дура блаженная! Разве я тебе не говорила?
СУСАННА ПЕТРОВНА. Он отдаст!
ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА (*кричит*). Отдаст он тебе! Жди! Это аферист! Аферисты денег не отдают! Забудь о них! Попрощайся со своими деньгами!
СУСАННА ПЕТРОВНА (*запальчиво*). Отдаст!
ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Вот тебе отдаст! (*Суёт ей кукиш под нос.*) Я за ней хожу, я за ней смотрю... а она... эх ты, Джульетта! Тебе же

пятьдесят почти, а мозги, как... как у Джульетты! Убила бы тебя! Честное слово, убила бы! И в землю закопала! И надпись написала! Тьфу!

Гром гремит совсем близко, слышен шум дождя.

Затемнение.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

Те же декорации. На столе бутылка водки, посуда и нехитрая закуска.

В квартире Сусанна Петровна и Василина Сергеевна.

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Забудь, плюнь! Никогда он не вернётся.

СУСАННА ПЕТРОВНА. Вернётся!

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Ищи ветра в поле! Где-нибудь в Ялте уже, небось, попу греет...

СУСАННА ПЕТРОВНА. Да прям! Три дня прошло.

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Ну, во-первых, не три, а целая неделя, а во-вторых, типа, за три дня нельзя уехать! Ты же понимаешь! И, конечно, уедет! Он чё, дурак, да? Не понимает, что его менты будут искать? Он не такой наивный, как ты, дурочка с переулочка...

СУСАННА ПЕТРОВНА. Всё! Хватит мне уже мораль читать! Наливай!

Василина Сергеевна наливает.

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. С горя пьём или с радости?

СУСАННА ПЕТРОВНА. А ты, небось, думала, что с горя? С радости! Меня деньги теперь не обременяют. Я свободна!

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. А жить-тона что будешь? Получка-токогда ещё...

СУСАННА ПЕТРОВНА. Ничего, скоро осень, а потом зима... утренники, ёлки новогодние... заработаем! Нам же не впервой! А потом нас с тобой в сериалы пригласят...

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Ага! Пригласят тебя! Жди! Аж два раза! Кому ты нужна, калоша старая?

СУСАННА ПЕТРОВНА. А вот и нужна! Меня в прошлом году в «Понять, простить» приглашали...

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Вот именно – в прошлом! А в этом году уже сняли и «Оскара» вручили – за лучшую женскую роль в несуществующем сериале. И Золотую пальмовую ветвь, само собой...

СУСАННА ПЕТРОВНА. На себя посмотри! Ты тоже чуврыла! Тоже мне цаца!

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Всё, всё, успокойся! Давай выпьем! Мы – две чуврылы! *(Наливает.)* За нас! За счастье наше бабское! Пускай рушится мир, а мы всё равно будем счастливы! Назло нашим врагам! Слу-у-ушай... а какая же он всё-таки сволочь! Взял да забрал бабки без зазрения совести! Спасибо, золотишко твоё ещё не тронул... а ведь мог... золотишко мог, кулончик у тебя с изумрудом... столовое серебро мог... О-о-ой! *(Закрывает лицо руками.)* Боженьки мои! Он ведь изнасиловать мог!

СУСАННА ПЕТРОВНА. Подумаешь! Может, я сама хотела!

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Знаешь чё? Нам надо в полицию пойти.

СУСАННА ПЕТРОВНА. Зачем?

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Заявление написать. Ограбили, мол, так, мол, и так... Среди бела дня...

СУСАННА ПЕТРОВНА. Какое заявление? Я ему сама деньги отдала, добровольно.

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Правильно! Под гипнозом! Он тебя загипнотизировал. Это ж искусствовед! Они все такие. У них цель – обворожить человека... вот они подкрадываются к тебе, блазнят тебя, а потом – хватать твои бронзulette и ноги делать!

СУСАННА ПЕТРОВНА. Не, бесполезно... можно даже калории не тратить... Какая полиция, какое заявление! Они маньяков-то не могут поймать, а тут какие-то жалкие доллары! Давай лучше выпьем... а то у меня душа горит!

Василина Сергеевна наливает. Сусанна Петровна поднимает стопку.

Не чокаясь. За мои почившие деньги.

Пьют.

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Как страшно жить! Слушай, Сусанка! Хочешь начистоту?

СУСАННА ПЕТРОВНА. Хочу!

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Тогда я тебе скажу: все мужики сволочи! И твой Исидор Францевич – тоже сволочь! И ты ему не должна прощать! И этому, как его... Фёдору Иванычу твоему – тоже не должна! Все они... Я давно потеряла веру в человечество! Ещё раньше, чем невинность... Никому ничего не прощу! Родителям не прощу! За то, что развелись! За то, что мы с мамой в нищете жили! Мужу своему, кобелю, не прощу! И твоему – тоже не прощу! *(Злобно.)* Исидор Францевич! Он же не только со мной спал... сама знаешь... скока у нас актрисулеч молодых на сцену рвалось... каждой, небось, хорошая роль-то нужна... а как же! без ролей ты и не актриса! а театрик наш –

только первая ступенька... каждой хочется в сериалах сниматься, да не каждой дано...

СУСАННА ПЕТРОВНА. Вот именно! Где они, эти актрисульки? Где они, эти актёрики? Кто-нибудь из них поднялся? Кто-нибудь из них прогремел? Никто! А мы зато как были при своём, так и остались! Потому что мы – кто?

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Потому что мы – ведущие актрисы нашего театра! Вот так вот! А Исидор Францевич... ну, что ж, Исидор Францевич... Его уж и нет давно... но мы-то есть!

СУСАННА ПЕТРОВНА. Молодца! Наливай!

Василина Сергеевна берёт бутылку. Слышен звонок в дверь.

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА (ставя бутылку на место). Кого это в такое время?

Сусанна Петровна открывает дверь. На пороге – Фёдор Иванович в рваном костюме, с синяком под глазом. Он небрит и взлохмачен.

ФЁДОР ИВАНОВИЧ (протирая руки). К милости вашей взываю, госпожа!

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Что это тут за филиал?

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Театра?

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Нет, дурдома!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Это суровая действительность, которую никто из нас не в силах отменить. (Сусанне Петровне.) Сударыня! Я сир и наг! Я убог! Я ничтожен, да! Но простите меня! Видите, как я пал! Я презрел духовные ценности мира и за это погран и повергнут в прах. Я избит и унижен! Мне сломали ногу, руку, голову... мне сломали душу... Меня растоптали!

СУСАННА ПЕТРОВНА. Кто?! Кто это сделал?!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Это подростки. Гопники! Проклятые подростки. У них нет ничего святого. Это звери – не люди... Они сбиваются в стаи... они называют себя санитарями... они охотятся на таких, как я... ведь я – отброс общества, больной нарост на здоровом теле человеческого общежития! Меня надо убить, потому что я – другой! Они били меня палками и железными прутами, они топтали меня ногами...

СУСАННА ПЕТРОВНА. Боже мой! Надо вызвать «скорую»!

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Не надо ему ничего! И так оклемается. Ну, где у него рука сломана? Где нога? Да и голова вроде на месте. Дай ему выпить и пускай идёт...

СУСАННА ПЕТРОВНА. Нет! Человек в беде! Посмотри на него! Ему больно! Федя, тебе больно?

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Конечно! Смотри, какая у меня здесь рана! (Показывает.) И здесь! (Показывает.) И вот здесь тоже! (Показывает.) Как я их материл! Как проклинал! А они... они пообещали вырвать грешный мой язык! И засунуть мне его в...неважно куда, главное обещали... Мой святой, чистый, русский язык, на котором Пушкин говорил! Какой цинизм, какой неслыханный цинизм! Из меня выпустили кровь... скальп хотелисодрать! Меня пытали!

СУСАННА ПЕТРОВНА. Бедненький! Я тебя пожалею... Иди скорей ко мне!

Фёдор Иванович подходит, встаёт на колени, упирается головой в живот Сусанне Петровне, всхлипывает.

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Ты святая женщина. Я буду на тебя молиться. А Господь тебе воздаст.

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Это из какой пьесы? Вы чё тут совсем с ума посходили? (Фёдору Ивановичу.) Эй, ты! Как там тебя! Ты нам скажи лучше, куда бабки дел? Где доллары Сусанны Петровны?

Пауза.

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. У меня их отобрали... Меня сначала избили, а потом ограбили... а ведь я в детский дом шёл, аккуратно в детский дом...

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Ну, это ты у нас в полиции расскажешь! Я щас не в «скорую», а в полицию позвоню.

СУСАННА ПЕТРОВНА. Нет, Вася! Не будем мы куда звонить!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Правильно! Не надо в полицию! Зачем в полицию? Я верну! Заработаю и верну! Да, я виноват... но я верну!

СУСАННА ПЕТРОВНА. Вася! Как можно быть такой жестокой? Во-первых, он вернёт... я в этом не сомневаюсь! А во-вторых, посмотри на него... ему больно! Неужели в тебе нет ни капли сострадания? Его надо жалеть, его надо любить...

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Да, да, надо жалеть! Потому что у меня ничего не было в жизни... даже романтических порывов! У меня не было сострадания к детдомовским детям... простите меня, Сусанна Петровна, я всё придумал... да и про своих детей... не было у меня детей! И никто не погиб, никто не умер! Жена, правда, была... бросила меня... ну, тут уж я сам виноват... очень большая потому что бездуховность в обществе!

СУСАННА ПЕТРОВНА. Ну, и что? Ну, и ничего... А мы вот с Васей и не актрисы никакие... так... массовики-затейники... разве театр у нас? Нет, у нас не театр. У нас – учреждение культуры. Мы культурно обслуживаем население. По сути мы – проститутки... раньше на обкомовских пьянках

выступали, а теперь – на мероприятиях городского начальства. Теперь это так называется – меро-приятя! Правда, туда сейчас всё больше молоденьких приглашают... Свежая кровь нужна! А мы? Сзади пионерки, спереди пенсионерки! С нас только песок свежий, и больше ничего...

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Ну, ты это... не разгоняйся так... Не надо говорить слово «мы»! Я вот, например, своими аргументами могу ещё любой Эверест покорить...

ФЁДОР ИВАНОВИЧ.... а бизнес был... я не вру, бизнес, правда, был... я когда искусствоведение бросил... о! как я крутился! У меня всё было – предприятия, магазины... у меня бухгалтерия своя была! Я налоги платил!

СУСАННА ПЕТРОВНА. ... и ни в какой загранице я не снималась! Я и вообще-то за границей никогда не была... И Васька не была! Всю жизнь мы долбаных зайчиков играем! И белочек! И Снегурочек! Чёрт бы их подрал! Нацепишь вот так вот ушки эти дурацкие, и ты уже белочка! А потом раздавим с Васькой пузырь в гримёрке и своих белочек догоняем! Мало нам их на сцене, проклятущих!

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Ну, ты это... не замай, ладно? Я до белочки ещё не допивалась!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. ... а потом бандиты наехали и отжали бизнес! А у меня – кредиты! Чем проценты платить? Нечем же платить! Банк квартиру забрал, дом загородный... А «Мерседес», пока не забрали, я продал... и пил на эти деньги три месяца! С горя! Вообще не просыхал.

СУСАННА ПЕТРОВНА. ... как мы с тобой, Васька, под Новый год-то... нормальные люди в это время в баню ходят, а потом в Питер летят... а мы? а мы, две перечницы старые – по детским утренникам... Вася – Дедом Морозом, а я – Снегурочкой... Две недели – до! И ещё неделю – после! Три недели по три представления в день! Ну-ка, ёлочка, зажгись! Мать её за ногу, эту ёлочку!

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Зато деньги зашибали! Вот ты баксы на старость и скопила!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. ... а потом просох, потому что пропил уже всё до копейки, глядь, а жена-то и ушла... бросила! Нафиг я ей такой нужен? Ничего не могу! Только байки могу. Про эпоху рококо. И друзья бросили. И родственники отвернулись. Денег-то нету! Выходит, наши отношения – на деньгах! А любовь? Сочувствие? Соучастие?..

СУСАННА ПЕТРОВНА. ... а потом Джульетту дали сыграть! Джульетту! Мечта! Я её тридцать лет играю... потому что молодые не хотят в нашем театре... бегут от нас... столицы им подавай! Гламур, лямур... А я всё Джульетту играю... бабушка уже, а всё играю... потому что у меня муж главным режиссёром был... а потом –

бац! и помер! Вот из-за тебя, Вася, Исидор Францевич сгорел... что он нашёл-то в тебе? чем ты взяла его? Бедный Исидор Францевич! Вот он метался, метался, и помер! Сгорел в любви! И всё! Снова я зайчиков играю! Пусть провалятся все зайцы мира в преисподнюю! И белочки с ними! И ёжики! С охамевшими рожами! И лисята пьяные! И поросёнки со своими мерзкими сопливыми пяточками! А Исидора Францевича – нет! И детей – нет! Не родила! Потому что – театр! Потому что вся жизнь – театру! Любите ли вы театр, как люблю его я?!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Слу-у-у-шай... а давай из нашего детдома ребёнка возьмём! Усыновим. Или удочерим.

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Совсем больной! Кто же тебе даст?

СУСАННА ПЕТРОВНА. Кто же нам даст-то, Федя? Ребёнка – только в семью. Да и старые мы уже... никто не даст...

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. А может, мы это...

СУСАННА ПЕТРОВНА. Что?

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Ну, это... *(Выпаливает.)* семью?..

СУСАННА ПЕТРОВНА. Как?

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Да просто. Семью и всё.

СУСАННА ПЕТРОВНА. Ах, оставьте... А впрочем... Вы что, сударь, делаете мне предложение?

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Да, сударыня! Позвольте мне раболепно припасть к вашим стопам... *(Торжественно.)* В этот счастливейший день я имею честь просить вашей руки... ручки... уважьте, сударыня... милости, милости вашей умоляю!.. *(Поворачиваясь к Василине Сергеевне.)* Благословите, матушка!

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Ну, ты! Шут гороховый! Прекратить фарс! Меня с толку не собьёшь! Ты мне за всё ответишь! Мы тебя пытать будем! *(Набрасывается на него, после короткой борьбы скручивает ему руки и привязывает к стулу.)* Вот так вот! Говори, где деньги! Куда баксы дел? Я тебя выведу на чистую воду! Отобрали у него! Спрятал где-нибудь! Чтобы снова квасить без остановки! Пьянь! Алкаш! Бомжара! Ис-куст-во-вед! Сусанка! Ну-ка, принеси уют! И паяльник! Мы ему сейчас это... стесняюсь сказать, что мы ему сейчас сделаем!

СУСАННА ПЕТРОВНА *(в истерике).* Вася, не надо! Васечка, не надо! Пожалуйста, не надо! Остановись, Вася!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. Василина Сергеевна... сударыня... Христом Богом прошу – не надо...

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Надо, Федя, надо... *(Сама берёт уют, включает его.)* Вот сейчас жареным-то запахнет... пашлыкочок сделаем из Феди! Ах ты, гадёныш... *(Выставив вперёд*

утюг, угрожающе.) Говори по-хорошему: где деньги?

СУСАННА ПЕТРОВНА. Не надо мне никаких денег! Не трогай его! Я его себе возьму! Мы с ним поженимся! Мы ребёнка усыновим! Маленького, белобрысенького... я его любить буду... я любить хочу... дай мне любить! Отстань от Феди! Я его тоже любить буду!

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Дура! На что он тебе? Мы ему щас паяльник в ... неважно куда, главное всунем! Он сразу расскажет! Пускай, сволочь такая, бабки отдаёт!

СУСАННА ПЕТРОВНА. Отстань! Брось утюг! Развяжи его! Он не виноват... это жизнь виновата! Это жизнь... подлая, подлая жизнь...

ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА. Слушай, может, мы его тогда хотя бы изнасилуем?

Затемнение.

Исподволь начинает звучать матросский танец и сцена немного освещается.

Из глубины сцены выходит белобрысый мальчик лет шести в матросском костюмчике, лихо отплясывает «Яблочко», потом садится на приступочку.

СУСАННА ПЕТРОВНА. Смотри, Федя, какой хороший мальчик! Мы его возьмём себе, воспитаем, выучим, будем любить его... так будем любить, как и любить невозможно! Это будет самый любимый мальчик на всём белом свете! он вырастет и...

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. ... и похоронит нас...

СУСАННА ПЕТРОВНА. Нет, Федя! Он тоже будет любить нас, он будет заботиться о нас... знаешь, как он станет обнимать меня... сильно-сильно, крепко-крепко... он будет любить меня, как от Земли до Луны... вот столько! Или даже – до Марса! И тебя тоже, ты не думай! Ты будешь у него любимый папочка!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. А потом он всё-таки похоронит нас...

СУСАННА ПЕТРОВНА. Нет, Федя!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ. А я так и вижу: в землю закопал, и надпись написал!

СУСАННА ПЕТРОВНА. Какой же ты всё-таки циник, Федя!

Мальчик всё сидит на приступочке в глубине сцены, потом, заметив Фёдора Ивановича и Сусанну Петровну, подходит к ним.

МАЛЬЧИК. Мама, папа! Вы теперь мои новые родители? Нашлись наконец! Как долго вас не было! Вы правда теперь мои новые родители?

СУСАННА ПЕТРОВНА (*плачет, обнимая ребёнка*). Да, сынок, да... мы теперь – твои новые родители...

Затемнение.

Занавес.

САЛАМАНДРЫ

Пьеса в двух действиях

Действующие лица:

Ирина – 50 лет,
Катя – 31 год,
Настя – 16 лет,
Майк – 8 лет,
Роман – 54 года,
Олег – 34 года,
Зинаида – 38 лет,
Оценщик – 50 лет.

Действие первое

1.

Комната большого деревянного дома на втором этаже. Окно открыто, и сквозь него прямо на подоконник склоняется ветка яблони. Поют птицы. Лето. Жара. Томление всего живого. Шестнадцатилетняя Настя лежит на кровати, ест чипсы, вытирает жирные руки о покрывало, переписывается с кем-то в планшете. В комнату заходит Зинаида. В руках у неё стопка полотенец.

Зинаида. Я полотенца вот.... Сколько раз я просила не есть в кровати! Это ручная работа, народное достояние искусства!

Настя. И?

Зинаида. Это наследие твоего отца.

Настя. Вашего отца.

Зинаида. Что?

Настя. Мы с вами на брудершафт не пили.

Зинаида. Чего?

Настя. Того! Вы мне не мать и не френд, так что на вы, пожалуйста!

Зинаида. Посмотри, какая выискалась!

Настя. Это вы выискались. А я здесь родилась.

Зинаида. *(Замахивается на Настю полотенцем)* Паршивка!

Настя. Don't touch me! I'll scream!¹

Зинаида. Что?

Настя визжит.

Настя. Old bitch!²

Зинаида. Тише, тише! Я не понимаю по-твоему. Ну, прости, перегнула палку. Настенька, прости. Ты же знаешь, я не со зла. Я больше не буду!

Настя. Я всё матери расскажу, что вы тут...

Зинаида. А пойдём – я тебе оладушек спеку? В вишневое варенье помакаешь – вкуснотища!

Настя. Засуньте в зад себе свои оладушки! Вы здесь никто, ясно вам? Вас завтра моя мама вытолкает в три шеи, и вы поедете в свою деревню, как миленькая!

Зинаида растерянно и глупо улыбается.

Зинаида. Ну ладно, ладно, чего про это сейчас говорить. Вот, полотенчику тебе принесла. Ты, если ручки захочешь вытереть, так вот его бери...

Зинаида выходит из комнаты.

2.

Гостиная. В гостиной сидят Ирина и Роман. Ирина – немолодая уже, но ещё красивая, хрупкая женщина, сидит в кресле, закинув ногу на ногу, и курит. Она то и дело запускает руку в волосы, отчего те картинно разлетаются по плечам. Роман – высокий худощавый мужчина с глазами немного навывкате, сидит напротив Ирины, перебирает в руках чётки. Чуть поодаль на полу маленький мальчик лет восьми, сын Ирины, играет с самолётиком.

Ирина. И в тот самый первый раз, когда мы с Крисом прилетели в Самару, я повезла его в местный монастырь, я не помню теперь, как он называется. А там купель, вроде как святой источник. И в эту купель нужно окунуться. Нам батюшка все подробно объяснил – надо, в общем, окунуться три раза и три раза сказать: «Господи, помилуй!». Крис сказал, что это опасно для здоровья и он не будет. А я решила поиграть в русскую. Разделась, и с размаху в эту воду – бу-бух. Только вместо «Господи, помилуй» я трижды сказала: «... твою мать!».

¹ Не трогай меня, я буду кричать! (здесь и далее – англ.)

² Старая сука!

Ирина громко смеётся. Мальчик подбегает к матери, «приземляет» самолёт ей на голову.

Ирина. Mike, stop that!²

Майк. Mom, can I go outside?³

Ирина. No, it's late!⁴

Роман. А мальчик совсем не говорит по-русски?

Ирина. Немногоговорит. Mike, recite that Russian poem we learned together.⁵

Майк. I don't want to!⁶

Ирина. Do it slowly!⁷

Майк. I don't want to! It's stupid and I never understood it!⁸

Ирина. Oh, come on! ⁹Мороз и солнце – день чудесный!

Майк. I don't want to!¹⁰

Ирина. Say in Russian...¹¹

Майк. I don't want to!¹²

Ирина. Say it in Russian. Why don't you want to?¹³

Майк. I don't want to recite your stupid poem in your stupid Russian!¹⁴

Роман. Ира, оставь ребёнка в покое. Заговорит.

Ирина. Я уже договорилась с русской учительницей, что она будет заниматься с ним раз в неделю. Но пока у нас теннис и бейсбол. Я даже не представляю, как нам выкроить эти полтора часа.

Роман. Дети быстро всему учатся.

Ирина. Он умеет. Умеет. Просто не хочет, чёртов засранец.

Роман. Ты похудела.

Ирина. Другой ритм жизни. Здесь мы были словно стоячая вода. Никуда не выезжали, всё ходили, скучали. Дни были длинные, разговоры короткие. А потом и вовсе...

Роман. А там по-другому?

Ирина. Там совсем по-другому. Мы живём в Чикаго, Рома.

Роман. Это что-то значит?

Ирина. Это многое значит. Нужно везде успеть. Отвезти детей в школу, забрать, забота о доме, о Кресе, счета. И ещё вечеринки. Много

²Майк, не балуйся!

³Мама, а можно мне пойти погулять?

⁴Нет, уже поздно!

⁵Майк, прочти то русское стихотворение, которое мы с тобой учили.

⁶Я не хочу!

⁷Прочти немедленно!

⁸Я не хочу! Оно дурацкое и я ничего в нем не понимаю!

⁹Ну, давай же!

¹⁰Не хочу!

¹¹Скажи по-русски...

¹²Я не хочу!

¹³Скажи по-русски, чего ты не хочешь?

¹⁴Я не хочу читать твое дурацкое стихотворение на твоём дурацком русском!

вечеринок. У них это принято. Скучать не приходится.

Роман. Значит, у вас с Крисом всё хорошо?

Ирина. Ещё бы! Крис – шикарный. Шикарный!

Роман. Ты всегда любила шик.

Ирина. Да. И что? Я не на помойке себя нашла. Мужчина должен соответствовать моему уровню.

Роман усмехается.

Ирина. Или я, по-твоему, некрасивая?

Роман. Ты – красивая, Ирина. Очень красивая.

У Романа звонит телефон.

Роман. Да, алло. Отлично, сейчас выйду, встречу.

Ирина. Кто это?

Роман. Катя.

Ирина. Что? Зачем?

Роман. Она тоже его дочь.

Ирина. Приёмная дочь.

Роман. Пусть так. Он её удочерил. По документам она имеет точно такие же права на наследство, как ты, Настя или Миша.

Слышно, как к дому подъехала машина.

Ирина. Она приезжала на похороны?

Роман. Да. Ты не хочешь её видеть?

Ирина. Почему, хочу... Конечно, хочу. Просто... ты ничего не сказал...

Роман выходит за дверь. Слышно, как хлопают дверцы машины и багажника, затем раздаётся радостный женский голос. В дом входит Катя. Ей чуть больше тридцати. В её волосах явственно виднеется седина, но при этом она одета в какое-то тинейджерское пёстрое платье и кроссовки. Следом за Катей в дом входит Роман, несёт в руках Катину сумку.

Катя. Мамочка! Почему ты не позвонила мне из Москвы?

Ирина. Ты знаешь, какой у меня роуминг?

Катя. Просто... Мы могли бы лететь вместе.

Ирина. Была короткая пересадка.

Катя. Ты похорошела. Дай обниму!

Катя обнимает мать. Ирина отстраняется от неё.

Ирина. Сядь. Устала с дороги?

Катя. Миша! Как ты вырос! Господи!

Катя пытается обнять Майка. Майк вырывается.

Майк. I'mMike! I'mMike! I'mnotMisha!¹⁵

Катя. Mam, а он совсем не говорит по-русски?

Ирина. Почему же? Он говорит. Просто немного растерялся в непривычной обстановке.

¹⁵ Я – Майк! Майк! Не Миша!

Катя. Я так рада вас видеть!
Ирина. Вообще-то повод для встречи у нас далеко не радостный...

Пауза.

Катя. Да. Похороны прошли хорошо. Ну, если так можно сказать про похороны... Было много людей, дядя Рома с Зиной всё организовали.

Ирина. Не знаю, кто такая Зина.

Катя. Mam, всё не так, как ты думаешь.

Ирина. А ты у нас самая умная, да? Ты всё про всех понимаешь?

Катя. Ладно, давай не будем?

Ирина. Имя-то какое! Зина! Как будто ей лет семьдесят! Зина!

Катя. А где Настя? Она приехала?

Ирина. Наверху твоя Настя.

Катя. Она-то, надеюсь, ещё говорит по-русски?

Ирина. Да что вы всё привязались со своим русским? Вы в курсе вообще, что такое детский стресс? Мы почти сутки добирались сюда, ребёнок устал, его чуть не вырвало в самолёте, у него джет лег!

Катя. Я не знаю, что такое джет лег, но я не это имела в виду, мама...

Ирина. Но нет же – надо указать на то, что он не умеет говорить на иностранном языке! Да, не смотри на меня так, ему было четыре года, когда я увезла его. В таком возрасте ребёнок ещё не может говорить сразу на двух языках! Для него русский – иностранный!!!

Катя. Хорошо, мама. Хорошо. Я поднимусь.

Катя встает, берёт в руки свою сумку.

Роман. *(Забирая у Кати сумку)* Я помогу.

Ирина. Где ты собралась жить? В твоей бывшей комнате Настя.

Роман. Могу уступить тебе свою.

Катя. Нет, не нужно. Я буду жить в комнате Наташи.

Ирина. Там пылица. Надо сказать Зине – она уберёт.

Катя. Ты же не знаешь, кто такая Зина.

Ирина. Ну, я так поняла, она здесь что-то вроде домработницы?

Катя. Нет, мама, ты неправильно поняла. Она здесь что-то вроде вдовы.

Ирина. Замолчи! Я – официальная вдова! Ясно тебе?

Катя молча поднимается наверх. Роман подхватывает Катину сумку, идёт следом. Ирина закуривает, наблюдает за тем, как Майк играет с самолетиком.

Ирина. You tired? You want to sleep?¹⁶

Майк. No. I saw a girl today. Can I play with her tomorrow? Is it okay I'm not speaking Russian?¹⁷

Ирина. A girl? What girl?¹⁸

Майк. Just a girl. She had blue hair pins.¹⁹

Ирина. What girl? Where? Here? Maybe you dreamed her? Or imagined her? Mike, what girl?²⁰

Майк. What's wrong with you, mom? It was just a regular girl. She was playing by the house, behind the gate. I saw her from the window. Mom, what's the matter?²¹

Ирина. No. Nothing, son. Okay, let's take a bath and go to bed.²²

Майк. I don't want to!²³

Ирина. Oh, yes you do! You have jet lag! You can't help but want to!²⁴

Майк. But I still don't want to.²⁵

Ирина. That's your problem. Come on! We're going to bed!²⁶

Ирина хватается за руку упирающегося Майка, тянет его вверх по лестнице.

3.

Ночь. Ирина спускается по лестнице в гостиную в шелковой пижаме, курит, приглушенно говорит с кем-то по телефону.

Ирина. Fucking jet lat! It's four o'clock and I'm already awake! Chirs, can you hear me? Hello! We'll come soon. We'll sell the house and... I don't know how long it will take! Probably not much. Chris? Did you go to school about Stacy's homework? No? Go please, it's important! I miss you too. Kisses. Don't eat frozen pizza for dinner, have one delivered. Love you.²⁷

¹⁷Нет. Я сегодня видел девочку. Можно мне будет завтра с ней поиграть? Это ничего, что я не говорю по-русски?

¹⁸Какую? Какую девочку?

¹⁹Обычную. У неё были голубые заколочки.

²⁰Какую девочку? Где? Здесь? Она тебе приснилась? Привиделась? Майк, какую девочку?

²¹Мама, ты чего? Это была обычная девочка. Она играла возле дома, за воротами. Я видел её из окна. Мама, что-то случилось?

²²Нет. Ничего, сынок. Сейчас мы с тобой умоемся и ляжем спать.

²³Я не хочу!

²⁴Нет, ты хочешь! У тебя джет лег! Ты не можешь не хотеть!

²⁵Но я не хочу.

²⁶Это твои проблемы. Собирайся! Мы идем спать!

²⁷Грёбаный джет лег! Я проснулась в четыре утра! Крис, ты меня хорошо слышишь? Алло! Мы скоро приедем. Продадим дом и... Я не знаю, сколько это продлится! Наверное, не очень долго. Крис? Ты сходил в школу насчёт заданий для Стэйси? Нет? Съезди к ним, пожалуйста, это очень важно! Я тоже по тебе скучаю. Целую. Не покупай

¹⁶Ты устал? Хочешь спать?

В гостиную выходит Зина. Она в ночной рубашке.

Зинаида. Не спится вам? Я слышу, вторую ночь уже ходите... Может, вам на ночь чего попить?

Ирина не обращает на Зину внимания.

Зинаида. У нас тут холодно бывает по ночам. Сквозняки. Илью Петровича тоже продуло после операции, вот и воспаление потом...

Пауза. Ирина пьёт воду, затем полощет рот.

Зинаида. Мне тут тоже неловко, как вы приехали. Но я вам не враг. Я вас очень даже по-человечески понимаю.

Ирина. Не надо меня понимать! Не надо ничего понимать! Просто исчезните! Сделайте вид, что вас никогда в этом доме не было! Соберите свои вещи и убирайтесь – откуда вы там приехали? Из какой деревни?

Зинаида. Из Новочеркаска я. Не из деревни. Вы на меня не кричите, я не служанка вам!

Ирина. А кто?! Вы же в сиделки к нему нанимались изначально?!

Зинаида. Не в сиделки, а в медсестры! У меня среднее медицинское образование имеется! Я не прислуга, я – дипломированный медработник вообще-то!

Ирина. Надо же! Дипломированный медработник! Долго учились выговаривать?

Зинаида. Да как вы...?

За окном гремит гром, начинается ливень.

Зина и Ирина. *(Почти хором)* Тазы!

Ирина. Где они?

Зина. Да там же, где всегда, в чулане...

Ирина и Зинаида бегают, суетятся, расставляют тазы по местам, хорошо им известным, по всей видимости. И действительно, через какое-то время в тазы с потолка начинает капать вода.

Ирина. А на втором этаже? В Наташиной комнате, я помню, дыра...

Зинаида. На втором этаже я их и не убираю давно... Вот туда ещё, где кашпо...

Ирина. А тут не было...

Зинаида. Недавно протекать стало... Лемех весь прогнил. Тогда ж делали, никто ведь не знал, что оно без ремонта жить будет. Я бы сама тут не осталась ни минуты. Но долг у меня есть.

Ирина. Какой ещё долг?

Зинаида. Илье Петровичу я обещалась. Всё музею передать. Рукописи, одежду, стол, фотографии, покрывала – всё в музей. А дом

они сами купят. Ему мэр перед смертью обещал. Всё в музей заберут, а дом купят.

Ирина. Кто купит?

Зинаида. Они. Из правительства, значит, купят. Мэр приходил во вторник, а умер Илья Петрович в субботу. Мэр сказал – поправляйтесь, а Илья Петрович ему сказал: «Это как Бог даст, но если не даст, то вы тут музей сообразите». Мэр сказал – сообразим. Сам сказал. Письма, фотографии, рукописи, книги – это музей на своё обеспечение возьмёт, а дом мы придём и купим.

Ирина. Когда они должны прийти?

Зинаида. Да я вот жду... Вот уже должны прийти, раз сказали. Как придут, так я сразу соберусь да поеду. Мне чужого не надо. Передам музею вещи, как обещалась, и поеду. У меня в Новочеркаске тётка есть, у тётки сын, я не одинокая. Вот сюда ещё ставьте.

Ирина. Хорошо, Зина. А давайте, знаете как поступим? Я сама передам музею все вещи Ильи. Сама продам дом. Двигайте левее! А вы поезжайте. Прямо завтра собирайтесь и поезжайте. Тётка, наверное, заждалась? Купить вам билет по интернету?

Зинаида. Не могу, Ирина, вы уж извините. Раз обещалась, надо выполнять.

Ирина. Ну, о чём вам переживать, сами подумайте? Неужели вы думаете, что вы в таких вещах лучше разбираетесь, чем, к примеру, я – человек с двумя высшими образованиями?

Зинаида. А вас Илья Петрович не велел к рукописям подпускать. Вы его предали, бросили больного, улетели якобы в отпуск с детьми, а вас там, оказывается, любовник ждал... Улетели и не вернулись. И детей увезли. Четыре года ни слуху, ни духу. Он вас ненавидел, Ирина. Имени вашего слышать не мог.

Пауза.

Ирина. Почему же он тогда не развёлся со мной? Почему разрешение на выезд детям подписал? Сюда ещё!

Зинаида. А вы не знаете?

Ирина. Нет. Не знаю.

Зинаида. Всё вы знаете! Про его операции, про осложнения на сердце! Катя вам много раз об этом писала! Просила вас ему позвонить! Хотя бы детей по скайпу показать! Когда ему было заниматься разводом? Он почти не вылезал из больниц! А вам было сложно просто взять и набрать его номер...

Ирина. Какая вы доверчивая, Зина. Просто с ума сойти! Где таких делают? В Новочеркаске, да?

Зинаида. При чём здесь я?

Ирина. А при том, Зина, что эта история стара как мир. Разыгрывается она просто. Я – злая, бесчестная жена, я не любила своего мужа, наставляла ему рога, запрещала видеться с детьми. Он – обманутый несчастный супруг.

замороженную пиццу на ужин, лучше закажи еду на дом. Люблю тебя!

Талантливый писатель. Голос нации. Израненный герой. Вы – молодая пламенная любовница, которая своей добротой и заботой растопила заледеневшее от горя и печалей сердце моего мужа. Сколько вам лет? Сорок пять?

Зинаида. Тридцать восемь.

Ирина. Извините, я думала, вы постарше. Но всё равно, Зина, в вашем возрасте стыдно быть такой глупой и наивной.

Зинаида. Я не глупая! Не надо меня оскорблять! Всё так и было! Этому есть подтверждения – Катины вам письма, ваше молчание...

Ирина. Да не было всё так!!! Не было!!! Мой покойный муж был тираном, психопатом и бабником!

Зинаида. Со мной он не был тираном...

Пауза.

Ирина. Вы – дура, Зина. Вы просто дура. Вы всерьёз думаете, что он вас любил? Вас? Дебелую бабу из Новочеркаска? Да ему просто некуда было деваться. Он знал, что умирает. И нужна была очередная дуреха, которая будет бегать вокруг него, варить бульончики и заглядывать в рот. Раньше таких дурёх он находил в своих кругах. А тут понял, что приплыл. Ужасный характер, алкоголизм, желчный пузырь удалён, кишечника почти нет, пахнет от него дурно, озлоблен на весь мир за то, что Нобелевку ему не дали, президент ему орден не вручил и ещё сто пятьдесят пунктов из старых заплесневевших обид... Кому он такой был нужен? Только вам, Зина. Только вам. Тридцативосьмилетней Персефоне из Новочеркаска.

Зинаида. Сама вы Персефона! Сквозь рубашку насквозь все видно, а только было бы на что смотреть!

Новый раскат грома. Ирина истерично хохочет, задирает на себе рубашку.

Ирина. А вот так есть на что? Есть?

Зинаида. Стыдоба! Мать, называется!

Ирина смеётся.

Ирина. Да, я мать! Мать! У меня, в отличие от некоторых, дети есть! Вот этой грудью их выкормила! А у тебя дети есть? Нету? А где потеряла? Бог не дал? Пустоцвет, что ли?

Зинаида убегает вверх по лестнице.

Ирина продолжает истерически смеяться.

Из комнаты выбегает заспанная Катя. Подбегает к матери.

Катя. Мама! Мамочка! Что случилось?

Ирина. Пусть она уедет! Пусть собирает свои манатки и валит в свой Новочеркасск! Чтобы утром ноги её здесь не было! Ты слышишь меня?

Катя. Мама, ну сама подумай – куда она поедет? У неё никого нет. Ты представляешь, никого? Мужа убили, детей не случилось...

Ирина. Мне плевать. Плевать. Пусть едет, откуда явилась.

Катя. Ну, есть же завещание в конце концов, нельзя же её так просто...

Ирина. Какое ещё завещание?

Катя. Разве ты не знала? Илья Петрович завещал Зине все свои вещи, ну и вот это вот всё. Это называется вроде бы предметами старины, да?

Ирина. Сука! Ненавижу его! Ненавижу!

Катя. Мама, это всего лишь вещи.

Ирина. Ты знаешь, сколько стоят эти вещи?

Катя. Мама, я не знаю, но и Зина здесь ни при чём!

Ирина. А вы налетели, как коршуны! Моё! Моё! Моё! Я здесь прожила пятнадцать лет! Пятнадцать грёбаных лет! Я родила ему двоих детей!

Катя делает несколько глубоких вдохов, поочередно загибает пальцы.

Ирина. Что ты делаешь?

Катя. Ты давишь на меня. Ты сейчас мной манипулируешь. Вдох на шесть, выдох на одиннадцать.

Ирина. Ты с ума сошла?

Катя. Это дыхательное упражнение. Мой психиатр научил.

Ирина. А! Опять изображаешь из себя сумасшедшую.

Катя. Я не сумасшедшая. Ты знаешь, из-за чего я попала в больницу. Из-за чего я там пролежала почти год. Вдох на шесть...

Ирина. Не надо про больницу.

Катя. Ты была в России, ты приезжала за документами, я знаю... И ты знала, что я в Москве, что я лежу в психушке, что мне там плохо...

Ирина. Хватит! Ты, кажется, мне обещала! Ни слова про твою больницу! Я не хочу ничего знать!

Катя. По вечерам в палате начиналось оживление. Каждые пять минут кого-то вызывали – к кому-то приходили родственники, к кому-то друзья.

Ирина. Ты обещала!

Катя. Даже к шизофреничке Вале, которая ходила под себя и никого уже не узнавала, приходила мама. Ей было плевать, что Валя выплёвывает еду, которую та ей приносила, плевать, что Валя называет её другим именем и кричит ей в лицо проклятья. Она только крестила дочь и шептала: «Я тебя всё равно люблю, доченька, потерпи, ты скоро поправишься!». А я в это время стояла в палате напротив и ковыряла обои. Даже в окно я не смотрела. Мне незачем было смотреть. Ко мне никто никогда не приходил.

Ирина. Послушай, тебе тридцать один год. Ты – взрослая девочка. Я – твоя мать, да, но

я не обязана тянуть тебя до пенсии. Есть Миша, есть Настя. Они – дети, я несу за них ответственность. Когда ты была ребёнком, я растила тебя. Да, воспитывала, как умела, но ты росла не хуже других. Или ты хочешь сказать, что у тебя было плохое детство?

Катя. Оно было, мягко говоря, странным, мама.

Ирина. Всё! Давай закроем эту тему! Ты зомбирована своими психологами! Вот и американцы тоже носятся со своими детскими обидами, у них в кого не плюнь, у всех психотравма! Ах, когда мне было пять лет, я нарисовал рисунок, мама меня не похвалила, и с тех пор я стал нелюдимым куском дерьма, и у меня не ладится с женщинами! Пожалейте меня, несчастного!

Катя. Я к тебе не имею никаких претензий.

Ирина. Да! Я только что слышала. Вдох на шесть, мой психиатр мне посоветовал... А ты вообще хоть что-то знаешь о моей жизни? О том, как я получала этот чёртов вид на жительство? Как нас чуть не выслали из страны? Ты знаешь, что я до сих пор пью валиум после всего, что...?

Катя. А я до сих пор пью фенозепам! Это одно и тоже, мама! Только звучит красивей! Ты знаешь, что я восемь месяцев пролежала в психушке! Что я потеряла Наташу...

Ирина. Ни слова о Наташе! Ни слова! Если ты заговоришь, то я... Я не знаю! Мы поссоримся! Я не скажу тебе больше ни слова!

Катя. Но почему? Почему, мама?

Ирина. Потому что... Потому что... Это на фейсбуке у меня все хорошо! Ты думаешь, хоть кто-то помог мне хоть копейкой в этой стране? Да хрен там! Они только делают вид, что у них рай на земле. Нет, если ты – кубинец, или мексиканец, или ещё какой черт с горы – то да! Расскажи им, как тебя угнетали, и у тебя всё ок! Но я – русская. Все рассказы о том, что меня угнетали перманентно, у них не канают, они там у себя уже привыкли, что русских всегда угнетают. Они, знаешь, смотрят на тебя, кивают и улыбаются. Ты им рассказываешь о том, как тебя муж и страна насиловали, как ты чуть не умер, а они смотрят такие, кивают и говорят: «Oh! That's horrible!»²⁸. И никакого тебе пособия! Другая нация! Доченька, ты понимаешь меня?

Катя. Что ты сказала?

Ирина. Я сказала – доченька, ты меня понимаешь?

Катя. Мама... Мамочка... Я тебя понимаю... Конечно, я тебя понимаю... Мамочка...

Катя обнимает мать.

Катя. Мамочка, мамочка, не переживай, пожалуйста. Тут нужно время. Всё у тебя наладится. Хочешь, я тебе отдам свою долю в доме? Мне она не нужна. Правда, не нужна. Я сейчас в студии работаю, мне знаешь, сколько платят? Меня вообще сейчас ведущим специалистом сделать хотят. Мне зарплату обещают под сотню... Давай, я всё тебе отдам?

Ирина. Это ты сама смотри. Сама смотри...

Ирина обнимает дочь.

Катя. Надо поспать. Нам всем нужно поспать.

4.

Раннее утро. Ирина с Катей и Настей сидят в кабинете. Перед ними пять небольших картонных коробок. В коробках аккуратно лежат толстые школьные тетради. Все трое разбирают тетради, вчитываются в истрепанные страницы.

Ирина. Чего? Какой ещё ковчег?

Катя забирает тетрадь у Ирины, читает.

Катя. Ночлег.

Ирина. Ужасный почерк...

Настя. О, я нашла agreement²⁹ с издательством за девяносто третий год! Надо?

Ирина. Отложи в сторону. (Вчитывается в какую-то рукопись) Всё-таки, что бы эти суки не говорили, он ни разу не устарел. Вот ни капельки. Надо будет найти в Америке какого-нибудь хорошего слависта-переводчика...

Катя. Ой, смотри какая фотка! В записной книжке лежала!

Настя. (Смотрит) Мама, это ты?! Oh my God!

Ирина. Да, можешь не верить, но я тоже была молодой.

Настя. Это какой год?

Ирина. Это? Девяносто седьмой, наверное. Мы с твоим папой тут только-только познакомились.

Настя. Что на тебе за обувь?

Ирина. Это ботфорты, доченька.

Настя. А почему ты раскрашена, как nativeamerican³⁰? Был какой-то холидэй?

Катя. Настя, это было модно...

Настя. Это?! Модно?!

Ирина. Девочка моя, ты ничего не понимаешь в красоте.

Катя. В перламутровых тенях и помаде «Руби Роуз»!

Ирина и Катя хохочут.

Настя. Да идите вы!

²⁹ Договор

³⁰ Коренной американец, индеец.

²⁸ О! Это так ужасно!

Ирина. Надо будет найти ещё фотографии...
Катя. У Ильи Петровича в компьютере было много... В папке «Жизнь».
Ирина. (Кате) А Зина знает его пароль от компьютера? Я не могу туда войти.
Катя. Спроси у неё.
Ирина. Я?! Да ни за что!
Катя. Тебе она скажет, ты – вдова.
Ирина. Мерзкая баба. Надо найти хорошего юриста. Чтобы оспорить завещание. Ты не знаешь никого в своей Москве?
Катя. Хороший юрист стоит денег.
Ирина. Ты же говорила, у тебя зарплата.
Катя. Ну, если хочешь, я могу поспрашивать, у меня там есть знакомые...
Ирина. Поспрашивай. Было бы обидно отдавать всё это новочеркасской бабище... Не для неё он всё-таки писал.
Катя. А тебе это зачем?
Ирина. Ну, для истории. Не знаю зачем конкретно, а всё-таки я жена.
Настя. Мама, смотри, тут комиксы...
Ирина. Не комиксы, а рисунки. Что там?
Ирина забирает тетрадь у дочери.
Ирина. (Смотрит в тетрадь) Какой позор!
Катя заглядывает в тетрадь. Ирина мнет листы.
Катя. Мама, перестань! Отдай! Отдай!
Катя яростно вырывает тетрадь у матери, та не отдает.
Настя. Вы совсем крэйзи?
Катя. Отдай! Ты не имеешь права!
Ирина. Я это уничтожу! Ты что, хочешь, чтобы всё это в музее...? Вот эта гадость?
Катя. Это не гадость, перестань!
Ирина. А что это? Высокое искусство в стиле ню?
Катя. (Наконец вырывает тетрадь) Ты не имеешь права! Тебе это не принадлежит!
Ирина. Ещё как принадлежит! Я – вдова! Тут всё принадлежит мне, его законной жене. Жене и детям!
Катя. Я тоже его дочь! Законная! Он меня удочерил!
Ирина. Законней не бывает...
Катя кидается на Ирину, валит её на пол.
Катя. Ненавижу тебя, ненавижу!
Настя. Если вы не прекратите, я позвоню в полицию!
В гостиную входит Олег.
Олег. Полиция прибыла. Вызывали?
Ирина вскакивает с пола.
Ирина. Как вы сюда попали?
Олег. Мне открыла женщина такая. Удивительно похожа на мою мать. (Осматривает дом) А ничего себе так.
Ирина. Кто вы?
Олег. Здравствуйте, Ирина Алексеевна.

Ирина. Я-то Ирина Алексеевна, а вы кто?
Олег. А я – бедный ваш родственник. (Насте) А ты – Настёна, да?
Настя. Настя...
Олег. Ну, здравствуй что ли, сестрёнка...
Катя. Олег?!
Олег. Олег, Олег, он самый. А ты Екатерина, что ли?
Катя. Тебя и не узнать!
Олег. Ну, ваша семья меня никогда знать особо не хотела. Даже когда я был ещё ничего себе маленьким мальчиком.
Ирина. А вы... А ты приехал...?
Олег. Да, я приехал. Помянуть отца, посидеть по-родственному, вступить в законные наследственные права...
Ирина. То есть как?
Олег. А вот так. Я – наследник первой очереди, законный сын Ильи Петровича от первого брака. Или вы что думали, я свою долю вам за ничего себе так уступлю?
Ирина. А наследства-то особенного и не предвидится. Дом переходит в пользование городского музея по завещанию самого Ильи Петровича, ну и рукописи да и всё остальное тоже...
Олег. А можно взглянуть на завещание?
Ирина. Завещания как такого нет, это было, можно сказать, устное пожелание моего мужа.
Олег. А вы прямо его слышали? У постели сидели, когда он умирал, за руку держали, да?
Ирина. Не совсем так... Но я это точно знаю.
Олег. Ну, зачем вы врёте, Ирина Алексеевна? У меня тоже есть фэйсбук, я вам даже лайки ставил, не помните? Вы последние четыре года живёте в Америке, в городе Чикаго. Отличный выбор. Озеро Мичиган под боком. Оно, правда, говорят, мёртвое? Ну, вроде того, что рыба там давно уже не водится. Не знаете, нет? Мне вот интересно – врут по телеку всё или правда мёртвое. Так что не смешите, Ирина Алексеевна, какое там устное пожелание, мало ли что привиделось старику перед смертью. Что вы на меня волком смотрите, не переживайте вы так – разделим все по закону, поровну между всеми наследниками. Сколько их, кстати?
Катя. С вами – шестеро.
Олег. Ого! А чего так много?
Катя. Четверо его детей, мама и Зина.
Олег. А ху из Зина?
Катя. Женщина, похожая на твою мать.
Ирина. Любовница твоего отца.
Олег. И она тоже в доле?
Катя. На неё есть завещание. Отец завещал ей всю мебель, картины, антиквариат. Ну, в общем всё, что делало наш дом волшебным.

Олег. Беру свои слова назад. Эта женщина не похожа на мою мать. То есть завещание составлено только на эту Зину и на обмундирование дома? А на сам дом завещания нет?

Катя. Нет.

Олег. Значит, будем делить на пять частей.

Ирина. Ну, четыре пятых дома – мои.

Олег. В смысле?

Ирина. Настя и Майк ещё несовершеннолетние, а Катя отказывается от своей доли в мою пользу. Так ведь, доченька?

Молчание.

Ирина. Катя, я не слышу ответа.

Молчание.

Ирина. Катя, так что?

Катя. Да, мама.

Ирина. Олег, а ты помнишь Катю?

Олег. Ну, конечно.

Ирина. Сколько ей тогда было, когда ты у нас гостил? Четырнадцать?

Олег. Вроде того...

Ирина. Правда, красавица она у меня выросла? Она родилась вся в кудряшках. Другие дети лысые, сморщенные, а моя, как ангел. Я, помню, когда родила её, лежу в палате и плачу, заходит медсестра, говорит: «Ты чего ревёшь?». «Я сегодня ангела родила, – говорю ей, – как мне теперь с этим жить?».

Катя. *(Радостно смеется)* Мамочка.... Ну не придумывай....

Ирина. Я не придумываю. Всё так и было. Кстати, что там Зина говорит – из администрации не звонили, нет?

Катя. Нет.

Ирина. Я сама им позвоню. Возьмёшь у Зины телефон? Раз обещали купить дом, пусть покупают, пусть держат слово.

Олег. Значит, всё-таки обещали купить? За деньги?

Ирина. Ну что ты придираешься к словам? Тебе рассказать, как мы тут жили, через что нам пришлось пройти в этом доме?!!

В комнату вбегает Майк. Олег хватает Майка на руки, кружит его.

Олег. А это кто у нас тут такой? Михайло? Здорово, брателло, как жизнь?

Майк. Sorry. I don't speak Russian.³¹

Олег. *(Опускает Майка)* А он совсем...?

Ирина. Совсем. И закроем эту тему.

Олег. За что же вы так с парнем?

Ирина. Настя, сколько времени?

Настя. *(Смотрит в телефоне)* Десять после девяти.

Ирина. Надо говорить десять минут десятого.

Настя. Ок.

Ирина. Все, друзья, вы как хотите, а мне нужно кормить детей. В Америке мы завтракаем в семь.

Катя. Тебе помочь приготовить, мамочка?

Настя. Там Зина напекла панкейков.

Ирина. Нужно говорить оладей.

Катя. Ок.

Ирина. Что она вообще о себе думает? А может быть, мои дети не едят панкейки?

Настя. Ты хотела сказать, оладьи?

Ирина. Какая к чёрту разница?

Настя. Вот и я думаю...

Ирина. Она что считает, что самая умная здесь?! Если она решила добровольно исполнять роль прислуги, то могла бы посоветоваться насчёт завтрака с хозяйкой, то есть со мной.

Катя. Мамочка, мамочка... Она же просто хочет помочь!

Ирина. А мы не нуждаемся в её помощи! Mike, come on! Мы не притронемся к её оладьям. У детей есть молоко, и есть хлопья, есть сухая овсянка, есть яйца. Они так привыкли. У Майка большой желудок в конце концов...

Ирина, Настя и Майк уходят. Катя с Олегом остаются один на один.

Олег. Ну а ты?

Катя. Что я?

Олег. Как вообще живешь?

Катя. Нормально. Перебралась вот в Москву, работаю дизайнером.

Олег. Я тебя не смог найти в соцсетях.

Катя. Искал?

Олег. Искал. Интересно же. Всё-таки, не чужие люди.

Катя. Меня там нет. Я не очень социальный человек.

Олег. И как в Москве?

Катя. Хорошо. Очень шумно. Но хорошо. Я уже привыкла.

Олег. Снимаешь там?

Катя. Да.

Олег. А где?

Катя. Ты, наверное, не знаешь.

Олег. Далеко от центра?

Катя. Сорок минут на метро до Красной площади.

Олег. По вашим столичным меркам, наверное, это ещё ничего себе?

Катя. Да. Хороший район. Квартира хорошая. Нормально. А ты всё также? В Самаре?

Олег. Ну да.

Катя. А где?

Олег. Да в охране.

Катя. Мы тебя искали. Ещё раньше, тогда. Звонили. Хотели сообщить... Ну, в общем, не нашли.

Олег. Да я там пропадаю малёху по своим делам. Я знаю, да... Сколько ей было?

³¹ Извините, я не говорю по-русски.

Катя. Девять.
Олег. А что случилось?
Катя. Пошла купаться с подружками на реку. А там поблизости размыло скотомогильник. Она порезалась, пошла инфекция. Начала прихрамывать. Но она же у нас занималась балетом, мы не придали значения, думали, растянула ногу где-то. А потом, когда уже парализовало, повезли в областную, и там сказали, что... заражение уже пошло в кость. Ну, в общем, через две недели Наташи с нами не стало.

Олег притягивает к себе Катю, обнимает её, гладит по плечам. Наконец Катя отсрывается от Олега, вытирает слезы.

Олег. Ты как?
Катя. Всё нормально. Нормально, правда.
Олег. Это я дурак, полез с расспросами.
Катя. Нет, правда, нормально. Не обращай внимания, я уже нормально.
Олег. Нормально, точно?
Катя. Да, нормально.
Олег. Прямо нормально-нормально?

Катя улыбается.

Катя. Нормально-нормально.
Олег. Ты такая красавица стала, Катюха.
Катя. Я? Да какая там красавица...
Олег. Правда-правда. Ты и раньше ничего себе была. Как там тебя все в детстве звали? По названию ящерицы? Саламандра, да?
Катя. Ага.
Олег. А почему – напомни?
Катя. Глаза зелёные, и в заднице моторчик.
Олег. Точно! Был моторчик! Я помню!

Олег и Катя смеются.

Катя. Прозвище от мамы по наследству перешло. Её тоже в детстве Саламандрой звали.
Олег. *(Кивает на коробки)* А это что? Папины рукописи?
Катя. Вроде того.

Олег берёт одну из тетрадей.

Олег. *(Вчитывается в написанное)* Как это понять? Они вошли в могилу?
Катя. *(Смотрит через плечо Олега)* Во мглу.
Олег. Ты понимаешь его почерк?
Катя. Немного. Когда я была... Ну, до всего этого, я хотела сказать... В общем, когда мы все были ещё семьей, я иногда перепечатывала его рукописи.
Олег. Хотел тебя спросить... Ну, это так, между нами... Он обо мне что-нибудь говорил? Может, спрашивал чего?

Пауза.

Олег. Ну так, типа – а чё там с сыном вообще?

Катя. Конечно, спрашивал. Ты же его сын.
Олег. А что конкретно?

Пауза.

Катя. Разное.... Олег, я не помню.
Олег. Дачу ему мою на фэйсбуке не показывали, нет?

Катя. Какую дачу?
Олег. Ну, мою. Я же дачу построил. Ничего себе такую, в два этажа. Щас, правда, бывшая моя её отсудила. Но я её обратно заберу, там железные аргументы за меня. Я же и про наследство-то чё вспомнил, мне там денег на нормального адвоката не хватает. А дача – вообще сказка! Пятнадцать соток на берегу Волги, мангал, баня, то-сё.... Приглашу тебя как-нибудь, посмотришь. Значит, спрашивал, говоришь? А чё ещё спрашивал? Про внука чё, не? У меня же пацан растёт, Гордеем звать, щас дела свои порешаю и у бывшей отсужу его.

Катя. Пойдём завтракать?
Олег. Ну, пойдём, если матушка твоя меня не прогонит.

Катя. Ты что?! Мама – она же очень добрая! Ты не обращай внимания, она нервная сейчас из-за всех этих дел...

Олег. Да я уже сталкивался с её добротой когда-то...

Катя. Слушай, это было сказано в истерике. Я уверена, что она так не думала. Никто никогда не сомневался, что ты – сын Ильи Петровича.

Олег. Да ладно, проехали... Саламандра, а давай напьемся сегодня вечером?

Катя. Я вообще-то принимаю таблетки, мне алкоголь не очень можно...

Олег. Да ладно, забей.

Катя. Ну, давай...

Олег. Вот! Узнаю Саламандру!

5.

Катя и Олег заходят в столовую. В столовой сидят Ирина, Настя, Майк и Роман. Зинаида суетится вокруг стола – то достанет сметану из холодильника, то уберет в холодильник колбасу. Ирина демонстративно не замечает Зинаиду. Майк куплетает олады.

Ирина. *(Майку)* Do you really like those?³²

Майк. Yeah, mom, they're really good.³³

Ирина. Are you sure about that?³⁴

Майк. Cross my heart, mom.³⁵

Зинаида. Кушай, кушай, Мишенька. Если надо, я ещё спеку. Варенья подкладывай себе.

³²Тебе правда это нравится?

³³Да, мама, это очень вкусно.

³⁴Ты уверен?

³⁵Да, мама, абсолютно.

Майк вопросительно смотрит на Зинаиду. Зинаида пытается жестами объяснить Майку смысл сказанного.

Зинаида. В рот – ам-ам! Вкуснотища! Мням-мям-мям!

Настя смеётся.

Настя. Сразу дом!

Катя. Мама, мы пришли завтракать.

Зина, покормишь нас?

Зинаида. Так конечно! Давайте-давайте, вот сюда присаживайтесь!

Олег и Катя садятся.

Катя. Какой Мишка стал большой! Миша, howareyou?

Майк недоверчиво смотрит на сестру.

Майк. I'm not Misha. I'm Mike. I'm fine, thanks.³⁶

Катя. А как у него спросить, в какой класс он ходит?

Ирина. В четвертый начальной школы.

Катя. А спроси у него – он что-нибудь помнит из своей жизни в России?

Ирина. Катя, отстань от него, он ничего не помнит.

Катя. Совсем ничего, да?

Ирина. Совсем. Его осознанная жизнь началась в Америке.

Олег. Ну а ты, Настена? Ты-то ещё не стала американкой?

Настя. Я ещё не натурализованная американка, так как не имею гражданства Америки, но надеюсь его получить.

Олег. Ох ты, какая важная птица! Ну а если в России начнётся война с Америкой, ты за кого пойдёшь воевать – за русских или за американцев?

Настя. I'm sorry. I don't understand you.³⁷

Олег. Ну чё ты придуриваешься-то?

Настя. I don't want to talk about it. Sorry.³⁸

Олег. Такая маленькая, а уже хамка...

Ирина. Так, Олег, ты пока находишься в моём доме, и я не позволю так разговаривать с моей дочерью!

Олег. В нашем доме, вы хотели сказать, Ирина Алексеевна?

Ирина. А это суд решит – мой он или наш.

Роман. Ира, а у меня же есть для тебя подарок! Я починил нашу беседку. Перед смертью Илья просил меня починить, и вот буквально перед твоим приездом я закончил!

Ирина. Нет уж, давай договоримся. Ты можешь здесь жить до решения суда, но при одном условии – ты живёшь по правилам нашей семьи. Мы все привыкли жить определённым образом, относиться друг к другу уважительно, в

нашей семье не принято оскорблять друг друга и никогда не было принято....

Олег. Да я уже понял, Ирина Алексеевна, что в вашей семье я никто. Вы мне ещё шестнадцать лет назад ясно дали это понять. И убедили в этом отца.

Ирина. А ты вспомни, как ты себя вёл! Как мы с Ильей тебя пьяного тащили из клуба, как ты нас опозорил на весь город, когда тебя патруль нашёл спящим в городской клумбе!

Катя. Мамочка, ну зачем ты так? Ведь Олег нам не чужой!

Олег. Пусть эти сплетни останутся на вашей совести, Ирина Алексеевна.

Майк. Mom, when can I go outside?³⁹

Майк вдруг начинает кашлять – он попрехнулся. Ирина бьёт Майка по спине. Но кашель только усиливается.

Ирина. Майк, Майк! Are you ok? Да что с тобой?!

Ирина продолжает бить Майка по спине, кашель не стихает.

Ирина. Рома, помоги!

Роман подсакивает со своего места, вместе с Ириной они по очереди бьют по спине Майка.

Ирина. Мамочки! Майк, сыночек, давай, кашляй!

Катя. (*Достет телефон*) Я сейчас позвоню в скорую!

К Майку подходит Зинаида, берёт его за грудки, поднимает Майка и ударяет своей грудью в грудь мальчика. Майк судорожно сглатывает злополучный кусок. Затихает. Зинаида ставит Майка на пол.

Ирина. Are you satisfied? How many times have I told you – don't talk when you eat! How many times have I said that?!!⁴⁰

Ирина вцепляется Майку в руку. Майк ревёт.

Ирина. How many times have I said that? Huh? Why don't you listen to me? How many times have I told you? ⁴¹

Роман. Ира, Ира, всё, перестань!

Настя. Мама, он и так боится! Хватитеговоспитывать!

Ирина. How many times have I told you?! Huh?! How many times do I have to say it?⁴²

Катя. Дядя Рома, уведи её!

Роман пытается увести Ирину.

³⁹Мама, а когда мне можно будет пойти на улицу?

⁴⁰Допрыгался? Я сколько раз говорила тебе – не болтай за едой! Сколько раз я тебе говорила?!!

⁴¹Сколько раз я тебе говорила? Сколько раз? Ты почему не слушаешься? Сколько раз я тебе говорила?

⁴²Сколько раз я тебе говорила?! Сколько раз! Сколько тебе нужно повторять?

³⁶ Я – Майк. Не Миша. Я хорошо, спасибо.

³⁷ Извините, я не понимаю вас.

³⁸ Я не хочу говорить об этом. Извините.

Роман. Пошли. Ирочка, всё. Он жив...
Жив. Всё. Пошли в комнату.
Ирина. Принеси мне мою сумку, там
таблетки.
Роман. Где она? Сейчас принесу. Пошли,
всё хорошо...

Роман и Ирина уходят.

Настя. Сумасшедшая.... (Майку) What's
to cry about? Nothing happened.⁴³

Зинаида. Я заберу его в свою комнату? У
меня там телевизор есть, пускай мультик
посмотрит.

Настя. Go with Zina. She'll put on cartoons
for you.⁴⁴

Зинаида. Пойдём, Мишенька, я тебе
мультик включу, пойдём, мой хороший. Мы
завтра в магазин пойдём, я тебе машинку
куплю, хочешь?

**Зинаида протягивает Майку руку, Майк
послушно берет её за руку, они уходят.**

Настя. Вот так и живём.

Катя. Тебе нравится жить в Чикаго?

Настя. Да, абсолютно! В сто раз лучше,
чем здесь.

Катя. А Крис тебя не обижает?

Настя. Крис?! Ты что! Это же Крис!

Катя. Крис не может обидеть?

Настя. Крис? Нет. Он же wimpr.

Катя. Что это значит?

Настя. Ну, простой, добродушный....
Тюфяк, короче.

Олег. (Указывает куда-то) Катя, мне
кажется или нет? Здесь висела картина, на
которой была нарисована дурацкая такая
обезьяна в балетной пачке?

Настя. Мартышка – глупышка.

Катя. Да, висела.

Настя. Папа её продал.

Катя. Она ему напоминала о Наташе.

Олег. Ясно.

Пауза.

Олег. Кстати, а когда у папы сорок
дней?

Катя. В пятницу.

Пауза.

Олег. Настя, сестрёнка, ты это, не дуйся
на меня...

Настя. Ладно. Ноу проблем.

Катя. А пойдёмте в беседку? Посмотрим
– что там с ней сделал дядя Рома.

Олег. Кстати, кто такой – этот ваш
Рома? Я его не помню.

Катя. Дядя Рома – папин друг.
Одиннадцать лет назад у него сгорел дом, и папа
его позвал жить к нам. Ну вот, с тех пор он с
нами и живёт.

Олег. А чем он занимается?

Настя. Он – тоже писатель.

Олег. Хороший?

**Настя с Катей переглядываются, дружно
заливаются смехом.**

Катя. Ну как тебе сказать...

Настя. Своеобразный.

Катя. У него в романах все главные
герои несчастно влюблены и страдают
монологами страниц на пятнадцать. А в конце с
героем что-нибудь случается, иногда он тонет,
иногда его убивают – тут возможны вариации, и
на его могиле героиня понимает, кого потеряла,
и тоже разражается двадцатистраничным
монологом. А в самом финале в небе
обязательно появляются голуби, или лебеди,
или ещё какие-нибудь твари небесные. И это
типа символизирует хэппи-энд и любовь в
загробной жизни.

Настя. Ты все его романы читала?
(Олегу) Я осилила один, и то, потому что мне
его читала Катя в качестве наказания за то, что
я переименовала все её документы на компе в
неприличные слова.

Катя. Я, кстати, до сих пор считаю, что я
тебя мало наказала тогда. Это ж надо было
постараться ещё додуматься!

Настя. Катя, я очень старалась, правда-
правда!

Настя и Катя снова смеются.

Катя. Ну что, идём?

Все трое уходят.

6.

**Ночь. За баней на скамейке сидит Олег,
рядом с ним стоит бутылка водки. Олег
разглядывает скамейку, на которой
сидит. Появляется Катя с пакетом в
руках. На ней толстовка, кеды и джинсы,
отчего она выглядит почти подростком.**

Катя. Вот рюмки. И сыр. А колбасы не
было.

Олег. Все чисто, сэр?

Катя. Все спят. Я проверила.

Олег. Ну, давай, что ли?

Катя достаёт из пакета рюмки и закуски.

Олег разливает водку по рюмкам.

Олег. Первую за отца. Не чокайся.

Катя и Олег пьют.

Олег. Так-то хороший был мужик.
Наверное.

Катя. Да. Он был хороший.

Олег. Жалко, что с мамой моей у них
всё так вышло...Я на него злился, когда он нас
бросил. Не мог простить из-за всех этих дел.
Потом, когда вырос, отпустило. У матери моей
тоже характер был не сахар. Она уже лежащая
была, а Маринку, мою бывшую, чуть до
инфаркта не довела. А по итогу – все в земле

⁴³А ты чего ревёшь? Ничего не случилось.

⁴⁴Иди с Зиной, она тебе мультики поставит.

лежат, как будто и не было ничего. Всех их жалко, короче.

Катя. Илья Петрович был очень хороший... Как тебе в его комнате, кстати? Нормально устроился?

Олег. Да, нормально. Только Зина эта прицепилась – ничего тут не трогай, тут музей будет. А мне теперь чё, по воздуху, что ли, летать?

Катя. Зина смешная...

Олег. Кстати, я только сейчас допетрил. Я же теперь – круглая сирота, получается.

Катя. Получается, так.

Олег. Люди добрые, пожалейте круглую сиротинушку, подайте копеечку!

Катя смеётся.

Катя. У тебя получается, хоть сейчас на паперть.

Олег. По приютам я скитался... Ну давай.

Олег разливает водку.

Олег. Давай за Ирину Алексеевну? Дай ей бог здоровья. Ну и доброты немного.

Катя. Ты что, мама очень хорошая...

Олег. Да у тебя все хорошие. Давай.

Пьют.

Олег. Саламандра, скажи честно.

Катя. Что?

Олег. Только честно.

Катя. Уговор.

Олег. Я слышал обрывок разговора Ирины Алексеевны с этим Романом.

Катя. И?

Олег. Она хочет попросить за дом у государства шесть лямов.

Катя. И что тут такого?

Олег. Ну... А ты всерьёз считаешь, что за шесть лямов они этот дом купят? Это не слишком как-то, нет?

Катя. Конечно, не слишком. Олег, это же русский деревянный модерн!

Олег. Модерн-шмадрен, это я всё понимаю.... Ну он же, сама понимаешь...

Катя. Это культурное наследие!

Олег. Это я тоже уже слышал. И про его историю, и про купцов Семирязовых... Но только историей щели в стенах не заткнёшь. И плесень мемориальной доской не выведешь.

Катя. Какое государству дело до щелей? Они музей покупают, а не офисное здание!

Олег. Ладно, ладно... Просто я подумал – не отпугнёт ли их сумма? В нашей ситуации лучше хоть какие-то деньги, чем ничего...

Катя. Ты не жил в этом доме. Ты его ценности не понимаешь вообще. Какие щели? Какая плесень? Этот дом – он же как... Как я не знаю... Как часть этого города, его земли, неба...

Пауза.

Олег. Тут на скамейке какие-то надписи. Не знаешь, откуда? Древние письмена?

Пауза.

Катя. Это я писала. В шестнадцать лет.

Олег. Я так и не разобрал.

Катя. Никто никогда не узнает.

Олег. Не узнает чего?

Катя. Так... Ты не обращай внимания на нас.

Олег. То есть сделать вид, что вас не существует?

Катя. Нас и не существует. Давно уже. Мы все умерли пять лет назад.

Олег. Это как-то сложно.

Катя. Это не сложно. Это просто надо понять. Сейчас решится вопрос с домом. И мы разъедемся. И больше никогда не увидимся. Так будет лучше для всех. Мама с детьми вернётся в свою Америку. Зина уедет в Новочеркасск. Ты – в Самару. Я – в Москву. Дядя Рома уйдёт в монастырь.

Олег. В монастырь?

Катя. Ему некуда больше идти. Просто был такой большой период... Семья. А теперь он закончился. Пять лет назад...

Олег. Это из-за смерти Наташи, да?

Катя. Отчасти. Просто до Наташиной смерти все делали вид. Что мы семья, что мы единое целое, несмотря на... А потом... Ни у кого не стало сил делать вид, и всё то, напускное, что было, развалилось, а под ним оказалась труха. Оказалось, что всё сгнило уже давно, а мы просто не знали об этом и делали вид.

Пауза.

Олег. Да уж. Ну а как у тебя в Москве?

Катя. В Москве? В Москве у меня хорошая зарплата, и в девять вечера я ложусь спать.

Олег. Значит, с личной жизнью не очень?

Катя грустно улыбается.

Олег. Сейчас столько сайтов знакомств... Может, попробуешь, зарегистрируешься?

Катя. Я тебе уже говорила – я не очень социальный человек. Меня пугают соцсети.

Олег. А что в них такого страшного?

Катя. Там нужно рассказывать о себе. А если я начну рассказывать о себе – все мои потенциальные поклонники в ужасе разбегутся.

Олег. Ну, ты напиши в общих чертах... Молодая, красивая, в/о, ч/ю, ищу мужчину для серьёзных отношений...

Катя. А я не ищу. С чего ты взял, что мне кто-то нужен?

Олег. Для здоровья хотя бы. Ты же молодая ещё баба. Женщина, я хотел сказать.

Катя. Зачем мне здоровье?

Олег. Ну как?..

Катя. А вот так. Не переживай за меня, если мне понадобится мужчина, я его найду.

Олег. Найдёшь?

Катя. Найду.

Олег. Уверена?

Катя целует Олега.

Катя. Да.

Олег. Эй! Мы же с тобой практически брат и сестра...

Катя. Неправда. Ты мне не брат. Я не вашей породы. Я – другая.

Целуются.

Олег. Как-то это всё... Давай выпьем?

Катя. Давай.

Олег разливает. Пьют.

Катя. Откуда у тебя татуировка на руке?

Олег. Я ведь сидел, Саламандра.

Катя. Долго?

Олег. Дали четыре. Отсидел два с половиной, вышел по УДО. Жена бывшая меня из тюрьмы дождалась, а как вышел – загуляла. А может, и раньше гуляла, я так и не вкурил. Вот что им, бабам, нужно – не пойму. Дом ей построил. Сына родили.

Катя. А за что сидел?

Олег. Налоги. Замутили с другом дельце одно. Перешли дорогу местному авторитету. Ну и понеслось. А в бизнесе у нас кристально чистых не бывает, ты же знаешь. В итоге другу – шесть, мне – четыре.

Катя. Вас там хотя бы кормили?

Олег смеётся.

Олег. Как видишь – жив. С голоду не помер.

Катя. Я имею в виду, с вами там нормально общались?

Олег. Тюрьма – есть тюрьма. И в тюрьме есть гниды, а есть нормальные люди.

Катя. Тебя там не били?

Олег. Слушай, Саламандра, хорош! Чё сейчас про это говорить? Отсидел и отсидел...

Катя. Ладно. Извини. Просто мы же ничего не знали... Почему ты нам не написал?

Олег. А чё писать было? Да и кому? Ирине Алексеевне на это дело явно начихать было бы.

Катя. А отец?

Олег. Да что отец... Я так понял, вы тут и без моих проблем не гладко жили.

Катя. Не гладко... Знаешь, когда умерла Наташа – я думала, что это и есть ад. Забрать из морга, похоронить, купить в детском мире белое платье, потом маленький гробик на заказ, выстоять отпевание, высидеть поминки. Я так думала. А настоящий ад начался потом. Когда после похорон Илья Петрович поднялся к себе, лёг, укрылся одеялом с головной и завыл, как сумасшедший старик. А когда через четыре часа он вышел из своей комнаты – он был полностью седой. А потом он принёс из машины ящик

водки, который остался с поминок и стал пить. И так он пил и выл, пил и выл, и снова пил... Дядя Рома работал сторожем тогда и стал нас всех кормить. А мы не знали, что делать. Миша бесконечно болел, Настя скатилась на двойки, у неё начались кошмары, ей везде виделась мертвая Наташа. И нам она тоже стала везде видаться. Первой не выдержала мама – раскопала где-то на сайте знакомств этого Криса, схватила детей и уехала. Мы остались втроём. Утром дядя Рома уходил на работу, а мы оставались с Ильёй Петровичем, как загнанные в одну клетку звери. Он пил, а я смотрела, как он пьёт. А один раз взяла и тоже выпила. И мне полегчало. Как-то даже хорошо стало. Какой-то свет в конце тоннеля появился, знаешь. Подумала – можно ведь начать всё сначала. Уехать.

Ну, как ты понимаешь, я никуда не уехала... Просто каждое утро просыпалась, выпивала несколько рюмок и начинала думать о том, как уеду. А к вечеру уже уезжать никуда не хотелось. Мы с Ильёй Петровичем ходили на местную барахолку, продавали картины, какие-то ложки, подсвечники... Один раз пожилая женщина подошла ко мне на улице и дала сто рублей. Она сказала: «Я знаю, у вас горе, возьмите». И я взяла. Вот днище-то...

Олег. Бедная ты девчоночка...

Катя. А после этого я пришла домой, нашла мамину аптечку, выпила все таблетки, которые там были, запила их водкой и легла спать. Очнулась в реанимации. Из реанимации меня перевели в психушку. Я там пролежала три месяца, а потом дядя Рома через старых Ильи Петровича друзей добился, чтобы меня перевели в Московскую больницу. Вот так я оказалась в Москве. После выписки мне некуда было возвращаться, и я осталась там. Эти старые Ильи Петровича друзья устроили меня пожить в общежитие литинститута, пока не найду работу. И я там долго ещё жила... А теперь у меня всё хорошо.

Олег молча разливает водку по рюмкам.

Олег. Давай за тебя? Столько ты всего пережила...

Пьют. Молчание. Катя смотрит перед собой. Взгляд её постепенно становится «стеклянным», как будто она смотрит и не видит.

Катя. Я хочу, чтобы всё стало как прежде. Чтобы Наташа бегала по дому в нами подаренной ей пачке... Чтобы она бегала и кружилась. Бегала и кружилась. А мы бы ей аплодировали.

Олег. Что поделать... Прошлоgone вернуть. Я тоже в зоне наслушался всякого. Такие трагедии у людей случаются. Так послушаешь и думаешь – вот за что им это все

бог послал? Вроде не уроды, не беспредельщики, обычные россияне.

Катя. Я просто хочу, чтобы Наташа кружилась по дому в пачке, а мы бы ей аплодировали. Просто хочу... Чтобы она бегала и кружилась в пачке. Мы подарили ей пачку которую... Просто хочу, чтобы она кружилась...

Олег. Саламандра, ты чего? Тебя переклинило, что ли?

Катя. Просто хочу, чтобы все как прежде... Чтобы Наташа бегала и кружилась по дому... Просто хочу...

Олег. Катя, всё!

Катя. Просто хочу...

Олег. Давай, пошли домой!

Олег тянет Катю за руку.

Катя. Не трогай меня! Я просто хочу...

Олег. Катя, всё, посиделки закончились! Пошли!

Олег пытается сдвинуть Катю с места.

Катя. Не трогай меня! Не трогай! Не трогай!!!

Катя визжит.

Олег. *(Поднимает руки вверх)* Всё, всё, я тебя не трогаю! Пошли в дом!

Катя. Я никуда не пойду! Никуда! Я просто хочу, чтобы всё стало по-старому...

Олег. Да я понял уже!

Катя встаёт, идёт куда-то.

Олег. Ты куда пошла?

Катя. К Наташе.

Олег. Никуда ты не пойдешь!

Катя. Кто сказал?

Олег. Я сказал! Я тебя не пущу!

Катя. А кто ты такой, чтобы здесь командовать? Я просто хочу, чтобы всё было по-старому...

Олег пытается взять Катю на руки и отнести в дом, Катя отбивается, кричит. Во двор выходит Ирина.

Ирина. Что тут у вас происходит?

Олег. Катю клинаноуло...

Ирина. Вы пили, что ли?

Олег. Ну, выпили немного...

Ирина. Олег, ну зачем?! Ей же нельзя, она же пьёт лекарства!

Олег. А я откуда знал?!

Ирина. *(Подбегает к Кате)* Доченька, всё! Пошли домой! Пошли, моя хорошая... Давай, держись за меня...

Ирина обнимает Катю, пытается увести ее.

Катя. Мама, я просто хочу, чтобы всё было по-прежнему...

Ирина. Будет. Будет. Всё будет.

Катя. Мама, ты меня прости...

Ирина. Я тебя прощаю.

Катя. Мама, ты правда прости...

Ирина. Я давно простила.

Катя. Мама, ты знаешь, кто отец Наташи?

Ирина. Я знаю, знаю, пошли.

Катя. Мама, я тебе давно хотела сказать...

Ирина. Не надо, Катя, пошли в дом.

Катя. Мама, я должна сказать, давай я скажу?

Ирина. Я сказала – нет, я не хочу ничего слышать...

Катя. Мама, нет, я скажу, мне надо сказать... Отец Наташи...

Ирина хватается ведро воды, стоящее у бани, и выплескивает его на Катю. Катя от неожиданности начинает шумно глотать воздух, не может отдышаться. Наконец, она успокаивается, затихает.

Ирина. Пошли домой?

Катя. Пойдем. А где все?

Ирина. Кто – все?

Катя. Кто тут сидел.

Ирина. Все спать ушли. И тебе пора.

Катя. Мамочка, ты меня любишь?

Ирина. Любишь. Пошли.

Ирина, уводя Катю, вдруг оборачивается к Олегу.

Ирина. От одноклассника она родила, дура! В шестнадцать лет! От Виталика! От одноклассника!

Конец первого действия.

Действие второе.

1.

Утро. В столовой за круглым большим столом собрались Зина, Ирина, Настя, Майк и Олег. Завтракают.

Ирина. Илья – он вообще-то лицо этого дебильного города, его гребаные романы – культурное наследие. Да они должны на коленях к нам приползти и уговаривать продать им этот дом! Они не понимают, какие деньги могут потерять!

За окном снова идёт дождь. Потолок начинает протекать. Крупные капли стучат по эмалированным тазам.

Ирина. Сюда туристы автобусами приезжать будут, тоннами их тупую деревянную сувенирку скупать! Что такое шесть миллионов для города? У мэра машина больше стоит!

Олег. *(Смотрит на протекающий потолок)* А если всё же меньше предложат?

Ирина. Категорическое нет! В таком случае забьём окна досками и оставим всё, как есть!

Олег. Оставить как есть всё равно, что подарить дом бомжам. Да он и сам без ухода рухнет лет через пять.

Ирина. Нет, даже если они начнут торговаться.... Хорошо, пять восемьсот... Ну, пять четыреста.... На меньшее мы не согласны. Они что, бесплатно что ли его захотели? Я никому ничего дарить не собираюсь.

В столовую заходит Роман. Все оборачиваются на него. Роман кладёт папку с документами на стол рядом с Ириной.

Ирина. Ну что? Что? Согласны?

Олег. На шесть?

Роман молчит.

Ирина. Предложили меньше? Сколько?

Роман. Мы – удивительно нелюбопытные люди. Даже странно.

Ирина. При чём тут это?

Роман. Мэра посадили. Уже неделю как.

Ирина. Oh, my God! А те, другие, кого ещё не посадили – они что сказали?

Роман. Они сказали – звоните федералам, у нас таких денег нет, мэр нам никаких указаний на этот счёт не давал.

Ирина. Ну, это нормально... Не купит город, купит область, это даже лучше... Тогда можно и за восемь... Завтра поедем в областную администрацию...

Роман. Ира, я позвонил в областную, мне сказали, что знать не знают ни про какого Илью Петровича, ни про его дом. Сказали, это город должен шевелиться.

Олег. *(С силой бьёт кулаком по столу)* Вот суки! Зина, а вы точно ничего себе не перепутали? Именно в таком ключе шёл разговор – придут и купят? За государственные деньги?

Зинаида. Да в таком, в этом самом! Илья Петрович и завещание на меня потому и составил, чтобы я лично проследила, чтобы всё в доме осталось, всё музею отошло... Рукописи, книги... Чтобы я дарственную потом на них, на музейщиков написала. Ему ведь больше не на кого было надеяться.

Ирина. Да, грустно, что под конец жизни у моего мужа так знатно поехала крыша...

Зинаида. У некоторых она едет ещё задолго до смерти.

Ирина. Вам плохо даются каламбуры, Зина, это не ваше.

Зинаида. Зато всё остальное тут мое...

Ирина. О! Началась делёжка имущества! Проснулась Новочеркасская кровь! Зина, вы меня уж простите, пожалуйста, что я из вашей чашечки пью? И за вашим столом сижу? Какая же я дура, не догадалась у вас спросить – можно ли мне вообще к вашему драгоценному имуществу своими грязными руками прикасаться? Идиотка недогадливая! Я же тут и

полотенцами вашими вытиралась, и на кровати вашей спала. Простите меня, Зина, умоляю вас слёзно. Простите, нет?

Зинаида. Да я вообще не это имела в виду... Зачем сразу-то.... Пользуйтесь, это всё ваше, кто вам не разрешает, я же не...

Ирина. А мне не нужно ваше разрешение, Зина! А знаете, почему? Потому что я и мои дети – наследники первой очереди! А ваше завещание – бумажка, подтереться и выбросить. Вы тут – никто, Зина. Любой суд аннулирует эту писульку! Что вы на меня так смотрите? Да, мы будем судиться с вами. Я никому ничего дарить не собираюсь! Продам тут всё! Вместе с домом продам! Я найду кому! Что у нас, в конце концов, в стране олигархов мало? Что мы, мецената не найдём?

Зина тихо плачет.

Олег. Ирина Алексеевна, я, конечно, не сомневаюсь, что у нас богатая страна и куда ни плюнь – попадёшь в олигарха, но давайте как-то более трезво смотреть на вещи!

Роман. Ирочка, не хочу тебя расстраивать, но эти вещи не так-то просто будет продать... Я смотрел на специальных сайтах, там такого антиквариата много... Стоит он копейки и выглядит лучше нашего. Тут нужен будет хороший реставратор... А книги, их вообще сейчас никто не покупает. Так может быть, действительно, не ввязываться в это? Пусть Зинаида передаст в музей...

Ирина. Значит, предлагаешь ей всё это подарить? Ну, конечно, она же бедная-несчастливая Зина из глухомани, она очень бедно и несчастно живёт. А знаешь, как я живу? Знаешь? Ты что, думаешь, Крис – миллионер?! Нет, он не миллионер, он обычный менеджер! Мы в долгах по уши! Ты что думаешь, эту жизнь в Чикаго мне на блюдечке подарили? Наш дом? Настино образование?! Мишкин этот грёбаный теннис? Ты знаешь, сколько стоит простая медицинская страховка? Бензин? Один раз сходить семьей в зачуханную тайскую забегаловку?

Майк. Зина, оладушки! Мням-мням оладушки! Ещё!

Все замирают.

Зинаида. *(Вытирая слёзы)* Что, миленький? Оладушек тебе ещё? Сейчас подам.

Зинаида вскакивает, несёт тарелку с оладьями, суется вокруг Майка.

Зинаида. Вот... Сметанку ещё подкладывай... Сметанка! Мням-мням! Вкусно! Вкусно, скажи? Вкусно!

Майк. Вкусно!

Зинаида. Вот молодец, какой хороший мальчик!

Майк. Вкусно! Вкусно! Оладушки мням-мням! Вкусно!

Майк смеётся.

Настя. Wow! Он заговорил по-русски! Скажи ещё что-нибудь? Майк, давай!

Майк. *(Залтом выдает все свои познания в русском языке)* Оладушки, вкусно, бибика, собачка, кашка, магазин!

Все хохочут.

Олег. *(Вдруг резко становится серьёзным)* Нужно продавать дом.

Ирина. Что?

Олег. В любом случае нам нужно продавать дом. Государству или частникам – не имеет значения. Нам всем нужны деньги. Я не прав?

Роман. Вы правы. А всё же жалко. Эти картины, мебель, книги... Он столько лет всё это собирал. И если не в музей, то...

Олег. Пусть картинно-мебельный вопрос решает Зинаида. Завещание составлено на неё. Если, конечно, Ирина Алексеевна не решит его оспорить...

Ирина. Почему это не решит? Я уже всё решила.

Зинаида. Ну, вот за что вы все ко мне вот так-то?

Зинаида выбегает из столовой. Майк срывается со своего места, бежит следом.

Ирина. Mike, come back here!⁴⁵

Настя. Quit running after stray woman, Mike! What's so good about her?⁴⁶

Ирина. Ладно, пусть бежит. Дурачок какой, а? Жалко ему тётю. Если честно, для меня это тоже как-то... Неправильно. Что вы так смотрите? А, я понимаю, вы все привыкли считать меня бездушным монстром. А я здесь вообще-то пятнадцать лет прожила, родила двоих детей, мне здесь тоже всё не чужое...

Роман. Я согласен, Ира. Продавать дом неправильно.

Олег. А что вы предлагаете, Роман? Нам всем разъехаться ни с чем, оставить вас тут с Зиной на хозяйстве? Мы будем захлебываться в долгах, а вы будете жить припеваючи в роскошном доме? Этак вы ещё и детей с ней народите, такими темпами, и здесь же их пропишете.

Роман. Я попросил бы.

Ирина. Успокойся, Олег, не надо... Я не знаю, как выйти из этого... Не знаю. Мне нужно домой.

Олег. Вы сами говорили, вам в Чикаго не особо-то хорошо живётся.

Ирина. Может быть. Но я не могу вот так вот, взять и...

В столовую заходит Катя. Олег насмешливо смотрит на неё.

Олег. Что? Головка бо-бо?

Катя подходит к раковине, включает воду, пьёт из-под крана.

Ирина. Доченька, ты как?

Катя. Нормально...

Ирина. Город отказался покупать у нас дом под музей. Мы тут обсуждаем вопрос – продавать нам дом или нет. Ты как считаешь? Продавать?

Катя. Продавать, конечно...

Ирина. Подожди... Но ведь для тебя этот дом...

Катя. Что для меня?

Ирина. Мне всегда казалось, что для тебя он значит больше, чем для всех нас.

Катя. Тебе казалось. Он многое значил, когда у нас была семья. Пусть странная, невротическая, но семья. А сейчас у нас её нет. И этот дом – бессмысленное чудовище, которое сожрёт нас при первой подвернувшейся возможности, если мы от него не избавимся.

Ирина. Скажи, тебе совсем не жалко?

Катя. О чём ты?

Ирина. Не жалко дом? Меня?

Катя. А почему мне должно быть жалко тебя? У тебя все хорошо, ты живёшь в Чикаго. Это я восемь месяцев пролежала в психушке, а не ты...

Ирина. Началось! Всё, всё, прекрати! Ещё одно слово о психушке...

Катя. И что?

Ирина. И я не знаю! Хорошо! Продавать так продавать! Да делайте вы что хотите! Здесь всё равно уже ничего моего нет! Я надеялась, что вы хоть как-то... Что для вас Илья хоть что-то в вашей жизни... Что мы если не музей, то хоть какой-то мемориал...

Ирина выбегает из столовой. Роман встает, выходит за ней следом.

2.

Ирина в своей комнате швыряет вещи в чемодан.

Ирина. К чёрту! К чёрту! К чёрту!

В комнату заходит Роман.

Роман. Не надо так.

Ирина. А как? Если это никому не надо, то и мне не надо!

Роман. Ты сама говорила...

Ирина. Что я говорила?

Роман. У тебя проблемы в Чикаго.

Ирина. Я думала, здесь будет музей...

Роман. Музея не получилось. Но тебе ведь нужны деньги.

Ирина. Я не понимаю – неужели им никому, совсем никому не жалко?

Роман. Ты сама говорила, что тебе здесь ничего...

Ирина. Мне – нечего! А им?

⁴⁵Майк, остановись!

⁴⁶Майк, хватит бегать за чужой тёткой! Что ты в ней нашёл?

Роман. У Кати сложное состояние...
Ирина. Перестань! Я слышать уже не могу про её состояние!
Роман. Ты совсем не понимаешь? Про Наташу, про её жизнь...
Ирина. Я всё понимаю! Всё! В этом вся и проблема, что я понимаю! Если бы я ничего не знала, если бы я... Всё, всё, всё, не говори больше ничего! Я уезжаю, всё!

Пауза. Ирина собирает вещи.
Ирина. Я думала, им жалко... Всё-таки Илья, он, понимаешь, он был... Да, может быть, не самым, но он был хорошим писателем. Он написал двенадцать романов. Он собрал коллекцию. Я думала, я буду приезжать... Хорошо, пусть не как вдова, а допустим, как сука-вдова, которая его бросила... Но что-то останется. Может быть, Настя или Майк в дальнейшем, они бы приезжали... А теперь всё. Ниточка рвётся. Всё. Больше ничего никогда. Я больше никогда не вернусь в Россию. Никогда. Никогда, понимаешь. Я до конца жизни буду там, в этой Америке, в этом компьютерном городе. Жить не своей жизнью. Да, я знаю, что всё делаю правильно, это всё правильно, есть Настя и Майк... Но я до конца жизни буду жить там. И будет Крис. До конца жизни. Будут школа детей, потом их колледжи, неоплаченные счета, походы по выходным в тайский ресторан, маникюр, беговая дорожка в спортзале... И больше ничего.

Роман. Я тоже не могу поверить.
Ирина. Поверить во что?
Роман. В то, что больше не увижу тебя.
Ирина. Рома, оставайся. Оставайся. Оставайтесь с Зиной. Мы найдём для Олега деньги на его долю. Что-то продадим. Оставайся, будь здесь хозяином.
Роман. Не могу.
Ирина. Почему? Ты столько лет жил здесь с нами, столько лет был членом семьи. Это и твой дом тоже.
Роман. Нет. Отец Серафим уже дал добро...
Ирина. Монахом, что ли, будешь?
Роман. Да куда мне. Пока послушником пойду, а там...
Ирина. Всё можно переиграть. Зачем тебе этот монастырь? Я не помню, чтобы ты особо верил в бога.
Роман. Ну... А теперь верю.
Ирина. А я тебе не верю.
Роман. Я – бездарь, Ира.
Ирина. И что? Ты из-за этого, что ли?
Роман. И да, и нет. Просто... Не хочу никого мучить. И видеть никого... Вы столько лет про это знали и молчали.
Ирина. А что нужно было говорить?
Роман. Я раньше думал: «Зачем я нужен Илье? Вроде бы мы даже не особенно и близки,

а всё же – столько лет вместе». А недавно я понял. Знаешь, красивые девушки очень любят заводить себе страшеньких подруг. Чтобы оттенять на их фоне свою красоту. Так вот, для Ильи я много лет был той самой страшенькой подружкой. Скучным бесталанным неудачником-погорельцем.

Ирина. Это не совсем так было...
Роман. А как?
Ирина. Просто Илья... Ему невыносимо было одному. Он же из деревни, он привык по сто человек за одним столом. Ему было подавай родовое поместье, гнездо, род... А мы оказались хилыми индивидуалистами и развалили все его начинания. Ты – единственный человек, за которого он мог ухватиться. Оставайся. Я прошу тебя.

Роман. Нет, хватит жить чужой жизнью.
Роман смотрит на Ирину, затем подходит к ней, пытается её поцеловать.

Ирина. *(Отстраняясь)* Не надо, Рома.

Роман. Просто я...

Ирина. Я знаю. Я всё знаю.

Пауза.

Ирина. Когда я выходила замуж за Илью, я видела, какой он. И то, что он выпивал, и его увлечения... Мне говорили – зачем? А я смотрела на него и думала: «Но я смогу его переделать». Я смогу... Я, понимаешь? Ради меня он станет другим. А оказалось, что никого переделать нельзя. И переиграть ничего... Удачи тебе там, в монастыре.

Ирина хочет уйти.

Роман. Ира, подожди... Скажи, а тогда зачем?..

Ирина. Я очень сильно любила Илью, Рома. Хотела ему отомстить. Уничтожить...

Ирина выходит из комнаты. Роман с космической скоростью перебирает чётки, что висят у него на руке.

3.

Катя моет посуду. Олег помогает – собирает посуду со стола.

Катя. Так странно. Ничего.

Олег. Что ничего? По-моему, ничего себе всё...

Катя. В больнице мы привыкли – после обеда сон-час, потом групповое занятие, потом прогулка... Дни проходили так вместительно. А сейчас – ничего.

Олег. Ты скукаешь по больнице?

Катя. Нет. Просто здесь есть воздух. И им тяжело дышать.

Олег. А мне нормально. Нормально вообще. Даже Ирина Алексеевна не такой

монстр, как казалось бы... И воздух, такой воздух...

Катя. Ты же приехал за деньгами.

Олег. Приехал. Но тут воздух.

Катя. Воздух есть везде. У меня квартира тридцать два квадрата. Там нет ничего. Но там тоже есть воздух. Когда я просыпаюсь, иногда думаю: «Вот и я живу тоже».

Олег. Почему ты ничего не изменишь?

Катя. Для того чтобы что-то изменить, нужна вера. Нужна любовь.

Олег. И что?

Катя. А её нет.

Олег. А ты придумай.

Катя целует Олега.

Катя. Придумала вот.

Олег. Ты серьезно?

Катя. А то нет?

Олег. Нет, ты если как бы...

Катя. Успокойся, мы не брат и сестра...

Олег. Ты таблетки пьешь.

Катя. И что?

Олег. Не знаю.

Катя. Это не заразно.

Олег. Но всё это...

Катя. Тебя пугает, что я лежала в психушке? Да, я лежала в психушке, но я не кусаюсь, успокойся!

Олег. Меня пугает вообще вся ваша семья!

Катя. А ты – не наша семья?

Олег. Выходит, что нет. Ну как бы, отец мной не интересовался...

Катя. Я тоже не ваша семья.

Олег. Но ты как бы...

Катя. Я как бы... Ты прав.

Олег. Я не знаю, что там было, но...

Катя. Там ничего не было. Ну как... Знаешь... Мне было четырнадцать... Я тогда увлекалась «Кино» и «Doors». «TheDoors»! Я не могу сказать, что до этого ничего... Но это были просто странные взгляды. «Оденься, надень нормальную юбку, не носи эти шорты» – так она мне говорила. Это было просто. Просто обычно... Как «съешь кашу». Это она сама, она сама виновата... У меня были проблемы в школе. С одноклассниками и вообще. И он сказал: «Пойдём, поговорим». Мы пошли туда, где заброшенный завод, по рельсам. Там была чёрная пыль на земле. Мы говорили о «TheDoors». О школе мы не говорили. Просто вообще... Была осень, все было так странно, чёрная земля, и заброшенный завод рисуется в стеклянном небе словно замок. Я заплакала. Тогда он взял мою руку и поцеловал её в ладошку. А потом мы пошли домой. Всё, ничего больше. И уже возле дома она выбежала из-за кустов, она начала кричать, она кричала: «Я всё видела, я видела, видела, видела, я всё знаю!».

И потом ещё сказала мне: «Тебе не рано с мужиками гулять?». И тогда он залепил ей пощечину. А я побежала обратно к заводу, туда, где чёрная земля. Потом они искали меня, бегали там и кричали. А я сидела в разрушенном вагончике и не выходила. Долго-долго... И я решила там, что если она так думает, то и пусть... Значит, в этом правда что-то есть. Что, получается, я ей теперь не дочь, а какая-то соперница. А до этого я никогда об этом не думала, я ничего не понимала до этого. Наутро я надела короткое белое платье и пришла к нему в кабинет... Но тогда он ещё не понял. А потом...

Олег. Не надо, всё, не рассказывай...

Катя. А потом...

Олег. Всё, я не хочу знать, что там у вас...

Катя. Я заболела, и он пришёл с графином, а в графине был клюквенный морс...

Олег. Саламандра, я серьёзно, всё, хва!

Катя. И вот тогда он всё понял, что происходит и он даже не сопротивлялся этому, почти нет, только дрожал потом...

Олег залепляет Кате пощечину.

Олег. Не надо мне рассказывать эти гадости о моём отце! Если что-то было, я не знаю, было или нет, но если что-то и было, можно это держать при себе? Можно не раскладывать передо мной своё грязное бельё?

Катя замолкает. Молчание.

Олег. Прости... Просто правда, не надо тебе было...

Катя молчит.

Олег. Ладно, я пойду, наверное...

Катя молчит.

Олег. Ну ладно, всё, Саламандра... Ты же крутая, просто тебя иногда заносит, сама знаешь... Ну всё... Ну скажи что-нибудь...

Олег пытается дотронуться до Кати.

Катя. (Спокойно) Не трогай меня.

Олег. В смысле, я не трогаю...

Катя. Вообще ко мне не прикасайся.

Олег. Ты же пять минут назад сама на меня вешалась. Говорила, что влюбилась.

Катя. Я пошутила.

Олег. В смысле, пошутила? А зачем?

Катя. Да просто так.

Олег. Ничего себе ты даёшь!

Катя. Ну вот... Зачем-то вот так.

Олег. Саламандра, можно тебя попросить?

Катя. Да?

Олег. Не рассказывай мне больше ничего про свою жизнь, пожалуйста. Вообще ничего. Никогда.

Олег выходит из столовой.

Столовая. По столовой идёт Оценщик – мужчина лет пятидесяти, за ним вся семья. Оценщик периодически фотографирует столовую и предметы интерьера на телефон.

Оценщик. Метраж столовой не знаете?

Ирина. Точно нет. Но где-то двадцать...

Оценщик. Хорошо. А это что у вас тут на потолке? Чёрные пятнышки?

Ирина. Это у нас был салют...

Роман. (Насте) Твоя работа...

Катя. Они с Наташей варили сгущенку, и банка взорвалась...

Настя. Мы тогда так перепугались...

Спрятались под лестницу.

Ирина. Да я помню – грохот был такой, как будто война началась!

Роман. Представляете, мы оставили в столовой двух девочек. Потом взрыв, мы все прибегаем – вся комната в сгущенке, а девочек нет! Испарились!

Оценщик. А тазы зачем?

Зина спешно убирает тазы.

Ирина. Это Зинаида тут вещи стирала....

Оценщик. Вы, кажется, писали, что у вас есть водопровод?

Ирина. Да, дом газифицирован, вода, канализация – всё имеется. А Зинаида всё никак у нас привыкнуть не может. По старинке стирает.

Зинаида. Ага! Деревенщина я!

Зина уносит тазы в чулан.

Оценщик. Кухонный гарнитур у вас старый, да?

Ирина. Ну, он, конечно, старый. Но не очень. Илья Петрович в девяносто девятом с премии купил. Он даже по телевизору тогда сказал в интервью: «Потрачу премию на новый кухонный гарнитур». Тогда стало модно отдавать премии на благотворительность, а он со своим гарнитуром нелепо выглядел тогда...

Катя. Ты помнишь, как мы его устанавливали? Дядя Рома, вы помните? Мама сказала, ширина под фартук между шкафами должна быть шестьдесят сантиметров – ни больше, ни меньше. Илья Петрович с дядей Ромой повесили шкафчики раз – пятьдесят восемь, повесили два – шестьдесят один...

Ирина. В промежутке успели выпить три бутылки водки...

Роман. Так, это уже другая история!

Катя. В итоге они спрятали все линейки и рулетки в доме, чтобы мама не поняла, сколько там сантиметров.

Ирина. И мне пришлось измерять это чёртово расстояние между шкафами спичечным коробком по пять сантиметров... Можно, кстати,

было и не измерять. По их лицам и так было понятно – кто-то где-то накосячил!

Роман. Но мы честно хотели шестьдесят! Просто кто-то не учёл погрешность от неровных стен.

Ирина. Просто у кого-то проблемы с геометрией! Господи, как всё это было давно! А как будто вчера.

Оценщик. Так, здесь мне всё понятно. Пойдёмте дальше?

Ирина. Да, идёмте, вот сюда...

Все переходят в гостиную.

Оценщик. Метров тридцать здесь?

Ирина. Где-то так... Когда праздновали юбилей Ильи – сюда вместились пятьдесят человек.

Настя. Да, папин юбилей! Мы с Наташей ещё делали концерт! Наташа танцевала, а я читала стихи.

Катя. Я помню эти стихи!

Настя.

В этом доме большом раньше пьянка была

Много дней, много дней,

Ведь в Каретном ряду первый дом от угла –

Для друзей, для друзей.

За пьянками, гулянками,

За банками, полбанками,

За спорами, за ссорами, раздорами

Ты стой на том,

Что этот дом –

Пусть ночью, днём –

Всегда твой дом,

И здесь не смотрят на тебя с укорами.

Оценщик. Это же Высоцкий!

Настя. Я тогда Высоцкого не знала. Я в книжке прочла, думала, это стихи.

Ирина. Вот тут буфеты у нас ещё старинные... Вторая половина девятнадцатого века. Илья Петрович собирал.

Оценщик. Можно посмотреть?

Оценщик открывает дверцу одного из буфетов. В столовую в это время входит Зина.

Зинаида. Только осторожнее, там музейные вещи!

Ирина. О! Зина проснулась!

Зинаида. А что? Я только к тому, что там музейные вещи, надо осторожнее...

Майк. Зина моя!

Ирина. Твоя, твоя, я это уже поняла...

Оценщик. А сколько здесь потолки?

Ирина. Три.

Роман. Лампочка перегорела и беги за стремянкой.

Олег. Зато тут воздух.

Оценщик. И тазы.

Ирина. Это снова Зина стирала.

Оценщик. В разных концах комнаты?

Роман. Ну, вот в этом тазу Зина стирала, а вот в этом я ноги мыл...

Олег. А в этом я! Это у нас такая семейная традиция... Мыть ноги... В тазах... По вечерам.

Ирина. Nastya, run to the second floor and take all these buckets away! Quickly!⁴⁷

Оценщик. Анастасия, не утруждайте себя, пусть стоят. Я, в принципе, здесь всё понял, можем пройти дальше...

Ирина. Здесь на первом этаже остался только кабинет и чулан...

Оценщик. Ну, пройдемте тогда в кабинет...

Все проходят в кабинет.

Зинаида. Вот здесь надо совсем осторожнее, иначе разобьётся...

Ирина. Зина, здесь одни книги! Что тут может разбиться?

Зинаида. Картины упадут, стекло в шкафах треснет, мало ли...

Ирина. Ревностная новочеркасская хранительница старины...

Зинаида. Хватит! Я тут тоже право имею!

Ирина. Имеете, имеете, кто же с этим спорит? Пока суд не решил иначе.

Оценщик. Библиотеку вы оставляете?

Ирина. Пока нет решения суда, библиотеку вывозит Зина. Правда, не знаю, куда и зачем она ей.

Зинаида. Я разберусь, куда и зачем.

Ирина. Это как знаете. Насколько я понимаю, читать вы обучены...

Катя. Мама, ну хватит!

Ирина. Всё, молчу.

Оценщик. Ой, какие прекрасные словари у вас есть. Какой год? А можно глянуть?

Ирина. Да, конечно...

Зинаида. Только аккуратно.

Оценщик открывает шкаф, достаёт тяжелый том.

Ирина. На эти словари Илья меня можно сказать, купил. Я ведь закончила иняз, романо-германскую филологию, то есть немного во всём этом разбиралась... Ну как, разбиралась. Какой-то интерес был. И, собственно, под соусом «посмотреть словари» я впервые в этот дом и приехала. Тогда ещё без Катьки...

Катя. А вдвоём мы с тобой в какой раз приехали? Во второй?

Ирина. Во второй, да.

Катя. Илья Петрович подарил мне барби с гнущимися ногами и руками.

Настя. Мы потом ей отрезали волосы...

Катя. Руки бы вам отрезать!

Настя. Мы хотели каре! Получилось под мальчика...

Катя. Помнишь, мы ещё шли до остановки, и на остановке я нашла майского жука? А потом пошёл дождь.

На Оценщика с верхней полки падает какая-то коробка.

Зинаида. Я же говорила, осторожнее! Что там? Стекло?

Оценщик. Да нет, она легкая!

Ирина. Дайте мне.

Ирина открывает коробку. В коробке – ползунки, соска и две погремушки.

Ирина. *(Рассматривает ползунки)* Это чьи? Наськины или Майка? Или твой, Катя? Вроде бы у Насти такие были...

Катя. Это Наташины.

Ирина. Наташины, да? *(Пауза)* Надо тебе?

Катя. Нет. Пусть лежат.

Олег. Ну вот. А я уж понадеялся, что там завещание.

Роман. Давайте, я положу на место, я высокий...

Роман забирает у Ирины коробку, запикивает её на самый верх.

Настя. *(Подходит к стене)* А вот зарубки, смотрите! Папа делал... Вот моя.

Настя встаёт к стене. Все подходят к Насте.

Роман. Вот это да! Вот это ты выросла!

Катя. Смотрите, а вот моя...

Катя встает к стене рядом с Настей.

Роман. Ты тоже выросла, Катюха! Не так, конечно, как Анастасия Ильинична, но...

Настя. А вот Майка! Mike, cometome!

Майк подбегает к Насте. Настя берёт его за руку. Все трое – Катя, Настя и Майк стоят у стены, каждый у своей зарубки. И только у четвёртой, подписанной как «Наташа», никто не стоит.

Оценщик. Вы не продадите этот дом за шесть миллионов. И за три не продадите.

Ирина. А что не так?

Оценщик. Всё так. Я сам по первому образованию историк. И краевед. У вас всё так. Очень хороший дом – старинный, красивый, газифицированный, с относительно новыми коммуникациями. Большой сад. Но это с точки зрения эстетики.

Ирина. А с точки зрения шести миллионов?

Оценщик. Ребята, вы откуда такие взялись? С луны свалились? Дом старый, с протекающей крышей, я уж не говорю про щели в полу. Знаете, сколько стоит его реставрировать? Примерно столько же, сколько вы за него просите. Ну хорошо, его ценность не в отделке, а в исторической составляющей и внешнем виде. Но люди, готовые купить этот дом, жить сюда не поедут. Здесь нет инфраструктуры, понимаете? Местные жители уезжают в мегаполисы. Большая часть рынка – это довольно ветхое жильё, которое можно купить на материнский капитал. У людей нет работы,

⁴⁷Настя, беги на второй этаж и убирай оттуда все тазы! Быстро!

нет денег. Если бы здесь ещё было что-то вроде заповедной зоны... Но и этого давно нет. В реке недавно нашли свинец, по телевизору об этом даже говорили, не слышали?

Катя. Оять река. Будь проклята эта река...

Оценщик. Воздух отравлен единственным нашим заводом. Здесь так, как вы, люди не живут. Они выживают.

Ирина. Но это же, можно сказать, единственный в своём роде... Русский модерн. Конец девятнадцатого века. Раньше здесь много было таких домов. Потом их почти все снесли. Некоторые сами развалились. Кто-то коттеджи построил... А Илья сохранил. Как ему он достался в восемьдесят четвертом от города, так почти полностью и сохранился... Дом старый, да, но ещё лет двести...

Оценщик. Я понимаю, всё понимаю. Можете попытаться. Моё дело – предупредить.

Олег. Что, совсем не продадим? А за миллион?

Оценщик. И за миллион.

Олег. А за пятьсот тысяч? Ну, хотя бы за триста? За двести?

Оценщик. Я не занимаюсь сделками такого уровня.

Ирина. И что же нам теперь делать?

Оценщик. Я не знаю, честное слово. Кстати, такой же сундук стоял у моей бабушки в деревне...

Ирина. Может быть, это вашей бабушки и есть. У Ильи была страсть – ездить по деревням и покупать у стариков вот такое вот...

Оценщик. Моя бабушка жила в Ульяновске.

Ирина. Мы были в Ульяновске в две тысячи первом. На каком-то конкурсе, я уже не помню... Илья там был в жюри. В первый же день я подвернула ногу, и Илья поднимал меня в гостиницу на руках. Тридцать восемь ступеней вверх по лестнице... А ещё мы всё время пили коньяк и смеялись. *(Оценщику)* Пойдёмте, я провожу вас.

5.

Гостиная. Вся семья в сборе. Майк носит по комнате, играет пластамсовым танком. Катя демонстративно сидит в телефоне.

Зинаида. *(Майку)* Нравится машинка? Это русский танк! Ты-дыщ-ты-дыщ по врагам!

Майк. Ты-дыщ-ты-дыщ!

Зинаида. Вот, будешь в своей Америке тёти Зинин подарок вспоминать.

Майк. Танк!

Зинаида. Танк, ага... А песенку помнишь, я тебя научила? Спой по-русски!

Майк мотает головой.

Зинаида. Ну, песенку! Ты же пел!

Ирина. Майк, come here! Sit down and shut up!⁴⁸

Майк послушно садится на диван. Ирина поднимает чемодан.

Ирина. *(Насте)* Ты уверена, что не будет перевеса? Вот какого чёрта ты взяла с собой столько шмоток? Ты всё равно ходишь в одном и том же...

Настя. Mom, stop it!

Роман. Вы точно не опоздаете на поезд? Может быть, позвонить в такси – попросить приехать пораньше?

Ирина. И будем на перроне топтаться...

Зинаида перетаскивает картины и посуду в гостиную, заворачивает их в одеяла и скатерти, укладывает в коробки.

Ирина. Зина, не мельтешите перед глазами, у меня от вас уже голова болит!

Зинаида. Что мне теперь – невидимой стать? Вечером приедут грузчики, мне тоже нужно собираться...

Ирина. Повезёте награбленное добро в Новочеркасск?

Зинаида. Оно не награбленное, оно моё. Мне Илья Петрович завещал.

Ирина. Я в курсе, Зина. И что дальше? Куда вы всё это денете? Нет, это не моё дело, конечно, но просто интересно? Заставите им тёткину квартиру, продадите?

Зинаида. Сдам в музей. Как личные вещи известного писателя.

Ирина. Так сдайте здесь.

Зинаида. Здесь не хочу. Город от него отказался.

Ирина. Вы – дура, Зина.

Настя. Mom, stop it!

Майк. Зина, оладушки, ам-ам!

Зинаида. Ам-ам, миленький, ам-ам...

Олег. А как вы это всё повезёте? Просто интересно...

Зинаида. Повезу. Я уже и денег заплатила. Мне для памяти Ильи Петровича не жалко.

Ирина. Какая героическая преданность! Вы обязательно попадёте в анналы истории, Зина!

Зинаида. Сама ты попадёшь в анналы! В такие ещё анналы попадёшь!

Ирина. Я попросила бы!

Роман. Ира, правда, хватит...

Олег. Ну вот и ничего себе! Не успели встретиться – уже пора прощаться!

Ирина. Так бывает.

Олег. Знаете, я тут надумал такую штуку... Хорошо, что нам нечего делить. Ведь правда хорошо, скажите? Я сюда ехал – думал,

⁴⁸Майк, иди ко мне. Сядь и помолчи!

глотку вам перегрызу. А вот не перегрыз, и как-то даже ничего себе...

Роман. Это правильно, не надо глотки, зачем?

Олег. Я вам теперь фотографию своего сына вышлю. В фэйсбуке. Хотите? Он Наське с Майком кем это – дядькой, что ли, выходит? Вот ничего себе! *(Смеется)*

У Романа звонит телефон. Роман отвечает на звонок, слушает голос диспетчера в трубке.

Роман. Такси подъехало. Синяя мазда.

Ирина. Так, Настя, давай ещё раз всё проверим. Документы? Взяли. Деньги? Взяли. Планшеты, телефоны, зарядки? Я свои взяла. Ты взяла?

Настя. Apparently!⁴⁹

Ирина. Не «apparently», а проверь.

Настя. I took it, I did!⁵⁰

Ирина. Ок. Всё остальное, если и забудем – не страшно. Кстати, почему ты перестала говорить по-русски? Мы ещё не уехали.

Настя. I don't want to! I don't want to speak Russian! Russian is a language in which everyone suffers. Natasha spoke Russian and died. You speak Russian and you can't agree on anything. I'll speak English, understand? Because when I speak English, I'm fine. When I speak English with friends at school – we're fine. I speak English with Chris, and we're doing well. But when I speak Russian to you, it all ends in tears. And I don't want to suffer, I want everything to be ok. So I won't speak Russian any more! Got it?⁵¹

Пауза.

Ирина. Ну что, будем прощаться?

Олег. Ну, прощайте, Ирина Алексеевна. Рад был повидаться. Живите счастливо, как говорится.

Ирина. И буду. Почему нет? Я по американским меркам ещё даже не старая.

Олег. Вы по всем меркам ничего себе...

Ирина. Счастливо оставаться, Зина! Хорошо вам доехать до Новочеркаска. Память о моём муже берегите, как зеницу ока.

Зинаида подходит к Ирине.

⁴⁹ По всей видимости.

⁵⁰ Я взяла, взяла!

⁵¹ Я не хочу! Я не хочу говорить по-русски! Русский язык – это язык, на котором все страдают. Наташа говорила по-русски и умерла. Вы говорите по-русски и ни о чём не можете договориться. Я буду говорить по-английски, понятно тебе? Потому что, когда я говорю по-английски, у меня всё хорошо. Когда я говорю по-английски в школе с друзьями – у нас всё хорошо. Мы говорим по-английски с Крисом, и у нас с ним всё ок. А потом мы говорим с тобой по-русски, и всё обязательно заканчивается слезами. А я не хочу страдать, я хочу, чтобы у меня все было ок. И я не буду больше говорить по-русски никогда! Ясно тебе?

Зинаида. Ладно вам, Ирина, умничать. Я всё понимаю. Растите деток, не болейте. Пусть у вас там всё... Нам теперь делить нечего, я так вам скажу. Всё в прошлом.

Ирина. Это правда. Теперь уже совсем всё...

Ирина обнимает Зинаиду.

Ирина. Если будете вещи продавать – смотрите, не продешевите! Илья за них большие деньги платил когда-то...

Зинаида. Да я в музей...

Ирина. Ну, в музей – так в музей!

Ирина подходит к Роману. Молчание.

Роман. Что сказать...

Ирина. Ничего не надо.

Роман. Кукушонок...

Ирина. Я знаю, я все знаю...

Роман. Тогда – удачи.

Ирина. И тебе. Обнимемся?

Роман неловко обнимает Ирину.

Ирина. Молись там за меня, ладно?

Роман. Ты ведь никогда больше не вернёшься в Россию?

Ирина. Никогда не говори никогда.

Роман. Просто если вернёшься...

Ирина. То что?

Роман. Я почувствую.

Ирина. Что за сантименты?

Роман. Может быть, старость...

Ирина улыбается Роману – широко, открыто.

Ирина. Не надо старость... Надо жить.

Роман. Я знаю. Я и живу. *(Насте и Майку)*

Настя, Майк, чего встали, идите прощаться!

Дети подбегают к Роману, тот обнимает их.

Роман. Так, Настёна, даю тебе старческое дяди Ромино наставление – Майка беречь, воспитывать и баловать! Баловать по три раза на день, воспитывать можно чаще!

Ирина поворачивается к Кате.

Ирина. Катя... Доченька, мы поехали...

Катя. Ага.

Ирина. Может быть, оторвёшься от телефона?

Катя откладывает телефон, встаёт с кресла, подходит к матери.

Катя. Давай, мам, была рада тебя повидать...

Ирина. Береги себя, доченька.

Катя. Хорошо.

Ирина. Пей таблетки, раз они тебе помогают.

Катя. Я пью.

Ирина. *(Идёт к дверям)* Ну всё, мы поехали! Дети, come on!

Катя. Mam... Mamochka, ты правда уезжаешь?

Ирина. Катя...

Катя. Мама... Мама... Мамочка, не оставляй меня. Мамочка, пожалуйста... Мамочка, я здесь не могу одна без тебя. Пожалуйста, не уезжай! Мама! Куда ты без меня?! Как я здесь одна? Мамочка, не оставляй меня! Мама, пожалуйста! Не уезжай! Забери меня с собой!

Ирина. Катя, я не могу... У тебя нет визы...

Катя подбегает к Ирине, обнимает её, целует, цепляется за мать.

Катя. Я сделаю, я всё сделаю. Мама, не уходи, я прошу! Как я без тебя?! Я же одна не могу, меня же снова в психушку... Я под кроватью у тебя буду жить, я работать буду, я в официантки пойду, в грузчики пойду, я всё, что надо, сделаю! Мама, нет, не уходи, не оставляй меня! Я не могу одна! Ты мне нужна, мамочка! Мамочка, пожалуйста...

Олег. *(Оттаскивает Катю)* Ну всё, всё, Саламандра, кончай...

Катя. Мамочка! Я люблю тебя! *(Вырывается)* Я тебя никуда не пушу! Я тебя не отпускаю! Нет!

Катя повисает на Ирине, валит её на пол, целует.

Ирина. Уберите ее! У неё истерика! Рома, помоги мне!

Роман с Олегом оттаскивают Катю, усаживают её на диван, держат вдвоём.

Ирина. Где её лекарства?

Зинаида. Я в комнате видела. Принесу.

Зинаида уходит.

Катя. Мамочка, не бросай меня... Помнишь, ты мне в детстве после лагеря сказала, что никогда меня больше не оставишь одну? Помнишь? Не бросай! Я не могу одна! Я прихожу в квартиру, а там всё чужое! У меня никого нет в этом мире, кроме тебя!

Ирина. Катя, девочка моя... Ты уже взрослая. Мне тебя жалко. Я тебя даже люблю. Но ты должна сама. Ты сама выбрала свою жизнь, сама всё решила... Я давно не сержусь на тебя. Но я не могу быть рядом. У тебя свой путь, у меня – свой. У меня есть другие дети, им я должна больше, чем тебе. Всё, такси сейчас уедет без нас! Настя, чего встала, бери Майка! Давайте, приводите её в порядок, мы поехали!

Настя. Goodbye everyone!⁵²

Майк. Зина! Где Зина?

Настя. No Zina, come on!⁵³

Майк начинает реветь.

Ирина. Так! Это что ещё за капризы? Calmdown!⁵⁴

Ирина, Настя и Майк уходят. Слышно, как хлопают дверцы машины. Машина

уезжает. Катя вдруг замирает, перестает вырываться.

Олег. Всё? Можно тебя отпускать?

Катя кивает. Роман и Олег отходят от Кати. Катя ложится на диван, укрывается пледом с головой. Появляется Зинаида.

Зинаида. Уехала? И сорок дней отмечать не стала...

Подходит к Кате.

Зинаида. Кать? Катюша, я твои лекарства принесла, все, которые на тумбочке были... Не знаю, какие правильные... Выпьешь?

Катя не отвечает.

Роман. Не трогай её...

Зинаида. Что ж за мать такая, своего ребенка так мучать...

Роман. Не надо.

Зинаида. Я просто мнение высказываю.

Олег. Саламандра, всё хорошо? Просто скажи «да», и можешь лежать дальше.

Роман. Пусть лежит... Ей надо поспать.

Олег. Наверное, нужно её покарать! А то вдруг она чего?

Роман. А вот это правильная мысль. Ты когда уезжаешь?

Олег. Вечером у меня поезд.

Роман. Ну, до вечера вы с Зиной тут, а ночью я подменю...

Олег. Лады...

Роман. Вот это вышла история...

Олег. Мужика ей надо нормального. А не вот это вот всё... Она ведь мне всё рассказала.

Роман. Она всем это рассказывает. А на деле – как оно было? Кто знает? Илья об этом никогда не говорил. И нам не стоит.

Зинаида. Господи, как я это всё повезу? Куда повезу? Музей-то мне ничего не ответил в Новочеркасске, это с директором они должны! Были бы у него казацкие корни – они бы с руками!.. И как всё это погружать? Вы поможете мне, Рома? Поможете? И, главное, все на меня ополчились! Когда Илья Петрович был жив, я под его защитой ходила, а теперь никому до меня нет дела, как будто и не человек я вовсе!

Роман. Я помогу вам, Зина. Конечно, помогу, не переживайте.

Зинаида. И, главное, я же во всём и виновата осталась... И куда я поеду? И как я это всё повезу? Бросать же нельзя, бросишь – бомжи растащат, в пустом-то доме... А это ведь всё народное достояние искусства, поделки старины, с ними нельзя грубо, их надо сохранять... А сорок дней я ему сама справлю, без них без всех... Я его любила, я и буду одна, а они, что они, понимают разве?

Зина продолжает тихонечко причитать себе под нос.

На улице начинается дождь. Дом наполняется шорохами и цоканьем.

Зина. Тазы!

⁵² Всем до свидания!

⁵³ Нет Зины, пошли!

⁵⁴ Успокойся!

Роман. Не надо. Пусть.
Вдруг Катя резко садится на диване,
откидывает плед.
Катя. Я поехала в Москву.

6.

Самолёт. Ирина, Настя и Майк сидят пристёгнутые на своих местах.

Ирина. (Насте) Ты его раскраску в багаж положила?

Настя. No. I took it.⁵⁵

Ирина. Спасибо.

Настя. Enjoy!⁵⁶

Голос стюардессы. Уважаемые пассажиры! Мы готовимся к взлёту и просим вас: разместить ручную кладь на багажной полке или под сиденьем кресла перед вами; застегнуть ремень безопасности; привести спинку кресла в вертикальное положение; убрать откидной столик; открыть шторку иллюминатора; выключить мобильные телефоны и все виды электронных устройств.

Обращаем ваше внимание, что в течение всего полета запрещено употребление алкогольных напитков, кроме предложенных на борту, а также курение, в том числе электронных сигарет. Туалетные комнаты оборудованы детекторами дыма.

Стюардесса дублирует свою речь на английском. Самолёт начинает утробно шуметь, трогается с места, разгоняется и взлетает.

Настя. Майк! Look! We're flying!⁵⁷

Майк вдруг начинает петь, коверкая и путая слова.

Майк.

Ты, дороженька, ты Господняя,
Да никто же по тебе не прохаживает.
Да никто же по тебе не прохаживает,
Не прохаживает, не проезживает.
Только шли они, прошли да три ангела,
Да три ангела, три архангела.
Да три ангела, три архангела,
Да вели они, вели душу грешную.
Да вели они, вели, все выспрашивали:
«Что ж ты, душенька-душа,

к нам у раю не зашла?

Что ж ты, душенька-душа, мимо раю прошла?

Мимо раю душа шла, к нам у раю не зашла?

Как у нашем-то раю жить да весело.

Жить да весело, только ж некому.

Ирина плачет.

Конец

⁵⁵ Нет. Я взяла.

⁵⁶ Наслаждайся!

⁵⁷ Смотри! Мы летим!

Константинас КАВАФИС
(1860-1933)

СКРЫТЫЕ ВЕЩИ

Стихотворения

Перевод с новогреческого Вланеса (Владислава Некляева)

РАЗВИТИЕ ДУХА

Тому пристало, кто свой дух снимает с петель,
забыть об уваженье, о смиренности пустой.
Законам следуя до нужного предела,
пусть большинство из них он сбросит с
пьедестала,
традиции презрит, хранимой изначала
и скудной погнушится прямотой.
Искусству страсти обучившись мастерски,
пусть не боится разрушительного дела:
когда полдома разлетится на куски,
познания путь ему откроет добродетель.

БУКЕТЫ

Полынь, дурман, цветы фасоли,
борца, болиголова, черемицы,
все горькие растения, все яды
пусть отдадут и листья, и цветы свои ужасные,
чтоб сделали из них огромные букеты
и возложили на алтарь великолепный:
да, на сверкающий алтарь из малахита,
принадлежащий дивной и жестокой Страсти.

УСЛЫШАВ О ЛЮБВИ

Когда ты о любви услышишь сильной,
то с ответом,
эстет, не медли. Счастлив будь,
не обижайся горько,
припомни все дела фантазии твоей: сначала
великие, потом помельче – ведь на свете этом
ты трогал, обнимал всё, что душа твоя желала. –
И, значит, не был обделён в любви своей
нисколько.

ЖЕЛАНЬЯ

Как мертвецов прекрасные тела не постарели,
но их закрыли, со слезами, в мавзолее светлом,
у изголовья розы, и в ногах цветы жасмина –
так и желанья, кажутся, не достигая цели,
прошли, а вместе с ними,
неисполненна, невинна,
исчезла ночь любви,
и утро страсти стало пеплом.

НА ТОМ ЖЕ МЕСТЕ

Вокруг дома, районы, переулки –
я вижу вас, гуляю среди вас так много лет.

Я создал вас и в радости, и в горе:
тут было столько происшествий, столько дел.

Вы стали совершенным чувством для меня.

ИЗ ЯЩИКА СТОЛА

Искал я место в комнате, чтобы её повесить.

Но сырость в ящике стола её испортила.

Мне в рамку эту карточку не вставить.

Я должен был хранить её получше.

Но эти губы и лицо –
на день всего лишь, на один лишь час
вернуть бы их из прошлого.

Мне в рамку эту карточку не вставить.

Придётся любоваться отсыревшей.

Но если бы она не отсырела,
мне было б тяжело ни единым словом,
ни тоном голоса себя не выдать,
когда меня спросили бы о ней.

СКРЫТЫЕ ВЕЩИ

Изо всего, что сделал и сказал я,
пусть не пытаются понять, каким я был.
Препятствие вставало, изменяло
дела мои и образ жизни мой.
Препятствие вставало, не давало
заговорить мне – столько раз...
Из дел моих понезаметнее,
а также из писаний потуманнее –
оттуда лишь почувствуют, кем был я.
Но, может, изучение меня
таких трудов, такой заботы и не стоит.
Потом – в каком-то обществе посозрелней –
другой, устроенный, как я,
появится, конечно, и всё сделает свободно.

20 ноября 2017 г. в Северном драматическом театре им. М.А. Ульянова стартовал III Всероссийский театральный фестиваль «Сотоварищи», посвящённый 90-летию со дня рождения нашего земляка, народного артиста СССР, Почётного гражданина г. Тары Михаила Александровича Ульянова. В этом году участниками фестиваля стали Омский академический театр драмы (спектакль «Поздняя любовь»), Березниковский драматический театр (г. Березники, Пермский край, спектакль «Земля Эльзы»), Тобольский драматический театр им. П. П. Ершова (спектакль «Пикник»), Городской драматический театр «Студия» Любови Ермолаевой (спектакль «Без вины виноватые»), Омский государственный музыкальный театр (спектакль «Идиот»). Почётным гостем фестиваля стал Театр имени Евгения Вахтангова (г. Москва), который дважды в рамках фестиваля представил спектакль «Матрёнин двор». Северный драматический театр им. М. А. Ульянова показал два спектакля: премьерную «Чайку» и спектакль «Патин след» по повести Гуго Вормсбехера «Наш двор».

На открытии фестиваля министр культуры Омской области Юрий Трофимов сообщил, что региональное правительство и дальше будет поддерживать фестиваль.

Почётными грамотами Министерства культуры Омской области на церемонии были награждены сотрудники театра, работа которых не видна со сцены, но без участия которых театр не смог бы существовать.

Сразу после торжественной церемонии открытия состоялся премьерный показ спектакля Северного драматического театра «Чайка» по пьесе А. П. Чехова в постановке режиссёра Константина Рехтина. В Тарском краеведческом музее открылась выставка «Великий человек малой Родины», состоялась обзорная экскурсия по городу.

17 и 18 ноября в Омске прошёл межрегиональный проект, победитель конкурса Фонда президентских грантов 2017 года «Поэты Сибири: диалог поколений».

В рамках проекта проводились творческие встречи с современными ведущими сибирскими поэтами в четырёх городах: Кемерово, Омск, Томск, Новосибирск. Стартовал проект в

Кемерово 19-20 октября. В Омске собрались 20 поэтов со всей России. Омичам предоставилась уникальная возможность услышать стихи замечательных иногородних поэтов в авторском исполнении, поучаствовать в «круглом столе» и дискуссии о поэзии.

Организаторы проекта – редакция журнала поэзии «После 12» (Кемерово) и АНО «Творческая мастерская «АЗ». По результатам проекта будет выпущен отдельный номер журнала «После 12» (№1/2018): стихи участников, тексты выступлений и дискуссий на семинарах и круглых столах.

В рамках проекта 17 ноября в Областной библиотеке для детей и юношества прошла творческая встреча «Летний ветер. Поэты – детям». На ней выступали поэты Анастасия Губайдуллина (Томск), Антон Метельков (Новосибирск), Людмила Чидилян (Кемерово), Наталья Семёнова (Омск).

В тот же день в Омском колледже библиотечно-информационных технологий состоялась Творческая встреча «Разнотравье», в которой приняли участие Сергей Васильев, Юрий Татаренко, Станислав Михайлов (Новосибирск), Наталья Ибрагимова, Александр Ибрагимов, Юлия Шкуратова, Андрей Правда (Кемерово), Вероника Шелленберг (Омск).

В Омской государственной научной библиотеке имени А. С. Пушкина прошли Поэтические чтения «Время Сибири».

18 ноября в Областной библиотеке для детей и юношества прошёл круглый стол «Поэзия: принципы творчества». В Омском государственном литературном музее имени Ф. М. Достоевского состоялся Дискуссионный клуб «Поэзия: о чём и для кого?».

С 18-00 – 19-30 прошла литературная гостиная в Доме радио. В ней участвовали Александр Ибрагимов, Андрей Правда, Юлия Шкуратова, Людмила Чидилян (Кемерово), Сергей Васильев, Юрий Татаренко, Станислав Михайлов, Антон Метельков (Новосибирск), Елена Клименко, Ольга Комарова, Борис Пейгин, Анастасия Губайдуллина (Томск), Дмитрий Румянцев, Сергей Денисенко, Вероника Шелленберг, Михаил Кузин (Омск).

22 ноября 2017 г. в Омском колледже библиотечно-информационных технологий состоялась церемония награждения победителей IV регионального фестиваля-конкурса детско-юношеского поэтического творчества **«Искрись стихами, моя юная душа!..»**. В 2017 году на конкурсе было заявлено более 100 конкурсных работ участников из одиннадцати районов Омской области и города Омска.

Компетентное жюри было представлено именами известных поэтов омского региона. **Безденежных Марина Александровна** – поэт, член Союза писателей России, кандидат филологических наук, руководитель областного литературного объединения при СП РФ. **Козырев Андрей Вячеславович** – поэт, член Союза писателей Москвы, главный редактор литературно-художественного альманаха **«Менестрель»**, выпускник колледжа. **Соснов Дмитрий Павлович** – поэт, член Союза писателей России, главный редактор журнала **«Голодный художник»**. По результатам конкурса жюри определило победителей.

Номинация «Лучший поэтический текст о дружбе, любви, милосердии»:

1 место – Перепечко Владислав Александрович («Пустота» 2017 г.);

2 место – Суслов Антон Николаевич («Не бойся смерти за углом...» 2017); Куянова Анна Дмитриевна («Я хотела тебя ненавидеть...» 2017);

3 место – Кузницына Олеся («Белый пес» 2017, «Мёртвые ангелы» 2017); Акулова Анастасия Сергеевна («Твои глаза» 2017, «Скрипка» 2017, «Любовь» 2017).

Номинация «Лучший поэтический текст о героизме и подвиге народа, солдата»:

1 место – Бобокаидзе Дарья Романовна («Воспоминания прадеда» 2016).

Номинация «Лучший поэтический текст о Родине, о родном крае, о городе, знаменитых омичах, исторических событиях»:

1 место – Франк Ангелина Валентиновна («Тишина и дождь по крыше...» 2017, «Девчонка с косами до пят...» 2017, «Седьмой час вечера...» 2017);

2 место – Яковлева Виктория Борисовна («Речка Ермаковка» 2017);

3 место – Долинина Ирина Игоревна («Русь моя!» 2017).

Жюри также отметило и другие интересные работы молодых авторов: Воронова Ивана Дмитриевича, Чучерилова Дениса Александровича, Богданенко Анастасии Андреевны, Тананайской Алины Андреевны,

Озеровой Валентины Анатольевны, Добышевой Натальи Андреевны, Лысенко Ивана Игоревича.

Лучшие стихи вошли в сборник, изданный оргкомитетом фестиваля-конкурса. Победителям вручены дипломы и подарки, книги и дисконтные карты, предоставленные спонсором и партнером мероприятия, торговой сетью **«Центр-книга»**. Всем участникам конкурса вручены сертификаты.

27 ноября в Музее книги областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина состоялась презентация литературно-художественного альбома **«Сибиряк навсегда»**, посвящённого жизни и творчеству великого актёра, нашего земляка **Михаила Александровича Ульянова**, которому в этом году исполнилось бы 90 лет.

Альбом содержит многочисленные фотографии и материалы, которые отражают неразрывную связь Михаила Ульянова с Омской областью, воспоминания его земляков, сотоварищей и близких людей. Идея создания альбома принадлежит **Павлу Исаеву**, председателю правления Благотворительного фонда **«Сибирская глубинка»**. Автором-составителем является журналист, театральный критик, заслуженный работник культуры РФ **Лидия Трубицина**. Авторский коллектив издания включает много известных журналистских и театральных имен.

Павел Исаев отметил, что альбом не вышел бы в свет, если бы не кропотливая работа множества увлечённых людей, без поддержки **администраций Муромцевского и Тарского районов, Министерства культуры Омской области**.

– Наш альбом пропитан любовью и гордостью. Любовью Михаила Александровича Ульянова к своей родной земле, Омску, Тарскому и Муромцевскому районам, Омской области. И гордостью за нашего земляка, – отметил Павел Исаев.

23 ноября 2017 г. квартет Омского русского народного хора в составе **Синяка Виталия, Нечаева Данила, Терехова Романа и Тяжелникова Михаила** стал лауреатом I степени **Всероссийского конкурса артистов балета** в номинации **«Народно-сценический танец. Ансамбли»**. Главный балетмейстер – заслуженный артист России, заслуженный деятель искусств России **Зуфар Толбеев** получил специальную премию жюри **«За успешную подготовку участников конкурса»**.

Всероссийский конкурс артистов балета и хореографов проходит ежегодно, начиная с 2013 года, по разным специальностям с

четырёхлетней цикличностью. В 2017 году конкурсе проходил по специальности «Характерный и народно-сценический танец».

Состязание состояло из двух этапов: Первый этап – I тур, отборочный по видеозаписям. На I отборочном туре участники предоставляли видеозаписи одного танца из программы II тура. Второй этап – состоял из II и III туров, которые проводились в Москве. Во II туре Омские артисты балета исполняли танцы «Хлопуха» и номер из золотого фонда «Ямщицкая пляска». В III туре были исполнены номера «Ямщицкая пляска» и «Золотодобытчики». Наш квартет был признан лучшим и удостоен I премии, вторым стал **Квартет Государственного ансамбля песни и танца «Тюльпан»** из города Элиста, III премию завоевал **Квартет Государственного тувинского национального ансамбля песни и танца «Саяны»** из города Кызыл. В состав жюри II Всероссийского конкурса артистов балета и хореографов вошли авторитетные российские хореографы, ведущие солисты русского и мирового балета, педагоги, руководители театров, видные деятели хореографии.

Как победители, наши танцоры **Синяк Виталий, Нечаев Данил, Терехов Роман, Тяжелыников Михаил** были удостоены чести закрывать гала-концерт, который состоялся **24 ноября**.

13 декабря 2017 года в **Омской государственной областной научной библиотеке имени А. С. Пушкина** открылся **«Музей миниатюрной книги»**, который является единственным в Сибири и вторым в России: только в Москве на базе музея эскибриса существует музей миниатюрных книг. Экспозиция будет постоянной: в ней представлено свыше 1000 экземпляров книжных редкостей, собранных библиотекой в течение 100 лет. Здесь же представлены микроминиатюрные книги **Анатолия Ивановича Коненко**, омского «левши», обладателя сертификата **Книги рекордов Гиннеса**.

В музее можно увидеть шедевры микроминиатюрных изданий А. И. Коненко, выполненные из дерева, кожи, бересты, папируса, камня, самую маленькую в мире книгу **А.П. Чехова «Хамелеон»** размером 0,9х0,9 мм и многое другое.

Посетители оценят красоту библиотечных экземпляров миниатюрных изданий, являющих лучшие традиции книжной культуры России. Экскурсоводы музея раскроют тайны мастерства художников книги, а мультимедийное сопровождение поможет посетителям раскрыть поэтический язык иллюстрации.

– Книга – вещь очень значимая в жизни любого человека. Те книги, которые представлены здесь, имеют особую ценность не только в силу своего содержания, но и в силу своего формата. Выставки Анатолия Коненко проходят по всему миру, и нам есть, чем гордиться. Где, как ни в библиотеке имени А.С. Пушкина, открыться этому музею. Именно в этой библиотеке самый богатый фонд, в том числе миниатюрных книг. Этот музей будет не только местом притяжения для омичей, но и для гостей города, – рассказала на открытии заместитель министра культуры Омской области **Анна Статва**, отметив, что новый музей будет обязательно нанесен на туристскую карту города.

Помимо постоянной экспозиции в Музее миниатюрной книги будут проходить мастер-классы по изготовлению книг для всех желающих.

20 декабря солистка **Омского государственного музыкального театра Елена Тихонова** стала лауреатом третьего **Международного конкурса имени Ядвиги Щепановской**. Жюри конкурса, возглавляемое израильским скрипачом **Александром Поволоцким** и польским органистом **Романом Перуцким**, высоко оценило вокальные данные и исполнительское мастерство певицы.

Елена Тихонова служит в Омском государственном музыкальном театре более 25 лет. В её послужном списке арии из опер и оперетт современного и классического репертуара («**Евгений Онегин**», «**Алеко**», «**Белая акация**», «**Девичий переполох**», «**Свадьба Кречинского**», «**Здрасьте! Я ваша тетя**», «**Королева чардаша**» и многие другие).

Много лет Елена Николаевна Тихонова преподает в детской музыкальной школе №1, являясь руководителем хорового отделения и вокального класса. В 2011 и 2017 годах ей было присвоено звание «Лучший преподаватель Омской области в сфере учреждений культуры».

С 20 по 23 декабря 2017 года Омский государственный литературный музей имени Ф.М. Достоевского проводил **VI областной Белозёровский фестиваль**, посвящённый творчеству яркого, самобытного русского поэта **Тимофея Максимовича Белозёрова**.

В 2017 году Белозеровскому фестивалю исполнилось десять лет, он стал настоящим праздником детского творчества для мальчишек и девчонок города и области, а в этом году перерос свой масштаб и вышел на Всероссийский уровень: впервые в конкурсной

программе принимали участие ребята, проживающие в Ханты-Мансийском автономном округе. В VI Белозёровском фестивале раскрывают свои таланты юные поэты, писатели, журналисты, артисты, экскурсоводы и компьютерные гении.

В рамках фестиваля прошли творческие лаборатории, мастер-классы, встречи с писателями, поэтами, защита экскурсионных маршрутов и показ литературно-музыкальных композиций. Все участники Белозёровского Фестиваля получили красочные сертификаты, а победителям были вручены дипломы лауреатов и призы, предоставленными партнёрами и спонсорами Фестиваля.

22 января 2018 года Литературному музею имени Ф.М. Достоевского исполнилось 35 лет.

О создании литературного музея в Сибири заговорили 90 лет назад, в 1928 году. Уже тогда был необходим центр, сохраняющий память о многочисленных литературных талантах и заметных событиях в литературной жизни региона. Однако прошло 55 лет, прежде чем литературный музей распахнул свои двери для посетителей, а его история начала отсчитывать свои ударные пятилетки.

За 35 лет музей стал визитной карточкой Омска, и сегодня он известен далеко за пределами области. Его экспозицию и выставки посещают не только омичи, но и гости Омска. Кто только не побывал за эти годы в музее: руководители разных рангов, известные российские и зарубежные писатели, знаменитые актёры, режиссёры, прославленные музейщики. Многие из них оставили отклики в «Книгах почётных гостей», отмечая уникальность музея. Их записи, наряду с другими экспонатами, будут представлены в этот день на выставке **«Семь пятилеток музея Достоевского: история, создатели, события»**.

Весь 2018 год пройдёт под знаком этой знаменательной даты. Он будет насыщен интересными событиями и яркими мероприятиями, а начнётся с торжественного вечера, на который приглашены самые дорогие гости. Среди них – работники культуры, писатели, меценаты и дарители, друзья музея, а также коллеги из музеев Достоевского в России и за рубежом.

В феврале 2018 г. на месте строительства жилого комплекса по улице Лермонтова обнаружены подвалы, относящиеся к зданию, которое является объектом культурного наследия (памятником истории и культуры) народов Российской Федерации регионального значения – **«Коммерческий**

клуб, дом купца Кузьмина, 1852 года постройки».

Памятник истории и культуры «Дом купца Кузьмина», как и подвалы, поставлен на государственную охрану и зарегистрирован в Едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации под номером 551410083410005.

Масленичная неделя в 2018 году выпала на числа с **12 по 18 февраля** и завершилась пышными проводами зимы. Ежегодно в масленичную неделю по всей России проходят народные гуляния, с песнями, танцами и различными развлекательными мероприятиями. Омск также не стал исключением. Для этого на участке от площади Победы до перекрестка с улицей Партизанской было перекрыто движение транспорта.

Омская филармония представила на Любинском проспекте свою развлекательную программу. С 12.00 начало работу **«Зимнее кафе»**, где с 12.00 до 13.00 в тёплой и уютной обстановке можно было насладиться трансляцией выступления Омского русского народного хора **«Зимние сибирские забавы»**. Всем желающим было предложено принять участие в мастер-классе по выпеканию блинов **«Блинная затея»** и попробовать кулинарные шедевры, получившиеся в результате. С 12.00 до 15.00 работала оригинальная фото-зона **«В русском стиле»**. А сразу после началась конкурсная программа **«Сибирские забавы»** от символа Омского хора – бурого медведя. Вместе с ним станцевали зажигательный танец в конкурсе **«Танцуй, как я»** и посоревновались в традиционном перетягивании каната. Затем наш мишка пригласил самых сильных и смелых посоревноваться в армреслинге в конкурсе **«Богатырская силушка»**. Все конкурсы беспроегрышные: помимо вкусных призов (блинчиков), можно было выиграть ленточки удачи. Дело в том, что на празднике будет установлено специальное, волшебное золотое **«Дерево желаний»** – если в этот день на него привязать ленту и загадать желание, оно непременно исполнится!

С 14.00 до 15.00 была организована ещё одна конкурсная программа **«Масленица звонкая»** с участием лауреата международных конкурсов, композитора, члена Омского отделения союза композиторов **Сергея Чупахина** (баян) и ведущей **Светланой Фироновой**. В конкурсе **«Задорная частушка»** под аккомпанемент баяна участники исполнили частушки. Посоревноваться в ловкости блинопёков можно было в конкурсе **«Мастерица-блинница»**, а

завершил гуляния **«Масляничный хоровод»**. В этот день всем было тепло и весело, ведь так заведено на Руси испокон веков, что с Масленицей мы встречаем весну!

19 февраля 2018 года исполнилось 10 лет со дня смерти омского рок-музыканта и поэта **Егора Летова**. Эта годовщина широко отмечалась общественностью Омска. Шесть песен **«Гражданской обороны»** прозвучали в исполнении **Омского академического симфонического оркестра**. Одному из музыкантов для наибольшего сходства нарастили волосы и бороду.

25 февраля в библиотечном центре **«Культура Омска»** состоялась презентация нового поэтического сборника **Андрея Козырева «Запретный город»**, в который вошли лучшие стихотворения поэта за 2008-2018 гг.

«Андрей Козырев – поэт настоящий. Потому что жив он – речью. Потому что его слова – частицы речи. Потому что его стихи – существуют в стихии речи. Русской речи. Именно русской. Всеобъемлющей, уникальной, поистине грандиозной – по своим возможностям. Восприимчивой – и независимой. Строгой – и раскрепощённой. Щедрой на откровения. Сулящей постоянные открытия. Зовущей за собою – вперёд, вглубь и ввысь. Являющей собою – дар свыше. Свободной. Родной», – пишет в предисловии к сборнику известный русский поэт **Владимир Алейников**.

На презентации, кроме Андрея Козырева, выступили омские поэты: **Николай Кузнецов, Татьяна Яковлева, Игорь Федоровский** и другие. Они поделились своими мнениями о творчестве автора книги. И, конечно, прозвучали стихи из презентуемого сборника.

2 марта 2018 года в Правительстве Омской области состоялось совещание по вопросам строительства и реконструкции объектов культуры на территории Омской области под председательством **Министра культуры РФ Владимира Мединского**. В совещании также приняли участие первый заместитель Председателя Правительства Омской области **Валерий Бойко**, заместитель Председателя регионального Правительства **Владимир Компанейщиков**, депутат Государственной Думы **Андрей Голушко**, Главный федеральный инспектор по Омской области **Иван Евстифеев**, Министр культуры Омской области **Юрий Трофимов**, генеральный директор ФКП **«Росгосцирк» Дмитрий Иванов**.

«Мы побывали сегодня в нескольких районах Омской области. Увидели, насколько

*эффективно реализуются программы, инициированные Президентом РФ по поддержке сельских домов культуры и возрождению кинофикации в малых городах, и как быстро и эффективно строятся эти объекты. Особенно меня порадовал Дом культуры в Чернолучье, который был построен за 4 месяца «под ключ», – подвёл итоги своего рабочего визита в Омскую область **Владимир Мединский**.*

Среди вопросов, рассмотренных на сегодняшнем совещании, стали также окончание ремонтных работ в здании Омского государственного цирка, реконструкция объекта культурного наследия **«Здание страхового товарищества «Саламандра», 1913 - 1914 годы»**, где планируется разместить **Центр «Эрмитаж-Сибирь»**.

Первый заместитель Председателя Правительства Омской области **Валерий Бойко** сообщил, что для полного завершения работ на здании драматического театра **«Галёрка»** областным бюджетом на 2018 год предусмотрено 100,8 млн. рублей. Аукцион на определение нового подрядчика будет объявлен в марте. Планируется, что здание будет введено в эксплуатацию в сентябре 2018 года.

Кроме того, на встрече обсуждался вопрос о строительстве здания **Дома-музея имени М.А. Ульянова** в Таре. Накануне Омский филиал Главгосэкспертизы России дал положительное заключение на проект строительства этого музейного комплекса. Владимир Мединский подчеркнул социальную значимость культурного проекта для региона. Также Министр культуры поручил в течение месяца предоставить план предложений по культурному наполнению пространства **Омской крепости**.

7 марта, в канун первого весеннего праздника глава региона **Александр Бурков** поздравил жительниц Омской области с присвоением государственных наград и почётных званий.

«Приятно награждать людей, которые имеют высокие результаты в профессиональной деятельности в разных сферах: культуре, производстве, образовании, здравоохранении. Вы все заслуживаете уважения. Спасибо вам за ваш труд, за вашу душу, сердце, за те дела, свет и добро, которые вы несёте миру!» – обратился к омичкам врио Губернатора Омской области.

Указом Президента Российской Федерации за заслуги в сфере здравоохранения и многолетнюю добросовестную работу почётное звание **«Заслуженный работник здравоохранения Российской Федерации»** присвоено главной медицинской сестре

Омского областного Клинического диагностического центра **Галине Мысиковой**. Почётной грамотой Президента России за заслуги в сфере образования и многолетнюю добросовестную работу награждена учитель гимназии №150 г. Омска **Светлана Шевченко**. Обладательницами медали «*Дружба народов*» стали директор Межрегионального национального культурно-спортивного объединения «*Сибирь*» **Наталья Степанова** и хормейстер этого учреждения культуры **Алтынай Жунусова**.

Солистка **Омской филармонии** **Светлана Бородина** принимала поздравления от главы региона по случаю присвоения звания «*Заслуженный деятель культуры Омской области*».

Удостоверения и знаки «*Заслуженный деятель культуры Омской области*» были вручены балетмейстеру Нововаршавского районного культурно-досугового центра **Ирине Зиненко**, преподавателю Омского областного колледжа культуры и искусства **Ларисе Михайловой** и артистке Омского государственного академического театра драмы **Татьяне Прокопьевой**.

СКОРБИМ

Омский государственный музыкальный театр с прискорбием извещает, что **11 марта 2018 года** на 92-ом году жизни скончался ведущий мастер сцены, лауреат премии «*Легенда Омской сцены*», солист театра **Сергей Григорьевич Хворостяной**.

Сергей Хворостяной был старейшим артистом Омского государственного музыкального театра, на сцене которого прослужил 50 лет. Сергей Григорьевич – виртуоз жанра оперетты, сыгравший более сотни ролей в таких постановках, как «*Роз-Мари*», «*Рассвет над Иртышом*», «*Севастопольский вальс*», «*Цыганская любовь*», «*Левша*». Сергей Григорьевич Хворостяной запомнился омским зрителям, коллегам по сцене как талантливый артист, способный создать роль любого плана. Светлая память о Сергее Григорьевиче Хворостяном надолго сохранится в исторической летописи Омского государственного музыкального театра, в сердцах тех, кто знал его и работал с ним.

Коллектив театра выражает искренние соболезнования семье и близким Сергея Григорьевича Хворостяного.

В 2018 г. 140 лет исполняется **Омскому государственному историко-краеведческому музею** – старейшему музею на территории Западной Сибири.

В 2018 году ОГИК музей вошёл в первую двадцатку музеев страны, согласно рейтингу пользователей, опубликованному на сайте «*Музеи России*», заняв 15 место из 1179 сайтов лучших музеев России. Посетители оценили высокое качество подачи информации на интернет-ресурсе нашего музея, в том числе содержательный и интересный контент, включающий виртуальные туры по постоянным экспозициям и временным выставкам.

Кроме того, активная научно-исследовательская работа сотрудников учреждения нашла отражение в системе **Российского индекса научного цитирования**. По числу статей, загруженных в эту систему, ОГИК музей занимает 8-е место после ведущих музеев Москвы и Санкт-Петербурга и 13-е место по числу цитирований работ научных сотрудников музея. Это значит, что издания музея востребованы в краеведческом сообществе Сибири.

Такая высокая оценка деятельности музея служит прекрасным стимулом для дальнейшей работы сотрудников во всех направлениях.

22 марта главный архивист сектора изучения истории Гражданской войны **Исторического архива Омской области**, кандидат исторических наук **Дмитрий Игоревич Петин** награждён медалью «*За выдающийся вклад в развитие коллекционного дела в России*».

Эта общественная награда была учреждена **Академией русской символики «МАРС»** и редакцией журнала «*Петербургский коллекционер*» в 2006 году. Она вручается гражданам, организациям и учреждениям, внесшим весомый вклад в развитие и пропаганду коллекционного наследия нашего государства.

Д. И. Петин стал первым среди наших земляков, удостоенных названной общественной награды. Сотрудник областного архива уже больше десяти лет активно занимается изучением и популяризацией истории отечественных финансов и бумажных денежных знаков, выпускавшихся на востоке России в период революции и Гражданской войны.

Его авторству принадлежит более 50 научных и научно-популярных трудов (статьи, публикации источников, тезисы для работы конференций), посвящённых истории российского денежного обращения и бонистике. Некоторые работы его оказали основополагающее влияние на развитие этого научного направления.

Также в Омске в 2016 году, в рамках реализации проекта «*Третья столица*», по предложению Д. И. Петина на здании бывшей

Экспедиции заготовки государственных бумаг, печатавшей в 1918–1919 годах «сибирские» денежные знаки, был установлен информационный знак.

22 марта в региональном **Министерстве культуры** состоялся круглый стол, посвящённый включению Омской области в новый туристический маршрут **«Золотое кольцо Сибири»**. Проект будет реализовываться во всех регионах Сибирского федерального округа. Омск стал первой точкой, которую посетили кураторы проекта – члены томского отделения Русского географического общества.

Для них была организована экскурсия по Омску, а также выезд в **Ачаирский монастырь**. На совещании в формате видеопрезентации эксперты познакомились с другими известными туристическими объектами Омской области, среди которых комплекс **«Старина Сибирская»**, **Большереченский зоопарк**, край пяти озёр – **Муромцевский район**.

Руководитель проекта, член комиссии РГО по развитию туризма **Юлия Калюжная** рассказала, что после того, как во всех 12 регионах будут отобраны маршруты и объекты показа, начнёт работу специальный портал, где данная информация будет представлена на русском, английском и китайском языках. Реализовывать маршруты «Золотого кольца Сибири» будут местные туроператоры, с которыми заключаются соглашения о сотрудничестве.

Также предстоит решить вопрос транспортной логистики для обеспечения комфортного перемещения туристов по регионам-участникам. Проект поддерживает полномочный представитель Президента Российской Федерации в Сибирском федеральном округе **Сергей Меняйло**.

Напомним, что Омск уже вошёл в туристический **«Императорский маршрут»**, который объединяет регионы, связанные с местами пребывания царской семьи. Участие Омской области в подобных проектах даёт возможность продвижения региона на федеральном уровне.

25 марта в 13.00 часов на площади у торгового центра **«Континент»** Омские региональные общественные организации **«Казахи Омска»** и **«Тамаша»**, Общественное движение **«Омск – Новый город»**, при поддержке **Администрации города Омска, Омского Дома дружбы и тюркско-иранских национально-культурных объединений** представляют самый

долгожданный весенний праздник **«Наурыз. Новый день. Новый город»**.

Наурыз – это праздник весны, обновления природы, начала новой жизни. И в этом году омичам и гостям города представили новый, совсем другой Наурыз! Организаторы показали и рассказали историю этого праздника, удивили разнообразием интерактивных площадок, предложили полакомиться самыми вкусными национальными угощениями и, конечно же, устроили грандиозный концерт. На площади у торгового центра **«Континент»** 25 марта для организации массовых народных гуляний развернулся большой этноаул. Здесь установили юрты, восточный базар, торговые палатки, большую сцену для концертной программы, алтыбакан (казахские качели) и многое другое.

В торговых палатках шла продажа горячих и сладких блюд тюркской кухни. На территории восточного базара была организована выставка-продажа, мастера-ремесленники поделились своими секретами в изготовлении изделий декоративно-прикладного искусства и национальной атрибутики. Всех желающих угощали баурсаками и традиционным в этот праздник блюдом – **«Наурыз көже»**.

На главной сцене состоялась концертная программа **«Наурыз. Жаңа күн! Жаңа қала!»** с участием ведущих казахских творческих коллективов города Омска и Омской области, а также представителей этнокультурных объединений: ансамбля народных инструментов **«Орнек»**, танцевального коллектива **«Ажар би тобы»** и др. На молодёжной интерактивной площадке **«Тамаша Наурыз!»** провели не только спортивные состязания: қазақша күрес, арқан тартыс, поднятие гирь, семейную эстафету, но и весёлые игры со всеми желающими под зажигательную этническую музыку. Именно на этой площадке состоялся розыгрыш главного приза праздника – барана.

Каждый желающий смог облачиться в национальную одежду в фотозоне **«Алаш»**, чтобы запечатлеть этот праздник в памяти, а также сфотографироваться с титулованными восточными королевами – победительницами ежегодного национального конкурса красоты **«Ару кыз»** и семейного межнационального конкурса **«Суперневестка»**.

Для удобства гостей и участников праздника при входе в этноаул был развёрнут банер с указателями и подробной программой мероприятий.

26 марта в **Доме актёра** состоялся праздничный вечер, посвящённый Международному дню театра с участием артистов омских театров, и торжественная церемония награждения лауреатов XXIV

областного конкурса-фестиваля **«Лучшая театральная работа»** по итогам 2017 года.

Для участия в конкурсе 9 профессиональных театральных коллективов Омска и Омской области представили на суд жюри 18 спектаклей, которые были созданы в 2017 году. Показы проходили **с 16 февраля по 18 марта**. В жюри фестиваля работали известные театральные деятели Омска: председатель Омского отделения СТД РФ, директор **Омского государственного театра куклы, актёра, маски «Арлекин»** заслуженный работник культуры России **Станислав Дубков**; журналисты **Валерия Калашникова** и **Эльвира Кадырова**; театровед **Любовь Колесникова**; член Общественного совета при Министерстве культуры Омской области **Владимир Копман**. Возглавляла жюри председатель член секции критиков Омского отделения СТД РФ заслуженный журналист Омской области **Людмила Першина**.

По итогам конкурса Премия Правительства Омской области за лучшую женскую театральную роль имени народной артистки РФ **Л. Г. Полищук** за 2017 г. получила актриса Омского государственного драматического театра **«Галёрка» Екатерина Латыпова**. Премия **«Легенда Омской сцены»** была присуждена актёру Омского государственного академического театра драмы, Народному артисту РФ **Валерию Алексееву**, художественному руководителю Омского государственного драматического театра **«Галёрка»**, Заслуженному артисту РФ **Владимиру Витько**.

Диплом **«За верное служение театру»** был присуждён заведующей труппой и помощнику режиссёра Омского государственного музыкального театра **Ираиде Кашаповой** и заведующей театрально-производственной мастерской ТЮЗа **Татьяне Монастырной**, проработавшей в театре 50 лет.

Лучшим спектаклем года была признана постановка **Северного драматического театра им. М. А. Ульянова «Патин след»** по повести Г. Вормсбехера «Наш двор» (автор инсценировки и режиссёр **Константин Рехтин**) и спектакль **«Оркестр»** Драматического Лицейского театра по пьесе Ж. Ануя (режиссер **Виктория Каминская**).

Премия имени народной артистки РСФСР **Т.А. Ожиговой «За лучшую женскую роль»** присуждена актрисе Драматического театра **Екатерине Потаповой** за исполнение роли Лейды Торренс в спектакле **«Орфей спускается в ад»** по пьесе Т. Уильямса, а премия имени народного артиста СССР **А.И. Щёголева «За лучшую мужскую**

роль» – актёру этого же театра **Михаилу Окуневу** за исполнение роли Антонио Сальери в спектакле **«Амадей»** по пьесе П. Шеффера.

Премия **«За лучшую женскую роль второго плана»** – актриса Омского государственного драматического **«Пятого театра»** заслуженная артистка РФ **Татьяна Казакова** за исполнение роли Мамы в спектакле **«ShЛЮхИ – Не оГоНЬ»** по пьесе В. Шергина.

Премия **«За лучшую мужскую роль второго плана»** – актёр Омского государственного академического театра драмы **Иван Маленьких** за исполнение роли Джейба Торренса в спектакле **«Орфей спускается в ад»** по пьесе Т. Уильямса.

Премия имени **А.Т. Варжалю «За творческие достижения в искусстве кукольного театра»** – актриса Омского государственного театра куклы, актёра, маски «Арлекин» **Ирина Сергеева** за роли Мари и Ассоль в спектакле **«Алые паруса» – forever»** по пьесе А. Трофимова.

Специальная премия жюри **«За создание актёрского ансамбля»** – актёры Омского государственного драматического театра **«Галёрка» Сергей Климов, Екатерина Латыпова, Артём Савинов, Дмитрий Цепкин** в спектакле **«Казанцевское дело»** по пьесе А. Аверченко **«Игра со смертью»**.

Специальная премия жюри **«Творческая удача»** – актриса Городского драматического театра **«Студия» Л. Ермолаевой Екатерина Романив** за исполнение роли Сары Кру в спектакле **«Принцесса Кру»** по роману Ф.Э. Бёрнетт «Сара Кру»; солистка Омского государственного музыкального театра **Иванна Цицей** за роль Ксении в оперетте **«Девичий переполох»** Ю. Милютина.

Премия СТД РФ **«За виртуозное перевоплощение»** (творческая командировка в Санкт-Петербург) – актёр Омского государственного академического театра драмы заслуженный деятель культуры Омской области **Владислав Пузырников** за роль Иосифа II, императора Австрийского, в спектакле **«Амадей»** по пьесе **П. Шеффера**.

Диплом Омского отделения СТД РФ **«За дебют»** – актриса Омского областного театра юных зрителей имени XX-летия Ленинского комсомола **Надежда Костюк** за исполнение роли Дороти в мюзикле **«Волшебник Изумрудного города»** И. Якушенко.

30 марта в 15.00 в Омском государственном литературном музее имени Ф.М. Достоевского состоялись юбилейный вечер и открытие выставки **«Омск и омичи в музыке Льва Фёдорова»**.

Лев Викторович Фёдоров – автор музыкально-поэтического проекта *«Созвучие нот и слов»*. В его основу положены песни и романсы на стихи известных омских поэтов: **Т. Четвериковой, В. Ерофеевой-Тверской, М. Безденежных, С. Курач, Е. Кузнецовой, И. Романчи, А. Соляник**. Они стали Малой Антологией омской поэзии и своеобразной экскурсией по историческим местам Омска.

На юбилейном вечере в исполнении солистов **А. Ракиной, Е. Новиковой, Е. Максимовой, С. Прянзерского** прозвучали песни **Л.В. Фёдорова** на стихи омских поэтов.

Участники мероприятия смогли посетить выставку, посвящённую 70-летию Л.В. Фёдорова. На ней были представлены фотографии, рукописные нотные листы с первыми работами композитора, музыкальные диски, афиши, награды.

Весной 2018 года в Омске состоялись музыкальные, кино- и театральные фестивали.

Одним из ярких событий марта стал **V Фестиваль Новой музыки**, который проводится в рамках программы Министерства культуры Российской Федерации *«Всероссийские филармонические сезоны»*, который прошёл в Омске с 15 по 29 марта. В программе фестиваля – три вечерних концерта и два дневных.

Весеннюю серию концертов продолжил **Симфонический оркестр Мариинского театра** под управлением **Валерия Гергиева**, который выступил в Омске в рамках **XVII Московского Пасхального фестиваля**. В Омске прославленный коллектив выступил **20 апреля** в **Концертном зале Омской филармонии**.

6 апреля Омская драма показала спектакль *«Жизнь»* в рамках Национального театрального фестиваля *«Золотая Маска»* сезона 2016 – 2017 гг. Спектакль режиссёра **Бориса Павловича** состоялся на Второй сцене Театра *«Современник»*. Омичи сыграли спектакль дважды – режиссёр провёл открытую дневную репетицию, так как сцена театра не могла вместить всех желающих посмотреть спектакль вечером.

Среди гостей спектакля *«Жизнь»* оказались Президент Национальной театральной премии и фестиваля *«Золотая Маска»*, народный артист России **Игорь Костолевский**, генеральный директор Национальной театральной премии и фестиваля *«Золотая маска»* **Мария Ревякина**, театральные критики **Дина Годер, Марина Шимадина, Марина Давыдова, Анна Банасюкевич, Полина Богданова**, работавшие в разные годы в Омском театре драмы **Борис Мездрич, Елена Медведская,**

Марина Шмотова, Юлия Пелевина, Александра Можаяева.

Кроме того, на спектакле присутствовало в полном составе жюри фестиваля и другие известные театральные деятели, которые пришли на фестивальны́й показ поддержать омичей.

Спектакль *«Жизнь»* по мотивам повести **Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича»** Омского государственного академического театра драмы был представлен в трёх номинациях: драма/спектакль малой формы, драма/работа режиссёра – **Борис Павлович**, драма/мужская роль – **Владислав Пузырников**.

В лонг-лист Национальной театральной премии *«Золотая маска»* (самые заметные спектакли сезона 2016–2017 по мнению экспертного совета) также вошёл спектакль *«Искушение»*, поставленный **Алексеем Крикливым** по повести **Фридриха Горенштейна**.

С **10 по 12 апреля 2018 года** в **Омском государственном литературном музее имени Ф.М. Достоевского** прошёл VI региональный конкурс чтецов омской поэзии *«Стихов пленительная сладость»*. Впервые конкурс стартовал в 2013 году, и с тех пор его участниками сотни школьников и студентов из муниципальных районов и областного центра.

В музее им. Ф.М. Достоевского рассказали, что в 2018 году в своём выборе юные участники отдали предпочтение стихотворениям **Роберта Рождественского, Тимофея Белозёрова, Аркадия Кутилова, Татьяны Четвериковой** и **Ольги Григорьевой**.

Этапы конкурса проходили **10, 11 и 12 апреля**, а церемония награждения участников VI регионального конкурса чтецов *«Стихов пленительная сладость»* состоялась в музее **20 апреля 2018 года в 14.00**.

17 апреля – 70-летний юбилей Народного артиста России, обладателя Почётной премии Омского отделения СТД РФ *«Легенда Омской сцены»* **Валерия Ивановича Алексеева**.

К юбилею знаменитого актёра режиссёр **Роман Самгин** поставил спектакль *«Лев Гурыч Синичкин»* по авторизованному переводу **Дмитрия Ленского** французского водевиля **М. Теолона и Ж. Баяра «Le Père de la débutante»**.

Это третий спектакль Романа Самгина в Омском академическом театре драмы. В 2008 году омские зрители увидели *«Торжество любви»* **Пьера Карле Мариво**, а в 2017 году вышел спектакль *«Правда – хорошо, а счастье лучше»* **Александра Островского**, который завоевал зрительскую любовь с первых показов и неизменно собирает аншлаги.

«Лев Гурыч Синичкин» – это один из самых известных и популярных русских водевилей, на его основе сняли два художественных фильма: **«На подмостках сцены»** (реж. Константин Юдин, 1956 г.) и **«Лев Гурыч Синичкин»** (реж. Александр Белинской, 1974) с **Николаем Трофимовым, Олегом Табаковым** и **Андреем Мироновым**. В разные годы роли Льва Гурыча исполняли: **А.А. Рассказов, О.П. Правдин, В.Я. Хенкин, Б.В. Щукин, А.Б. Джигарханян**.

В Омской драме роль Льва Гурыча Синичкина исполнит Народный артист России **Валерий Алексеев**, его дочь Лизу сыграет **Ольга Беликова, Раису Миннишну Сурмилову**, приму театра, – **Юлия Пошелюжная, князя Ветринского – Степан Дворянкин** и **Егор Уланов**. В спектакле заняты: **Владимир Авраменко, Всеволод Гриневский**, Заслуженный артист России **Александр Гончарук, Алина Егошина, Кристина Лапшина, Иван Маленьких, Владислав Пузырников, Лариса Свирикова, Виталий Семёнов, Мария Токарева, Руслан Шапорин**, а также **Андрей Агалаков, Леонид Калмыков, Александр Соловьев, Вера Фролова**.

19 апреля в 10:00 в Центре книжных памятников Омской государственной областной научной библиотеки имени А.С. Пушкина состоялся круглый стол **«Культурное наследие Сибири: проблемы методологии и историографии»**, посвящённый 25-летию со дня основания **Сибирского филиала Российского института культурологии** (ныне – **Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва**).

Прошедшие 25 лет ознаменовались заметными достижениями в деятельности филиала. Это выразилось в формировании творческого коллектива исследователей, организации и проведении почти 200 международных, всероссийских и региональных научных мероприятий, издании более 300 монографий и сборников научных трудов, 45 номеров научного общероссийского журнала **«Культурологические исследования в Сибири»**.

В рамках круглого стола запланировано обсуждение проблем взаимодействия академической и ведомственной гуманитарной науки, исторической урбанистики и культурологии города, культурного наследия, исторической памяти, гармонизации межнациональных отношений и других. Были подведены итоги научной деятельности

Филиала и намечены перспективы будущей работы.

24 апреля состоялся очередной Совет по развитию туризма в Омской области. Один из основных вопросов повестки был посвящён разработке базовых туристских маршрутов по городу Омску и Омской области и презентации их на федеральном уровне.

С 2014 года в России началась ориентация на развитие внутреннего туризма. По данным официальной статистики, в 2017 году в России внутренний туристский поток превысил 56,5 млн. поездок. Прирост по отношению к 2013 году составил 75%, к 2000 году – 125%. Число турпоездов в Россию иностранных граждан, начиная с 2001 года, выросло на 123%. В связи с этим основным направлением деятельности в регионах стала разработка туристских продуктов, ориентированных на развитие именно внутреннего туризма. Министерством культуры Омской области совместно с региональными туроператорами были разработаны три брендовых маршрута по территории города Омска и Омской области.

Круглогодичный маршрут **«Столичный приём»**, предполагающий двухдневное посещение туристами города Омска, знакомит с основными историческими достопримечательностями, уникальной городской архитектурой, современными театральными проектами, богатейшими музейными коллекциями.

Ещё один летний маршрут **«Край пяти озёр»** предполагает посещение туристами основных природных достопримечательностей региона в период май-сентябрь.

Зимний маршрут **«Настоящая Сибирь»** поможет гостям Омской области увидеть сибирскую зиму с необъятными белоснежными просторами, познакомиться с деревенским бытом и особенностями зимней охоты, побывать в старейшем городе на территории Сибирского округа – **Таре**. Маршрут планируется реализовывать с декабря по март.

Также немаловажным событием 2018 года стало вступление Омской области в проект **«Императорский маршрут»**, который в этом году пройдёт по городам – местам памяти династии Романовых и будет посвящён 100-летию со дня трагических событий в истории нашего государства.

С 24 апреля по 1 мая состоялся долгожданный **IV Международный конкурс скрипачей им. Ю.И. Янкелевича**. 32 музыканта со всего мира приняли участие в конкурсе, и только 12 из них боролись за главный приз конкурса – скрипку,

изготовленную известным итальянским мастером **Эухенио Дегани**, изготовленная в Венеции в 1890 году.

1 мая в **Органном зале филармонии** состоялась церемония награждения лауреатов и стипендиатов конкурса. Первое место и главный приз, единогласным мнением жюри была присуждена **Марии Дуэняс (Испания)**. Вручал скрипку сам маэстро **Владимир Спиваков**.

Звание лауреата второй степени завоевывал **Фёдор Безносиков (Россия)** и третье место поделили конкурсанты **Эйми Вакуи (Япония)** и **Юнь Тан (Китай)**. Обладателем Приза зрительских симпатий по итогам зрительского голосования в старшей возрастной категории стал выпускник Омского музыкального училища имени В.Я. Шебалина, а сейчас студент Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского **Дмитрий Бородин (Россия)**.

В младшей возрастной группе звания лауреатов 1 степени были удостоены: ученица Московской средней специальной музыкальной школы (колледжа) им. Гнесиных **Варвара Агаева (Россия)** и ученица Детского центра хорового и исполнительского искусства в Гонконге **Вонг Пуй Ин (Китай)**. Лауреатами 2 степени стали: ученица Детской музыкальной школы № 5 г. Барнаула **Софья Колтакова (Россия)** и ученица Центральной музыкальной

школы при Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского **Стефания Поспехина (Россия)**. 3 место в младшей категории разделили **Елизавета Новикова (Россия)**, учащаяся Детской школы искусств №1 им. Ю.И. Янкелевича г. Омска, и **Дарья Манза (Россия)**, обучающаяся в Детской школе искусств №8 г. Красноярска.

На пресс-конференции, которая состоялась сразу после торжественной церемонии, **Владимир Спиваков** поделился впечатлениями от четвёртого конкурса.

*– По мнению и публики, и всех членов жюри произошёл большой праздник музыки – в Омске, в Сибири, в России. Мы помним о наших учителях, и это очень важно. Представьте, что это Омск – это большой порт, из которого сейчас в плаванье по всем странам уходит большой корабль – это победительница **Мария Дуэняс**. Ей всего 15 лет, но, уверен, что она через всю свою жизнь пронесёт воспоминания об этих днях в Омске, будет прославлять ваш город, Сибирь и Россию. Так, как тепло встречают в Омске, нигде не бывает, и это отметили все – и конкурсанты, и члены жюри, – отметил **Владимир Спиваков**.*

Алейников Владимир – поэт, прозаик, переводчик, художник. Родился 28 января 1946 г. в Перми. Вырос на Украине, в городе Кривой Рог. Окончил искусствоведческое отделение исторического факультета МГУ. Основатель и лидер легендарного литературного содружества СМОГ. С 1965 года стихи публиковались на Западе. При советской власти в отечестве не издавался. Более четверти века тексты его широко распространялись в самиздате. В восьмидесятых годах был известен как переводчик поэзии народов СССР. Публикации стихов и прозы на родине начались в период перестройки. Автор многих книг стихов и прозы – воспоминаний об ушедшей эпохе и своих современниках. Стихи переведены на различные языки. Лауреат премии Андрея Белого, Международной Отметины имени Давида Бурлюка, Бунинской премии, ряда журнальных премий. Член Союза писателей Москвы, Союза писателей 21 века и Высшего творческого совета этого Союза. Член ПЕН-клуба. Лауреат премий «Поэт года» (2009). И «Человек года» (2010). Живёт в Москве и Коктебеле.

Гаммер Ефим – поэт, прозаик, художник. Родился 16 апреля 1945 г. в Оренбурге (Россия), жил в Риге, закончил русское отделение журналистики Латвийского госуниверситета, автор 15 книг, лауреат ряда международных премий по литературе, журналистике и изобразительному искусству, обладатель Гран-при и 13 медалей международных выставок в США, Франции, Австралии.

Среди литературных премий Гаммера – Бунинская серебряная медаль (Москва, 2008), премии «Добрая лира» (Санкт-Петербург, 2007), «Золотое перо Руси», (Москва, 2005) и золотая медаль «Петербург. Возрождение мечты» (2003).

В 2012 году стал лауреатом (малая золотая медаль) 3-го Международного конкурса имени Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков и дипломантом 4-го международного конкурса имени Алексея Толстого.

Его роман о подростках «Приёмные дети войны» был отмечен Фондом «Русский мир».

Живёт в Иерусалиме. Работает на радио «Голос Израиля». Шеф-редактор и ведущий авторского радиожурнала «Вечерний калейдоскоп», член израильских и международных союзов писателей, журналистов художников, входит в редколлегии журналов «Литературный

Иерусалим», «Литературный Иерусалим улыбается» (Израиль) и «Приокские зори» (Россия). Печатается в журналах России, США, Израиля, Германии, Франции, Латвии, Дании, Финляндии, Украины, Молдовы и других стран, переводится на иностранные языки.

В 1998 году Ефим Гаммер, бывший победитель первенств Латвии. Прибалтики, Израиля по боксу, вернулся на ринг после 18-летнего перерыва и 27 раз подряд становился чемпионом Иерусалима.

Григорян Лев – прозаик. Родился в 1980 году в Москве. Окончил Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ). Работал переводчиком с итальянского языка. В настоящее время – сотрудник Института научной информации (ВИНИТИ) РАН. Живёт в Москве. Рассказы, сказки и стихи публиковались в журналах «Дарьял», «Веси», «Огни Кузбасса», «Молоко», «Наша улица», альманахах «Атланты», «Подсолнушек», «Восхождение», «Новый Континент», сборниках издательства «Бёркхаус» и других. Сказка «Белая лошадь» вошла в лонг-лист конкурса «Короткое детское произведение – 2016 (осень)» издательства «Настя и Никита».

Денисенко Иван – поэт, прозаик. Родился в 1979 году в Омске. Коренной омич. Окончил гимназию №19 и филологический факультет Омского государственного университета. С 1992 года стал публиковать свои стихи, очерки, рассказы в периодических изданиях Омска, Москвы, Петербурга, в журналах «Омская Муза», «Омск театральный», «Мир увлечений», «Максимум», «Специалист», «День и Ночь», «Ost-West Panorama» и коллективных литературных сборниках «На первом дыхании», «Складчина», «Омск. Дом актёра. День за днём» и других. Автор поэтических сборников «Четвёртая дорога», «Охота на тельца», «Рубикон», «Двое в городе» и др., а также повести «Город в кратере», изданной на грант Министерства культуры РФ. С 2002 года – член Союза журналистов России. С 2006-го – член Союза российских писателей. Лауреат литературной премии им. Ф.М. Достоевского (2006 г.), ряда других журналистских и литературных конкурсов. Живёт в Санкт-Петербурге.

Донсков Ингвар – поэт. Родился в 1962 году в городе Совгавань Хабаровского края. Живёт в Томске. Ветеран боевых действий, награждён медалью «За отвагу». Публиковался в многочисленных журналах в России и за

рубежом. На стихи Ингвара написано свыше 30 песен. Одна из песен «Семечки» (музыка и исполнение – Аркадий Укупник) стала лауреатом премии «Шансон года 2017». Член Российского союза писателей.

Вланес (Владимир Некляев) – поэт, переводчик. Родился в 1969 г. в Астрахани.

С 1997 по 2001 гг. жил в Афинах (Греция). В настоящее время живёт в Австралии (г. Брисбен). В июле 2007 г. защитил докторскую диссертацию по теории поэтического перевода в Квинслендском университете. В диссертацию вошёл полный перевод сборника сонетов Данте Габриэля Россетти «Дом Жизни» (103 сонета).

Помимо своей оригинальной поэзии, занимается переводом всех сохранившихся трагедий Еврипида на русский язык.

Один из сборников оригинальной англоязычной поэзии Вланеса «Another Babylon» был опубликован в 2011 году издательством University of Queensland Press, после того как ему была присуждена одна из главных литературных премий Австралии, The Thomas Sharpcott Poetry Prize.

Казакова (Саблина) Светлана – поэт. Автор трёх поэтических сборников: «Рисую журавля» (2001 г.), «В строчку просится...» (2010 г), «...И вечен мир» (2015 г). Печаталась в сборниках «Бабье лето», «Родина... Память... Победа...» (2010г), московском альманахе поэзии и прозы «Серебряный дождь»(2016г), антологии произведений омских писателей «Годовые кольца»(2012 г.), в многотомном миниатюрном издании «Омские поэты» (книга 15, 2016), литературно-художественном альманахе «Менестрель», литературно-художественном альманахе «Вместе» (Чита), журнале «Национальные приоритеты России», других периодических изданиях: «Берегиня», «Крестьянка», «Крестьянское слово», «Литературный ковчег» и др.

Лауреат областного конкурса «России патриот»(2007г), городского конкурса «Омские мотивы» (2010г), дипломант VII Международного поэтического конкурса ко Дню славянской письменности и культуры «Родник поэзии есть красота» (г. Шымкент, Казахстан, 2015) в номинации «Верность литературным традициям».

Кавафис Константинас – греческий поэт. Родился в Александрии в 1863 г., жил в Константинополе, Франции, Англии, с 1875 года – в Александрии. Скончался в 1933 г. При жизни опубликовал 154 стихотворения. В настоящее время признан величайшим из поэтов, писавших на новогреческом языке.

Кедров-Челищев Константин – поэт и философ, кандидат филологических наук (1974), доктор философских наук (1996), автор теории метакода и метаметафоры и создатель этих терминов. Основатель ДООС (1983) – Добровольного общества охраны стрекоз. С 1968 по 1986-й сначала аспирант, а затем ст. преподаватель Литературного института Союза Писателей СССР им. А. М. Горького. Автор книг: «Поэтический космос», «Компьютер любви», «Ангелическая по-этика», «Инсайдаут», «Или», «Метаметафора», «Энциклопедия метаметафоры», «Дирижёр тишины», «Говорящие звезды», «Инстинкт лирики», «Невеста лохматая светом». В 1990 – 2002 гг. литературный обозреватель «Известий» и «Новых Известий». С 1995-го года и по сей день главный редактор «Журнала Поэтов». В соавторстве с Андреем Вознесенским вышли два сборника: «Алмазный фонд» и «Шахматный роуль». Лауреат международных литературных премий: Отметины им. Давида Бурлюка в 1999, Премии Манхэ (Южная Корея, 2013), премии «Доминанта» (Германия, 2014), премии им. Григория Сковороды (2012). Дважды номинировался на Нобелевскую премию в области литературы (в 2003 и 2005 гг).

Коврижных Виктор – поэт. Родился и живёт в селе Старобачаты, Западная Сибирь. Окончил курсы шофёров. Служит пожарным-спасателем. Автор шести книг. Стихи и проза публиковались в зарубежных, центральных и региональных изданиях. Лауреат многочисленных литературных премий, среди которых – премия имени В. Фёдорова. Член Союза писателей России.

Коровин Андрей – поэт, прозаик, руководитель культурных проектов. Родился в Тульской области (1971). Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького. Автор восьми поэтических книг. Стихи публикуются в поэтических антологиях, журналах «Арион», «Дружба народов», «Новый мир», «Октябрь» и других изданиях, переведены на десять языков мира, в том числе на английский, немецкий, польский, армянский, грузинский и другие языки. Руководитель Международного культурного проекта «Волошинский сентябрь», литературного салона в Музее-театре «Булгаковский Дом» (Москва) и других культурных проектов. Лауреат премий литературных журналов, Кавалер Золотой медали «За преданность Дому Максимилиана Волошина» (2010). Живёт в Подмосковье.

Корнев Вячеслав – публицист, литературный и кинокритик, философ. Доктор философских наук. Родился в 1968 г. В 1989-м году вместе с С.Ю. Липовым и С.Ю. Лёвиным основал литературный альманах «Ликбез». Автор книг «Система вещей в антропологической перспективе» (2005), «Вещи нашего времени: элементы повседневности» (2010), «Философия повседневных вещей» (М., 2011). С 2015-го живёт и работает в Санкт-Петербурге (профессор СПбГУТ). Ведущий регулярной программы об искусстве «АРТЛИКБЕЗ», организатор международного фестиваля авторского кино «КИНОЛИКБЕЗ», председатель Клуба любителей интеллектуального кино. Автор фильмов «ЗОБ» (2009) – лауреата 12-го Международного кинофестиваля «Чистые Грёзы – Дебоширфильм» (Санкт-Петербург); «КАДО» (2010), «Вырванные страницы из дневника Ленина» (2011), «Батарея» (2012), «Ремень2» (2013), «САРГОлизм» (2014), «Дверь» (2015)

Копелиович Михаил – литературный критик и публицист. Родился в Харькове в 1937 г. Окончил Харьковский политехнический институт. Работал по специальности в научно-исследовательских институтах Харькова и Ленинграда. Репатриировался в Израиль в 1990 г. Живёт в г. Маале-Адумим.

С 1960 г. пишет критические статьи о литературе и кино, публицистические очерки. Автор более трёхсот публикаций в различных периодических изданиях России (СССР), США и Израйля. Основная область творческих интересов – русская (советская) литература второй половины XX в. Много писал также об израильских прозаиках и поэтах, пишущих на русском языке, и их произведениях. В советские годы печатался под псевдонимом М. Санин, с 1991 г. – под своими именем и фамилией.

Издal в Израиле три сборника литературно-критических статей. Основные периодические издания, в которых публиковались статьи М. Копелиовича: журналы «Континент», «Знамя», «Новый мир», «Дружба народов», «Литературное обозрение», «Искусство кино» (все – Москва), «Звезда» и «Нева» (оба – Ленинград-СПб), «22», «Иерусалимский журнал», альманах «Огни столицы» и др., газеты «Вести» и «Новости недели» (все – Израиль), газета «Новое русское слово» (США).

Участник Содружества русскоязычных писателей Израйля «Столица».

Куллэ Виктор – российский поэт, переводчик, литературовед, сценарист. Родился в Кирово-Чепецке в 1962 г. Живёт в Москве. В 1991 году окончил Литературный институт

имени Горького. Кандидат филологических наук (1996), защитил первую в России диссертацию, посвящённую творчеству Иосифа Бродского: «Поэтическая эволюция Иосифа Бродского в России (1957–1972)». В 1990 году вместе с Альбертом Егазаровым и Виктором Пелевиным основал издательство «День» (позже переименованное в «Миф»). Редактор-составитель альманаха «Латинский квартал». С 1997 года был последним главным редактором журнала «Литературное обозрение» (перед его закрытием), затем выпустил несколько номеров журнала «Старое литературное обозрение». В 2003–2007 годах – главный редактор издательства «Летний сад». Составил сборник выпускников и студентов Литературного института «Латинский квартал» (1991) и антологию «Филологическая школа» (2006), включавшую произведения неподцензурных поэтов, дебютировавших в Ленинграде на рубеже 1950-х–60-х годов, – Льва Лосева, Владимира Уфлянда, Михаила Ерёмкина и других. Выступил редактором-составителем сборника Иосифа Бродского «Бог сохраняет всё» (1992), комментатором «Сочинений Иосифа Бродского» в восьми томах (1996–2002). Автор книг стихов «Палимпсест» (2001), «Всё всерьёз» (2011), «Стойкость и Свет. Избранные стихотворения и переводы 1977–2017» (2017). Постоянный автор журналов «Новый мир», «Звезда» и др. Перевёл на русский язык стихотворения Микеланджело, сонеты и поэмы Шекспира, полный корпус стихов Иосифа Бродского, в оригинале написанных по-английски. Публиковал переводы Томаса Венцловы (книга избранных стихов «Негатив белизны» (2008), Шеймуса Хини, Чеслава Милоша, Янки Купалы, Бойко Ламбовского и других.

Создатель программ и сценариев для телеканалов «Культура» и «Первый канал». Автор сценариев к документальным фильмам о Ломоносове, Грибоедове, Цветаевой, Владимире Варшавском, Гайто Газданове, сериала о женщинах на Великой Отечественной войне «Прекрасный полк». Лауреат премии журнала «Новый мир» (2006), премии им. А.М. Зверева журнала «Иностранная литература» (2013), итальянской премии Legici Pea Mosca (2009), «Новой Пушкинской премии» и премии журнала «Дети Ра» (2016), премии «Венец» (2017).

Курмангалина Яна-Мария – поэт. Родилась в Башкирии, в 1979 году. Детство прошло в Тюменской области, в поселке Хулимсунт, близ г. Березово. Юность – на Кубани и Дону. Окончила литературный институт им. А.М. Горького, в семинаре В.А. Кострова и ВГИК им. С.А. Герасимова, в

мастерской сценариста А.Я. Инина. Автор трёх книг стихов: «Белые крылья» (Пермь, 2000), «Вид из окна» (Архангельск, 2008), «Первое небо» (Томск, 2015) и книги прозы для детей «Журавлиное солнышко».

Публиковалась в российской и зарубежной периодике, в том числе в журналах и альманахах «Эринтур», «Факел», «Паровозъ», «Кольцо А», «Сибирские огни», «Гвидеон», «Октябрь», «Плавучий мост», «Артикль», «Просодия», «Интерпоэзия», «Дружба народов», и др. Стихи вошли в антологию «Литература Югры», 1930 – 2000 гг. Живёт в г. Одинцово, Московская область.

Новикова (Нефёдова) Екатерина – поэт. Родилась в городе Алапаевске Свердловской области. С первого года жизни проживает в Омске. Профессиональный музыкант. Закончила РАМ им. Гнесиных (Москва). Работала в московском театре «Геликон-опера» артисткой хора. Несколько лет жила в Китае, работала джазовой певицей, аккомпаниатором. С 2009 года живёт в Омске. В настоящее время является доцентом кафедры хорового дирижирования и сольного пения факультета культуры и искусств ОМГУ им. Ф.М. Достоевского (Омск). Преподаёт джазовый вокал, историю джазовой музыки. Лауреат международных конкурсов в номинации «Эстрадный вокал». Кандидат философских наук.

В 2002 г. сборник стихов «Первая октава» получил поощрительную премию на конкурсе им. Ф.М. Достоевского (Омск), публиковалась в коллективных сборниках «Бабье лето – 2», «Бабье лето – 4», «Весна – это всех касается», «Когда сильна уверенность в тебе», в журнале «Литературный Омск», в антологии произведений омских писателей «Годовые кольца». Автор поэтического сборника «Эффект присутствия» (2015). Член Союза писателей России с 2015 года. Обладатель региональной литературной премии имени Фёдора Ушакова в номинации «Продолжение традиций в русской поэзии» (2016).

Носов Сергей – историк, филолог, литературный критик, эссеист и поэт. Родился в Ленинграде в 1956 году. Доктор филологических наук и кандидат исторических наук. С 1982 по 2013 годы являлся ведущим сотрудником Пушкинского Дома (Института Русской Литературы) Российской Академии Наук. Автор большого числа работ по истории русской литературы. Публиковал произведения разных жанров в журналах «Звезда», «Новый мир», «Нева», «Север», «Новый журнал», в парижской газете «Русская мысль» и др. Стихи впервые опубликованы были в ленинградском

самиздатском журнале «Часы» в 1980-е годы. В годы перестройки был допущен и в официальную советскую печать. Участвовал в «Антологии русского верлибра», «Антологии русского лиризма», печатал стихи в «Дне поэзии России» и «Дне поэзии Ленинграда» журналах «Семь искусств» (Ганновер), в петербургском «Новом журнале», альманахах «Истоки», «Петрополь» и многих др. изданиях, в петербургских и эмигрантских газетах. Публиковался в журналах «Нева», «Семь искусств», «Российский Колокол», «Перископ», «Зинзивер», «Парус», «Сибирские огни», в изданиях «Антология Евразии», «Форма слова» и «Антология литературы ХХI века», в альманахах «Новый енисейский литератор», «45-я параллель», «Чёрные дыры букв». Стихи переводились на несколько европейских языков. Живёт в Санкт-Петербурге.

Мельников Дмитрий – поэт. Родился в 1967 году в Ташкенте. С 1994 года живёт и работает в Москве. Публиковался в журналах «Арион», «Знамя», «День и Ночь» и др. изданиях России и зарубежья. Автор поэтических книг «Иди со мной», «Родная речь».

Михайлов Владимир (псевдоним **Владимир Лидский**) родился в Москве в 1957 г. Произведения: поэтические сборники «Семицветье» (1991) и «По ту сторону зеркала» (2011), книги «Киргизия на экране» (1998), «Кинолента памяти» (2007), «Байки о кино» (2012), монография «Мультипликация как национальный феномен» (1987). Автор романов «Русский садизм» (издательство «Лимбус пресс», Санкт-Петербург, 2012), «Избиение младенцев» (издательство «FrancTigeur», США, 2013) повестей «Два солдата из стройбата» (журнал «Ала-Тоо», Бишкек, 2013), «Алебук», «Улети на небо», «Наследство». Роман «Русский садизм» вошёл в шорт-лист Премии имени Андрея Белого – 2011 г., шорт-лист премии «Национальный бестселлер» – 2012 г., лонг-лист премии «НОС» («Новая словесность») – 2012 г., лонг-лист премии «BookMix.ru» – 2012 г. Повесть «Два солдата из стройбата» вошла в шорт-лист международного литературного конкурса «Open Central Asia Book Forum & Literature Festival 2012» (британское издательство «Silk Road Media») – 2012 г. Дипломант Международной ассоциации «Генералы мира» – 2012 г. Лауреат Республиканского литературного конкурса «Арча» – 2013 г. Лауреат Международной литературной премии «Вольный стрелок: Серебряная пуля», США – 2014 г.

Минаков Станислав – русский поэт, прозаик и эссеист, переводчик, публицист, журналист. Родился в Харькове в 1959 году. Один из организаторов (вместе с Л. С. Карась-Чичибабиной, Ириной Евсой, А. Дмитриевым, В. Васильевым) и участник Международного фестиваля современной поэзии памяти Бориса Чичибабина (с 1999 г.), участник костромского Международного фестиваля современной русской поэзии (1993), киевского Фестиваля современной поэзии «Гилея» (2001) и «Киевские лавры-2006, 2007», член жюри и участник Международного Волошинского литературного фестиваля-конкурса в Коктебеле (2003–2012), международных литературных фестивалей «Берега» (Владивосток, 2008), «Русский беркут» (Новосибирск, 2012), «Фестиваль поэзии на Байкале» (Иркутск, 2013), член экспертного совета Литературного конкурса Международного форума славянских искусств «Золотой Витязь» и член Жюри кинофестиваля Международного форума славянских искусств «Золотой Витязь» (2013). Редактор около 100 книг, журнала «Бурсацкий спуск», составитель (совместно с А. Дмитриевым и И. Евсой) и издатель сборников «Дикое Поле. Стихи русских поэтов Украины конца XX века» (Харьков, Крок, 2000), «Ветка былой Эллады. Греческие мотивы в современной русской поэзии» (Харьков, Майдан, 2004), литературно-художественного юбилейного альманаха «Двуречье. Харьков-Санкт-Петербург» (Харьков, Крок, 2004). В сентябре 2003 г. представлял Украину в составе европейской делегации писателей на Первом Евро-Тихоокеанском конгрессе ЮНЕСКО «Глобализация и сотрудничество» (Владивосток). С 2000 г. занимается также журналистикой, опубликовал сотни статей преимущественно социально-культурного, правового и публицистического характера в газетах «Время», «Харьківяни», «Событие», «Объектив-Но», «Слобідський край», «Наш Белгород», «Белгородские известия», журнале «Харьков. Что? Где? Когда?», еженедельниках «2000», «Новая демократия» (2005–2009), на сайтах «Русская народная линия», «Столетие», «Православие», «Одна родина» и мн. др.

В августе 2014 г. по причинам политического преследования переехал из Харькова в Белгород.

С 2010 по 2016 гг. был литературным соредактором (вместе с Анной Минаковой) журнала об искусстве для школьников, педагогов и родителей «Введенская сторона» (Старая Русса, Россия). С 2012 г. – член редколлегии журнала «Бийский вестник» (Бийск). С 2014 г. – также член редколлегии журнала «Человек на Земле» (Москва). С 2017 г.

– также член редколлегии журнала по делам милосердия «Добродетель» (Белгород). С 2017 г. – также член редколлегии литературно-просветительского альманаха «Возвращение» (Белгород).

Мурзин Дмитрий – поэт. Родился в г. Кемерово. Окончил математический факультет Кемеровского госуниверситета и Литературный институт имени А.М. Горького. Печатался в литературных журналах. Автор нескольких поэтических книг. Лауреат премии имени И. Киселева. Член Союза писателей России. Работает в литературном журнале «Огни Кузбасса». Живёт в Кемерово.

Орлова Василина – поэт, прозаик, публицист. Родилась в 1979 г. посёлке Дунай Приморского края. В 2003 году окончила философский факультет МГУ им. Ломоносова (специализация – немецкая классическая философия). В 2013 году защитила кандидатскую диссертацию «Метафизика свободы в немецкой классической философии». Работала в молодёжном отделе газеты «Российский избиратель», корреспондентом на телевидении (РТР), пресс-секретарём в международной общественной организации, в отделе информации и пропаганды жилищно-строительного кооператива, редактором сайта «Православие.ру», обозревателем по вопросам религии газеты «Московские новости».

Первая книга стихов «Одна живём» вышла в 1997 г., дебют в прозе состоялся в 2001 в журнале «Дружба Народов» (повесть «Голос тонкой тишины», журнальный вариант будущего романа «Зимний солнцеворот»). В 2003 г. в журнале «Москва» вышла повесть «Бульдозер». Книга прозы «Вчера» (2003) удостоена диплома премии «Хрустальная роза» Виктора Розова (2004). За ней последовали сентиментальный роман «Стать женщиной не позднее понедельника» (2005), сборник прозы «В оправдание воды» (2005), роман «Пустыня» (2006). Избранная проза (повесть «Бульдозер» и рассказы) переводилась на болгарский язык. Выступает также как публицист, преимущественно по темам, связанным с литературным процессом и религиозной жизнью в России. Публикуется в периодических литературных журналах («Новый мир», «Октябрь», «День и ночь» и др.), газетах («Литературная газета», «Московские новости», «Литературная Россия», «Независимая газета» и др.), альманахах и сборниках, а также в сетевых изданиях (на сайтах «Топос», «Пролог», «Православие.ru» и др.). Член Союза писателей России. Участник поэтического объединения

«Теплотрасса». Автор и исполнитель песен, выступала с группой «Василина» (вокал).

Ошевнев Фёдор – прозаик, публицист, журналист. Родился в 1955 году в городе Усмани Липецкой области. Окончил Воронежский технологический институт (1978-й) и Литературный институт имени А.М. Горького (1990-й). Двадцать пять календарных лет отдал госслужбе: в армии и милиции. Майор внутренней службы в отставке, участник боевых действий, ветеран труда. Член Союза журналистов России. Член Союза российских писателей.

Автор десяти книг: восьми прозы и двух публицистики, а также около двухсот журнальных публикаций прозы в различных изданиях, в том числе в Германии, Чехии, Бельгии, Финляндии, США, Австралии, Канаде, Израиле, Беларуси, Украине, ДНР, Казахстане, Узбекистане, Армении, Азербайджане, и в российской периодике.

Причислен к направлению «жестокое» реализма.

Награждён медалями «За ратную доблесть» (за создание повести на тему афганской войны «Да минует вас чаша сия»), «За отличие в охране общественного порядка» (по итогам командировки в Чеченскую Республику), «За отличие в воинской службе» I степени (по итогам командировки в Ингушетию) и другими; нагрудными знаками «Участник боевых действий», «За службу на Кавказе», «Знак Почёта ветеранов МВД».

Почётная грамота журнала «Новый свет» (Канада, Торонто) – «За творческое упорство и множественные публикации в литературной периодике».

Прашкевич Геннадий – прозаик, поэт, переводчик. Автор повестей и романов «Разворованное чудо», «Царь-Ужас», «Секретный дьяк», «Носорукий», «Кормчая книга», «Теория прогресса». Член Союза писателей СССР с 1982 года (Союза писателей России с 1992 года), Союза журналистов России с 1974 года, Нью-Йоркского клуба русских писателей с 1997 года, ПЕН-клуба с 2002 года. Заслуженный работник культуры РФ (2007), лауреат многочисленных премий, редактор издательства «Свинья и Сыновья» (Новосибирск), занимается переводами с многих языков мира.

Книги Геннадия Прашкевича переведены на многие языки и издавались в США, в Англии, в Германии, во Франции, в Польше, в Болгарии, в Югославии, в Румынии, в Литве, в Узбекистане, в Казахстане, на Украине и в других странах. Ряд произведений Прашкевича выходили под псевдонимами. Роман «Пятый

сон Веры Павловны» (написанный в соавторстве с Александром Богданом) номинировался на Букеровскую премию (2002). Перевёл, составил и издал на русском языке антологию современной болгарской поэзии «Поэзия меридиана роз» (1982); книгу стихов корейского поэта Ким Цын Сона «Пылающие листья» (в соавторстве с В. Горбенко), выдержавшую два российских издания и появившуюся на русском языке в Филадельфии и в Нью-Йорке; роман Бруно Травена «Корабль мёртвых».

Прокопьев Сергей – прозаик. Родился в 1952 г. в г. Куйбышевка-Восточная (ныне Белогорск) Амурской области. Окончил Казанский авиационный институт. Работал инженером в КБ ПО «Полет», главным редактором многотиражной газеты. Автор 18 книг прозы. Публиковался в журналах «Москва», «Сибирские огни», «Литературный Омск» и др. Член Союза писателей России. Живёт в Омске.

Пулинович Ярослава – драматург. Родилась в Омске в 1987 году. Живёт в Екатеринбурге. Стипендиат Союза театральных деятелей. Автор пьес «Карнавал заветных желаний» (вошла в шорт-лист фестиваля драматургии «Евразия – 2005»), «Учитель химии» (финалист литературной премии «Дебют», лауреат премии «Голос поколения» от Министерства культуры и кинематографии), «Мойщики» (лауреат фестиваля драматургии «Евразия – 2007», шорт-лист фестиваля «Новая драма»), «Наташина мечта» (лауреат премии «Дебют») и других. Пьесы Ярославы Пулинович публиковались в журнале «Урал» и сборниках «Всё будет хорошо», «Театр в Бойлерной», «Пьесы в Щельково», в книгах премии «Дебют» и др. изданиях, ставились в более чем сорока театрах России, а кроме того в театрах Англии, Польши, Украины, Эстонии, США. Лауреат премий «Голос поколения», «Дебют», «Евразия», «Новая пьеса» (в рамках «Золотой маски»), «Арлекин», «Текстура», «Долг. Честь. Достоинство» и др. По версии газеты «Moscow times», пьеса «Наташина мечта» входит в десятку лучших русских пьес начала XXI-го века.

Фильм, снятый по её сценарию, «Я не вернусь», удостоился специального упоминания на фестивале Трайбека 2014 в Нью-Йорке, получил главный приз фестиваля Film by the Sea (Влиссинген, Нидерланды, 2014 год), а также приз Президента Беларуси «За гуманизм и духовность в кино» на XXI Минском международном кинофестивале «Лістапад» (Минск, 2014 год). На Международном Кинофестивале фильмов о правах человека

«Сталкер» (Москва, 2014 год) сценарий «Я не вернусь» получил приз имени драматурга Валерия Фрида за лучший сценарий.

Сенин Игорь – поэт, публицист. Родился в Омске в 1962 г., закончил Омскую высшую школу милиции в 1983 г., работает преподавателем в Омском экономическом институте. Публиковался в сборниках «Витражи», «Мой любимый город», «Загадки души», «Поэтам серебряного века» (Москва), московских альманахах «Времена года», «Поют любовь вам ангелы-поэты», русскоязычном альманахе «Жемчужина» (Австралия), альманахах «Точка зрения», «Тарские ворота», «Иртыш-Омь» (Омск). Автор книг «Россия извечная» (2007), «Дорогая сердцу старина» (2018). Член редколлегии альманаха «Менестрель».

Сергеева Анастасия – поэт, критик. Родилась в Омске в 1987 году. Окончила специалитет и магистратуру филологического факультета ОмГУ им. Ф.М. Достоевского. Работает преподавателем в ОАБИИ. Участвовала в Омских областных семинарах молодых литераторов (в 2006 г. и 2012 г.), во Всероссийском семинаре молодых литераторов в г. Каменск-Уральский в 2007 году, во Всероссийском совещании молодых писателей в г. Сургут в 2009 году, в Международном совещании молодых писателей в г. Каменск-Уральский в 2013 году. Является членом литературного объединения при СПРФ. Стихи печатались в коллективных сборниках, журналах: «Привет, у нас уже весна!» (Омск, 1998), «Время на ощупь» (Омск, 2004), «Бабье лето – 3» (Омск, 2004), «Бабье лето – 4» (Омск, 2007), «Каменский семинар» (Екатеринбург, 2007), «Весна – это всех касается» (Омск, 2007), «Иду на честный разговор» (Омск, 2008), «Когда-нибудь мы встретимся» (Омск, 2011), «Можно коснуться неба» (Омск, 2012), «Литературный Омск», «Бизнес курс» и других. Победитель поэтического фестиваля «Край Творчества, Любви и Вдохновения» в номинации «Шанс для неизданных книг», проводимого в рамках VII областных чтений им. В. Макарова (Большеречье). Авто книги стихов «Прошлое и настоящее» (2017). Заместитель главного редактора альманаха «Менестрель».

Соснов Дмитрий – поэт, родился в 1973 году в Омске. Окончил юридический факультет ОмГУ. Первая публикация состоялась в газете «Омский университет» (ОмГУ). Стихи печатались в альманахах «Иртыш», «Складчина», в журналах «Омская Муза», «Пилигрим», «Виктория», «Точка зрения», «Тарские ворота», «Иртыш-Омь»,

«Литературный ковчег». Автор книг стихов «Время земного преображения» (1999), «Горизонты души» (2004), «Ожидание встречи» (2006), «Гравитация любви» (2010), «Восхождение» (2012), «Игра в четыре руки» (2013), «Высота» (2014), «Небо на земле» (2016). В 1998-99 годах возглавлял независимое ЛИТО ОмГУ «Четырёхлистник», работал редактором-организатором журнала «Пилигрим». Член редколлегии альманаха «Менестрель».

Таран Иван – поэт, публицист, издатель. Живёт в Омске. Автор ряда публикаций в российской и зарубежной периодике. Главный редактор альманаха чистой поэзии «Северный крест».

Федоровский Игорь – поэт, прозаик, журналист. Родился в Омске в 1988 году. В 2006 году окончил школу №8, в 2011 – филологический факультет ОмГУ им. Ф.М. Достоевского. Играл в студенческом народном театре «Поиск». Публиковался в коллективных сборниках «Что за чудо этот Омск!» (Омск, 2006), «Моё имя» (Омск, 2006), «На первом дыхании-4» (Омск 2007), «Иду на честный разговор» (Омск, 2008), «...И зал взорвётся возгласами: «браво!» (Омск, 2010), альманахах «Складчина», «Вольный лист», «Трёхколёсный велосипед», журналах «Вестник Омского университета», «Виктория», «Пилигрим», «Омская муза», «Иртыш-Омь», «День и Ночь» (Красноярск), «Литературный меридиан» (Арсеньев), «Журнал литературной критики и словесности», сборнике, посвящённом творческому наследию А.П. Кутилова (Омск, 2008), газетах «Омский университет», «Литературный дом», «Красный путь», «Омское время», «Рампа». В 2007 году издал первую поэтическую книгу «Восьмая нота» (Омск, 2007), которая была удостоена памятного подарка премии Ф.М. Достоевского (2007 год). В 2009 году издал первую прозаическую книгу «Научите меня плакать», удостоенную Главной премии имени Ф.М. Достоевского. Являлся членом редколлегий журнала «Пилигрим» и «Вольный лист». Входит в Литературный клуб «Погреб».

Фещенко-Скворцова Ирина – переводчик. Окончила Волгоградский государственный педагогический университет. Кандидат педагогических наук, доцент, более 60 научных публикаций. Занималась проблемами творчества, языка и культуры. Поэт, эссеист, автор пяти поэтических сборников, литературоведческих статей, эссе об искусстве. Член Союза российских писателей, международного союза писателей. Автор многих альманахов поэзии России и Украины,

антологий («Поэзия третьего тысячелетия», по итогам литературного конкурса «Согласование времён 2009»), зарубежных альманахов («Встречи» №30 Филадельфия; «Стороны света» №9). Лауреат конкурса «Вся королевская рать» (литературно-критическая статья).

Живёт в Португалии с 2003 года. В 2008 году подтвердила учёную степень в португальском университете, участвовала в трёх научных конференциях. По материалам своего выступления на международном коллоквиуме «Триумфальный день Фернандо Пессоа» (2014 г., Лиссабон) опубликовала статью в журнале «Иностранная литература» (№7, 2015 г.). Опубликовала ряд статей о творчестве португальских поэтов – классиков и современных авторов, («Новый мир», №8, 2016; «Иностранная литература» № 9/2012, 7/2015, 4/2017 и др.). В её переводе вышли книги: поэзия Антонио Нобре «Мельник ностальгии» («Водолей», 2013 г), главная книга прозы Фернандо Пессоа «Книга непокоя» (Ад Маргинем Пресс, 2016 г.), антология португальской поэзии XV–XX веков «Лузитанская душа» («Водолей», 2017).

Хохлов Игорь – поэт, критик. Родился в Омске 4 января 1990 года. Окончил Омский авиационный колледж в 2010 году, по специальности – программист, и ОмГУ им. Ф.М. Достоевского в 2015 году (специальность – историк). Литературный редактор, член редколлегии и менеджер по связям с общественностью журнала «Иртышъ-Омь» (Омск). Член Союза российских писателей. Автор сборников стихотворений «Трепетный родник» (Омск, 2009 г.), «Единение» (Омск, 2010 г.), «А искренность – угловата...» (Омск, 2013 г.), «Вдох продолжает выдох» (Омск, 2015 г.), участник областного молодёжного литературного семинара «Я вижу мир через себя» (Омск, 2009 г.), семинара поэзии, прозы и критики «ПарОМ» (Омск, 2011, 2013, 2014 гг.), XI, XII и XV Форумов молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья в Липках-Звенигороде (2011-2012, 2015 гг.), I Семинара молодых писателей Урала, Сибири и Дальнего Востока (Томск, 2015 г.). Ведущий секции поэзии семинара «ПарОМ» (Омск, 2015 г.) За сборник стихотворений «А искренность – угловата...» был удостоен звания лауреата литературной премии им. Ф. М. Достоевского. Стихотворения и критика печатались в журналах «День и Ночь» (Красноярск), «Волга-XXI век» (Саратов), Ното Legens (Москва), «Дальний Восток» (Хабаровск), «После 12» (Кемерово), «Молодежная волна» (Самара), «Литературный

меридиан» (Арсеньев), «Северо-Муйские огни» (Северомуйск), сборниках, изданных по итогам XII и XV Форумов молодых писателей в Липках-Звенигороде «Новые писатели», московской газете «Интеллигент», альманахе «Реванш» (Прага), омских коллективных сборниках, журналах и альманахах: «Складчина», «Тарские ворота», «Иртышъ-Омь», «Менестрель», «Когда-нибудь мы встретимся», «Можно коснуться неба», «Водолей», «Точка зрения», «Откровение», «Серебряный город-2», «Литературный ковчег» и др., Интернет-журналах «Литература» и «Пролог». Член редколлегии альманаха «Менестрель».

Чичибабин Борис – русский поэт. Родился в январе 1923 года в Кременчуге. В жизни носил фамилию Полушин. Печатался под фамилией матери. В 1942 году был призван в армию. В 1945 году поступил на филфак Харьковского университета. Спустя год был арестован и приговорён к пяти годам лагерей. Срок отбывал в ВЯТЛАГе. На свободу вышел в 1951 году. Работал в Харьковском трамвайно-троллейбусном парке.

Первая публикация стихов – в журнале «Знамя» в 1958 году. Первый сборник «Молодость» выпустил в 1963 году в Москве. В 1968 году власть закрыла руководимую им литстудию. В 1973 г. был исключён из рядов Союза писателей СССР. На страницы печати вернулся лишь в 1987 году. В 1990-м стал лауреатом Государственной премии СССР за сборник «Колокола». Скончался 15 декабря 1994 г.

Школьников Антон – поэт. Родился 1988г в г. Омске. Жил в деревне Михайловка Саргатского района. Окончил факультет гуманитарного образования ОмГТУ по специальности «Дизайн». С момента окончания работает по специальности и не только. Посещал литературную мастерскую ОмГТУ, является членом литературного объединения при СПРФ. Участвовал в Омских областных семинарах молодых литераторов (в 2008 и 2017 г.), во Всероссийском совещании молодых писателей в г. Сургут в 2009 году. Стихи печатались в коллективных сборниках, журналах, газетах: «Когда-нибудь мы встретимся» (Омск, 2011), «Связанные любовью» (Саргатское, 2014), «Литературный Омск», «Омское время» и других. Лауреат литературной премии «В поисках правды и справедливости» в номинации «Поэзия», учреждённой партией «Справедливая Россия» (2018 г.)

Менестрель

Литературно-художественный альманах

№ 9

18+

Ответственность за содержание и достоверность сведений, предоставленных для опубликования, несут авторы. Редакция не несёт ответственности за содержание предоставленного материала.

В оформлении обложки использована картина Альфонса Мухи «Печатание Кралицкой Библии в Иванчицах».

Редколлегия «Менестреля» благодарит за бескорыстную помощь в издании 8 выпуска альманаха ООО «Глобал Нетворкс», а также Даниеля Якобсона (Берлин, ФРГ), Анну Коржавину (Пушкино), Елену Острых (Новокузнецк), Екатерину Артман (Омск), Ивана Денисенко (Санкт-Петербург), Наталью Чернышову-Мельник (Санкт-Петербург), Анну Шайдурову (Новосибирск).

Подписано к печати 01.06.2018. Формат бумаги 60x84 /8.

Печать оперативная. Усл. печ. л. 16,5. Тираж 300 экз.

Издательство «Акцент»

644043, г. Омск, ул. Лермонтова,8.
